

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Васильев С.К., Деревянко А.П., Маркин С.В. Фауна крупных млекопитающих финала сартанского времени Северо-Западного Алтая (по материалам пещеры Каминной)	2
Дроздов Н.И., Чеха В.П. Развитие природы Таймыра в позднем неоплейстоцене – голоцене и мамонтовая фауна Сакса А.И. Карельский перешеек: формирование природного и историко-географического ландшафта	23
	35

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.Д., Шараборин А.К., Алексеева Л.Л. Погребение юмыяхтакского воина в местности Кёргюген	45
Асеев И.В. Культовые объекты на неолитической стоянке в устье р. Эльген как отражение шаманистских воззрений древнего населения Приольхонья	53
Грушин С.П. О происхождении некоторых элементов орнамента на бронзовых предметах сейминско-турбинского типа	61
Иванова М.Г., Журбин И.В. Опыт междисциплинарных исследований древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII веков	68
Новицких А.М., Трифонов В.А. Зооморфное навершие из Анапского музея	80
Кубарев В.Д., Забелин В.И. Ави фауна Центральной Азии по древним рисункам и археолого-этнографическим источникам	87

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

Маточкин Е.П. Петроглифы Зелёного озера – памятник эпохи бронзы Алтая	104
---	-----

ЭТНОГРАФИЯ

Шелегина О.Н. Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века)	116
Фурсова Е.Ф. Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX – начала XX века	126
Васильевский И.Р. О ритуальном календаре и верованиях в дохристианской Руси (по археологическим материалам кургана Черная Могила)	137

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

Северо-Западный Алтай: четыре времени года

Весна. Православие на Алтае. Старая и новая вера на переломе времен	145
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Юрий Федорович Кирюшин	157
------------------------	-----

СООБЩЕНИЯ

Всероссийский археологический съезд “Современные проблемы археологии России”	159
--	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
-------------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 902

С.К. Васильев, А.П. Деревянко, С.В. Маркин

Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

ФАУНА КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ФИНАЛА САРТАНСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ (по материалам пещеры Каминной)*

Введение

Многочисленные палеолитические памятники, открытые в различных орографических областях Алтая, от предгорий до внутренних межгорных впадин, существенно различаются по полноте изученности. Большая часть стоянок в предгорных районах пока не имеет геолого-стратиграфического, биостратиграфического и хронометрического обоснований. Компактно расположенные многослойные открытые (Ануй II, Усть-Каракол I и др.) и пещерные объекты (Денисова, Окладникова, Искра) в горной части Северо-Западного Алтая, прежде всего в долине р. Ануй, исследуются в рамках комплексной программы по изучению палеосреды и культуры древнего человека, основанной на современных методиках анализа [Природная среда..., 2003].

Пещера Каминная, высота которой составляет 1 100 м над ур. м., в отличие от других палеолитических стоянок в бассейне Ануй, расположена в средневысотном эрозионном среднегорье, рельеф которого вблизи пещеры характеризуется слаборасчлененными плоско-увалистыми аккумулятивными формами, сочетающимися с резко врезанными склонами долин водотоков. Пещера юго-восточной экспозиции представляет собой широкий в приустьевой части грот и примыкающую к нему под углом узкую галерею, пог-

ребенную в конце рыхлыми породами. Эндогенная часть пещеры образована карстовыми потоками. Моделирование грота происходило под влиянием водной среды и внешних факторов, обусловленных суточными и сезонными колебаниями температур. Первое зондирование полости произведено в 1982 г., стационарное изучение проводилось в 1984–1990 и 1995–2004 гг. [Деревянко, Гричан, 1990; Археология, геология..., 1998].

Археологические материалы выявлены во всех стратиграфических подразделениях рыхлого заполнителя, кроме аллювиальных пород. Индустрин из осадков, подстилающих сартанскую толщу, демонстрируют леваллуазскую, радиальную и параллельную технологии расщепления пород с производством скребел, ножей, анкошей и зубчатых изделий. Для материалов сартанского времени характерны прежде всего признаки верхнепалеолитических техники раскалывания (призматическое расщепление сырья, в т.ч. элементы микропластиначатых технологий) и типологии артефактов (скребки, редкие резцы, проходки, необычные долотовидные формы изделий, отщепы и пластины со следами ретуши, пластиинки и микропластиинки с притупленным краем, единичные бифасы). Кроме того, здесь представлены разнообразные параллельные и леваллуазские ядрища, скребла, ножи с искусственно сделанным обушком, выемчатые и зубчатые орудия. В качестве сырья для производства артефактов использовались преимущественно вулканические, осадочные породы, яшмоиды, роговики, выходы которых обнаружены недалеко от пещеры [Кулик, Маркин, 2001]. Из костяных изделий показательны овальные и округлые в сечении

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 04-01-00528а) и СО РАН (интеграционная программа “Эволюция природных процессов, человека и его культуры в позднем кайнозое Сибири и их влияние на стабильность эко- и геосистем”).

Таблица 1. Количество костных остатков в плеистоценовых отложениях в Каминной пещере, экз.

Таксоны	Спом																		
	10а	10В/3	10В/4	10г	10д	11а	11б	11в	11г	12	13	14	14а	14б	14а/1	14б/1	15/1	15/2	16ж
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
<i>Chiroptera</i>	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Asioscalops altaica</i>	—	—	—	7	—	27	32	30	8	3	2	2	—	1	—	—	—	—	—
<i>Lepus cf. tanaiticus</i>	1	—	—	—	—	5	16	1	3	—	—	—	—	2	1	1	—	—	—
<i>Lepus tolai</i>	5	1	—	2	—	30	39	11	8	1	6	1	—	—	—	—	—	—	—
<i>Ohotona</i> sp.	—	—	—	—	—	5	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Citellus</i> sp.	3	—	1	1	—	59	67	65	11	4	3	3	—	—	2	—	—	—	—
<i>Marmota baibacina</i>	15	1	1	17	—	30	79	48	26	12	14	5	3	7	5	4	1	—	—
<i>Cricetus</i> sp.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>M. myospalax</i>	—	—	—	—	—	20	19	33	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Microtus</i> sp.	1	—	—	—	—	11	132	236	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Vulpes vulpes</i>	—	—	—	—	—	2	8	8	—	1	—	1	—	—	—	—	—	1	—
<i>Canis lupus</i>	1	—	—	—	—	12	12	11	9	—	1	4	1	—	2	—	—	—	—
<i>Ursus arctos</i>	—	—	—	—	—	1	1	1	2	—	1	—	—	—	—	—	—	2	—
<i>Mustela nivalis</i>	—	—	—	—	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Martes zibellina</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Meles meles</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Gulo gulo</i>	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Crocuta spelaea</i>	4	—	—	—	—	18	28	17	14	—	—	—	—	7	—	8	2	3	1
<i>Panthera spelaea</i>	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Lynx lynx</i>	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—
<i>Felis manul</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Mammuthus primigenius</i>	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	5	1	—	8	—	33	53	59	53	2	—	1	—	—	14	17	1	—	—
<i>Equus (E.) ferus</i>	3	9	1	16	—	40	65	45	75	6	2	11	1	27	8	—	2	—	—
<i>E. ex.gr. hyrcanus</i>	—	—	—	—	—	—	—	1	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Alces alces</i>	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—

Окончание табл. 1

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
<i>Cervus elaphus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	11	2	—	1	1	—	4	1	1	—	—	1
<i>Capreolus pygargus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	1	6	1	—	2	4
<i>Poëphagus mutus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Bison priscus</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	24	17	23	—	—	5	7	5	2	—	—	—
<i>Bison-Poëphagus</i>	6	—	1	—	—	1	20	18	24	14	3	—	—	7	—	31	12	1	1	—
<i>Saiga borealis</i>	—	13	2	4	17	1	24	53	39	26	12	3	14	1	13	9	4	2	1	1
<i>Capra sibirica</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	9	11	10	22	7	1	—	3	1	—	1	1
<i>Ovis ammon</i>	—	15	—	—	—	—	—	—	29	101	21	85	5	30	13	—	50	17	1	—
<i>Capra-Ovis</i>	3	—	—	—	—	—	—	—	5	—	20	39	31	6	1	—	—	—	—	—
Неопределенные обломки	354	43	54	295	7	1 270	2 583	2 458	1 141	115	97	381	52	746	417	389	158	16	92	
Всего костных остатков	429	61	62	388	9	1 671	3 395	3 206	1 559	176	161	480	70	930	504	414	174	16	100	

иглы, орудия с уплощенным основанием, украшения из клыков животных. Археологические материалы из отложений 9–1 характеризуют этапы заселения пещеры от эпохи неолита и до времени сложения традиционной культуры современных этносов.

Формирование сартанских пещерных отложений, судя по микротериологическим данным, происходило в условиях разнообразных открытых ландшафтов, где доминировали сухие остеиненные участки. В составе фауны мелких животных большинство видов принадлежит представителям степной (*Lagurus lagurus*, *Microtus gregalis*, *Myospalax myospalax*, *Marmota* sp. и др.) и горно-степной (*Alticola strelzowi*, *A. macrotis*) адаптации [Дупал, 2004].

По отложениям пещеры, относящимся к 12,2–10,3 тыс. л.н., реконструируется несколько фаз в развитии растительности и климата среднегорной части Северо-Западного Алтая, которая находилась в зоне распространения и последующей миграции степного, лесостепного и лесного поясов растительности. Ни тундровые, ни тундрово-степные или тундрово-лесостепные перигляциальные формации в качестве зональных образований никогда не достигали района расположения пещеры Каминной, а именно долины р. Каракол и прилегающих водоразделов, тогда как *Betula fruticosa*, *B. sect. Nanae*, *Alnaster fruticosus*, *Botrychium boreale* и другие холодостойкие виды почти постоянно участвовали во флоре стадиальных и межстадиальных интервалов. Совместное присутствие в автохтонных палиноспектрах пыльцы *Alnus glutinosa* и микротермных широколиственных пород – липы сибирской (*Tilia sibirica*) и вяза гладкого (*Ulmus cf. laevis*), не произрастающих в условиях современного межледникового климата в регионе, и сходных по сохранности микроостатков криофитов свидетельствует о рефугиальной природе растительности Алтая [Болиховская, Маркин, 2002].

Первоначальные определения остатков крупных млекопитающих, обнаруженных в плейстоценовой толще пещеры в 1983–1988 гг., выполнены Н.Д. Оводовым. Им установлено присутствие следующих таксонов: *Lepus cf. timidus*, *Marmota baibacina*, *Canis lupus*, *V. vulpes*, *Ursus arctos*, *Crocuta spelaea*, *Felis lynx*, *Coelodonta antiquitatis*, *Equus* sp., *Cervus elaphus*, *C. capreolus*, *A. alces*, *Bison aut Poëphagus*, *Ovis aut Capra* [Деревянко, Гричан, 1990]. Часть материалов, обнаруженных в 1995–1997 гг., определялась И.В. Фороновой [Деревянко и др., 1999]. В настоящей статье анализируются остеологические материалы, собранные в пещере в 1995–2003 гг., а также часть остатков, полученных ранее из отложений на предвходовой площадке, стратиграфически соответствующих слоям 11б – 11г во внутренней части пещеры. В обработанной коллекции оказалось немало остатков мелких млекопитающих, не рассматриваемых в настоящей статье.

Исследованиями установлено наличие в плейстоценовых отложениях в Каминной пещере представителей восьми отрядов *Mammalia: Insectivora, Chiroptera, Lagomorpha, Rodentia, Carnivora, Proboscidea, Perissodactyla, Artiodactyla*, относящихся как минимум к 33 таксонам (табл. 1). В приведенном ниже обзоре кратко охарактеризованы костные остатки 25 видов и подвидов млекопитающих.

Стратиграфия и хронология пещерных отложений

Мощность рыхлых пород в Каминной пещере достигает 8 м, из которых 7 м приходится на долю плейстоценовых осадков. Начальная стадия заполнения пещеры связана с образованием пойменных аллювиальных отложений (слой 20) в виде тонкослоистых суглинков и глин. Выше по разрезу следует слой 19 (гравийно-мелкогалечниковые породы) русловой фации ручья, протекающего вблизи карстовой полости. Перекрывает осадок слой (18) тонкослоистого суглинка пойменного аллювия. Далее фации аллювиальных образований, перекрывающие суглинки слоя 18 и в некоторых местах “приподнятые” коренные породы дна пещеры представлены: гравийно-мелкогалечниковым материалом (слои 17, 16к), линзами среднезернистых песков (слои 16з, 16и), крупнозернистыми песками (слой 16ж), пластичными тонкослоистыми глинами (слой 16е), гравийно-мелкогалечниковыми породами с песчаным заполнителем (слой 16д), переслаивающейся толщей пестроцветных тонкослоистых суглинков, плотных глин и супесей, включающей дресву и гравий (слой 16г), чередующимися прослойями суглинков и тонкозернистых супесей (слой 16в), гравийно-галечниковыми образованиями с песчаным и алевритистым заполнителем (слой 16б), мелкогалечно-гравийными осадками с песчаным заполнителем (слой 16а). Следующий цикл осадконакопления отражают вышележащие суглинки, формирующие субаэральную часть разреза. Начало седиментации совпадает с образованием пород слоев 15 (слабопористый суглинок с включением дресвы и гравия), различающихся по оттенку заполнителя и объему гравийных линз (слои 15/1, 15/2, 15/3). Граница двух первых подразделений по ряду признаков определяется как поверхность перерыва в процессе седиментации слоя. Далее по разрезу (с временным перерывом в осадконакоплении) следуют суглинистые образования (слои 14а/1 и 14б/1), перенасыщенные дресвой и крупными обломками грубого материала, в котором выработана пещера. Выше этих осадков в пещере законсервированы отложения (слои 14а, 14б, 12, 13, 11а, 11б, 11в, 11г) внешне суглинистого облика, включающие продукты дезинтеграции известня-

ка и разнообразный по минералогическому составу материал, который поступал в пещеру с внешней поверхности. Отложения либо залегают на коренных породах дна пещеры, либо консервируют монолиты рухнувшего свода (результат сейсмической активности, спровоцировавшей разрушение естественных полостей), либо перекрывают с временным перерывом среднюю часть субтерральной толщи (слои 14а/1 и 14б/1). Во время завершения аккумуляции осадков слоев 11 в левой части пещеры произошел их размыв; он представлен структурами с гумусированными отложениями (слои 10в/1 – 10в/4, 10г). Одна из структур, возможно, содержит следы (суглинистый осадок слоя 10д) мерзлотной деформации. Эти породы перекрываются суглинистыми образованиями слоя 10а. Последний цикл осадконакопления связан с формированием тонкослоистых пород (различные подразделения слоев 9–1), представляющих собой чередование бежевых фосфатосодержащих и серых гумусированных супесей.

Проведенные палеомагнитные исследования нижней части разреза выявили зоны прямой и обратной полярности. Обратная намагниченность приурочена к границам слоев 14б/1 и 15/1, 15/2 и 16а. Однако сравнение с международной базой данных DRAGON, по мнению К.А. Чиркина, не позволяет сделать прямое сопоставление полученных показателей с имеющимися координатами виртуальных магнитных полюсов для различных событий в истории магнитного поля земли. Не уточняет возраст осадков и радиоуглеродная дата для слоя 14а/1 со значением > 40 тыс. л.н. (АА-38041). Время образования вышележащих прямо намагниченных суглинков, соответствующих слоям 14а – 11а, приходится на сартанские события верхнего неоплейстоцена. Об этом свидетельствуют многочисленные радиоуглеродные даты (слой 14б – 15 350 \pm ± 240 л.н. (СО АН-3923), 14а – 14 550 \pm 230 л.н. (СО АН-3922), 13 – 14 120 \pm 95 л.н. (СО АН-3921), 12 – 13 870 \pm 390 л.н. (СО АН-3920), 11г – 13 550 \pm 140 л.н. (СО АН-3919), 11в – 12 160 \pm 225 л.н. (СО АН-3918), 11б – 10 860 \pm 360 л.н. (СО АН-3514), 11а (средняя часть) – 10 870 \pm 150 л.н. (СО АН-3702), 11а (кровля) – 10 310 \pm 330 л.н. (СО АН-3402)), установленные по остаткам древесного угля и костям крупных млекопитающих. Для слоя 11в по двум фрагментам зуба шерстистого носорога получена дата > 41 тыс. л.н. (АА-38045), а для слоя 11б по фрагменту кости крупного млекопитающего определена дата со значениями 21 530 \pm 690 л.н. (СО АН-3917). Эти образцы, представляющие, очевидно, нижележащие отложения, возможно, спроектированы на поверхность, сформированную в сартанское время в результате деятельности норных животных или человека. Даты, полученные по фрагментам эмали зубов шерстистого носорога и трубчатых костей крупных животных для слоев 10в/2 – 13 850 \pm

± 140 л.н. (АА-38042), 10в/3 –> 39 400 л.н. (АА-38043) и 10в/4 – 13 920 ± 130 л.н. (АА-38044), противоречат относительной хронологии осадков Каминной пещеры и свидетельствуют о переотложении датируемого материала из ее глубины слаботекущим водным потоком. Уточним, что свита слоев 10в/4 – 10в/1 заполняет гумусированные структуры, вложенные в отложения слоев 11 в результате их размыва. Стратиграфические наблюдения свидетельствуют, что размыв этой части осадков произошел после завершения их аккумуляции (судя по дате кровли слоя 11а, 10 310 ± 330 л.н.). Для средней части слоя 10а имеются две радиоуглеродные даты: 8 850 ± 120 л.н. (СО АН-3700) и 8 685 ± 100 л.н. (СО АН-3701), относящие осадок к раннему голоцену. Радиоуглеродная хронология слоев 9–1 основана на многочисленных датах, возрастной диапазон которых охватывает от 5 860 ± 75 л.н. до 410 ± 65 л.н. [Орлова, 1995; Археология, геология..., 1998; Маркин и др., 2001].

Систематический обзор видов

Lepus cf. tanaiticus (Gureev, 1964). Судя по сохранившимся остаткам, заяц, сходный с донским, встречался в окрестностях пещеры в 3 раза реже, чем заяц-толай. Отсутствие в сбоях диагностичной нижней челюсти затрудняет точное видовое определение. Размеры немногих пригодных для измерений костей посткра-

ниального скелета свидетельствуют о его сходстве как с позднеплейстоценовым *L. tanaiticus*, широко распространенным от Восточной Европы до Восточной Сибири, так и с современным зайцем-беляком – *L. timidus* [Кузьмина, 1971; Аверьянов, Кузьмина, 1993; Аверьянов, 1995]. Ширина *collum scapulae* 7,2 мм, максимальная ширина дистального конца 13 мм, длина/поперечник суставной впадины 12,8/11,5 мм. Ширина двух дистальных отделов плечевой кости 11,8 и 12,8 мм, медиальный поперечник 8,5 и 9,5 мм, поперечник в желобе в обоих случаях 6,3 мм. Три нижних конца *tibia* имеют ширину/поперечник 15,8; 15,2; 14,7/9,9; 9,5; 10,4 мм.

Lepus tolai (Pallas, 1778). Кости зайца-толая отмечены в слоях 10а – 14а. Почти все они отличаются хорошей сохранностью; отмечен лишь 1 экз. со следами кислотной коррозии. Остатки толая попадали в пещерные отложения, вероятно, в основном из распавшихся погадок хищных птиц. На единственном фрагменте *mandibula* удалось измерить высоту перед *P₂* (11,2 мм) и длину диастемы (15,8 мм). В табл. 2 морфометрически охарактеризовано большинство элементов посткраниума *L. tolai* сартанского времени Горного Алтая.

Vulpes vulpes (Linnaeus, 1758). Все имеющиеся остатки лисицы представлены фрагментами зубов и костей посткраниального скелета, не пригодными для морфометрического анализа. Удалось измерить

Таблица 2. Размеры костей конечностей *Lepus tolai* из Каминной пещеры, мм

Промеры	n	lim	M	Промеры	n	lim	M
Scapula:				Pelvis:			
Ширина шейки лопатки	5	5,1–5,7	5,44	Длина суставной поверхности	7	8,5–10,7	9,67
» нижнего отдела	3	9,2–10,7	10,0	Ее поперечник	7	8,5–9,2	9,00
Длина суставной поверхности	3	9,1–10,6	9,90	Ширина <i>ilium, min</i>	7	7,2–8,0	7,77
Ее поперечник	4	7,9–9,7	8,65	Femur:			
Humerus:				Ширина нижнего конца	2	14,7–14,8	14,8
Ширина верхнего конца	1	–	13,5	Его поперечник	2	13,4–14,3	13,9
Его поперечник	1	–	15,4	Tibia:			
Ширина диафиза	1	–	4,5	Ширина нижнего конца	1	–	11,3
Его поперечник	1	–	5,5	Его поперечник	1	–	6,7
Ширина нижнего конца	3	8,9–9,0	8,97	Astragalus:			
Его медиальный поперечник	2	6,5–6,8	6,65	Длина кости	2	11,4–11,7	11,6
Поперечник в желобе	3	4,8–5,0	4,90	Ширина суставного блока	2	5,6–6,2	5,9
Radius:				Calcaneus:			
Ширина верхнего конца	1	–	6,7	Длина кости	2	24,8–25,1	25,0
Его поперечник	1	–	4,5	Ширина нижнего отдела	2	9,5–9,9	9,70
Ширина нижнего конца	1	–	7,9	Его поперечник	2	8,6–8,8	8,70
Его поперечник	1	–	4,2	Ширина диафиза	2	4,5–5,2	4,85
				» <i>tuber calcanei</i>	2	5,6–6,0	5,80
				Его поперечник	2	4,8–5,0	4,90

лишь диаметр головки бедренной кости (12,8 мм) и поперечник дистального отдела плечевой кости в жёлобе (9 мм). Судя по величине имеющихся фрагментов костей и зубов, все они относятся к обыкновенной лисице; обломков, сходных по размерам с *Vulpes corsak* или *Alopex lagopus*, известных из отложений Денисовой пещеры [Природная среда..., 2003], в слоях Каминной пещеры не обнаружено.

Canis lupus (Linnaeus, 1758). По числу костных остатков среди Carnivora волк уступает только пещерной гиене. Преобладают изолированные зубы и их фрагменты, обломки костей дистальных отделов конечностей. Судя по единичным промерам зубов верхней и нижней челюсти, сартанский *C. lupus* существенно не отличался от современного западно-сибирского *C. l. lupus*. Лишь Р₃ имел более мелкие размеры, на уровне минимальных показателей для волков современной популяции (табл. 3). Еще более крупные размеры зубов характерны для *C. lupus* из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры [Там же]. Костей посткраниального скелета, пригодных для измерений, сохранилось немного. Фрагмент дистального отдела плечевой кости имеет поперечник в желобе 14,7 мм, а проксимальная половина МС IV ширину/поперечник верхнего конца и диафиза – 8,7/14,2 и 7,7/6,7 мм соответственно. В слое 11г обнаружен обломок метаподии со следами сросшегося перелома в нижней трети диафиза.

Ursus arctos (Linnaeus, 1758). Кости бурого медведя в отложениях пещеры представлены единично. Преобладают элементы дистальных отделов конечностей. Из слоя 146 известна 1-я фаланга со следами

сильной кислотной коррозии; очевидно, останки погибшего медведя были съедены пещерными гиенами. В слое 11в обнаружен обломок верхнего клыка, длина эмалевой части коронки которого 24 мм, диаметр коронки на выходе из альвеолы 18,5/14,7 мм. Целиком сохранились 3-я плюсневая кость, две первые фаланги и большая берцовая кость из слоя 15/2, возраст которого, судя по дате перекрывающего осадка, > 40 тыс. лет. Все перечисленные остатки принадлежали крупным особям *U. arctos* (табл. 4).

Mustela nivalis (Linnaeus, 1766). Кости ласки найдены в слоях 11а и 11в. В сборах представлены исключительно проксимальные отделы плечевой кости. Ширину верхнего конца *humerus* удалось промерить лишь на одном экземпляре – 5 мм при поперечнике 4,2 мм; у трех остальных поперечник составил 5,2; 5 и 5 мм. В плейстоценовых отложениях Денисовой пещеры Г.Ф. Барышниковым по фрагментам нижней челюсти установлено присутствие двух форм ласки – мелкой, близкой к современной западно-сибирской *M. n. nivalis*, и крупной, сходной с *M. n. stoliczkanai*, распространенной ныне в аридной зоне Центральной Азии [Там же].

Martes zibellina (Linnaeus, 1758). От соболя известен единственный левый M^1 из слоя 11в. Его размеры (длина 6,1, ширина 8,3 мм) заметно превышают величину 1-го верхнего моляра у современного *M. zibellina*, но существенно меньше, чем у голоценовой лесной куницы *M. martes* Барабинской лесостепи (6,4–7,0–7,7 и 8,3–9,1–10 мм, $n = 9$). Немногочисленные остатки соболя найдены также в плеистоценовых слоях Денисовой пещеры [Там же].

Таблица 3. Размеры зубов *Canis lupus*, мм

Промеры	Каминная пещера	Денисова пещера [Природная среда..., 2003]			Юг Западной Сибири, современность			
		n	lim	M	n	lim	M	
P ³ :								
Длина коронки	17,4	—	—	—	17	13,8–17,5	15,6	
Ширина »	7,2	—	—	—	17	5,5–8,1	6,9	
P ₃ :								
Длина »	12,5	—	2	14,9–15,3	15,1	21	12–14,8	13,6
Ширина »	6,2	—	2	6,4–7,0	6,7	20	5,4–8,0	6,4
P ₄ :								
Длина »	15,5	15,8	2	15,4–17,0	16,2	21	13,3–17	15,7
Ширина »	8,0	7,8	2	7,4–7,9	7,7	21	6,2–8,8	7,7
M ₁ :								
Длина »	27,8	—	1	—	29,7	21	24,5–31,5	28,3
Ширина »	11,1	—	3	11,2–11,4	11,3	21	9,9–13,2	11,2
M ₃ :								
Длина »	6,1	—	2	5,0–5,8	5,4	7	5,6–6,5	6,1
Ширина »	6,2	—	3	4,5–5,3	5,0	7	5,2–6,0	5,7

Таблица 4. Размеры костей конечностей *Ursus arctos* из Каминной пещеры, мм

Промеры	Tibia	MT III dex	Phalanx I (задние)	
			IV sin	V dex
Длина кости	290,0	81,5	49,0	44,4
Ширина верхнего конца	73,0	19,7	24,8	23,5
Его поперечник	76,0	31,0	19,0	17,3
Ширина диафиза	31,0	16,2	16,0	16,8
Его поперечник	36,0	14,5	—	—
Ширина нижнего конца в надсуставных буграх	70,7	21,2	18,5	17,8
То же в суставе	—	18,5	16,9	15,5
Поперечник нижнего конца	40,5	18,0	12,4	10,0

Meles meles (Linnaeus, 1758). Фрагменты костей барсука найдены в слоях 14а, 14б, 14а/1. Из имеющихся обломков посткраниального скелета для измерений оказались пригодными диафиз плечевой кости из слоя 14б/1 (ширина/поперечник 12,3/13 мм) и дистальный отдел humerus из слоя 14а, (ширина 31,3 мм, то же в суставном блоке – 20 мм, латеральный поперечник 15 мм, поперечник в желобе 9,2 мм). Остатки принадлежали *M. meles* на уровне крупных современных представителей этого вида.

Gulo gulo (Linnaeus, 1758). Единственная находка – кость запястья (radiointermedium) – обнаружена в слое 11б. Ее размеры (длина/поперечник в проекции на ось кости 22/19,5 мм, поперечник без выступа 13,4 мм) указывают на принадлежность к очень крупной особи росомахи.

Crocuta spelaea (Goldfuss, 1810). Пещерная гиена занимает заметное место в тафоцензе Каминной пещеры и является самым многочисленным представителем Carnivora: доля ее остатков достигает 4,6 % от числа всех определимых костей крупных млекопитающих. Среди остатков гиены 83,5 % составляют зубы и их фрагменты. Из костей посткраниального скелета целиком сохранилась одна пястная кость и несколько 1-х и 2-х фаланг. Явных следов кислотной коррозии на костях и зубах *C. spelaea*, указывающих

на возможность каннибализма, в Каминной пещере, в отличие от Денисовой [Там же], не отмечено. По классификации Г.Ф. Барышникова [2005], Каминная пещера имеет почти все признаки временного или сезонного убежища пещерных гиен.

Длина целой правой МС IV составила 94 мм, ширина/поперечник верхнего конца 13,5/21,5 мм, диафиза – 11,9/10,1 мм, ширина нижнего конца в надсуставных буграх 16 мм, в суставе – 14,8 мм, поперечник дистального конца 16 мм. Из зубов для измерений оказались пригодными несколько экземпляров верхних и нижних 4-х премоляров (табл. 5). По длине Р⁴ гиена из Каминной пещеры существенно не отличается от *C. spelaea* из Денисовой пещеры [Природная среда..., 2003], Крыма и Польши [Барышников, 1995]. Напротив, размеры Р₄ у первой оказались заметно меньше аналогичных показателей у пещерных гиен указанных местонахождений. Не исключено, что это свидетельствует о некотором уменьшении размеров тела *C. spelaea* накануне ее окончательного вымирания на Алтае.

Panthera spelaea (Goldfuss, 1810). В слое 11б найдена погрызенная дистальная треть tibia. Минимальный поперечник ее диафиза составляет 30,2 мм. Ширина/поперечник диафиза дистальной половины МС II 15,5/15,7 мм, ширина нижнего конца в надсус-

Таблица 5. Размеры зубов *Crocuta spelaea*, мм

Промеры	Каминная пещера			Денисова пещера [Природная среда..., 2003]			Крым [Барышников, 1997]		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
P⁴:									
Длина коронки	4	38,5–41,7	40,10	1	—	40,50	20	37,5–43,9	40,00
Ширина »	1	—	22,80	2	22,0–23,1	22,55	16	20,4–24,2	22,14
P₄:									
Длина коронки	3	22,1–23,7	22,77	3	23,2–24,3	23,90	22	22,0–26,2	23,54
» протоконида	3	12,1–13,1	12,60	3	12,6–14,1	13,57	22	12,3–15,2	13,47
Ширина коронки	3	13,7–14,6	14,07	3	13,9–15,4	14,53	23	13,7–17,3	14,81

тавных буграх/в суставе 24,6/22,3 мм, его поперечник 21,6 мм. В слое 15/2 обнаружен практически целый правый верхний клык. Его размеры: общая длина 114,5 мм, длина эмалевого конуса коронки по передней поверхности 54 мм, диаметр коронки на выходе из альвеолы 31/25,3 мм, максимальная ширина/поперечник зуба посередине 36,2/29,5 мм. Все перечисленные остатки относились к достаточно крупным особям пещерного льва.

Lynx lynx (Linnaeus, 1758). В слое 11в найден обломок задней половины Р⁴, в слое 11б – 2-я фаланга 5-го пальца передней ноги, в слое 14а – 1-я фаланга 2-го пальца задней конечности. Длина первой фаланги 33 мм, ширина/поперечник верхнего конца 10,1/9,5 мм, диафиза посередине – 5,6/5,2 мм, ширина нижнего конца 8,7 мм. Длина 2-й фаланги 18 мм, ширина/поперечник проксимального отдела 8/7,4 мм, ширина диафиза 6,2 мм; нижний конец кости частично разрушен. Те же фаланги современной рыси при сходной ширине эпифизов и диафиза отличаются несколько большей длиной, что объясняется, по-видимому, меньшей глубиной снежного покрова в верхнем плейстоцене.

Felis manul (Pallas, 1776). Правый М₁ – неполный, с обломанными передним и задним отделами, – обнаружен в слое 11г. Поперечник коронки – 3,9 мм (у полувзрослой особи современного кота-манула (коллекция ИАЭт СО РАН) – 3,8 мм). В 12 слое найден также неполный левый Р⁴: длина коронки составляет 13,2 мм, что существенно больше, чем у современного *F. manul*, – 10,4–12,2 мм [Гептнер, Слудский, 1972].

Mammuthus primigenius (Blumenbach, 1799). В слое 11б обнаружен неполный астрагал – единственная достоверно определимая часть скелета мамонта в Каминной пещере. Кость принадлежала крупной взрослой особи. Ширина фасетки для tibia более 111 мм, ее поперечник более 113 мм. Наибольший поперечник кости свыше 138 мм. Размеры исключают, по-видимому, возможность переотложения кости. Можнопредположить, что ок. 10,5–11 тыс. л.н. на Северо-Западном Алтае еще обитала популяция мамонтов, одна из немногих сохранившихся на территории Евразии. Наиболее позднее из известных на сегодня местонахождений в Западной Сибири – Луговское под Ханты-Мансийском – датировано по ¹⁴C 10 700 л.н. На юге Западной Сибири последние мамонты обитали ок. 13 300–12 900 л.н., однако дата для Волчей Грибы (11 090 л.н.) позволяет предположить, что небольшие популяции мамонтов сохранились здесь и в более позднее время [Орлова, Кузьмин, Дементьев, 2002, 2005].

Coelodonta antiquitatis (Blumenbach, 1799). Из учтенных остатков шерстистого носорога (ок. 250 экз.) 93 % составляют осколки и фрагменты зубов. Лишь

10 зубов более или менее полные. К посткраниальному скелету относится всего 18 остатков; практически все они со следами сильных погрызов. При этом в слоях 11б – 11г (ок. 11–13,5 тыс. л.н.) присутствуют достаточно крупные элементы скелета – обломки локтевых костей длиной свыше 130 и 200 мм, диафиз лучевой, целая пяточная кость, серия астрагалов, что исключает, надо полагать, возможность их переотложения с норными выбросами из более древних слоев. Сохранившиеся остатки позволили провести сравнение с аналогичными элементами скелета шерстистого носорога позднего плейстоцена юга Западной Сибири. Размеры лучевой, пястной костей, астрагалов носорога сартанского времени из Каминной пещеры близки к минимальным значениям соответствующих промеров *C. antiquitatis* казанцевского и каргинского времени (табл. 6). Исключение составляет очень крупная и массивная пяточная кость из слоя 11в, по ряду признаков превышающая максимальные значения в сравниваемых выборках. В слое 15/1 (> 40 тыс. л.н.) обнаружена головка бедренной кости диаметром более 104 мм. Аналогичный показатель у позднеплейстоценовых шерстистых носорогов Бельгии составляет 92–105,1–128 мм, n = 13 [Germonpre, 1993]. Имеющийся в нашем распоряжении относительно небольшой объем материала позволяет предположить, что окончательному вымиранию шерстистого носорога на Алтае предшествовало его измельчение, вызванное неблагоприятными изменениями природной среды. Остатки *C. antiquitatis*, найденные в Каминной пещере, очевидно, одни из самых поздних среди известных на территории Евразии. Наиболее поздние даты по остаткам шерстистого носорога установлены для Южного Урала – 12 300 л.н. и для центральной части Западно-Сибирской низменности (местонахождение Луговское) – 10 700 л.н. [Орлова, Кузьмин, Дементьев, 2005]. Дата по ¹⁴C обломка лопатки носорога из Лобвинской пещеры на Среднем Урале: 9 500 ± 250 л.н. [Косинцев, 1995].

Equus (Equus) ferus (Boddaert, 1785). Крупная кабаллоидная лошадь является одним из фоновых видов в тафоценозе Каминной пещеры. Доля ее остатков составляет 13,6 %, причем более 98 % приходится на фрагменты зубов. Для измерений оказались пригодными лишь 25 зубов. В слое 11г найден дистальный отдел берцовой кости крупной особи. Его ширина 83,5 мм, поперечник 52 мм. У лошадей каргинского времени из Красного Яра соответственно 73–77,5–85,4 мм (n = 19) и 44–48,0–53,5 мм (n = 27), из Тараданово – 70,2–77,0–90 мм (n = 41) и 41,7–47,9–55,2 мм (n = 42). Ширина суставной поверхности неполной 3-й фаланги, предположительно задней, 50,3 мм, поперечник посередине 29 мм (45–50,8–58,2 мм (n = 57) и 23–27,8–31,5 мм (n = 62)

Таблица 6. Размеры костей конечностей *Coelodonta antiquitatis*, мм

Промеры	Каминная пещера W-3			Красный Яр, слой 4 W-2			Тараданово W-2		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
Radius:									
Ширина диафиза	1	—	55,3	18	55,3–73,5	62,6*	4	52,7–61,2	57,2
Его поперечник	1	—	33,0	18	32,5–45,5	37,6	4	34,0–40,3	36,5
Metacarpale IV:									
Ширина диафиза	1	—	37,5	4	34,5–38,8	36,8	11	32,0–43,5	38,9
Его поперечник	1	—	22,0	4	20,4–26,5	23,5	11	20,3–28,2	23,3
Astragalus:									
Наибольшая ширина	2	87–92	89,5	5	92–103	95,3	10	90,0–108,7	97,1
Ширина суставного блока	4	74,7–84,7	78,0	5	83–86	84,8	11	76,0–89,5	83,9
Высота в середине, min	4	63–68,5	65,7	5	66–72	69,0	11	61,0–73,6	68,1
Ширина нижней суставной поверхности	3	70,7–76,8	74,7	5	73,8–79,7	76,6	10	73–81	77,2
Высота медиальная	4	71,3–73	72,2	5	77,5–83,2	80,3	10	67,5–81,5	75,8
Calcaneus:									
Длина кости	1	—	129,0	2	130–131	130,5	8	116,0–136,7	122,2
Ширина нижнего отдела	1	—	85,3	2	80,0–81,5	80,8	9	72,0–82,5	77,2
Его поперечник	1	—	77,0	2	75–76	75,5	8	63–70	65,9
Ширина диафиза, min	1	—	57,7	2	45,8–50,5	48,2	9	39,5–48,8	44,1
Поперечник tuber calcanei	1	—	73,5	—	—	—	8	63,0–76,4	68,8

* Radius – Красный Яр, R-W (слой 6).

у *Equus* ex. gr. *gallicus* из Тараданово). В слое 11в обнаружена целая плюсневая кость лошади. Ее промеры (по: [Eisenmann, Beckouche, 1986]): длина по дорзальной поверхности 274 мм, ширина/поперечник диафиза посередине 36/32,5 мм, проксимального конца – 55,1/43,5 мм. Диаметр фасетки для os tarsale III 48 мм, для os tarsale IV – 13 мм. Ширина нижнего конца в надсуставных буграх 50,7 мм, в суставе – 51,7 мм. Поперечник дистального конца на гребне 37,8 мм, наименьший диаметр медиального мышцелка 27,7 мм, наибольший диаметр – 30 мм. По размерам и пропорциям данный метатарз близок к средним значениям промеров плюсневых костей *E. ex. gr. gallicus* каргинского времени из Красного Яра и Тараданово [Васильев, 2004, 2005].

Анализ материалов из пещер Алтая (Логово Гиены, Окладникова и др.) показывает, что во второй половине позднего плейстоцена здесь обитала осо-бая форма лошади, весьма крупная, с массивными метаподиями, отличная от населявшей равнинную территорию *E. ex. gr. gallicus*. Судя по промерам зубов (табл. 7), к концу сартанского времени эта форма кабаллоидной лошади заметно измельчала. Сравнительный анализ графических построений по метаподиальным костям позволяет говорить о значительном сходстве кабаллоидных лошадей, обитавших во второй половине позднего плейстоцена на территории

от Восточной Европы до Западной Сибири. Все известные формы – *E. latipes*, *E. uralensis*, *Equus ferus* с Алтая, *E. ex. gr. gallicus* – являлись, по-видимому, либо близкородственными видами, либо географическими и временными подвидами одного, некогда широко распространенного вида лошади.

Equus ex. gr. hydruntinus (Regalia, 1907). Наряду с остатками крупной формы кабаллоидной лошади, в сартанских слоях Каминной пещеры присутствуют немногочисленные остатки другого, более мелкого представителя рода *Equus*. По размерам зубов и индексам длины протокона на $M^{1,2}$ лошадь из Каминной наиболее сходна с описанными Г.Ф. Барышниковым зубами плейстоценового осла из Денисовой пещеры [Природная среда..., 2003]. Первые фаланги, такие же, как у мелкой лошади из Каминной, обнаружены также в Верхнем Приобье – Тараданово (W-2) и Красном Яру (R-W) под Новосибирском (табл. 8, 9). В пещерных отложениях Горного Алтая практически повсеместно отмечается одновременное присутствие остатков двух форм лошади – крупной и массивной с явными кабаллоидными признаками и мелкой, стройной с архаичными признаками в строении зубов и метаподий. Ранее подобные остатки описывались обычно как принадлежащие кулану [Верещагин, 1956; Галкина, Оводов, 1975], однако в последнее время появились основания рассматри-

Таблица 7. Размеры зубов верхней и нижней челюсти лошадей рода *Equus*, мм

Промеры	Каминная пещера W-3			Красный Яр W-2			Красный Яр R-W		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
P³⁻⁴:									
Длина коронки	9	25,2–29,7	27,67	16	27,0–33,2	29,86	22	26,0–33,3	28,91
» протокона	10	9,4–14,8	12,16	17	12,5–15,5	14,09	22	10,0–17,7	13,86
Ширина зуба	8	25,8–28,3	26,83	17	25,8–31,0	28,54	22	25,5–31,2	28,48
Индекс протокона	9	37,8–54,8	43,95	16	39,4–55,4	47,19	22	38,0–60,4	47,94
M¹⁻²:									
Длина коронки	4	23,5–26,2	24,70	21	24,7–29,5	26,83	22	23,5–29,0	25,96
» протокона	4	10,7–13,7	12,48	20	12,2–14,9	13,61	20	10,7–16,6	13,80
Ширина зуба	2	24,3–26,1	25,20	20	25,1–29,2	27,40	20	24,8–30,5	27,62
Индекс протокона	4	44,4–57,5	50,53	20	43,1–58,9	50,73	20	45,5–61,7	53,16
M³:									
Длина коронки	5	25–31	26,52	4	28,8–30,5	29,70	7	25,7–31,2	28,39
» протокона	6	11,2–16,2	13,47	4	12,5–15,0	13,50	5	11,8–14,3	13,40
Ширина зуба	4	21,0–26,3	23,35	4	22,3–25,0	24,28	5	23,4–24,7	23,94
Индекс протокона	5	44,8–53,6	50,79	4	43,4–49,2	45,45	4	45,9–52,9	47,20
P₂:									
Длина зуба	1	–	30,60	4	30–37	33,63	11	30,6–37,0	34,04
» постфлексида	1	–	13,70	3	14,7–15,8	15,40	10	10,8–19,0	15,49
Ширина зуба	1	–	15,70	4	14,7–18,5	16,70	10	15,5–18,7	16,80
Индекс постфлексида	1	–	44,77	3	44,5–49,1	45,79	9	34,4–52,9	45,51
M₁₋₂:									
Длина зуба	3	26,8–29,0	27,67	22	22,5–30,5	26,59	31	22,5–33,2	27,41
» постфлексида	3	10–11	10,40	21	9,0–16,8	11,91	29	6,7–14,5	11,11
Ширина зуба	3	14,2–14,8	14,43	20	13–20	16,29	30	14,8–19,3	17,15
Индекс постфлексида	3	45–63	51,67	21	34,6–67,2	44,79	29	29,5–51,5	40,53
M₃:									
Длина зуба	1	–	31,00	10	31,5–34,0	32,68	15	28,5–37,4	34,17
» постфлексида	1	–	8,00	11	7,7–12,7	10,64	14	8,1–13,5	10,93
Ширина зуба	1	–	13,30	12	13,1–17,0	14,83	16	12,8–17,4	14,50
Индекс постфлексида	1	–	25,81	9	23,1–37,5	32,56	13	25,0–38,4	31,99

Таблица 8. Размеры зубов верхней челюсти (M¹⁻²) *Equus ex.gr. hydruntinus*, мм

Промеры	Каминная пещера			Денисова пещера [Природная среда..., 2003]		
	n	lim	M	n	lim	M
Длина коронки	23,6	23,2	8	20,5–26,9	24,6	
» протокона	10,8	10,8	8	9,4–12,2	11,1	
Ширина коронки	25,8	24,7	7	22,5–27,8	25,9	
Индекс протокона	45,8	46,6	8	40,1–48,6	45,1	

вать их в качестве остатков плейстоценового осла. В этой связи необходимо проведение ревизии всех материалов по плейстоценовым лошадям Южной Сибири и их тщательное исследование с применением новейших методик.

Alces alces (Linnaeus, 1758). Обломки зубов верхней челюсти лося отмечены в слоях 11б – 11в и 14а. Из отложений на предвходовой площадке пещеры извлечен распавшийся фрагмент верхней челюсти с полуразрушенными зубами (P³ – M²) взрослой особи *A. alces*.

Таблица 9. Размеры первых фаланг *Equus ex. gr. hydruntinus*, мм

Промеры	Каминная пещера W-3		Тараданово W-2			Красный Яр R-W
	Задние	Передние	Передние		Передние	
1. Полная длина	75,6	85,1	84,0	85,2	85,3	83,0
2. Сагиттальная длина, min	70,4	78,6	79,3	78,7	79,6	76,0
3. Ширина верхнего конца	44,7	44,8	44,7	47,0	45,0	48,1
4. Его поперечник	32,2	31,6	32,0	34,7	30,5	35,3
5. Ширина диафиза	27,8	28,7	28,3	30,4	27,6	27,5
6. » нижнего конца	35,2	40,0	40,2	41,8	41,0	38,9
7. Его поперечник	21,5	22,7	21,2	23,0	21,5	23,0
Индексы:						
3:1	59,1	52,6	53,2	55,2	52,8	58,0
5:1	36,8	33,7	33,7	35,7	32,4	33,1
6:1	46,6	47,0	47,9	49,1	48,1	46,9

Cervus elaphus sibiricus (Severtzov, 1873). Большинство фрагментов костей благородного оленя из слоев 10 и 11 отличаются типичной голоценовой сохранностью. Они, очевидно, были переотложены из верхних горизонтов в результате норной деятельности хищников и грызунов. Имеется, однако, и незначительное количество остатков (преимущественно обломки зубов) характерной плейстоценовой сохранности. В табл. 1 для марала (и косули) указаны только такие остатки. На предвходовой площадке из осадков, соответствующих слоям 11б – 11г, извлечены две кости, пригодные для измерений. Наибольшая длина 1-й фаланги 65,5 мм, длина сагиттальная по дорзальной поверхности 59,5 мм, ширина/поперечник верхнего конца 28/34,4 мм, нижнего – 27,6/23,8 мм, ширина диафиза 22,6 мм. Длина пятонной кости 141,5 мм, ширина/поперечник дистального отдела 49/52,5 мм, наименьшая ширина диафиза 19,8 мм, ширина/поперечник tuber calcanei 32,3/37,7 мм, что приближается к средним значениям промеров calcaneus позднеголоценового марала Алтая [Васильев, Гребнев, 1994].

Capreolus pygargus (Pallas, 1773). Как и обломки костей благородного оленя, фрагменты костей косули, весьма многочисленные в голоценовой толще, частично попали в нижележащие осадки (особенно в слой 10а). По всему разрезу – от слоя 11б до слоя 18 – присутствуют также единичные остатки косули плейстоценовой сохранности. Костей, пригодных для измерений, сохранилось немного. В слое 11в найден проксимальный отдел плюсневой кости. Его ширина 24,7 мм, поперечник 27,3 мм. Аналогичные показатели у голоценовых косуль Алтая составляют 21,8–23,6–26,5 мм (n = 30) и 23,5–25,2–27,3 мм (n = 27). Длина M_3 из слоя 15/2 – 20,5 мм, его ширина 10,5 мм (16–18,2–20,3 мм, n = 25 и 8,9–9,4–

10 мм, n = 27 [Там же, 1994]). Таким образом, имеющиеся единичные остатки свидетельствуют о довольно крупных размерах тела позднеплейстоценовых *C. pygargus* Горного Алтая.

Poëphagus mutus baicalensis (Vereschagin, 1954). По меньшей мере три костных остатка могут быть уверенно отнесены к байкальскому яку. Прежде всего это две целые пястные кости, одна из которых обнаружена на предвходовой площадке, другая – в слое 11б в гротовой части пещеры. Размеры metacarpale из Каминной пещеры (табл. 10) оказались на уровне, близком к максимальным значениям промеров передних метаподий самок плейстоценового яка Южной Сибири [Оводов, 2005]. К яку, по всей видимости, относится также неполный, сильно погрызенный дистальный отдел плечевой кости из слоя 11в, размеры которого существенно меньше минимальных значений *Bison priscus*. Ширина его нижнего суставного блока составляет 79,5 мм, в то время как у *Bison priscus* казанцевского времени из Новосибирского Приобья – 94–109,3–124,5 мм (n = 62), медиальный поперечник нижнего конца ок. 86,5 мм (102,3–118,6–132 мм, n = 56), поперечник в желобе 38,6 мм (44–51,0–58 мм, n = 64), высота медиального мыщелка 50,3 мм (59–67,9–76,5 мм, n = 65). Очевидно, данный экземпляр также принадлежал самке байкальского яка.

Bison priscus (Bojanus, 1827). Фрагменты костей, относящиеся к бизону-яку, в общей сложности составляют 10,3 % от числа всех определимых остатков крупных млекопитающих. Судя по величине имеющихся обломков костей и зубов, подавляющее большинство из них относилось именно к *B. priscus*. Целиком сохранилось лишь небольшое количество костей дистальных отделов конечностей. Как показало сравнение, по большинству при-

Таблица 10. Размеры пястных костей самок *Roëphagus mutus baicalensis*, мм

Промеры	Каминная пещера			Южная Сибирь [Оводов, 2005]
1. Длина кости	188	184,5		172–192
2. Ширина верхнего конца	70	65,5		58,0–68,5
3. Его поперечник	40	37,3		–
4. Ширина диафиза	39,8	40,7		39,2–46,5
5. Его поперечник	29,6	27		–
6. Ширина нижнего конца	69,6	69,2		62,7–69,0
7. Его поперечник	–	35,5		–
Индексы:				
2:1	37,2	35,5		–
4:1	21,2	22,1		–
6:1	37,0	37,5		–

знаков промеры костей сартанского бизона из Каминной пещеры близки к минимальным значениям промеров костей каргинского бизона из Тараданово и бизона казанцевского времени из Красного Яра (табл. 11). Особенno показательно в этом отношении сопоставление небольшой серии из пяти первых передних фаланг. Наряду с этим обнаружены кости (два астрагала, центрально-кубовидная, третий заплюсневый), принадлежавшие, без сомнения, крупным старым самцам; их размерные показатели приближаются к средним или даже максимальным значениям промеров костей *B. priscus* в сравнивае-

мой выборке. Материалы из других пещерных местонахождений Алтая – Окладникова, Логово Гиены [Оводов, 1974] и ряда других – свидетельствуют о том, что во второй половине позднего плейстоцена здесь обитала очень крупная форма *B. priscus*, мало отличавшаяся по размерам костей посткраниального скелета от бизонов среднего-, позднего плейстоцена других регионов Южной Сибири. Таким образом, небольшие выборки костей бизона из Каминной пещеры позволяют предположить, что в конце сартанского времени, накануне своего окончательного исчезновения с территории Алтая, би-

Таблица 11. Размеры костей посткраниального скелета *Bison priscus*, мм

Промеры	Каминная пещера W-3			Красный Яр R-W			Тараданово W-2		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Axis:									
Ширина передней суставной поверхности	1	–	132,0	24	108,3–141,0	131,4	–	–	–
» <i>dens ephistrophei</i>	1	–	54,0	24	54,0–65,5	59,6	–	–	–
Длина тела позвонка	1	–	95,5	20	112,7–127,6	120,4	–	–	–
Ширина тела позвонка, min	1	–	85,3	24	70,0–94,0	86,6	–	–	–
Humerus:									
Ширина суставного блока	2	96,0–106,5	101,3	62	94,0–124,5	109,3	–	–	–
Поперечник в желобе	2	52,5–56,3	54,4	64	46,1–63,2	52,5	–	–	–
Высота медиального мыщелка	2	64,0–68,0	66,0	65	59,0–76,5	67,9	–	–	–
Radius:									
Ширина нижнего конца	1	–	90,5	36	93,2–123,6	109,9	13	82,3–111,2	96,9
Его поперечник	1	–	58,0	42	56,5–76,0	67,2	12	52,5–71,0	61,3
Metacarpale:									
Ширина нижнего конца	1	–	79,2	57	73,7–100,2	87,0	37	72,2–93,0	81,3
Его поперечник	1	–	42,3	53	39,5–51,8	46,6	33	39,0–50,3	44,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Phalanx I (передние):									
Длина наибольшая	5	72,0–80,5	76,6	34	72,5–91,6	79,9	72	70,0–93,0	80,3
» сагиттальная, min	5	63,2–73,2	68,0	34	63,5–82,0	71,7	73	61,0–82,7	71,7
Ширина верхнего конца	5	35,0–43,0	40,0	34	36,5–49,5	43,8	72	34,7–52,7	45,6
Его поперечник	5	40,5–50,0	45,1	33	38,0–56,0	46,3	72	38,5–55,2	47,1
Ширина диафиза	5	34,5–43,0	38,3	34	34,0–47,0	41,1	73	33,0–51,2	42,3
» нижнего конца	5	36,8–44,3	40,6	32	35,3–49,0	43,6	69	35,4–56,0	45,4
Astragalus:									
Длина латеральная	2	89,5–94,7	92,1	65	82,1–102,5	91,5	128	76,2–104	88,7
» медиальная	2	83,2–84,0	83,6	65	77,8–95,1	84,8	125	70,3–92,3	82,2
Ширина нижнего конца	3	52,1–67,0	61,7	65	53,3–67,3	60,5	115	47,5–63,6	57,2
Медиальный поперечник	2	54,2–57,3	55,9	57	46,5–58,0	52,1	87	42,5–55,3	49,7
Centrotarsale:									
Ширина кости	1	–	86	53	68,2–91,4	80,1	67	63,5–88,4	76,2
Ее поперечник	1	–	81	49	61,0–84,0	73,1	61	62–85	71,0
Phalanx I (задние):									
Длина наибольшая	1	–	81,0	25	74,0–90,0	82,3	64	73,7–89,5	82,3
» сагиттальная, min	1	–	72,0	26	72,2–88,0	73,1	64	64,8–81,5	73,6
Ширина верхнего конца	2	36,0–42,8	39,4	25	33,2–47,0	40,7	59	35,3–48,5	40,8
Его поперечник	2	43,0–47,5	45,3	25	39,5–52,5	46,7	60	40,7–54,0	46,1
Ширина диафиза	1	–	36,5	28	30–43	36,6	63	29,0–42,5	36,6
» нижнего конца	1	–	41,6	26	34,2–44,7	40,2	64	31,2–47,2	39,9
Phalanx II (задние):									
Длина наибольшая	1	–	54	20	50,2–59,0	54,8	56	50–63	56,4
» сагиттальная, min	1	–	45,7	18	43,1–49,3	46,6	56	41,4–53,7	47,7
Ширина верхнего конца	1	–	34,5	18	35,5–45,0	39,6	57	35,9–52,0	42,3
Его поперечник	1	–	37	19	37–49	43,5	45	37–54	45,6
Ширина диафиза	1	–	28	19	28,0–34,7	31,6	56	28,8–39,3	33,2
» нижнего конца	1	–	27,8	16	28,8–37,0	33,6	52	29,5–42,4	35,1
Tarsale III:									
Длина кости	2	53,0–56,0	54,5	8	48,0–53,5	51,4	2	50,0–54,2	52,1
Ширина »	3	33,5–37,6	35,1	8	30,7–34,8	33,0	2	32,0–33,7	32,9
Высота посередине	3	14,8–16,6	15,8	8	16,2–22,0	18,6	2	14,8–16,0	15,4

зоны заметно измельчали, хотя среди них продолжали еще встречаться достаточно крупные особи, величиной тела мало уступавшие бизонам более раннего времени.

Saiga cf. borealis (Tscherskii, 1876). Остатки сайгака отмечены практически по всему разрезу плейстоценовых отложений, начиная со слоя 11а. Представлены почти исключительно элементы дистальных отделов конечностей – фаланги, кости запястья и заплюсны, а также обломки зубов. Часть костей сильно повреждена кислотной коррозией, что сделало их непригодными для морфометрической обработки. По размерам костей посткраниального скелета сайгак из Каминной пещеры (табл. 12) оказался заметно мельче верхнеплейстоценового

S. borealis из Крыма, но несколько крупнее современного *S. tatarica* [Барышников, Каспаров, Тихонов, 1990]. Примечательно, что и сайгак каргинского времени из Новосибирского Приобья, судя по размерам роговых стержней (единичные находки), соответствовал минимальным размерным показателям плейстоценовых и современных сайгаков [Васильев, 2005]. По-видимому, на Алтае и юге Западной Сибири в каргинско-сартанское время обитала особая форма *S. cf. borealis*, более мелкая, чем в западных областях ареала.

Capra sibirica (Паллас, 1776). Среди остатков крупных млекопитающих фрагменты костей *Capra-Ovis* наиболее массово представлены в тафоценозе Каминной пещеры; они составляют в совокупности

Таблица 12. Размеры костей конечностей *Saiga borealis*, мм

Промеры	Каминная пещера			Крым, поздний палеолит [Барышников, Каспаров, Тихонов, 1990]		
	n	lim	M	n	lim	M
Carpi 2+3:						
Ширина кости	3	14,2–15,0	14,5	–	–	–
Поперечник кости	4	16,7–17,0	16,9	–	–	–
Высота наибольшая	4	9,5–9,7	9,6	–	–	–
Phalanx I (передние):						
Длина наибольшая	1	–	49,0	46	46,5–54,5	49,9
» сагиттальная, min	1	–	44,4	–	–	–
Ширина верхнего конца	1	–	12,5	69	12,2–15,7	13,5
Его поперечник	1	–	17,2	59	14,5–18,5	16,5
Ширина диафиза	1	–	9,8	–	–	–
» нижнего конца	5	8,9–11,7	10,4	91	10,1–13,5	11,8
Его поперечник	5	9,3–11,6	9,9	126	9,3–13,0	11,6
Phalanx II (передние):						
Длина наибольшая	2	23,0–23,0	23,0	40	22,0–27,5	24,8
» сагиттальная, min	2	21,0–21,0	21,0	–	–	–
Ширина верхнего конца	1	–	10,6	43	10,3–12,3	11,3
Его поперечник	1	–	14,6	44	12,2–15,4	13,6
Ширина диафиза	1	–	8,5	–	–	–
» нижнего конца	2	8,2–8,5	8,4	42	9,0–11,3	10,1
Его поперечник	1	–	11,0	43	10,1–13,7	11,8
Astragalus:						
Латеральная длина	2	30,0–30,0	30,0	33	30,4–35,1	32,2
Медиальная »	3	27,1–27,9	27,4	31	28,2–32,6	29,7
Ширина нижнего конца	4	16,7–18,6	17,6	34	16,2–20,7	18,8
Латеральный поперечник	4	15,0–17,0	16,2	25	16,1–19,3	17,2
Centrotarsale:						
Ширина кости	1	–	25,1	8	23,2–27,5	24,8
Поперечник »	1	–	24,8	8	23,5–25,6	24,2
Phalanx I (задние):						
Длина наибольшая	1	–	42,3	100	37,3–46,4	42,4
» сагиттальная, min	1	–	38,0	–	–	–
Ширина верхнего конца	2	10,3–10,8	10,6	81	11,3–14,7	12,9
Его поперечник	2	15,2–15,4	15,3	85	13,3–16,7	15,2
Ширина диафиза	1	–	7,8	–	–	–
» нижнего конца	2	9,7–9,9	9,8	92	8,6–12,9	10,8
Его поперечник	2	9,8–10,5	10,2	92	9,1–11,7	10,5

более 30 %. Из них примерно половина (преимущественно мелкие фрагменты зубов) была условно отнесена к *Capra-Ovis*. Среди костей, которые удалось определить до вида, остатки *Capra sibirica* встречаются в 3 раза чаще, чем *Ovis ammon*. Некоторые кости, особенно 1-е и 2-е фаланги, подверглись сильной кислотной коррозии в желудках гиен. Небольшие

серии одноименных костей относятся в основном к дистальным отделам конечностей (табл. 13). По размерам фаланг сибирский горный козел из Каминной пещеры не отличался от *Capra sibirica* из плейстоценовых отложений Денисовой пещеры, а по размерам астрагала был несколько меньше последнего [Природная среда..., 2003].

Таблица 13. Размеры костей конечностей *Capra sibirica* из Каминной пещеры, мм

Промеры	n	lim	M	Промеры	n	lim	M
Humerus:				Metatarsale:			
Ширина нижнего конца	1	—	40,0	Ширина диафиза	1	—	19,8
» суставной поверхности	1	—	38,0	» нижнего конца	1	—	33,1
Поперечник в желобе	1	—	19,1	Его поперечник	1	—	24,0
Высота медиального мыщелка	1	—	24,0	Phalanx II (передние):			
Metacarpale:				Длина наибольшая	3	29,5–32,8	31,0
Ширина верхнего конца	1	—	32,8	» сагиттальная, min	2	26,2–27,3	26,8
» нижнего »	2	35,1–39,0	37,1	Ширина верхнего конца	4	16,7–19,5	18,3
Его поперечник	1	—	24,0	Его поперечник	3	17,5–21,3	18,8
Phalanx I (передние + задние):				Ширина диафиза	2	13,2–14,5	13,9
Ширина верхнего конца	1	—	15,7	» нижнего конца	1	—	15,0
» нижнего »	6	14,0–17,2	16,5	Phalanx II (задние):			
Tibia:				Длина наибольшая	5	29,0–34,5	30,8
Ширина нижнего конца	1	—	35,2	» сагиттальная, min	5	25,8–29,2	27,4
Его поперечник	2	26,6–27,0	26,8	Ширина верхнего конца	4	15,2–17,2	16,4
Astragalus:				Его поперечник	3	15,7–19,4	17,1
Латеральная длина	3	36,5–39,0	37,5	Ширина диафиза	3	11,0–12,5	11,7
Сагиттальная »	4	27,0–31,5	29,1	» нижнего конца	3	11,3–13,0	12,0
Медиальная »	3	32,5–36,2	34,4	Phalanx III (передние + задние):			
Ширина нижнего конца	2	24,0–24,7	24,4	Длина кости	4	30,0–37,3	34,2
Медиальный поперечник	2	19,5–22,0	20,8	» дорзальная	4	23,8–31,5	28,0
Centrotarsale:				Высота кости	4	16,2–21,5	18,6
Ширина кости	2	33,5–36,5	35,0	Длина суставной поверхности	4	14,0–15,2	14,8
Поперечник »	2	30,2–30,8	30,5	Ширина » »	4	10,3–11,8	11,1

Ovis ammon (Linnaeus, 1758). Лишь немногие из костей архара оказались пригодными для измерений. Ширина передней суставной поверхности 2-го шейного позвонка составила 65,2 мм при длине тела позвонка 62 мм. Длина *os capri radiale* 30 мм, наибольшая высота в переднем отделе 18,7 мм, наименьшая высота посередине 12,7 мм. Длина *os malleolare* 23,3 мм, высота 23,6 мм, поперечник кости 13 мм. Диаметр головки бедренной кости 34 мм. Латераль-

ная, сагиттальная и медиальные длины астрагала 46; 36,5 и 42,7 мм соответственно, ширина дистального отдела 29,7 мм, медиальный и латеральный поперечники кости 25 и 25,6 мм соответственно. Ширина диафиза дистальной половины плюсневой кости 19,8 мм, ширина/поперечник дистального конца 33,1/24 мм. Длина/ширина трех экземпляров M_3 составляет 38,2/14; 35,2/12 и 12,5 мм. Размеры первых фаланг приведены в табл. 14.

Таблица 14. Размеры первых фаланг *Ovis ammon* из Каминной пещеры, мм

Промеры	Передняя	Задние		
		n	lim	M
Длина наибольшая	52,2	2	56,8–57,5	57,2
» сагиттальная, min	44,5	2	51,7–53,0	52,4
Ширина верхнего конца	—	3	18,1–20,3	18,9
Его поперечник	22,0	2	23,8–28,4	26,1
Ширина диафиза	17,5	2	15,3–16,5	15,9
» нижнего конца	20,3	1	—	18,6
Его поперечник	17,5	1	—	15,3

Тафономия

Остеологическая коллекция из плейстоценовых отложений Каминной пещеры насчитывает в общей сложности 13,8 тыс. костных остатков. Подавляющая часть костного материала сильно фрагментирована. С целью оценки степени его фрагментации неопределенные костные остатки были разделены на четыре размерных класса: 1–2, 2–5, 5–10 и более 10 см (табл. 15). Как следует из приведенных данных, степень раздробленности костных остатков по разным горизонтам меняется слабо, и лишь для подразделений десятых слоев прослеживается некоторое снижение удельного веса фрагментов мелкого размерного класса. В целом материал из Каминной пещеры отличается от материалов Денисовой пещеры, демонстрируя значительно лучшую полноту сохранности. Так, если по удельному весу различие между остатками первых двух размерных классов (1–2 и 2–5 см) незначительное: 73,1 и 21,6 % в Каминной и 74,2 и 24,7 % в Денисовой пещерах, то между остатками третьего и четвертого размерных классов (5–10 см и >10 см) оно гораздо более существенное: 4,8 и 0,5 % в Каминной и 0,5 и 0,05 % в Денисовой пещерах. Коллекции резко различаются и по соотношению определенных остатков: если 25,4 % материала из Каминной пещеры удалось определить до вида, рода или же класса, то в Денисовой пещере это стало возможным менее чем для 1 % остеологических остатков [Там же].

В отложениях в Каминной, в отличие от отложений Денисовой пещеры, обнаружены целые крупные кости: плюсневая лошади, две пястные кости байкальского яка, четыре астрагала и пятчная кость шерстистого носорога, астрагал мамонта и т.д.

Преобладающий цвет костных остатков – желтовато-коричневый, сохранность костного вещества хорошая, поверхность костных фрагментов гладкая, плотная, без признаков расслаивания или шелушения. Большинство костных остатков относится к нулевой стадии выветривания [Behrensmeyer, 1978]. Кости из отложений на предвходовой площадке более выветрены, трещиноваты (стадии 2–3), отмечены следами воздействия корневой системы растений.

Формирование пещерного тафоценоза произошло в результате пищевой деятельности хищных млекопитающих, птиц и первобытного человека. Ведущая роль здесь принадлежала, по всей видимости, кланам пещерных гиен [Барышников, Верещагин, 1997], которые активно использовали карстовую полость не только в качестве убежища, но и для выведения потомства. Свидетельством этого являются значительная доля (ок. 15 %) зубов молочной генерации *Crocuta spelaea*, высокая степень раздробленности костей, присутствие почти на всех их крупных фрагментах характерных следов сильных погрызов, наличие копролитов и многочисленных костей и зубов со следами кислотной коррозии. По мнению Г.Ф. Барышникова, большая часть мелких фрагментов кос-

Таблица 15. Распределение фрагментов костей крупных млекопитающих в плейстоценовых отложениях Каминной пещеры

Слой	Размерный класс							
	1–2 см		2–5 см		5–10 см		> 10 см	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
10а	150	42,9	130	37,1	61	17,4	9	2,6
10в/2	23	53,5	13	30,2	7	16,3	–	–
10г	133	49,8	102	38,2	29	10,9	3	1,1
10д	4	44,4	4	44,4	1	11,1	–	–
11а	890	74,0	227	18,9	79	6,6	6	0,5
11б	1647	77,6	411	19,4	57	2,7	7	0,3
11в	1471	70,4	509	24,4	96	4,6	14	0,7
11г	1222	71,6	387	22,7	81	4,7	16	0,9
14а	933	83,5	158	14,1	25	2,2	1	0,1
14б	20	44,4	19	42,2	5	11,1	1	2,2
14а/1	584	80,8	119	16,5	20	2,8	–	–
14б/1	304	71,2	103	24,1	20	4,7	–	–
15/1	123	91,1	12	8,9	–	–	–	–
15/2	180	63,2	76	26,7	28	9,8	1	0,4
16 ж	46	83,6	8	14,5	1	1,8	–	–
18	69	72,6	23	24,2	3	3,2	–	–

тей попадала в пещерные отложения из распавшихся копролитов пещерных гиен [Там же]. Гиены могли приносить в логово как части туш своей собственной добычи, так и собранные в окрестностях пещеры останки павших животных, а также остатки трапез других хищников – пещерного льва и волков, а возможно, и человека. Как показывают археологические наблюдения, после пиршества хищников чаще всего остаются сравнительно малоценные в пищевом отношении головы и дистальные отделы конечностей. На частую встречаемость в высокогорных степях Тибетского нагорья именно таких останков яков, куланов и архаров обратил внимание еще Н.М. Пржевальский [1948]. Материалы другого, не связанного с деятельностью человека, пещерного местонахождения на Алтае – Логово Гиены – свидетельствуют о том, что чаще всего *Crocuta spelaea* подбирали и приносили в пещеру остающиеся обычно почти нетронутыми другими хищниками головы и дистальные отделы конечностей копытных зверей – лошадей, плейстоценовых ослов, бизонов, байкальских яков, шерстистых носорогов и даже молодых мамонтов [Оводов, 1974; Оводов, Мартынович, 2004, 2005]. Своими мощными челюстями гиены практически полностью разгрызали и затем переваривали принесенные остатки, в результате чего в пещерные отложения попадали главным образом наиболее стойкие к разрушению элементы скелета или их обломки – огромное количество изолированных зубов, сильно погрызенные метаподии, астрагалы, пяткочные кости. Большинство же более мелких костей запястья и заплюсны, фаланг обычно утилизировалось пещерными гиенами целиком, без остатка. В отложениях в Каминной пещере также преобладают остатки зубов и дистальных отделов конечностей, но степень фрагментации костных остатков здесь значительно выше. Учитывая, что в пещере были единичные кости пещерного льва и бурого медведя, но отсутствовали обломки их молочных зубов, можно сделать вывод об использовании полости представителями этих видов в основном в качестве временного убежища. Часть старых и больших зверей здесь погибала, а их трупы поедали пещерные гиены: в полости обнаружены сильно погрызенный дистальный отдел берцовой кости пещерного льва и 1-я фаланга бурого медведя, подвергнувшаяся кислотной коррозии. Эпизодическими обитателями пещеры были также и более мелкие хищники – волки, лисицы и, возможно, манул.

Важную роль в накоплении в пещере костей грызунов, зайцеобразных и птиц играли крупные хищные птицы, прежде всего филины и совы. Более $\frac{1}{4}$ всего определимого материала (27,7 %) составляют археологические остатки мелких видов млекопитающих и птиц, попавшие в пещерные отложения из распавшихся погадок. Костей рыб в ма-

териале Каминной пещеры отмечено не было, а из остатков летучих мышей представлена только нижняя челюсть.

Участие первобытного человека в аккумуляции археологических остатков в полости пещеры, к сожалению, не может быть оценено в полной мере. Профессором К. Тёрнером (Аризонский университет, США) была просмотрена часть материала из Каминной пещеры. На нескольких фрагментах трубчатых костей горного козла или архара из слоев 11б – 11г им отмечены тонкие порезы каменным орудием. Такие же следы обнаружены на дистальном отделе большой берцовой кости сурка. Найдено также несколько крупных фрагментов трубчатых костей (например, в слое 11в – обломок диафиза плечевой кости бизона), расколовшихся характерным образом по своим силовым участкам, вероятно, в результате удара. Обожженные кости в просмотренном материале не обнаружены. Несомненно, что какая-то часть мелких осколков костей появилась во время разделки охотничьей добычи, дроблении трубчатых костей при извлечении костного мозга. С уверенностью отделить их от тысяч подобных же мелких обломков, являющихся результатом пищевой активности пещерной гиены и других хищников, не представляется возможным. По всей видимости, на протяжении большей части периода формирования плейстоценовой толщи человек не обитал в Каминной пещере постоянно. Его пребывание в пещере носило, скорее всего, эпизодический, возможно сезонный, характер. Погибающую часть времени (быть может, годы или десятилетия подряд) пещерная полость являлась логовом и убежищем крупных хищников – пещерной гиены, пещерного льва, бурого медведя, волков. В этой связи возникают большие сложности в интерпретации археологического материала. Результаты пищевой деятельности хищников как бы накладывались на следы жизнедеятельности первобытного человека, существенно затушевывая их. В периоды отсутствия человека пещеру посещали или надолго заселяли хищные звери, в первую очередь пещерные гиены, и утилизировали или растаскивали накопившиеся в ходе охотничьей деятельности древнего человека пищевые отбросы. Судя по всему, процесс осадконакопления в пещере протекал сравнительно медленно, из-за чего все более или менее крупные кости или их фрагменты могли попасть в захоронение только случайно, например, в результате обвала, норных перекопов и т.п. Этим обстоятельством, а также высокой пищевой активностью пещерных гиен и других хищников и может быть объяснено столь заметное преобладание в тафоценозе Каминной пещеры мелких обломков костей и зубов.

Палеоэкология

На заключительном отрезке плейстоцена и всего голоцене благодаря жизнедеятельности хищных зверей, птиц и первобытного человека полость Каминной пещеры являлась универсальным природным аккумулятором костных остатков животных, обитавших в окрестностях. Видовое разнообразие, представленное в пещерном тафоценозе наряду с относительным обилием остатков тех или иных видов, позволяет довольно точно реконструировать палеогеографическую обстановку и проследить ее изменения во времени.

В сартанских отложениях Каминной пещеры остатки крупных млекопитающих, населяющих открытые ландшафты, абсолютно доминируют по количеству видов и костных остатков. Наиболее многочисленны остатки лошади (14,3 % от числа определимых костей крупных млекопитающих), шерстистого носорога (11,2 %), бизона (ок. 9 %), архара (менее 10 %), сайгака (3,4 %), сурка (13,1 %), зайца-толая (5,4 %). Малочисленны, но весьма показательны остатки байкальского яка (не менее 0,2 %), плейстоценового осла (0,2 %), кота-манула (0,1 %). Приблизительно 20 % составляют фрагменты костей сибирского горного козла – обитателя скальных биотопов.

Зверей, являющихся типичными таежными обитателями, представляет единственная находка – зуб соболя (слой 11в). Это заставляет предположить, что кое-где в глубоких долинах рек и на склонах гор северной экспозиции сохранялись небольшие участки таежных лесов. Росомаха, кость которой обнаружена в слое 11б, лишь условно может считаться чисто лесным зверем; в современную эпоху отмечены ее постоянные проникновения на сотни километров вглубь тундровой и степной зон [Млекопитающие..., 1967]. Рысь, три кости которой найдены в слоях 11б и 14б, на большей части своего ареала является типичным лесным зверем, но она может обитать и в редколесье, и в поймах рек с кустарниковыми зарослями [Гептнер, Слудский, 1972], где ее основную добычу в плейстоцене составляли, по-видимому, многочисленные зайцы. Остатки костей бурого медведя, тем более единичные, также не могут быть использованы в качестве индикатора палеосреды. Известно, например, что еще во времена Н.М. Пржевальского медведь-пищухоед (*Ursus arctos pruinosis*) был весьма многочислен в нагорных степях Северного Тибета, где кормился в основном пищухами и сурками [Пржевальский, 1948].

Остатки лоси и марала немногочисленны в сартанских слоях – 0,3 и 0,8 % соответственно. Исследованиями последних лет установлено, что по своей экологии средне-, позднеплейстоценовые лось и благородный олень, входившие в состав мамонтовой

фауны, отличались от современных представителей этих видов. Морфофункциональные особенности в строении нижней челюсти свидетельствуют, что эти животные в гораздо меньшей степени были связаны с лесными местообитаниями и предпочитали скорее полуподальные – лесостепные – ландшафты [Боескоров, 1999, 2001; Васильев, 2005]. Косуля (0,4 % костных остатков) в своем распространении избегает открытых степных участков; она придерживается зарослей по долинам степных рек и весьма многочисленна в лесостепи [Гептнер, Насимович, Банников, 1961].

Экологически байкальский як едва ли существенно отличался от современного тибетского яка – *Poëphagus tibetanus* и, по-видимому, также являлся типичным обитателем полупустынных высокогорных степей, сухих, холодных и малоснежных [Пржевальский, 1946]. Другие представители центрально-азиатского фаунистического комплекса – заяц-толай и манул – обитают ныне в южных, степных, районах Алтая. Манул придерживается пересеченного рельефа с наличием укрытий в виде скальных выходов, россыпей камней и избегает районов, где глубина снежного покрова превышает 20 см [Гептнер, Слудский, 1972]. Область распространения толая также ограничена малоснежными степными и пустынными районами Центральной и Средней Азии. Специализированный к жизни в степях и полупустынях сайгак не выносит глубины снежного покрова более 15–20 см [Верещагин, Барышников, 1980]. Единичные кости плейстоценового осла, обнаруженные в слоях 11б и 11в, свидетельствуют, скорее всего, не о значительной ксерофитизации климата и расширении открытых ландшафтов, как предполагала И.В. Форонова [Деревянко и др., 1999], а лишь о существенном сокращении ареала и численности этого вида на Алтае в холодное сартанское время. В каргинских отложениях пещеры Логово Гиены среди более 2,4 тыс. костей лошади остатки сравнительно теплолюбивого плейстоценового осла по количеству в несколько раз превосходят кости крупной кабаллоидной лошади [Оводов, Мартынович, 2004].

Первоначальные выводы И.В. Фороновой [Деревянко и др., 1999] о том, что остатки крупных млекопитающих в десятых слоях (в частности, обилие костей *Cervidae*) указывают на сокращение площади открытых пространств и большой облесенности территории, основаны, на наш взгляд, на неверной интерпретации материала. Все имеющиеся из указанных слоев 28 фрагментов костей косули и 6 костей марала имеют типичную голоценовую сохранность, характерную для вышележащей толщи, т.е. попали сюда, очевидно, в результате переотложения.

Слой 14а/1 и нижележащие, судя по дате слоя 14а/1 (> 40 тыс. л.н.), могут определяться как каргинские или докаргинские, с открытой нижней границей

Таблица 16. Частота встречаемости костных остатков видов крупных млекопитающих в сартанских и досартанских слоях Каминной пещеры

Таксоны	Слои 10а – 14б		Слои 14а/1 – 18	
	Экз.	%	Экз.	%
<i>Lepus cf. tanaiticus</i>	26	1,4	4	1,3
<i>Lepus tolai</i>	104	5,4	–	–
<i>Marmota baibacina</i>	251	13,1	17	5,5
<i>Canis lupus</i>	51	2,7	3	1,0
<i>Ursus arctos</i>	7	0,4	2	0,6
<i>Crocuta spelaea</i>	88	4,6	14	4,5
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	215	11,2	32	10,3
<i>Equus (E.) ferus</i>	274	14,3	37	11,9
<i>Equus ex. gr. hydruntinus</i>	4	0,2	–	–
<i>Alces alces</i>	5	0,3	–	–
<i>Cervus elaphus</i>	15	0,8	7	2,3
<i>Capreolus pygargus</i>	8	0,4	13	4,2
<i>Bison-Poëphagus</i>	183	9,5	52	16,7
<i>Saiga borealis</i>	65	3,4	22	7,1
<i>Capra-Ovis</i>	584	30,5	101	32,5
Всего костных остатков	1 880	100	304	100

[Деревянко, Маркин, 2005]. Для этой пачки отложений получено всего 318 определимых костных остатков, причем в слое 16 все обломки относятся к числу неопределимых, а слой 18 содержит лишь единицы определимых костей (см. табл. 1). Несмотря на разницу (почти в 9 раз) в объеме выборок фаунистических остатков из сартанских и досартанских слоев, была предпринята попытка их сравнения. Оказалось, что в нижней части плейстоценовой толщи относительное обилие таких видов, как шерстистый носорог, пещерная гиена, *Capra-Ovis*, изменилось незначительно. Напротив, количество остатков бизона возросло в 1,8 раза, сайгака – в 2,1 раза, марала – в 2,9 раза. Резко увеличилось количество костей косули (в 10,5 раза). Одновременно с этим сократилось количество степных форм: лошади – в 1,2 раза, сурка – в 2,4 раза, полностью исчез заяц-толай (табл. 16). Таким образом, на основе имеющихся данных для нижних (досартанских) слоев Каминной пещеры реконструируются лесостепные ландшафты. Формирование этих горизонтов (по крайней мере слоев 14а/1 – 15/2), судя по общему облику фаунистической ассоциации, может относиться к одному из интерстадиалов, скорее всего каргинскому.

Заключение

Таким образом, изучение палеотериологического материала из Каминной пещеры позволяет реконст-

турировать для заключительной части сартанского времени северо-запада Горного Алтая ландшафты холодных и малоснежных степей. В стадии потепления климата, возможно, появлялись элементы лесостепного ландшафта. Леса, по-видимому, сохранялись лишь кое-где по долинам рек и на склонах гор северной экспозиции. Присутствие костей манула, сайгака, зайца-толая и байкальского яка указывает на то, что средняя многолетняя глубина снежного покрова, скорее всего, не превышала 15–20 см. Фаунистическая ассоциация из нижней досартанской части разреза имеет выраженный лесостепной облик. Многочисленные остатки сайгака свидетельствуют, что глубина снежного покрова была не выше, чем в сартанскую эпоху.

Судя по имеющимся радиоуглеродным датам, на северо-западе Горного Алтая вплоть до конца сартанского времени (приблизительно до 11–10,5 тыс. л.н.) практически в полном составе сохранялась мамонтовая фаунистическая группировка, включавшая такие виды мегафауны, как мамонт, шерстистый носорог, бизон, байкальский як, лошадь, плейстоценовый осел, сайгак, пещерная гиена, пещерный лев, а также целый ряд видов, представленных в современной териофауне Алтая. Данный регион являлся, по-видимому, одним из последних на территории Евразии рефугиумов, где еще продолжали обитать представители мамонтового биома. По материалам Каминной пещеры отмечено уменьшение размеров зубов и костей посткраниального скелета (и тела со-

ответственно) волосатого носорога, бизона, лошади, и, вероятно, пещерной гиены относительно размеров этих же видов, обитавших на юге Западной Сибири в позднем плейстоцене.

Аккумуляция остеологических остатков в плейстоценовых отложениях Каминной пещеры происходила главным образом в результате жизнедеятельности хищных зверей – пещерных гиен, в меньшей степени волков, пещерного льва, бурого медведя, лисицы, а также хищных птиц. Отмечены немногочисленные порезы на фрагментах костей, оставленные палеолитическим человеком. Основными объектами его охоты являлись, очевидно, наиболее массово представленные виды – горные козлы, архары, сайгаки, бизоны и лошади. Судя по всему, человек не обитал в пещере постоянно. Его пребывание здесь носило эпизодический, возможно, сезонный характер. На протяжении большей части времени формирования плейстоценовой толщи пещера служила логовом или временным убежищем для хищных зверей, прежде всего пещерной гиены. В периоды отсутствия здесь человека хищники частично или полностью утилизировали и растаскивали накопившиеся отходы его охотничьей деятельности, что существенно затрудняет интерпретацию материала в археозоологическом аспекте.

Список литературы

Аверьянов А.О. Позднеплейстоценовый заяц *Lepus tanaiticus* (Lagomorpha, Leporidae) Сибири // Тр. / Зоол. ин-т РАН. – 1995. – Т. 263. – С. 121–162.

Аверьянов А.О., Кузьмина И.Е. Донской заяц, *Lepus tanaiticus* Gureev, 1964, из позднепалеолитических стоянок Костенки // Тр. / Зоол. ин-т РАН. – 1993. – Т. 249. – С. 66–91.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцене Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.К. Феденева, И.В. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1998. – 176 с.

Барышников Г.Ф. Пещерная гиена *Crocuta spelaea* (*Carnivora, Hyenaenidae*) из палеолитической фауны Крыма // Тр. / Зоол. ин-т РАН. – 1995. – Т. 263. – С. 3–45.

Барышников Г.Ф. Пещерная гиена (*Crocuta spelaea*): тафономия и адаптация // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. – С. 15–16.

Барышников Г.Ф., Каспаров А.К., Тихонов А.Н. Сайга палеолита Крыма // Тр. / Зоол. ин-т АН СССР. – 1990. – Т. 212. – С. 3–48.

Барышников Г.Ф., Верещагин Н.К. Краткий обзор четвертичных гиен (семейство *Hyenaenidae*) России и сопредельных территорий // Тр. / Зоол. ин-т РАН. – 1997. – Т. 270. – С. 7–65.

Боецкоров Г.Г. К систематическому положению и истории благородных оленей (*Cervus elaphus* L.) Якутии // Редкие виды млекопитающих России и сопредельных территорий. – М.: Териолог. об-во РАН и др., 1999. – С. 40–53.

Боецкоров Г.Г. Систематика и происхождение современных лосей. – Новосибирск: Наука, 2001. – 120 с.

Болиховская Н.С., Маркин С.В. Климатостратиграфическое расчленение отложений стоянки Каминная и позднеледниковые этапы развития растительности Северо-Западного Алтая // Третье Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода: Мат-лы совещ. – Смоленск, 2002. – Т. 1. – С. 18–20.

Васильев С.К. Тафономические особенности Тарадановского вторичного аллювиального местонахождения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – С. 164–168.

Васильев С.К. Крупные млекопитающие казанцевского и каргинского времени Новосибирского Приобья (по материалам местонахождения Красный Яр): Автoref. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2005. – 26 с.

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: ВО “Наука”, 1994. – Ч. 1. – С. 167–180.

Верещагин Н.К. О прежнем распространении некоторых копытных в районе смыкания Европейско-Казахстанских и Центральноазиатских степей // Зоол. журн. – 1956. – Т. 35, вып. 10. – С. 1541–1553.

Верещагин Н.К., Барышников Г.Ф. Палеоэкология поздней мамонтовой фауны в арктической зоне Евразии. – Бюл. Моск. об-ва испыт. прир. Отд. биол. – 1980. – Т. 85, вып. 2. – С. 5–19.

Галкина Л.И., Оводов Н.Д. Антропогеновая териофауна пещер Западного Алтая // Систематика, фауна, зоогеография млекопитающих и их паразитов. – Новосибирск: Наука, 1975. – С. 165–180.

Гептнер В.Г., Насимович А.А., Баников А.Г. Млекопитающие Советского Союза. – М.: Высш. шк., 1961. – Т. 2, ч. 1. – 776 с.

Гептнер В.Г., Слудский А.А. Млекопитающие Советского Союза. – М.: Высш. шк., 1972. – Т. 2, ч. 2. – 552 с.

Деревянко А.П., Гричан Ю.В. Исследование пещеры Каминная. Предварительные итоги раскопок в 1983–1988 гг. (плейстоценовая толща). – Препр. – Новосибирск: Изд-во ИИФИФ СО АН СССР, 1990. – 60 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Реконструкция природно-климатических событий в верхнем палеолите среднегорного пояса Северо-Западного Алтая (по результатам комплексного исследования пещеры Каминная) // Эволюция жизни на Земле: Мат-лы III Междунар. симп. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 333–335.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Болиховская Н.С., Орлова Л.А., Форонова И.В., Дупал Т.А., Гнибиденко З.Н., Ефремов С.А., Цынерт И.И. Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1999. – С. 98–104.

Дупал Т.А. Перестройка сообществ мелких млекопитающих на рубеже плейстоцена и голоцена Северо-

Западного Алтая // Палеонтолог. журн. – 2004. – № 1. – С. 78–84.

Косинцев П.А. Остатки крупных млекопитающих из Лобвинской пещеры // Материалы по истории современной биоты Среднего Урала. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1995. – С. 58–102.

Кузьмина И.Е. Формирование териофауны Северного Урала в позднем антропогене // Тр. / Зоол. ин-т АН СССР. – 1971. – Т. 49. – С. 44–122.

Кулик Н.А., Маркин С.В. К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – С. 136–141.

Маркин С.В., Джайлл Э. Дж.Т., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В. Интерпретация новых радиоуглеродных дат по пещере Каминная (Северо-Западный Алтай) // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – С. 262–266.

Млекопитающие Советского Союза / В.Г. Гептнер, Н.П. Наумов, П.Б. Юргенсон, А.А. Слудский, А.Ф. Чиркова, А.Г. Банников. – М.: Высш. шк., 1967. – Т. 2, ч. 1. – 1004 с.

Оводов Н.Д. Остатки крупных Bovidae в пещере Логово Гиены на Алтае // Первый международный териологический конгресс. – М., 1974. – Т. 2. – С. 87.

Оводов Н.Д. Буйвол (*Bubalus* sp.) в палеолите Южного Приморья на фоне палеофаунистических идей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – С. 173–180.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Пещера Окладникова на Алтае. Предварительная тафономическая оценка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – С. 175–184.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. “Странности” в поведении пещерных гиен (*Crocuta spelaea* Goldf.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – С. 181–183.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1995. – Ч. 2. – С. 206–231.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Дементьев В.Н. История мамонта в Сибири в позднеледниковые, 15 000–10 000 лет назад (по данным радиоуглеродного датирования) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 356–369.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Дементьев В.Н. Пространственно-временная модель вымирания плейстоценовой мегафауны Сибири: новые данные // Эволюция жизни на Земле: Мат-лы III Междунар. симп. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 368–369.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2003. – 448 с.

Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. – М: Гос. изд-во геогр. лит., 1946. – 336 с.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на истоки Жёлтой реки. – М.: Географгиз, 1948. – 406 с.

Behrenmeyer A.K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. – 1978. – N 4. – P. 150–162.

Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials from Pleistocene and modern *Equus*, wild and domestic // Meadow H.P. Uerpmann, Equids in the Ancient World, Beihefte zum *Tübinger Atlas des Vorderen Orients*, Reihe A. – Wiesbaden, 1986. – P. 116–163.

Germonpre M. Osteometric data on Late Pleistocene mammals from the Flemish Valley, Belgium // Documents de travail de L' I. R. Sc. N. B. Brussels. – 1993. – N 72. – 136 p.

Материал поступил в редакцию 27.03.06 г.

УДК 569

Н.И. Дроздов, В.П. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН

Лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири

Красноярск, Академгородок, 660036, Россия

E-mail: drozdov@kspri.ru

checha@kspri.ru

РАЗВИТИЕ ПРИРОДЫ ТАЙМЫРА В ПОЗДНЕМ НЕОПЛЕЙСТОЦЕНЕ – ГОЛОЦЕНЕ И МАМОНТОВАЯ ФАУНА

Введение

Одним из феноменов четвертичного периода являлась т.н. мамонтовая фауна. Вопросы природных условий проживания, причин вымирания отдельных ее представителей, в т.ч. мамонтов, являются дискуссионными [Верещагин, 1979; Верховская, 1988; Пучков, 2001; Шер, 1997; и др.]. Полуостров Таймыр относится к регионам Российской Субарктики и Арктики, наиболее насыщенным остатками мамонтов, датируемыми в широком диапазоне – поздним неоплейстоценом – голоценом. Таким образом, полуостров был одним из мест наиболее позднего проживания и последующего вымирания мамонтов.

Четвертичный период в истории Таймырского полуострова изучен гораздо более детально, чем, например, северной и центральной частей Средне-Сибирского плоскогорья. Наиболее значимыми являются результаты исследований, проводившихся отраслевыми и академическими институтами в конце 1930-х и в 1940-е гг. в связи с освоением Северного морского пути. В этих изысканиях участвовали: Геологический институт АН СССР, Институт геологии Арктики (НИИГА), Институт Арктики и Антарктики (ААНИИ, Главсевморпуть). Широкомасштабные геологосъемочные работы здесь были развернуты в 1970-е и 1980-е гг. производственными геологическими объединениями “Аэрогеология” и “Красноярскгеология”. Сотрудники Биологического и Зоологического институтов АН СССР многие годы вели палеоботанические и палео-зоологические исследования. В 1990-е гг. изучение

четвертичного периода продолжили ученые ААНИИ. Параллельно с перечисленными работами проводились исследования местонахождений останков мамонтов. Несмотря на многолетнее изучение природы Таймыра четвертичного периода, многие вопросы палеогеографии, палеоландшафтоведения остаются дискуссионными. Это определяет многообразие точек зрения на эволюцию и причины вымирания отдельных представителей мамонтовой фауны.

Мы полагаем, что условия обитания, состояние пищевых ресурсов мамонтовой фауны в позднеплейстоценовый – голоценовый периоды истории Таймыра определялись: 1) масштабами, формой проявления и длительностью оледенений, трансгрессий и регрессий как мощных факторов палеогеографических изменений; 2) климатическими и погодными показателями, в т.ч. сезонными; 3) характером и эволюцией, гидрологическими особенностями многолетней мерзлоты; 4) характером растительных сообществ, их биологической продуктивностью, флористическим составом фитоценозов. Цель работы – на основе опубликованных материалов рассмотреть историю развития природы Таймыра в позднем неоплейстоцене – голоцене с учетом особенностей условий обитания мамонтов.

Казанцевское время

Этот этап характеризовался трансгрессией вод Арктического бассейна на Северо-Сибирскую низменность с аккумуляцией соответствующих осадков. Море на-

ступало с запада на восток с уменьшением в этом же направлении глубин. Горы представляли собой изолированные морем группы низко-, средневысотных массивов. Лишь на востоке Северо-Сибирской низменности существовали прибрежные денудационные равнины, где происходило выравнивание рельефа и формирование аллювиальных и озерных осадков. К этому времени относится частичная деградация многолетней мерзлоты. В конце казанцевского этапа и в раннемуруктинское время при отступании моря формировались аккумулятивно-абразионные террасы высотой 60–70 и 80–100 м [Стрелков, 1965]. Максимальное развитие морские террасы получили на севере Таймыра. В настоящее время в пределах Северо-Сибирской низменности они фиксируются на вершинах и склонах структурно-денудационных гряд. В озерах была развита богатая и разнообразная диатомовая бореальная флора, а в морском бассейне – бореальные, аркто boreальные комплексы фораминифер.

Для восточной части полуострова этого времени на прибрежных низменностях реконструируется следующая стадийность развития растительного покрова: 1) существование ерниковой (с болотной растительностью), ивняковой, вересковой растительности; 2) появление ели, сосны, березы; 3) дальнейшее продвижение лесной растительности на север, примерно до широты бухты Марии Прончищевой ($75^{\circ} 30'$ с.ш.), т.е. до района современной арктической тундры [Бердовская, Гей, Макеев, 1970]. В бассейнах Логаты, Бол. Балахни ($73^{\circ} 30'$ с.ш.) в период оптимума казанцевского межледникового была развита лесотундра, сходная с современной лесотундрой низовьев р. Котуй ($71^{\circ} 30'$ – 72° с.ш.). Вероятно, существовали участки разреженных северотаежных лиственничных лесов с примесью ели, кедра, березы, сосны [Антропоген Таймыра, 1982; Фишер и др., 1990]. В настоящее время здесь развита мохово-лишайниковая (типичная) тундра. Для казанцевского времени реконструированы следующие климатические показатели: среднегодовая температура составляет $-10\ldots -11^{\circ}\text{C}$ (-14°C)*, температура января -34°C ($-34\ldots -35^{\circ}\text{C}$), температура июля $12\ldots 14^{\circ}\text{C}$ ($6\ldots 8^{\circ}\text{C}$), осадки 400 мм (250 мм). Таким образом, климат в казанцевское время был более влажный и теплый, чем современный.

Муруктинское время

Муруктинский этап – время предледниковой регрессии моря, похолодания и наземного оледенения. Масштабы последнего специалисты оценивают по-разному. Одни считают, что льды на начальной, северосибир-

ской стадии покрывали всю Северо-Сибирскую низменность от Енисея до Попигая. Центры оледенений – Северо-Сибирский (шельф Карского моря, Северная Земля, горы Бырранга), Путоранский и Анабарский. Мощность ледникового щита в первом центре составляла более 2 км, а гляциостатическое прогибание 300–400 м. Смыкание ледников происходило у северной окраины Средне-Сибирского плоскогорья, в зоне долин рек Хеты и Хатанги. Максимальная активность ледников проявилась на западе Таймыра. Поскольку напорные моренные гряды представлены фрагментарно и в целом краевые ледниковые образования выражены плохо, можно предположить, что льды быстро теряли связь с центрами оледенений и превращались в массы “мертвых льдов”. Последние при дегляциации обеспечивали широкое развитие водно-ледниковых потоков, камов, озер [Стрелков, 1965]. Позже, на северококорской стадии [Антропоген Таймыра, 1982], в восточной и центральной частях низменности смыкания льдов двух первых центров оледенения не проходило. Вероятно, в муруктинское время в основных чертах был сформирован современный рельеф, представленный сочетанием обширных низин, гряд, холмов, озерных впадин, долин, плоских участков. С точки зрения других исследователей, муруктинское оледенение было настолько маломощным и малоактивным, что не оказало никакого геологического воздействия на подстилающую поверхность. При таянии льда сформировался холмисто-грядовый рельеф [Загорская, 1961]. Мнения о существовании в Арктике и Субарктике в позднем плейстоцене не ледниковых щитов, а малоподвижных разрозненных скоплений снега и льда придерживаются Д.Ю. Большиянов и Г.Б. Федоров [Большиянов, Федоров, Савельева, 2001]. Наконец, есть предположение, что муруктинскому этапу (80–47 тыс. л.н.) соответствовали оживление процессов денудации и эрозии с врезом долин до 40 м, а также формирование основных черт рельефа – крупных речных долин и впадин. В Северо-Сибирской низменности (бассейны рек Новая, Балахня, Логата, Верх. Таймыра, Хатанга) ледники отсутствовали; описываемые же ледниковые и водно-ледниковые отложения являются следами среднечетвертичного максимального оледенения [Фишер и др., 1990].

Относительно прочих природных условий муруктинского времени данных очень мало. По мнению Л.С. Троицкого [1966], представители мамонтовой фауны на западе Таймыра появились лишь после отступления ледника. На основе сведений о крайне низком содержании спор и пыльцы в соответствующих отложениях, высоких показателей удельного веса переотложенных мезозойско-кайнозойских палиноглобул сделан вывод об исключительно суровых климатических условиях [Украинцева, 1991]. Исходя из этого, можно предположить, что для бассейна р. Но-

* Здесь и далее в скобках приводятся современные показатели.

вой ($72^{\circ}\text{--}73^{\circ}$ с.ш.) был характерен растительный покров полярно-пустынного типа, близкий современной растительности на м. Челюскин, хотя указанные особенности, по нашему мнению, могут быть следствием активных процессов денудации и эрозии в то время.

Каргинское время

На каргинском этапе вновь произошла ингрессия морских вод вглубь низменности по речным долинам. Этот процесс отражают древние береговые линии в районах оз. Таймыр и р. Бол. Балахни на абсолютных высотах 50–100 м [Антропоген Таймыра, 1982]. Глубина моря уменьшалась к востоку, что свидетельствует о проникновении вод с запада. Озеро Таймыр было частью глубоко вдававшегося в сушу эстуария (рис. 1). Река Пясина (до одноименного озера) также была эстуарием. Два указанных залива в позднекаргинское время соединялись по долинам рек Тарея и Аятари. Таким образом, резкое сокращение ингрессии моря с возникновением множества отштукрованных озерных бассейнов относится ко второй половине каргинского времени (32–26 тыс. л.н.). Предполагается широкое развитие озерных бассейнов и вне границ ингрессии с формированием комплекса озерных, озерно-аллювиальных осадков, датируемых по ^{14}C 46,3–25,7 тыс. л.н. [Фишер и др., 1990]. Отложения содержат много растительного деградации, торфа, костных остатков, диатомей, т.е. являются информативными в палеогеографическом отношении. На этом этапе была сформирована основная (третья) терраса высотой 25–30 м. В конце каргинского времени, возможно, произошла некоторая перестройка рек и началось формирование второй террасы (15–20 м). Каргинские отложения являются многолетнемерзлыми и содержат сегрегационные жильные льды. Во время ингрессии была возможна некоторая деградация “вечной” мерзлоты [Стрелков, 1965].

В природном отношении каргинское время было неоднородно. Н.В. Кинд [1974] и другие специалисты выделяют на севере Сибири для этого периода три потепления и два похолодания. В бассейнах рек Захарова Рассоха, Новая ($72^{\circ}\text{--}73^{\circ}$ с.ш.) во время первого потепления (50–45 тыс. л.н.) получили распространение ландшафты, близкие к нынешней редкостойной северной тайге с лиственницей, елью, березой, а также с кустарниковой березой, ивой, ольховником. В нижнем ярусе отмечено много папоротников, мхов, плаунов, а из трав – осок, злаков, разнотравья.

Для указанного времени рассчитаны следующие количественные палеоклиматические показатели: среднегодовая температура составляет -12°C (-14°C), температура января -34°C (-35°C), температура июля – до 14°C (6 … 8 °C), осадки 400–450 мм (250 мм). В настоящее время рассмотренный район находится,

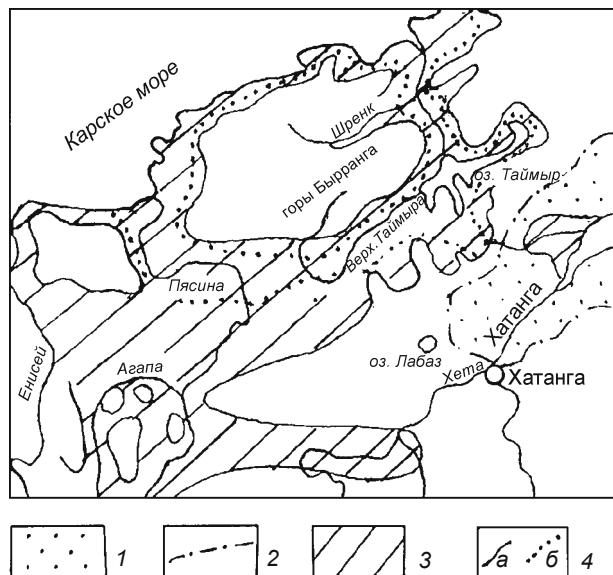

Рис. 1. Схема распространения морского бассейна на Таймыре в позднемуруктинско-каргинское время (по: [Антропоген Таймыра, 1982]).

1 – современная суша, заливавшаяся в позднезырянское время; 2 – береговая линия позднезырянского бассейна; 3 – современная суша, заливавшаяся морем в каргинское время; 4 – береговые линии: а – раннекаргинского (50–33 тыс. л.н.), б – позднекаргинского (32–26 тыс. л.н.) бассейнов.

по одним данным, в подзоне кустарниковой (южной) тундры, по другим – в подзоне северной (или типичной) тундры. В оптимум каргинского времени климатические параметры были близки указанным, в водных бассейнах встречались вахта (*Menyanthaceae*), урут (*Myriophyllum*), рдест (*Potamogeton*). Для первого похолодания (45–42 тыс. л.н.) температуры июля понижались до 10°C , осадки составляли ок. 400 мм [Антропоген Таймыра, 1982].

Стадийность развития растительности в каргинское время в бассейне р. Новой сотрудниками Биологического института АН СССР [Украинцева, 1991] представляется следующим образом: 1) злаково-разнотравные и осоково-злаковые сообщества (для отложений по остаткам мамонта определена дата по ^{14}C : более 53,2 тыс. л.н.); 2) кустарниковая тундра (39 тыс. л.н.), сменившаяся позже осоково-лиственничными лесами (34,7 тыс. л.н., малохетское потепление); 3) лиственничные леса, кустарниковая и моховая тундра (29,8 тыс. л.н.), сменившаяся елово-лиственничными лесами и к концу каргинского этапа (23,2 тыс. л.н.) – лиственничными редкостойными лесами (липовско-новоселовское потепление). Ствол лиственницы, датируемый по ^{14}C (ок. 23 тыс. л.н.), был обнаружен к югу от бухты Марии Прончищевой ($75^{\circ}\text{--}76^{\circ}\text{ 30'}$ с.ш.) [Макеев, 1975]. Для озерных бассейнов каргинского времени в эпохи потеплений было характерно повышение уровней, обилие и разнообразие диатомо-

вой флоры с присутствием южно- boreальных видов. В эпохи похолоданий уровень озер снижался, флора значительно обеднялась [Черкасова, 1981].

Таким образом, каргинское время отмечено ритмичным чередованием более теплых и влажных, чем сейчас, или близких к ним (50–45; 42–34; 29–24 тыс. л.н.) и более холодных, чем сегодня, или близких к ним (45–42; 34–29 тыс. л.н.) периодов. Улучшение климатической обстановки происходило за счет повышения температур января, июля и увеличения годового количества осадков. Ухудшение природных условий определялось понижением июльских температур [Никольская, Климанов, Борисова и др., 1989]. Сдвиг природных зон (лесотундра, северная тайга) составлял ок. 100–200 км; при похолоданиях восстанавливалась близкая к современной ландшафтная структура [Фишер и др., 1990].

Сартанское время

Это время последнего в позднем плейстоцене значительного похолодания. Существуют полярные мнения относительно размеров последнего позднеплейстоценового оледенения (рис. 2). Согласно одному, оледе-

нение было локализовано в пределах плато Пutorана, другому – охватывало северо-запад Средне-Сибирского плоскогорья, Северо-Сибирскую низменность, горы Бырранга, шельф Карского моря, причем признается в целом небольшая мощность льдов на полуострове при резком сокращении оледенения (как и для предыдущих эпох похолоданий) с запада на восток. Одним из доказательств сказанного является отсутствие на Таймыре признаков значительного гляциостатического прогибания и последующего поднятия в голоцене.

В сартанский период в центральной и восточной частях Северо-Сибирской низменности в понижениях рельефа существовали озера. Их образование, по мнению одних специалистов, связано с подпруживанием рек, имевших сток на север и запад. Максимум озерной трансгрессии, когда озера могли сливаться, образуя крупные бассейны (например, гипотетический озерный бассейн Пра-Лабаз, реликтом которого сегодня является оз. Лабаз), очевидно, был связан с дегляциацией ледников [Антропоген Таймыра, 1982]. С точки зрения других исследователей, заозеренность Северо-Сибирской низменности была высокой и перманентной на всех этапах, что присуще аккумулятивным низменным равнинам в районах многолетней мерзлоты.

Распад и дегляциация сартанских льдов произошли ранее 16 тыс. л.н. Косвенно об этом можно судить по следующим данным. В начале этапа уровень оз. Таймыр был высоким ввиду подпруды ледниковой плотиной местного ледника, перегораживавшего долину р. Ниж. Таймыры в районе р. Шренк – ее левого притока. Позднее 16,8 тыс. л.н. уровень озера катастрофически упал гораздо ниже современного [Большинов, Федоров, Савельева, 2001]. При оживлении эрозионного вреза ок. 16 тыс. л.н. начала формироваться вторая надпойменная терраса основных рек. Пойменные отложения второй террасы р. Мамонты (Северный Таймыр) с останками “таймырского мамонта” датируются по ^{14}C 11,5–11,7 тыс. л.н. Таким образом, к аллерею (новоселовское потепление) терраса была сформирована. На всем протяжении сартанского этапа продолжала сохраняться многолетняя мерзлота с образованием сингенетических подземных льдов, полигональных структур и т.д.

Для сартанских отложений характерно обилие костей мамонтов, лошадей, оленей, бизонов, овцебыков, хотя растительных остатков, по сравнению с каргинским временем, здесь мало. Следовательно, в сартанское время климатические условия были, вероятно, значительно более суровые, чем в настоящее время. О большой сухости климата свидетельствуют и многочисленные эоловые формы рельефа вне озерных впадин [Антропоген Таймыра, 1982; Фишер и др., 1990]. Так, в долине р. Хеты (ниже устья р. Боярки) в ископаемых спектрах отложений, для которых определена

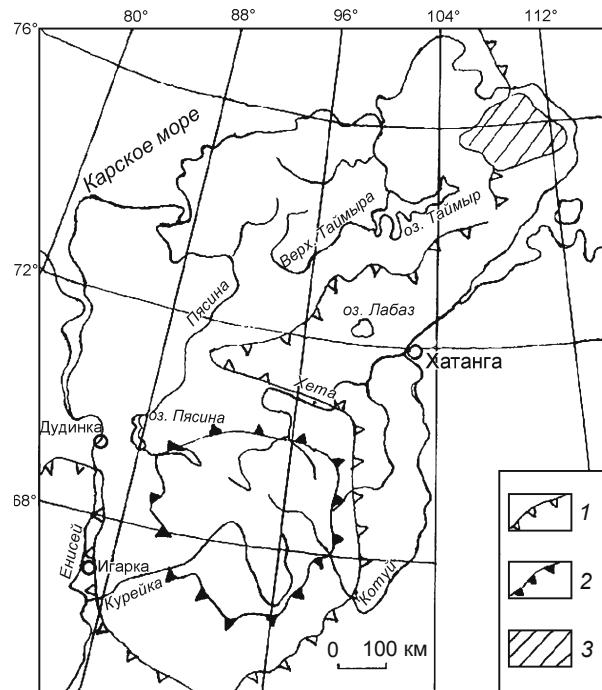

Рис. 2. Схема распространения сартанского оледенения на Таймыре и сопредельных территориях (по: [Развитие ландшафтов..., 1993]).

1 – граница максимальной площади покровного оледенения (зубцы направлены во внеледниковую зону); 2 – граница минимальной площади покровного оледенения (зубцы направлены во внеледниковую зону); 3 – территория сегчатого, полупокровного оледенения с фирновыми полями и малоактивными шапками льда.

дата по ^{14}C : $10\ 860 \pm 80$ л.н. (ГИН-674), ведущую роль играют пыльца и споры осок, мхов с примесью пыльцы злаков, полыней и единично кустарников (березка, ива). Это позволяет считать растительность типичной тундровой (в настоящее время здесь распространена лесотундра) [Никольская и др., 1980], а температуры ниже современных [Никольская, Борисов, Каплянская и др., 1989]. Вместе с тем для конца сартанского этапа реконструируются близкие к современным растительные группировки, а фиксирующиеся южнее позднеледниковые похолодания (поздний дриас, или норильская стадия, $-10,2\text{--}10,9$ тыс. л.н.) не отмечаются. Так, для бассейнов рек Бол. Лесная Рассоха, Захарова Рассоха ($72\text{--}73^\circ$ с.ш.) это осоково-злаковые, злаково-разнотравные ассоциации, моховая тундра, лиственничные леса (ок. 10,5 тыс. л.н.), для бассейна р. Бол. Балахня ($73^\circ 30'$ с.ш.) – кустарниковые и кустарничковые моховые тундры (ок. 10,5 тыс. л.н.), для бассейна р. Мамонта (74° с.ш.) – моховые, пушице-осоковые тундры с полярной ивой (ок. 11,5 тыс. л.н.) [Украинцева, 1991]. Отметим, что в настоящее время указанные бассейны рек находятся в подзонах южной (р. Бол. Лесная Рассоха), типичной (р. Бол. Балахня) и арктической (р. Мамонта) тундр. Непосредственным свидетельством существования в норильской стадии сартанского похолодания древесной растительности в бассейне р. Новой (р. Бол. Лесная Рассоха) являются сохранившиеся на второй надпойменной террасе пни лиственниц в прижизненном состоянии. Согласно определению абсолютного возраста древесины одного из пней, лиственница произрастала $10\ 500 \pm 500$ л.н. (ИМ-671), т.е. в самом конце сартана, в позднем дриасе [Белорусова, Ловелиус, Украинцева, 1987]. Имеются и другие данные о потеплении на севере Азии ранее голоцене. Так, на о-ве Свердруп в Карском море (в 100 км от побережья Таймыра) к интервалу $11\ 640 \pm 40$ – $9\ 770 \pm 280$ л.н. относится формирование осоковых торфяников [Тарасов и др., 1995]. Это позволяет считать климат на указанном отрезке времени более теплым, чем сейчас.

Интересные выводы получены по данным изучения изотопного состава повторно-жильных льдов м. Саблера на оз. Таймыр [Деревягин и др., 1999]. Образование льдов здесь длится с каргинского по настоящее время с небольшими перерывами (ок. 27 и 12 тыс. л.н.), фиксируемыми мощными торфяно-минеральными прослойками. Около 30 тыс. л.н. (очевидно, время коноцельского похолодания) среднезимние температуры опускались ниже современных на 9°C . В сартанское время (18–12 тыс. л.н.) среднезимние температуры постепенно повышались с -29 до -25°C , в голоцене они были близки современным (-23°C). По мнению Д.Ю. Большиянова и Г.В. Федорова [2001], 13,5–9,7 тыс. л.н. и в оптимуме каргинского времени (41–35 тыс. л.н.) условия природной

среды на Таймыре были принципиально схожими и, судя по обилию костей мамонта в отложениях указанных интервалов, наиболее благоприятными для жизни этих крупных млекопитающих.

Голоцен

Границей между поздним неоплейстоценом и голоценом в абсолютном летоисчислении обычно считается рубеж $10,2\text{--}10,3$ тыс. л.н. [Кинд, 1974; Хотинский, 1977]. В голоцене были образованы первая терраса крупных рек Таймыра (10–7 тыс. л.н.) и их высокая пойма (6,5–4,5 тыс. л.н.), формировались низкая пойма, озерные и аллювальные отложения, активно развивались термокарстовые, криогенные и склоновые процессы. Продолжалось торфообразование, особенно на площадках каргинских террас. В голоценовых отложениях разного возраста (аллювиальные, озерные, склоновые) обычны многочисленные растительные остатки. Их максимальная концентрация отмечена на востоке Таймыра в отложениях, датируемых 7–5 тыс. л.н. [Стрелков, 1965; Антропоген Таймыра, 1982]. Во время суб boreального похолодания активизировались ледники в горах Бырранга. Предполагается, что оледенение в это время в 8–10 раз превосходило современное. Как уже отмечалось, 11,6–9,0 тыс. л.н. на о-ве Свердруп происходило образование торфяников. Исходя из этого, можно предположить, что на острове растительность была примерно такая же, как в зоне типичных тундр в центральной части Таймыра, а побережье полуострова занимали арктические тундры. Такое нарушение географической зональности соответствовало переходному времени от сартана к голоценовому периоду. Восстановление “нормальной” зональности произошло ок. 8,5–7,5 тыс. л.н., когда на Северной Земле начали формироваться ледяные щиты. Подобный “палеогеографический парадокс” пока не поддается объяснению, но позволяет говорить о метахронности климатических событий в Арктике, причем на всем циркумполярном пространстве [Большиянов, 2000].

В геологических разрезах отложений пред boreального периода, датируемых по ^{14}C 9,2–9,3 тыс. л.н., по рекам Бол. Романиха, Бол. Балахня, Бол. Рассоха ($71\text{--}74^\circ$ с.ш., тундры южная, типичная, северная) получены микрофоссилии, указывающие на растительность, близкую современной [Никольская и др., 1980]. Отмечено продвижение к северу от Бол. Балахни кустарниковой бересклеты [Никольская, Черкасова, 1982].

В boreальный период произошло первое существенное потепление климата. Это фиксируется палеоботаническими материалами, полученными из отложений, датируемых по ^{14}C 8,8–8,2 тыс. л.н. Январские температуры повысились на $1\text{--}2^\circ\text{C}$, июльские – на

1–6 °C (максимально в арктической тундре), а осадки увеличились на 50–100 мм [Никольская, Борисова, Каплянская и др., 1989]. На этом этапе (9–8 тыс. л.н.) шло интенсивное торфоакопление и заболачивание территории, подзона южной тундры с лиственницей, ольховником была распространена почти до широты оз. Таймыр (74° с.ш.) [Белорусова, Ловелиус, Украинцева, 1987]. Согласно результатам анализа торфяника на р. Мал. Хета в зоне лесотундры (дата по ^{14}C : $8\ 500 \pm 200$ л.н. (ГИН-26)), этому времени соответствуют лесная фаза и распространение ели. По мнению Н.А. Хотинского [1977], бореальный период голоценена в Сибири был наиболее теплым и влажным. Вывод о потеплении в атлантический период голоценена (8–4,5 тыс. л.н.) сомнений у исследователей не вызывает, но масштабы его оцениваются по-разному. Для первой половины указанного периода данных мало; достаточно хорошо изучен климатический оптимум голоценена (5–6 тыс. л.н.). Считается, что именно в это время на Таймыре сложились максимально благоприятные условия для произрастания древесной растительности [Антропоген Таймыра, 1982]. В ископаемых спорово-пыльцевых спектрах в подзоне южной тундры отмечается пыльца “термофильных” древесных пород – березы, сосны, ели, лиственницы и даже пихты. Среди кустарников чаще доминирует более “термофильный” ольховник. На юге Северо-Сибирской низменности появились, очевидно, редкостойные северотаежные леса и перелески, сопровождаемые в виде примеси березой, елью. Считается, что в оптимум голоценена северная граница лиственничного редколесья (лесотундра) была примерно на широте оз. Таймыр или несколько южнее ($72^{\circ}\ 50'$ с.ш.), а граница древесной растительности проходила по побережью [Белорусова, Ловелиус, Украинцева, 1987]. В 80–100 км южнее м. Челюскин обнаружены пни, стволы лиственниц [Мирошников, 1958], но их абсолютный возраст не определен. Указанные соображения противоречат мнению ботаников о том, что в период формирования тундровых ландшафтов древесная растительность не проникла в арктическую тундру. Интересен как природный памятник ископаемый лиственничный лес в нижнем течении р. Новой, описанный еще в 1937 г. Л.Н. Тюлиной и относимый к оптимуму голоценена [Белорусова, Ловелиус, Украинцева, 1987]. Лиственницы здесь были в то время мощнее, чем нынешние, растущие лишь небольшими куртинами.

Для южной тундры в интервале 6–6,5 тыс. л.н. реконструированы следующие климатические показатели: температура июля была выше современной на 2–4 °C, января – на 1–2 °C, осадков было больше, чем сейчас, на 50–150 мм [Никольская, Борисова, Каплянская и др., 1989]. Высказывалось предположение и об аномально высоких летних температурах. Судя по древесине и палинологическим данным, откло-

нение июльских изотерм от современных значений составляло не менее 8–10 °C. Таким образом, среднемесячная температура июля у м. Челюскин должна была равняться 10...12 °C (современная 2 °C). Максимальные аномалии приходились на восток Таймыра [Белорусова, Ловелиус, Украинцева, 1987].

Результаты палеореконструкций выявили сходство между оптимумом голоценена и бореалом [Никольская и др., 1980] и очень большое сходство между оптимумом голоценена и оптимумом каргинского времени – 42–43 тыс. л.н. [Никольская, Климанов, Борисова и др., 1989]. В суббореальный период (4,5–2,5 тыс. л.н.) климатическая обстановка существенно ухудшилась [Никольская и др., 1980], хотя в лесотундровой зоне значительных изменений, похоже, не произошло. Очевидно, началась деградация лесных массивов. В районе урочища Ары-Мас вместо елово-лиственничных редколесий, ерников, ольховника стало господствовать лишь лиственничное редколесье с выпадением ели и древовидной бересы [Мироненко, Савина, 1975]. Торфообразование в регионе сократилось. На месте осущенных термокарстовых озер формировались аласы. На востоке гор Бырранга активизировались ледники.

Обсуждение результатов

Благоприятными для проживания мамонтов, согласно наиболее распространенной точке зрения, являлись резкоконтинентальный, аридный, криоаридный, холодный климат с малоснежной зимой и твердые прочные грунты. При таком климате на севере Евразии в позднем плейстоцене, вероятно, существовали своеобразные гиперзональные перигляциальные ландшафты типа криоксеротической тундростепи, образовавшиеся при полной перестройке в эпохи похолоданий зональной ландшафтной структуры [Шер, 1971, 1997; Величко, 1973; Томирдиаро, 1980; Шило, 2001]. Полагают, что тундростепи, по аналогии с современными травянистыми степями, были высокопродуктивными (“кормные”, по Н.К. Верещагину) и обладали необходимой для крупных растениевядных животных фитомассой. Отдельные ученые даже предполагают господство богатейших высокотравных злаковых и других лугов [Томирдиаро, 1980]. В целом считается, что мамонт был адаптирован к весьма узкому диапазону ландшафтно-климатических изменений [Величко, Зеликсон, 2001].

Потепление на границе плейстоцена – голоценена обусловило рост влагообеспеченности Субарктики и Арктики, распад гиперзональной растительности и восстановление лесной зоны, деградацию многолетней мерзлоты, обильные снегопады и увеличение снежного покрова, широкое развитие термокарста и сильную

заболоченность, заозеренность. Тундры стали “мало-кормными”. Все это привело к вымиранию отдельных представителей мамонтовой фауны [Верещагин, 1979]. По степени природных изменений переход к голоцену оценивается как “ландшафтная катастрофа”. Но природа Северной Азии в позднем плейстоцене пережила несколько эпох потеплений, что в целом существенно не влияло на жизнестойкость мамонтовой фауны. Поэтому специалисты предполагают, что голоценовое потепление привело к появлению принципиально иных растительных ассоциаций, не аналогичных существовавшим ранее и не способных прокормить крупных травоядных [Шер, 1997]. Все это стало причиной вымирания последних.

Оценим эволюцию природной среды Таймыра и мамонтовой фауны в позднем плейстоцене – голоцене, исходя из приведенных палеогеографических материалов и учитывая современные эколого-географические условия полуострова.

Оледенения, трансгрессии и регрессии Полярного бассейна. В последние годы в ходе исследований были получены новые данные, позволяющие говорить о малой активности, небольших масштабах сартанского оледенения в Арктике и Субарктике. Подобная точка зрения была обоснована для Средней Сибири еще в 40-е гг. прошлого столетия В.Н. Саксом [1953, Чеха, 2000]. В максимум сартанского похолодания (20–18 тыс. л.н.) при регрессии моря архипелаг Северная Земля соединился с Таймыром. Как и ранее, в позднекаргинское относительно теплое время, так и в рассматриваемый, очевидно, климатически сухой период, мамонты проникали на Северную Землю по скованному мерзлотой осушенному шельфу (24–19 тыс. л.н.). Подъем уровня моря с минимальных отметок начался ок. 16 тыс. л.н. [Большиянов, Макеев, 1995]. Разъединение арктических островов с Таймыром окончательно произошло, очевидно, ок. 10 тыс. л.н. вследствие голоценовой трансгрессии. Повышение увлажнения должно было способствовать росту ледников на Северной Земле, но масштабность оледенения была незначительной и ледники уступали современным. Дата по ^{14}C для бивня мамонта с о-ва Октябрьской Революции ($11\ 500 \pm 60$ л.н. (ЛУ-610)) [Макеев, Арсланов, Гарутт, 1979] позволяет предполагать, что либо на Северную Землю мамонты проникли повторно после уменьшения ледниковых покровов, либо здесь они пережили сартанскую стадию оледенения. В любом случае можно говорить о дальних, много-соткилометровых миграциях этих животных и их экологической пластичности, приспособляемости к резко различающимся природным условиям на континенте и арктических островах.

Обращает на себя внимание потепление, причем значительное, на арктических островах (архипелаг Северная Земля, о-в Свердрупа) ок. 12–10 тыс. л.н., ког-

да там появились кустарниковая и типичная тундры. Дополнительные данные о существенном потеплении в высоких широтах Арктики ранее голоцена (14–10 тыс. л.н.) и в предбюреале (10–9 тыс. л.н.) приведены выше. В современных условиях мамонты на Северной Земле выжить бы не смогли из-за скудной растительности [Там же]. Особенность природы высоколатитной Арктики – отсутствие следов позднедриасового похолодания и потепления в атлантический период голоцена. Очевидно, на Таймыре, даже на западе полуострова, условий для значительного сартанского оледенения также не было. Происходило нормальное озерное, озерно-аллювиальное накопление осадков.

Многолетняя мерзлота. Наличие многолетнemerзлых грунтов было важнейшим фактором, определявшим многие палеоландшафтные характеристики региона. Согласно результатам фациальных исследований мерзлых толщ на побережье моря Лаптевых, проводившихся еще в 40–50-е гг. XX в., говорить о каких-либо существенных колебаниях климата в четвертичное (очевидно, в позднечетвертичное) время не приходится, поскольку, во-первых, подземные льды имеют жильное происхождение, во-вторых, в толщах отсутствуют следы эпигенетического промерзания либо признаки промерзания после глубокого оттаяния (например, в конце межледниковой). Особенность истории оледенения Сибири вне гор – крайне слабое различие между ледниками и межледниковоыми эпохами [Вторин и др., 1957]. Последующими исследованиями было подтверждено, что севернее Полярного круга в казанцевское, каргинское время, голоцене деградации мерзлой толщи не было. При потеплениях климата сохранялась отрицательная среднегодовая температура толщ в рамках постоянных отрицательных среднегодовых температур воздуха [Фотиев, Данилова, Шевелева, 1974]. По сути это же фиксируется при изучении жильных льдов на м. Саблера, у оз. Лабаз (Восточный Таймыр).

В целом, несмотря на крайне сложные взаимоотношения деградационно-аградационных процессов в мерзлых толщах, в удаленных от южной границы многолетней мерзлоты северных районах (каковым является Таймыр) влияние короткопериодических колебаний температур на листистые толщи выражено весьма слабо. Инерция вечномерзлых толщ также достаточно велика для обширных зон устойчивого охлаждения при исторических колебаниях климата [Попов, Тушинский, 1973]. Видимо, в прошлом лишь в границах морских трансгрессий, мощных ледниковых покровов могли происходить более или менее кардинальные изменения в распространении и характеристиках многолетней мерзлоты.

Учитывая вышеизложенное и принимая во внимание современные температурные параметры зоны сплошной многолетней мерзлоты на Таймыре, мы

полагаем, что глубокого регионального оттаивания мерзлых толщ ни в голоцене, ни на более ранних этапах позднего плейстоцена не происходило (возможно, исключая зоны казанцевской, каргинской трансгрессий). Широкое развитие термокарста, заозерность, замшелость – перманентные свойства тундровой и лесотундровой зон Таймыра со сплошной очень мощной мерзлотой и льдистыми грунтами. Об этом можно судить по широкому развитию в разрезах четвертичных отложений Арктики и Субарктики торфов, озерных и болотных образований. Масштабность указанных явлений и интенсивность процессов торфообразования, озерного и болотного осадконакопления в позднем плейстоцене, конечно, изменились. Но, по нашему мнению, не настолько, чтобы считать это следствием “ландшафтной катастрофы” на границе плейстоцена – голоцена, как это считают сторонники тундростепной концепции.

Природно-климатические изменения. На протяжении позднего плейстоцена на Таймыре чередовались периоды потеплений и похолоданий, что является отражением общепланетарной эволюции природы. Но оценка глубины природных изменений, соотношения этапов с различной тепло-, влагообеспеченностью в этом, как и в других регионах Северной Евразии, является дискуссионной. В целом разные геохронологические шкалы позднего плейстоцена и голоцена относительно близки по суммарному количеству теплых и холодных эпох. Вследствие климатических изменений происходили существенные сдвиги природных зон, достигавшие 100–200 км. В эпохи потеплений зона лесотундры расширялась к северу, типичная тундра внутризонально замещалась южной. На основе современных климатических показателей указанных природных зон и подзон исследователями составлены температурные и влажностные характеристики отдельных эпох позднего плейстоцена и голоцена. Очевидно, что при столь высоких градиентах летних температур на Таймыре, которые являлись определяющими для вегетации, произрастания растительности, сдвиг природных зон и подзон должен был происходить так же резко.

Критически оценивая палеогеографические сценарии прошлого, можно привести интересные данные геоботаников о современных тепловых требованиях деревьев, составляющих в Субарктике северную границу лесов, а также кустарников и кустарничков. Если среднесуточные температуры воздуха равняются 7–8 °C, а дневные на протяжении трех-четырех часов превышают 11 °C и такие температуры держатся в течение пяти-шести недель, то у ели сибирской, лиственницы сибирской, карликовой берески и различных кустарничков (голубика, брусника и др.) происходит нормальный прирост, они цветут и плодоносят. Большое значение имеет температура почвы. Если на

глубине 15–20 см (где в Субарктике располагается основная масса корней) она достигает 5 °C, а в более глубоких горизонтах 2–3 °C, то такие почвы вполне благоприятны для произрастания указанных выше деревьев. Летом на Таймыре в типичной тундре температура почвы на указанной глубине не опускается ниже 5–6 °C. Таким образом, в настоящее время действительная граница леса не соответствует тепловым характеристикам. На Таймыре эта полоса отставания составляет 250–350 км [Крючков, 1967]. Сдвиг же древесной растительности в эпохи потеплений позднего плейстоцена, по результатам палеогеографических реконструкций, не превышал 150–200 км. Вывод из сказанного очевиден: тепловые пределы для продвижения растительных зон к северу не использовались растительностью даже в периоды, более теплые, чем сегодня. Причины этого различны. Можно предположить, что климатические изменения в позднем плейстоцене были менее значительные, чем предполагается. Даже небольшие потепления приводили к весьма существенным преобразованиям в растительном покрове. Примеры далекого проникновения древесной и кустарниковой растительности к северу имеются и в настоящее время [Поспелов, Поспелова, 2000]. Как вполне резонно отмечают Ж.М. Белорусова, Н.В. Ловелиус и В.В. Украинцева [1987], проникнув однажды далеко на север, древесная растительность полностью там никогда не исчезала даже в самые холодные эпохи, а при потеплениях быстро восстанавливалась.

Растительность, выполнявшая важную индикаторную роль природных изменений, была кормовой базой для крупных млекопитающих, т.е. одним из главных экологических факторов существования последних. С учетом этого специалисты разработали гипотезу о высокопродуктивных тундростепях Берингии, не имеющих современных аналогов. В последние годы тундростепная концепция подвергается жесткой критике со стороны гео- и палеоботаников по двум позициям: 1) тундростепь не являлась зональным типом растительности; 2) по продуктивности гипотетические тундростепи не могли служить кормовой базой для мамонтов [Кожевников, 1999; Кожевников, Украинцева, 1997; Верховская, 1988].

Следует отметить, что о наличии на полуострове в прошлом тундростепей как зонального типа ландшафта не упоминает ни один исследователь. Но очевидно, что при исключительном распространении здесь в настоящее время тундрового типа растительного покрова последний характеризуется ярко выраженной мозаичностью, комплексностью, многообразием жизненных форм растений (психрофиты, криофиты, мезофиты, гигрофиты). В пределах тундры и сейчас находится место для степной (степной, по Ю.В. Кожевникову) растительности. По В.Г. Мордковичу [1994], участки степного ландшафта в Средней Сибири можно

встретить от побережья арктических морей до 45° с.ш. “Пятна степей диаметром десятки, сотни метров совершенно изолированы друг от друга и полностью окружены тундрами или таежными ландшафтами” [Мордкович, 1994, с. 388]. Таких участков особенно много на склонах южной экспозиции. Необходимо также учитывать ярко выраженные в тундре явления экстра- и интразональности, затрудняющие выделение зональных элементов растительности.

Биотическое разнообразие тундры проявлялось и ранее: в эпохи потеплений оно было более выраженное, в периоды похолоданий – менее. При этом в эпохи потеплений продуктивность тундры возрастила. Очевидно, наиболее продуктивными были минератрофные луга, болота с широким пространственным распределением кустарниковой растительности [Кожевников, 1999]. В целом в тундрах запасы фитомассы всегда минимальны на вершинах междуречий. Даже на небольших высотах происходит выхолаживание местообитаний, усиливается действие ветра и формируются бедные тундры [Базилевич, Гребенщиков, Тишков, 1986].

Приведенные материалы не дают оснований говорить о существенных различиях в растительном покрове межледниковых эпох и голоцене. Согласно результатам палеоэкологического анализа карбоидов из верхнечетвертичных отложений (устье Анабара, Оленекская протока, п-ов Фадеевский в архипелаге Новосибирских островов, низовья Колымы), природные условия позднего плейстоцена не отличались сколь-нибудь от современных, т.е. не были криоксеротическими, как это предполагают сторонники тундростепной концепции [Соловьев, Станищева, 1983].

Мамонтовая фауна, вопросы эволюции и палеоэкологии. Останки мамонтов в мерзлых толщах Субарктики и Арктики, как установлено по тафономическим признакам, локализуются в местах естественной постоянной и стихийной гибели особей, а также гибели в различных природных ловушках – водных, болотных, ледяных и др. [Верещагин, Томирдиаро, 1995]. Очевидно также, что районы наиболее богатых таких местонахождений в прошлом являлись и районами широкого распространения мамонтов. Предполагается, что на Таймыре эти животные обитали с окончания казанцевской трансгрессии (65 тыс. л.н.). Гистограмма радиоуглеродных дат для останков мамонтов Таймыра [Сулержицкий, Романенко, 1997] относительно равномерно заполнена определениями в интервале 50–10 тыс. л.н. При этом для каргинского времени нет существенных различий между периодами потеплений и похолоданий. Наиболее насыщен определениями отрезок 40–38 тыс. л.н. (малохетский оптимум); немного дат соответствует промежутку 21–15 тыс. л.н. (гыданское похолодание). Таким образом, неоднократные потепления–похолодания в каргинско-сартанское

время не изменяли по сути общего облика мамонтовой фауны; наряду с останками мамонта постоянно встречаются останки лошади, реже бизона, овцебыка. Отдельные аномалии могут указывать на перераспределение животных во времени и в пространстве, количественное изменение структуры популяций. Карта местонахождений костных остатков мамонтов, датированных по ^{14}C (рис. 3), позволяет представить пространственное распределение и плотность популяции таймырского мамонта на разных этапах позднего плейстоцена. Наиболее благоприятными в природном отношении для этих крупных животных были центральная и восточная части Северо-Сибирской низменности (в настоящее время подзоны типичной, южной тундр, частично лесотундра). Как в настоящее время, так и в прошлом это была территория с повышенной континентальностью климата, минимальной ветровой деятельностью, относительно теплым летом и суровой зимой. Этот район на разных отрезках позднего плейстоцена характеризовался минимальным развитием морских трансгрессий. Западная часть Таймыра отличалась более обильными снегопадами, частыми метелями и в целом повышенной циклонической активностью.

Приведенный материал, а также схема расселения мамонтов в Северной Азии [Орлова и др., 2000], как полагают А.А. Величко [1973], А.А. Величко, Э.М. Зеликсон [2001], не позволяют говорить об адаптации этих животных к узкому диапазону ландшафтно-климатических условий. Очевидно, мамонты характеризовались достаточно высокой экологической пластичностью, которая определяла разную тактику использования территории – от полуоседлого существования до перемещения на большие расстояния в период сезонных миграций [Сулержицкий, Романенко, 1997]. Отмечены эврибионтность, полизональность хоботных и крупнейших копытных четвертичного периода [Пучков, 2001]. Полизональность мамонтов позволяет предполагать и определенную внутривидовую морфофизиологическую изменчивость этих крупных млекопитающих с формированием экотипов и подвидов, что на ископаемом материале прослеживается редко.

В литературе часто обсуждается вопрос о кормовой базе мамонтов. Площадь максимальной концентрации популяции таймырского мамонта можно оценить в 10–13 млн га (центральная и восточная части Северо-Сибирской низменности). Даже если брать за основу современную минимальную годичную продуктивность тундр Таймыра (ок. 1 т/га) и суточный рацион одного мамонта (ок. 2 ц корма), то нетрудно подсчитать, что указанная площадь в течение года могла прокормить не одну тысячу голов этих крупных животных. Следует также отметить характерные для Субарктики повышенную кормовую ценность растений (много белка и липидов), по сравнению с

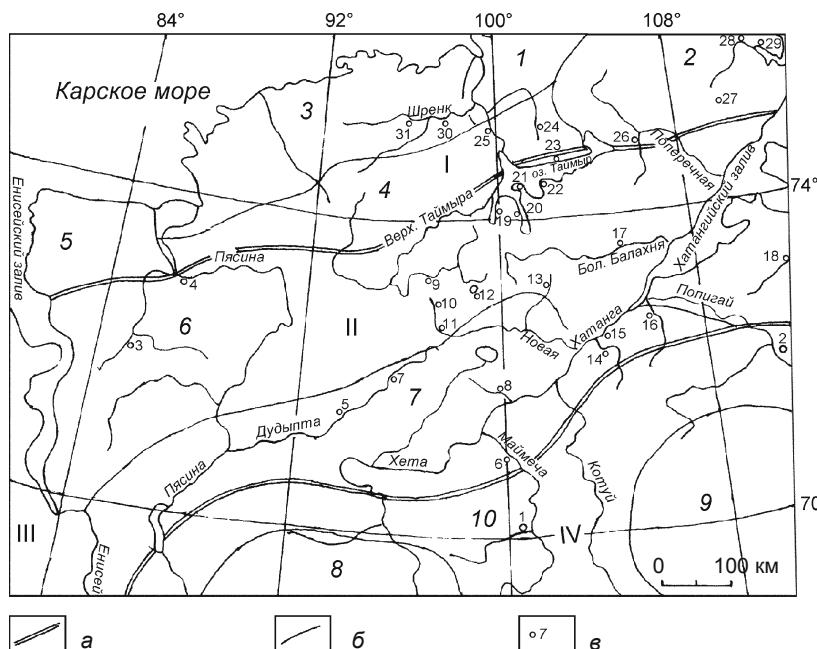

Рис. 3. Карта местонахождений ископаемых остатков мамонтов на Таймыре, датированных радиоуглеродным методом.

Ландшафтные границы: *а* – областей; *б* – районов (по: [Таймырско-Североземельская область..., 1970]); *в* – местонахождения остатков мамонтов.

I – область северо-таймырских возвышеностей и гор; II – область южно-таймырских низменностей (Северо-Сибирская низменность); III – Западно-Сибирская равнина; IV – Среднесибирское плоскогорье.

1 – район п-ова Челюскин; 2 – средневысотная часть гор Бырранга; 3 – район холмистых равнин; 4 – низкогорье Бырранга; 5 – район холмисто-увалистых возвышенностей; 6 – северный район; 7 – южный район; 8 – плато Пutorана; 9 – Анабарский массив; 10 – Котуйское плато.

Результаты радиоуглеродного датирования (тыс. л.н.) по отдельным местонахождениям: 1 – 26,7; 2 – 37,0; 3 – 35,8; 4 – 25,1; 5 – 10,7; 6 – 49,7; 7 – 20,4; 8 – 45,0; 9 – 27,5; 10 – 27,3; 35,0 36,2 38,3 38,9 40,2; 11 – 41,4; 12 – 38,8; 13 – 23,5 38,5 38,5 39,8 41,2 >52,7; 14 – 14,8; 15 – 42,8 > 53,2; 16 – 22,0 28,9 32,3 36,6 40,3 41,9 >50,0; 17 – 13,3 16,3 32,0 36,8 38,4 38,5; 39,1 39,2 47,9 >49,5; 18 – 31,9; 19 – 12,1 22,8 24,9 39,3; 20 – 11,1 43,5 46,1 >49,5; 21 – 40,8; 22 – 23,8; 23 – 29,5 32,0; 24 – 38,8; 25 – 9,7 9,9 10,3; 26 – 12,8; 27 – 10,1 40,5; 28 – 31,8; 29 – 12,3 12,4; 30 – 28,8; 31 – 11,4.

растениями умеренного климата [Мирославов, Вознесенская, Буболо, 1999], и широкий спектр потреблявшихся мамонтами кормов – травы, осоки, кустарнички, веточный корм. Отметим также, что именно гигро- и мезофильная луговая и болотная растительность, а не сухолюбивая, как предполагалось ранее, являлась главной составляющей питания мамонта и его спутников [Верховская, 1988; Пучков, 2001]. Вряд ли в условиях сплошной многолетней мерзлоты с 10-сантиметровым сезонноталым слоем наиболее богатые в кормовом отношении участки лугов, болот могли служить препятствием для передвижения даже столь грузных животных.

Согласно приведенным выше радиоуглеродным датам костных остатков мамонтов (см. рис. 3), на отдельных этапах каргинского времени (малохетское, липовско-новоселовское потепление), во второй половине сартанского времени таймырский мамонт

перемещался на север, в подзону арктической тундры. Таким образом, можно говорить о миграциях мамонтов в периоды потеплений на север полуострова.

Рассмотренные материалы, характеризующие полуостров Таймыр, свидетельствуют не о природной катастрофе на рубеже позднего плейстоцена – голоцене, а об эволюционном развитии природных событий на отрезке 15–9 тыс. л.н. Таким образом, ход развития природы Таймыра в позднем плейстоцене – голоцене не соответствует приведенной выше гипотезе о природной обусловленности вымирания мамонтов на указанном рубеже. Нам представляется, что эту проблему необходимо рассматривать и в биоэволюционном плане в масштабе всей Северной Азии.

Работами С.С. Шварца [1961] установлено, что для типичных арктических видов млекопитающих и птиц характерны пониженный метаболизм, невысокая плодовитость, замедленные рост и развитие. Большинство благополучающих в тундровой зоне животных находится на весьма низком филогенетическом уровне, отличается низкой организацией, определенной примитивностью. Путь пассивной адаптации (пассивных эколого-физиологических приспособлений к природной сре-

де) в пессимальных условиях для животных оказывается наиболее выгодным. Поскольку существующие градиенты климатических показателей на Таймыре выражены гораздо резче, чем в южных широтах, состав фауны и флоры, облик сообществ на протяжении тундровой зоны от ее северных до южных границ изменяются чрезвычайно резко. Адаптация к зональным условиям проявляется в определенной специализации, ограничивающей возможность обитания животных в других зонах. Чем суровее климат, тем она глубже.

Путь активной адаптации фиксируется интенсификацией роста, скоростью развития и созреванием, а также усилением общей жизнедеятельности и регуляторных процессов [Чернов, 1980]. Этот путь характерен для вселявшихся в Субарктику и Арктику более южных полизональных видов, обитавших во многих зонах, менее специализированных. Причем

такие виды заселяют южные части тундровой зоны более активно, чем типичные обитатели Заполярья.

Полизональным, эврибионтным, судя по времененным и пространственным рамкам развития в Северной Азии, был и мигрировавший в Субарктику мамонт позднего типа – *Mammuthus primigenius* Blum. Он проявлял признаки активной адаптации к условиям Субарктики и, видимо, был преадаптирован в условиях более южных широт Средней Сибири. Здесь в плейстоцене в отдельные периоды были развиты лесостепные, степные ландшафты с чертами тундроподобности [Чеха, 1996]. Приспособление к природной среде выражалось в физиологических адаптационных процессах, а также в выборе подходящих биотопов, чаще интразональных, избегании неблагоприятных природных воздействий, миграциях и т.д.

Один из вероятных сценариев распада мамонтовой фауны в Субарктике и Арктике можно представить в следующем виде. На протяжении тысячелетий, очевидно, происходило усиление “арктической типичности” мамонтов вследствие смены достаточно широких природных показателей на тундровые. Такие реадаптационные процессы (развитие вспять) обычно губительны для организмов. Реадаптация с усилением весьма негативных биологических процессов сказалась на постепенном распаде мамонтовой фауны. Не потепление климата, а именно “пресс” Арктики со своими специфическими, узкоспециализированными адаптационными требованиями стал в конечном счете причиной распада и вымирания таких крупных животных, как мамонты. В условиях реадаптации для них стали невозможными миграции на юг. В поисках новых благоприятных биотопов в конце позднего плейстоцена и в голоцене мамонтовая популяция начала сдвигаться к северу. На о-ве Врангеля мамонты, выродившиеся в карликовую форму, пережили атлантический период голоцена [Вартанян и др., 1995], но были обречены на вымирание.

Список литературы

- Антропоген Таймыра.** – М.: Наука, 1982. – 184 с.
- Базилевич Н.И., Гребенников О.С., Тишков А.А.** Географические закономерности структуры и функционирования экосистем. – М.: Наука, 1986. – 297 с.
- Белорусова Ж.М., Ловелиус Н.В., Украинцева В.В.** Региональные особенности изменения природы Таймыра в голоцене // Ботанич. журн. – 1987. – Т. 72, № 5. – С. 610–618.
- Бердовская Г.Н., Гей Н.А., Макеев В.П.** Палеогеография Северо-Восточного Таймыра в четвертичное время // Северный Ледовитый океан и его побережье в кайнозое. – Л.: Гидрометеоиздат, 1970. – С. 129–135.
- Большиянов Д.Ю.** Основные проблемы палеогеографии позднего неоплейстоцена и голоцена российской Арктики, поставленные исследованиями последнего десяти-
- летия, и варианты их разрешения // Проблемы Арктики и Антарктики. – 2000. – № 72. – С. 72–97.
- Большиянов Д.Ю., Макеев В.М.** Архипелаг Северная Земля: Оледенения, история развития природной среды. – СПб.: Гидрометеоиздат, 1995. – 217 с.
- Большиянов Д.Ю., Федоров Г.Б., Савельева Л.А.** Изменения природной среды полуострова Таймыр в позднем неоплейстоцене и голоцене // Таймыр. Малочисленные народы. Природные условия. Fauna. Выдающиеся ученые: Докл. Всерос. науч.-метод. совещ. – СПб.; Хатанга, 2001. – С. 27–37.
- Вартанян С., Арсланов Х., Сулержицкий Л., Тертычная Т., Чернов С.** Остров Врангеля – рефугиум мамонтов в голоцене // Первое междунар. мамонтовое совещ., 16–22 октября 1995 г. – СПб., 1995. – С. 603.
- Величко А.А.** Природный процесс в плейстоцене. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
- Величко А.А., Зеликсон Э.М.** Ландшафтные климатические условия и ресурсная основа существования мамонта // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. – М.: Геос, 2001. – С. 175–185.
- Верещагин Н.К.** Почему вымерли мамонты. – Л.: Наука, 1979. – 196 с.
- Верещагин Н.К., Томирдиаро С.В.** Тафономия остатков млекопитающих в мерзлых грунтах Сибири и Аляски // Первое междунар. мамонтовое совещ. (16–22 октября 1995 г.) – СПб., 1995. – С. 606–607.
- Верховская Н.Б.** Мамонтовые экосистемы и причины их исчезновения // Журн. общей биол. – 1988. – Т. 49, № 1. – С. 76–83.
- Вторин Б.И., Григорьев Н.Ф., Катасонов Е.М., Кузнецова Т.П., Швецов П.Ф., Шумский П.А.** Местная стратиграфическая схема четвертичных отложений побережья моря Лаптевых // Тр. межвед. совещ. по разработке унифицир. стратигр. схем Сибири, 1956. – Л., 1957. – С. 564–572.
- Деревягин А.Ю., Чижов А.Б., Брезгунов В.С., Хубертен Г.-В., Зигерт К.** Изотопный состав повторно-жильных льдов мыса Саблера (оз. Таймыр) // Криосфера Земли. – 1999. – Т. 3, № 3. – С. 41–49.
- Загорская Н.Г.** Особенности зыряновского оледенения на севере Сибири // Мат-лы Всесоюз. совещ. по изуч. четвертич. периода. – М., 1961. – Т. 1. – С. 218–223.
- Кинд Н.В.** Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.
- Кожевников Ю.П.** Природные условия постледникомья на севере Азии // География и природные ресурсы. – 1999. – № 2. – С. 5–11.
- Кожевников Ю.П., Украинцева В.В.** Тундростепи плейстоцена: аргументы за и против // Изв. РАН. Сер. геогр. – 1997. – № 3. – С. 96–110.
- Крючков В.В.** Причины, обуславливающие особенности лесотундры // Растительность лесотундры и пути ее освоения. – Л.: Наука, 1967. – С. 35–41.
- Макеев В.М.** Геоморфология Северо-Восточного Таймыра: Автoref. дис. ... канд. геогр. наук. – Ленинград, 1975. – 33 с.
- Макеев В.М., Арсланов Х.А., Гарутт В.Е.** Возраст мамонтов Северной Земли и некоторые вопросы палеогеографии позднего плейстоцена // Докл. АН СССР. – 1979. – Т. 245, № 2. – С. 421–424.
- Мироненко О.Н., Савина Л.Н.** К истории лесной растительности Средней Сибири на ее северном пределе //

- История лесов Сибири в голоцене. – Красноярск: Изд-во Ин-та леса и древесины СО АН СССР, 1975. – С. 37–59.
- Мирославов Е.Д., Вознесенская Е.В., Буболо Л.С.** Ультраструктурные основы адаптации растений к условиям Крайнего Севера // Экология в России на рубеже ХХI века (наземные экосистемы). – М.: Науч. мир, 1999. – С. 236–252.
- Мирошников Л.Д.** Остатки древесной лесной растительности на Таймыре // Природа. – 1958. – № 2. – С. 106–107.
- Мордкович В.Г.** Оригинальность сибирских степей, степень их наружности и сохранности // Сиб. эколог. журн. – 1994. – № 5. – С. 387–392.
- Никольская М.В., Кинд Н.В., Сулержицкий Л.Д., Черкасова М.Н.** Геохронология и палеофитологические характеристики голоцена Таймыра // Геохронология четвертичного периода. – М.: Наука, 1980. – С. 176–183.
- Никольская М.В., Черкасова М.Н.** Динамика голоценовых флор Таймыра (по палеофитологическим и геохронологическим материалам) // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1982. – С. 192–204.
- Никольская М.В., Борисова З.К., Каплянская Ф.А., Климанов В.А., Стефанович Е.Н., Тарноградский В.Д., Черкасова М.Н., Шофман И.Л.** Климатические изменения в некоторых районах Северной Азии в позднеледниковые и в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковые и голоцене. – М.: Наука, 1989. – С. 141–145.
- Никольская М.В., Климанов В.А., Борисова О.К., Гитерман Р.И., Жигулевцева С.Н., Каплина Т.Н., Стефанович Е.Н., Черкасова М.Н., Шофман И.Л.** Палеоботанические и палеоклиматические особенности Северной Сибири и северо-востока СССР 50–24 тысячи лет назад // Палеоклиматы и оледенения в плейстоцене. – М.: Наука, 1989. – С. 126–136.
- Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Волков В.С., Зольников И.Д.** Мамонт (*Mammuthus primigenius* Blum.) и древний человек в Сибири: сопреженный анализ ареалов популяций на основе радиоуглеродных данных // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 383–412.
- Попов А.И., Тушинский Г.Н.** Мерзлотоведение и гляциология. – М.: Вышш. школа, 1973. – 272 с.
- Поспелов Е.Б., Поспелова И.Н.** Реликтовые высокоствольные кустарниковые сообщества на северном пределе распространения (центральная часть гор Таймыра) // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2000. – № 4. – С. 92–97.
- Пучков П.В.** Почему мамонты не вымирали в межледниковые? // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. – М.: Геос, 2001. – С. 253–261.
- Развитие ландшафтов Северной Евразии в кайнозое /** Отв. ред. А.А. Величко. – М.: Наука, 1993. – 102 с.
- Сакс В.Н.** Четвертичный период в Советской Арктике. – Л.; М.: Изд-во Мин-ва морс. и речн. флота СССР, 1953. – 627 с.
- Соловьев В.А., Станищева О.Н.** Природная обстановка времени формирования едомной толщи на Северо-Востоке // Основные проблемы палеогеографии позднего кайнозоя Арктики. – Л.: Недра, 1983. – С. 203–217.
- Стрелков С.А.** Север Сибири. – М.: Наука, 1965. – 336 с.
- Сулержицкий Л.Д., Романенко Ф.А.** Возраст и расселение мамонтовой фауны Азиатского Заполярья (по радиоуглеродным данным) // Криосфера Земли. – 1997. – Т. 1, № 4. – С. 12–19.
- Таймырско-Североземельская область** (физико-географическая характеристика). – Л.: Гидрометеоиздат, 1970. – 250 с.
- Тарасов П.С., Андреев А.А., Романенко Ф.А., Сулержицкий Л.Д.** Палиностратиграфия верхнечетвертичных отложений острова Свердруп (Карское море) // Стратиграфия, геологическая корреляция. – 1995. – Т. 3, № 2. – С. 28–35.
- Томирдиаро С.В.** Лессово-ледовая формация в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1980. – 184 с.
- Троицкий Л.С.** Четвертичные отложения и рельеф равнин побережий Енисейского залива и прилегающей части гор Бырранга. – М.: Наука, 1966. – 167 с.
- Украинцева В.В.** История биогеоценозов Таймыра за последние 55 тысяч лет // Ботанич. журн. – 1991. – Т. 76, № 9. – С. 1308–1316.
- Фишер Э.Л., Леонов Б.Н., Никольская М.В., Петров О.М., Рацко А.П., Сулержицкий Л.Д., Черкасова М.Н.** Поздний плейстоцен Северо-Сибирской низменности // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1990. – № 6. – С. 109–118.
- Фотиев С.М., Данилова Н.С., Шевелева Н.С.** Геокриологические условия Средней Сибири. – М.: Наука, 1974. – 147 с.
- Хотинский Н.А.** Голоцен Северной Евразии. – М.: Наука, 1977. – 199 с.
- Черкасова М.Н.** Диатомовые водоросли в межледниковых каргинских отложениях левобережья р. Хатанги // Систематика, эволюция, экология водорослей: Тез. докл. 2-го Всесоюз. палеоальголог. совещ. – Киев: Изд-во АН УССР, 1981. – С. 95–96.
- Чернов Ю.И.** Жизнь тундры. – М.: Мысль, 1980. – 236 с.
- Чеха В.П.** Природная среда палеолита (Средняя Сибирь): Автoref. дис. ... д-ра геогр. наук. – Новосибирск, 1996. – 35 с.
- Чеха В.П.** О своеобразии ледникового периода на севере Средней Сибири // География в Томском университете. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. – С. 105–107.
- Шварц С.С.** О путях приспособления наземных позвоночных животных к условиям существования в Субарктике // Проблемы Севера. – 1961. – № 4 – С. 75–94.
- Шер А.В.** Млекопитающие и стратиграфия плейстоцена на крайнем Северо-Востоке СССР и Северной Америки. – М.: Наука, 1971. – 310 с.
- Шер А.В.** Природная перестройка в Восточно-Сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем (сообщение 1) // Криосфера Земли. – 1997. – Т.1, № 1. – С. 21–29.
- Шер А.В.** Природная перестройка в Восточно-Сибирской Арктике на рубеже плейстоцена и голоцена и ее роль в вымирании млекопитающих и становлении современных экосистем (сообщение 2) // Криосфера Земли. – 1997. – Т.1, № 2. – С. 3–11.
- Шило Н.А.** Исчезновение мамонтов с лица Земли // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. – М.: Геос, 2001. – С. 307–314.

УДК 551

А.И. Сакса

Институт истории материальной культуры РАН
 Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
 E-mail: saksa@mail.natm.ru

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК: ФОРМИРОВАНИЕ ПРИРОДНОГО И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

Введение

В статье рассматриваются геологическая и ландшафтная история Карельского перешейка и влияние географического ландшафта на расселение и хозяйственную деятельность человека на этой ограниченной Финским заливом и Ладожским озером территории северо-запада России. Отличие Карельского перешейка и более северных районов Финляндии от соседних, расположенных южнее регионов состоит в том, что из-за придавленности земной коры массой ледникового льда здесь и в настоящее время происходит ее подъем (спрямление) со скоростью 20 см в столетие, приводящий к наклону земной поверхности в юго-восточном направлении и изменению ландшафтной ситуации. Русла рек и очертания берегов водоемов постоянно менялись, что приводило к изменению мест поселений и тем самым давало основания для установления геологической хронологии памятников по береговым террасам. Те же процессы формировали значительные по площади плодородные почвы долины Вуоксы. Это стало одним из решающих факторов развития здесь производящего хозяйства. Предлагаемая статья базируется как на собственных исследованиях автора, так и на результатах работ финских и российских геологов, палеоэкологов и археологов, в т.ч. и результатах последних, проведенных в 1990-х гг. с участием автора междисциплинарных российско-финляндских исследований.

Геологическое развитие

Геологическое развитие рассматриваемого региона послужило определяющим фактором в создании

предпосылок для заселения людьми Приладожья и Карельского перешейка. Доисторический человек был свидетелем всех этапов в истории Балтийского моря и Ладожского озера в послеледниковый период, постоянно приспосабливаясь к порою драматическим изменениям природного ландшафта.

Современный рельеф Приладожья в значительной степени определяется его геологическим строением. В северо-западной береговой части Ладожского озера, по долине р. Вуоксы и к северу от нее на Карельском перешейке, под четвертичными отложениями находятся породы кристаллического фундамента времени ранне-среднепротерозойского интервала, возраст которых более 2 млрд лет. В южной половине Карельского перешейка фундамент составляют более поздние осадочные породы, перекрытые толстым слоем ледниковых отложений. Выходящие на поверхность в виде скальных возвышенностей и гранитных "лбов" кристаллические породы в Северном Приладожье и в северной части Карельского перешейка формируют вытянутые в направлении северо-запад – юго-восток гряды (сельги), образуя шхерный тип берега. Формы рельефа западного побережья Ладожского озера и центральных районов Карельского перешейка более выровненные; возвышенности находятся, как правило, там, где на поверхность выходят кристаллические породы.

Заметное влияние на формирование рельефа рассматриваемой территории и его основных современных форм оказали ледники, продвигавшиеся в четвертичное время через Карельский перешейк и Приладожье несколько раз. Ледниковое выпахивание оставило наиболее выраженные следы в северной части Ладожского озера в зоне сложенных кристалли-

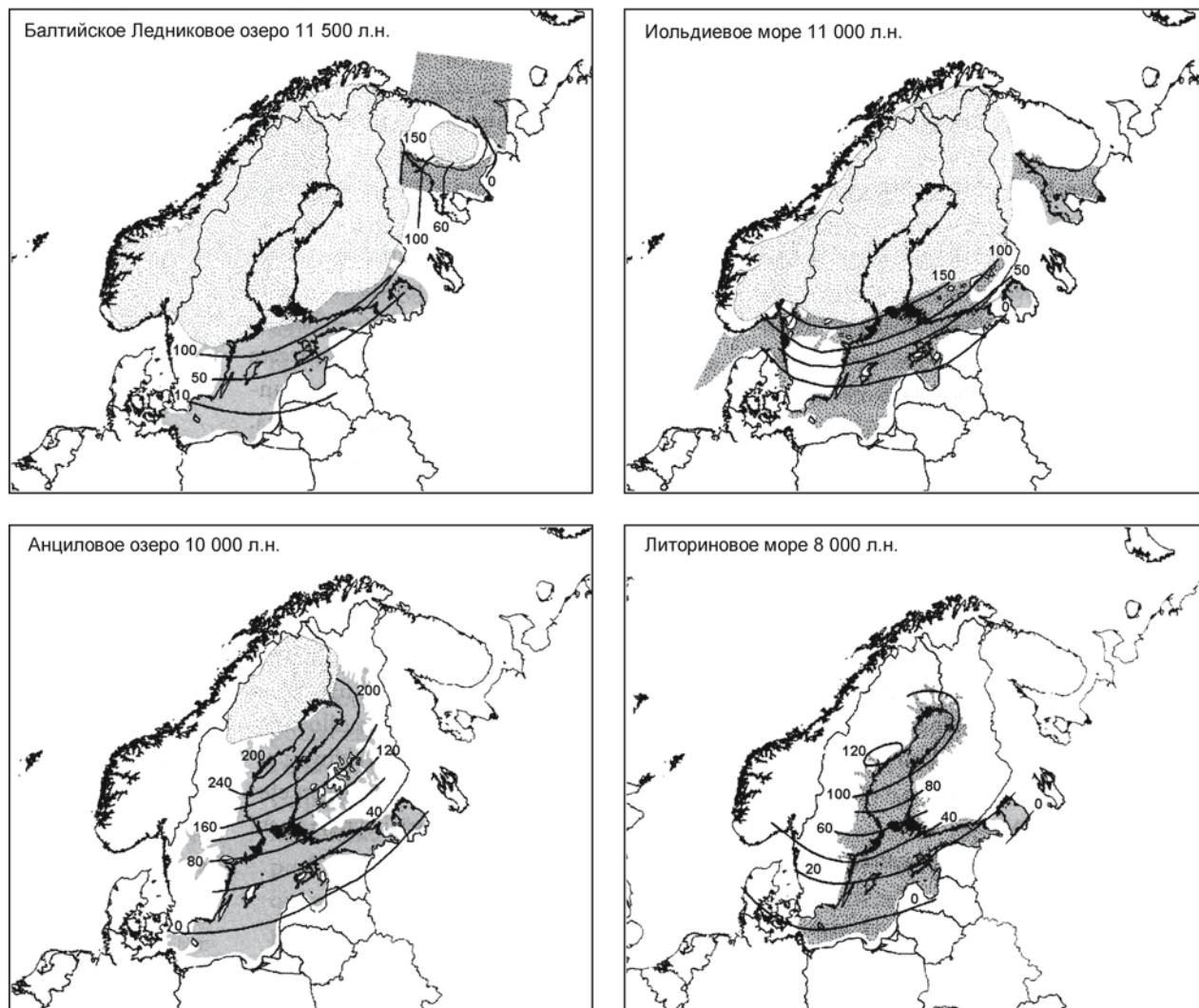

Рис. 1. Этапы послеледниковой истории Балтики. Изобазы отражают высотные отметки относительно современного уровня моря (по: [Saarnisto, 2003]).

ческими породами расчлененных форм, оказывавших наибольшее сопротивление. Помимо выпахивания, происходило также накопление ледниковых отложений. Особенно яркие следы оставил последнее валдайское оледенение, во время которого Скандинавский ледниковый щит достиг ок. 25 000 л.н. Валдайской возвышенности. Его отступление началось ок. 18 000–17 000 л.н. Примерно 13 000 л.н. край ледника достиг северной части Приладожья. У его границы талые воды образовали пресноводный бассейн, известный под названием Балтийского Ледникового озера (13 000–11 590 л.н.), берег которого фиксируется на Карельском перешейке на высотах до 90–97 м от ур. м. Примерно 11 590 л.н. в связи с потеплением началось быстрое отступление ледника. После освобождения от него территории Средней Швеции исчез порог, отделяющий пресноводное Ледниковое озеро

от океана, вследствие чего уровень воды в нем упал почти на 30 м и стал равен существовавшему тогда уровню Мирового океана. Соленые воды проникли в Балтийскую котловину, образовав т.н. Ильдиевое море (11 590–10 700 л.н.) (рис. 1), берега которого в Северном Приладожье наблюдаются на максимальной высоте 50–60 м над ур. м. Они не имеют выраженных террас или береговых валов, поскольку подъем земной коры происходил быстро, вследствие чего береговая линия постоянно изменялась [Ладожское озеро, 1978, с. 9–73; История Ладожского озера, 1990, с. 8–21; Сакса, 2001, с. 257; Saarnisto, 2003, с. 22–50, 54–57].

После отступления ледника и снижения уровня воды Балтийского Ледникового озера значительная часть Карельского перешейка стала сушей, представленной открывшейся в зоне кристаллических пород

скальной поверхностью и оставленными ледником моренами и грядами, а также песчанистыми и глинистыми отложениями. Активно происходившая речная эрозия и процессы заболачивания продолжали формирование рельефа.

Отступление ледника привело к началу достаточно быстрого на раннем этапе подъема земной коры, придавленной и прогнутой в период оледенения гигантской массой льда. Соединявший Иольдиево море с океаном Среднешведский пролив вследствие этого мелел и сужался, пока ок. 10 700–10 500 л.н. бассейны Балтийского моря и Ладожского озера не утратили связь с океаном, став пресноводным Анциловым озером (10 700–9 500 л.н.) (см. рис. 1). Максимальная высота берега в северной части современного Ладожского озера достигала 30 м, на Карельском перешейке – 10 (Зеленогорск) – 30 м (Выборг). Уровень воды в Анциловом озере, неуклонно поднимаясь, превысил существовавший в районе Датских проливов порог, после чего ок. 10 100 л.н. начался его быстрый спад. Поднятие порога стока Ладожского озера в районе Хейньюки (Вещево) и поступление вод Онежского озера через возникшую более 10 000 л.н. р. Свирь означали начало самостоятельного развития Ладожского озера. Берега времени трансгрессии Анцилового озера хорошо прослеживаются на Карельском перешейке в виде высоких почти отвесных уступов по берегу Финского залива. Продолжавшееся таяние ледников настолько подняло уровень воды в Мировом океане, что соленая вода из него вновь ок. 9 500 л.н. проникла в котловину Балтийского моря. В его истории начался этап т.н. Литоринового моря (см. рис. 1). На Карельском перешейке об этом этапе развития Балтики (9 500 – ок. 2 500 л.н.) напоминают высокие береговые террасы на некотором удалении от берега Финского залива. С течением времени, ок. 6 000 л.н. поднятие земной коры остановило подъем уровня Балтийского моря, после чего он стал падать, приближаясь к современному. Максимум уровня воды на этапе Литоринового моря превышал современный в районе Санкт-Петербурга на 5–6 м, на Карельском перешейке в районе Зеленогорска – на 10, Выборга – на 18–20 м. Выборгский залив был значительно шире и врезался в глубь Карельского перешейка. В районе Хейньюокского порога (скала Ветокаллио) стока воды Ладожского озера в Выборгский залив уровень Литоринового моря превышал скалу Ветокаллио на 1–2 м, однако напор воды шел со стороны пресноводной Ладоги, уровень воды в которой (20,5 м над ур. м.) был

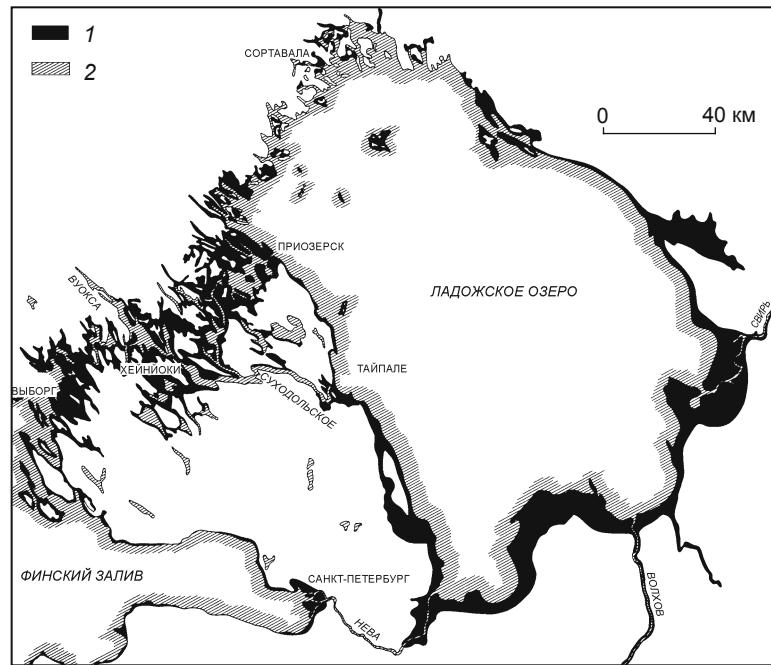

Рис. 2. Древняя Ладога до возникновения Невы и Гейньюокский пролив (по: [Aili, 1915; Saarnisto, 2003]).

1 – береговая линия Ладоги и Финского залива на этапе Литоринового моря,
2 – современный уровень водоемов.

на несколько метров выше, чем в Литориновом море. Таким образом, еще в эпоху каменного века Ладожское озеро имело прямое сообщение с Балтийским морем через Хейньюокский (Гейньюокский) пролив (рис. 2) [Нууррэ, 1942; Dolukhanov, 1979; Сакса, 2001, с. 257; Saarnisto, 2003, с. 51–62].

Подъем земной поверхности и связанные с ним изменения береговой черты Ладожского озера и Финского залива стали основными образующими ландшафт факторами в послеледниковый период. В настоящее время подъем суши в районе Выборгского залива составляет ок. 2 мм в год, или 20 см за столетие. В районе Санкт-Петербурга он уже не отмечается. В силу этого обстоятельства еще одним фактором ландшафтных изменений на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье является вызванный неравномерным подъемом земной поверхности ее наклон в юго-восточном направлении. О массе “сцепленной” ледником воды говорит тот факт, что времени максимума последнего оледенения 20 000–18 000 л.н. уровень Мирового океана был на 120–140 м ниже современного. По окончании ледникового периода ок. 11 500 л.н. на этапе Иольдиевого моря эта разница составляла 40–50 м. В настоящее время на Карельском перешейке уровень воды Иольдиевого моря соответствует отметке ок. 40 см выше ур. м. Поверхность суши, следовательно, за 11 500 лет поднялась на 80–90 м. Это означает, что подъем (выпрямление) земной коры в первые тысячелетия после отступле-

ния ледника происходил значительно быстрее, чем в настоящее время. Отвечающий современному уровень Мирового океана был достигнут ок. 7 000 л.н. [Saarnisto, 2003, с. 51–53].

Ладожская трансгрессия

Как было отмечено выше, Ладога становится самостоятельным озером на заключительном этапе истории Анцилового озера, когда уровень воды во всем бассейне Балтийского моря резко упал и возник Хейньюкский порог (Ветокаллио) на Карельском перешейке ок. 9 800–9 700 л.н. Впоследствии на протяжении тысячелетий уровень воды в северной части Ладоги и в р. Вуоксе оставался приблизительно на отметке 20–21 м над ур. м. В южной части Ладожского озера, где подъем земной коры происходил медленнее, вода поднялась до 16–17 м, затопив обширные прибрежные районы и поселения каменного века, открытые А.А. Иностранным при прокладке Новоладожского канала в конце XIX в.

Причиной трансгрессии озера явилось неравномерное поднятие поверхности земли, усилившееся примерно 5 700 л.н. Ускорение подъема совпало с прорывом вод р. Саймы в Ладожское озеро и рож-

дением Вуоксы более 5 000 л.н. (3 700 лет до н.э.). Поскольку поверхность земли в районе Хейньюкского порога стока поднималась быстрее относительно южных частей Ладоги, вся масса проходящей по вновь образовавшемуся руслу Вуоксы воды хлынула в Ладожское озеро в обход порога Ветокаллио. Уровень озера резко поднялся, достигнув в южной части 16–17 м. Порог стока сместился с северо-западной части озера в юго-западную. Он был прорван ок. 3 300 л.н. (1 350 лет до н.э.) с образованием р. Невы. Основной сток ладожской воды проходил уже не через порог Хейньюки в Выборгский залив, а через Неву в Финский залив. О масштабах события говорит то обстоятельство, что за короткое время – в несколько лет или десятилетий – уровень воды в озере упал на 12 м. Соответственно, и зеркало озера значительно сократилось, особенно в его южной и восточной пологих частях [Ailio, 1915; Saarnisto, Siiriäinen, 1970; Saarnisto, 2003, с. 64–78; Экман, Лак, Лийва, 1975; Кошечкин, 1990; Сакса, 2001, с. 257–258].

После возникновения Невы ландшафтная ситуация на Карельском перешейке приобрела в основном современные очертания. На месте залива Ладоги возникли озера Вуокса и Суходольское (Суванто).

Основной сток воды р. Вуоксы шел в Ладогу через район современного Приозерска (Кякисалми) (восточ-

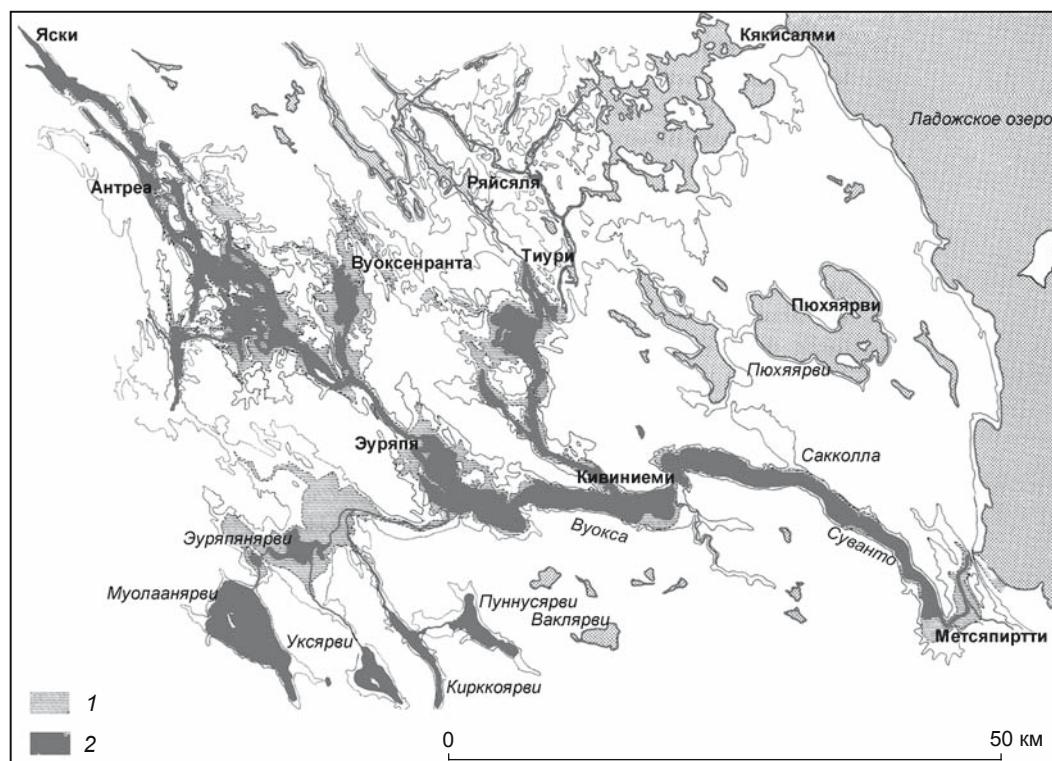

Рис. 3. Изменение размеров зеркала Вуоксы в связи с деятельностью человека в XIX в.
1 – до спуска воды в районе пос. Кивиниеми (Лосево) в 1857 г.; 2 – в настоящее время.

ное русло), а часть – поступала через порог Хейнийоки в Выборгский залив (западное русло). Позднейшие изменения русла Вуоксы связаны с деятельностью человека. В мае 1818 г. во время весеннего шторма был прорван отделяющий оз. Суванто (Суходольское) от Ладоги в районе с. Тайпале песчаный перешеек, в котором крестьяне несколько ранее уже прокопали канаву для спуска воды с целью снижения уровня озера и получения новых пахотных прибрежных земель. Уровень воды в оз. Суванто, находившийся на 12,5 м выше Ладоги, упал на 7,5 м, и образовалась р. Тайпалейоки (Бурная), а на месте стока оз. Суванто в Вуоксу в районе пос. Кивиниеми (Лосево) – перешеек. Этот перешеек был прорыт в 1857 г., в результате чего вода устремилась через оз. Суванто в Ладогу (рис. 3). Уровень воды в верхней части Вуоксы упал на 3,5 м, и ее западное (выборгское) русло практически перестало существовать. Восточное (ладожское) ответвление при этом значительно обмелело.

Формирование историко-географического ландшафта Карельского перешейка

Рассматриваемая территория освободилась ото льда примерно 14 000–13 000 тыс. л.н. Таяние ледника сопровождалось возникновением больших по площади ледниковых водоемов, из-за чего древний ландшафт значительно отличался от современного. Земля была покрыта ледниками отложениями: моренными грядами, мощными напластованиями гравия, песка, глины и земли. Многообразие геологических форм и природных ландшафтов давало возможность существования различным видам флоры и фауны. Климатические условия при этом также имели определяющее значение. После продолжительного (в тысячелетия) периода потепления, вызвавшего таяние ледника, наступило резкое похолодание. Проведенные на Карельском перешейке в 1920–1930-х гг. финскими и в 1930–1990-х гг. российскими геологами, озероведами и палеоэкологами изыскания существенно обогатили наши представления о развитии ландшафта и живой природы этой зоны [Ailio, 1915; Linkola, 1921; Ramsey, 1928; Марков, 1931; Марков, Корецкий, Шлямина, 1934, с. 71–101; Нууррэ, 1942; Бискэ, 1959; Долуханов, 1963, 1969; Абрамова, Давыдова, Квасов, 1967; Davydova, 1969; Saarnisto, Siiriäinen, 1970; Лийва, Сарв, Экман, 1971; Экман, Лак, Лийва, 1975; Eronen, 1974; Квасов, 1975; Kvasov, 1979; Dolukhanov, 1979; Delusin, 1991; Donner, 1995; Saarnisto, 2003; Simola, 2003]. Особенno следует отметить рост международных междисциплинарных исследований с использованием самых современных научных методов [Saksa et al., 1990; Taavitsainen, Ikonen, Saksa, 1994; Delusin,

Donner, 1995; Lempäinen, 1995; Davydova et al., 1996; Saarnisto, Grönlund, 1996; Taavitsainen, Simola, Grönlund, 1998; Saarnisto, Grönlund, Ikonen, 1999; Arslanov et al., 1999; Simola, Grönlund, Miettinen, 2001; Lavento et al., 2002; Miettinen et al., 2002; Subetto et al., 2002; Alenius et al., 2004]. Согласно этим исследованиям, послеледниковое похолодание сменилось столь же быстрым потеплением в эпоху позднего дриаса. Ко времени существования Иольдиевого моря (11 590–10 700 л.н.) на месте тундры возникли бересовые леса. Около 10 000 л.н. на территории Карельского перешейка распространились сосна, орешник, из ценных пород – вяз, ясень, липа. По мере дальнейшего таяния ледника и поднятия земной коры очертания берегов водоемов, существовавших на месте современных Балтийского моря, Ладожского и Онежского озер, менялись. С возникновением пролива, соединившего пресноводное Анциловое озеро с океаном, ок. 9 500 л.н. образовалось Литориновое море – этап в развитии Балтийского моря, продлившийся примерно 5 000–7 000 лет [Малаховский и др., 1993; Saarnisto, 2003, с. 51–54, 79; Simola, 2003, с. 98–107]. К этому времени потепление климата достигло кульминации; среднегодовая температура соответствовала современной в Центральной Европе. Именно в ту эпоху формировался современный рельеф и водные системы Восточной Финляндии (Сайма) и Карельского перешейка (Вуокса). На Карельском перешейке распространялись еловые леса. Появление ели ок. 5 500 л.н. совпало с началом периода похолодания. К этому времени первобытным человеком была уже освоена вся пригодная для проживания часть рассматриваемой территории.

Первые следы обитания человека на Карельском перешейке и к северу от Ладожского озера относятся ко времени ок. 10 400 л.н., когда Ладога была не самостоятельным водоемом, а лишь заливом Анцилового озера, соединяясь с ним через Хейнийокский пролив в северной части Карельского перешейка. По-видимому, именно с этим проливом и связаны обнаруженные при добыче торфа еще в начале века артефакты эпохи мезолита (8 000–5 000 лет до н.э.) из Антреа. Наибольшую известность приобрели остатки сети, сплетенной из волокон ивового лыка. Поплавки были сделаны из сосновой коры, а в качестве грузил использовались камни. Наряду с каменными орудиями труда в коллекции есть костяные и роговые изделия. Ближайшие их аналоги обнаружены среди материалов мезолитической культуры Кунда в Эстонии [Гурина, 1961; Тимофеев, 1985; Huurre, 2000, с. 18–20; 2003, с. 170–174; Сакса, 2001, с. 257]. Состав находок говорит в пользу достаточно высокой для того времени организации труда. Археологическими разведками последних лет выявлен также целый ряд мезолитических поселений в этой части Карельского

перешейка, где в растительности еще господствовала тундровая береза, а сосна лишь завоевывала себе место под солнцем [Simola, 2003, с. 99]. Орудия труда представлены относящимися к культуре Суомусярви примитивными топорами и теслами, у которых тщательно обработан (отшлифован) лишь рабочий край, и сланцевыми наконечниками копий для охоты на таких крупных животных, как лось. По мере сокращения поголовья лосей эти наконечники ок. 6 000 л.н. выходят из употребления и на их место приходят кварцевые наконечники стрел для охоты на более мелкую дичь. Лук и стрелы вытесняют копья.

Поселения и отдельные находки (представленные главным образом шлифованными сланцевыми теслами и топорами т.н. иломанского типа) позднемезолитического времени (7 500 – ок. 5 000 лет до н.э.) свидетельствуют о дальнейшем освоении древними людьми рассматриваемой территории, что объясняется, в первую очередь, отмеченным выше заметным потеплением климата на этапе существования Литоринового моря и в целом улучшением природных условий [Квасов, 1975]. Поселения располагались по берегам древних водоемов на отметках выше 20 м над ур. м. Наиболее густо были заселены берега древнего Хейньюкского пролива с его многочисленными островами и богатыми рыбой бухтами [Гурина, 1961, с. 179–198; Тимофеев, 1993; Сакса, 2001, с. 257–258; Герасимов, Лисицын, Тимофеев, 2003; Huurre, 2003, с. 175–182].

С началом эпохи неолита (ок. 5 000 лет до н.э.) количество поселений увеличилось. Карелия и восточная часть современной Финляндии входили в область т.н. ямочно-гребенчатой керамики, занимавшую обширные территории начиная с верховьев Волги и Оки до Белого моря на севере и до верховьев Западной Двины – на западе, на востоке границу можно провести по Северной Двине. Поскольку наступление нового каменного века отмечено распространением керамики – наиболее массового материала в археологических коллекциях – и значительным увеличением видов и форм каменных орудий, у археологов появились основания выделять более дробные этапы историко-культурного развития в целом и локальные археологические культуры в частности. Так, уже период господства ямочно-гребенчатой керамики по различиям в орнаментации (стиле) делится на три стадии: ранней ямочно-гребенчатой керамики (5 000–4 000 лет до н.э.), типичной (4 000–3 600 лет до н.э.) и поздней (3 600–800 лет до н.э.).

На Карельском перешейке наиболее известные памятники эпохи неолита сосредоточены в нижнем течении Вуоксы (Севастьяново (Каукола), Мельниково (Рийсяля)) и в районе Выборга (Хяююнмяки). В целом поселения располагаются по всей Вуоксе, на древних берегах Финского залива, озер Карельского

перешейка и заливов Ладожского озера (рис. 4). В период максимума Ладожской трансгрессии (ок. 3 700 лет до н.э.), когда уровень воды в озере достигал 21 м над ур. м., более древние памятники оказались под водой [Ailio, 1915; Saarnisto, Siiriäinen, 1970; Saarnisto, 2003, с. 22–78; Кошечкин, Назаренко, 1990; Сакса, 2001, с. 257–258]. Данное обстоятельство как бы разделяет раннюю историю населения значительной части Приладожья и Восточной Финляндии на два этапа: до рождения Невы (Ладожская трансгрессия, 1 350 лет до н.э.) и после, когда в связи с этим событием уровень воды в озере упал более чем на 10 м [Абрамова, Давыдова, Квасов, 1967; Саарнисто, Сакса, Таавитайнен, 1993; Сакса, 2001, с. 258; Saarnisto, 2003, с. 66–69]. По археологической периодизации возникновение Невы совпадает с началом эпохи бронзы.

На первом этапе число поселений на рассматриваемой территории возрастало. Это было связано с благоприятными природными условиями, сравнительно теплым климатом и наличием большого количества водоемов, богатых рыбой, морскими животными, и лесов, где было много дичи и пригодных в пищу плодов и кореньев. Спуск вод озерной системы Большая Сайма в Ладогу и возникновение Вуоксы более 5 000 л.н. (3 700 лет до н.э.), а также связанная с этим быстрая трансгрессия озера, несомненно, повлияли на жизнь населения Северо-Западного Приладожья и территории Восточной Финляндии, вызвав необходимость смены мест поселения. Зачастую люди переселялись выше по склону, не уходя далеко от новой береговой линии. На тех же местах, которые не были затоплены водой, жизнь продолжалась. Изменялись лишь формы орудий охоты и рыболовства, других применяемых в хозяйстве изделий, а также глиняных сосудов.

На протяжении всей эпохи неолита наиболее значительными районами концентрации населения были нижнее течение Вуоксы и северо-западное побережье Ладоги [Тимофеев, 1993; Сакса, Тимофеев, 1996; Сакса, 2001, с. 257–260; Герасимов, Лисицын, Тимофеев, 2003; Huurre, 2003, с. 175–244]. Благоприятная гидрографическая ситуация, выражавшаяся в большом количестве заливов и проток, богатых рыбой, и пригодных для проживания островов, стимулировала интерес древних рыболовов и охотников к этим местам.

Культурная принадлежность населения эпохи мезолита и неолита Карельского перешейка и Ладожской Карелии определяется по типам керамики и каменному инвентарю поселений. Эталонный памятник мезолитического времени в Антреа (Каменно-горск) содержал орудия из кости и рога, характерные для культуры Кунда в Эстонии [Гурина, 1961, с. 170–198; Тимофеев, 1985; Huurre, 2000, с. 18–20; 2003, с. 171–174]. Однако орудия труда из кварца и онежского зеленого сланца указывают и на восточное направление связей [Huurre, 2000, с. 20–23; 2003, с. 175–182].

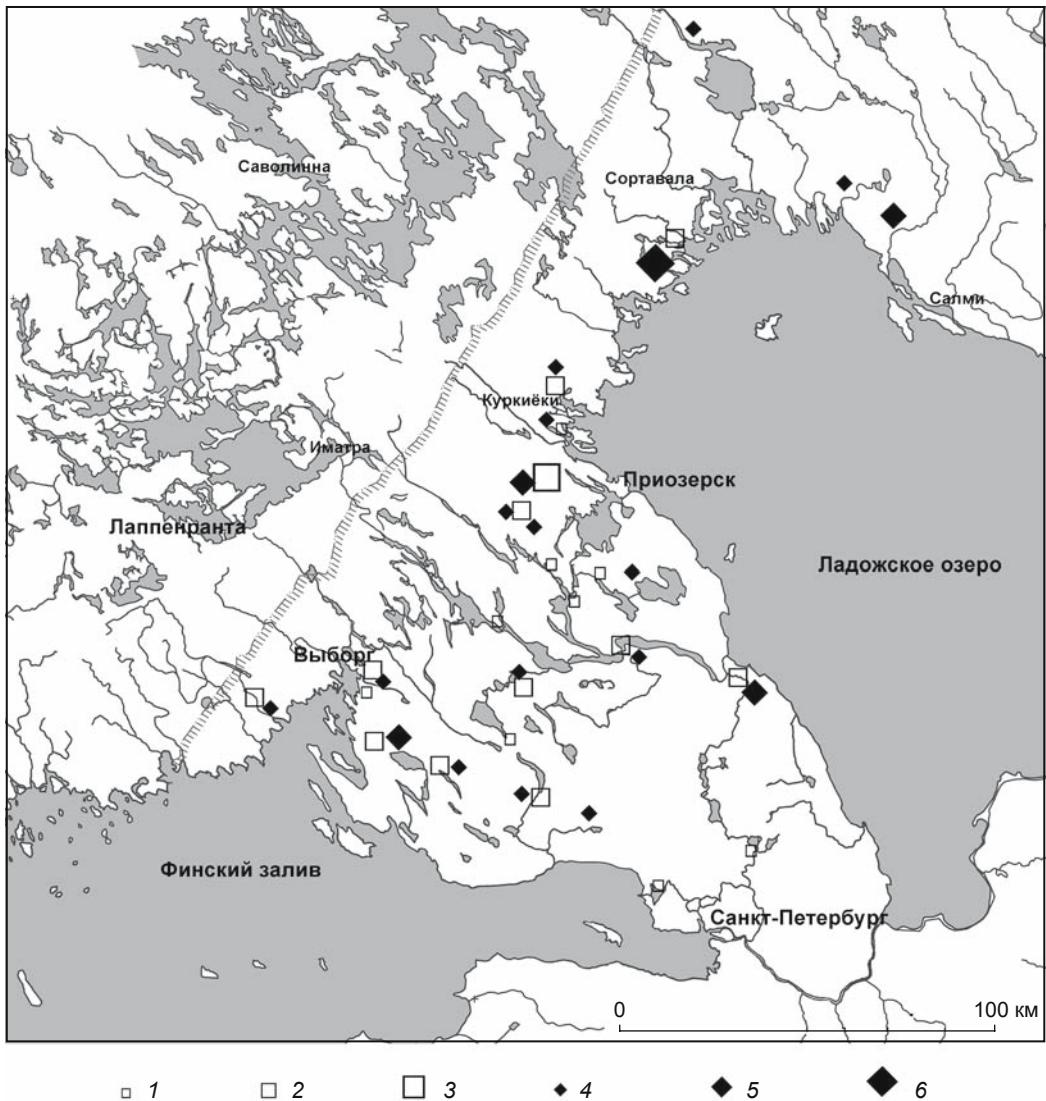

Рис. 4. Расположение поселений эпохи неолита (по: [Huurte, 2003]), на которых найдена ранняя гребенчатая (1–3) и ямочно-гребенчатая (4–6) керамика.
1, 4 – один фрагмент; 2, 5 – два; 3, 6 – множество фрагментов.

В период Литоринового моря ок. 6 000 л.н., когда Ладога являлась частью Балтики, Карельский перешеек, северное побережье Ладожского озера, а также территория Восточной Финляндии составляли единую культурную область с Восточным Прионежьем. Индикатором этой связи являются топоры иломанского типа, изготовленные, как правило, из онежского сланца [Панкрущев, 1978, ч. 1, с. 17–25; Ниурге, 2000, с. 22; 2003, с. 175–182]. Граница между данной областью и расположенной западнее, на территории Финляндии, зоной культуры Суомусярви проходит от Карельского перешейка на север по современной Сайменской системе.

С наступлением эпохи неолита, связанной с распространением с IV тыс. до н.э. ямочно-гребенчатой керамики (по финской терминологии – гребенчатой)

и шлифованных каменных орудий, границы между культурными областями начали приобретать все более отчетливый характер. В хозяйстве населения на рассматриваемой территории существенных изменений к этому времени еще не произошло. В окружающей природной среде в зоне существования поселений практически не фиксируются следы воздействия человека. Первые свидетельства такого рода (скотоводство?) относятся лишь ко времени ок. 2000 г. до н.э. [Simola, 2003, с. 98–115]. Ведущую роль по-прежнему играли традиционные для предшествующей мезолитической эпохи промыслы: охота, рыболовство и собирательство. Карельский перешеек, Северное Приладожье (Приладожская Карелия) и территория Восточной Финляндии входили в зону

распространения характерных для верхней Волги, Оки, Валдая и Карелии форм орнаментации сосудов ямками и “гребенчатым” штампом. Северной границей этой зоны было южное побережье Белого моря, восточной – Северная Двина. В то же время Карельский перешеек, Карелия, Прибалтика, территория Ленинградской обл. и остальной части Финляндии (на запад от Сайменской системы) входили в ареал ямочно-гребенчатой керамики западной группы. Таким образом, рассматриваемый район находился в области наложения зон распространения двух традиций. Южное Приладожье, как и вся северная часть территории Ленинградской обл., входили еще и в зону распространения керамики нарвской культуры [Гурина, 1967, с. 170–198; Тимофеев, 1985; Панкрушев, 1978, ч. 2, с. 30; Ниурге, 2000, с. 24–32; 2003, с. 183–225; Сакса, 2001, с. 260].

Представленная нами картина сформировалась ко времени возникновения нового типа керамики, т.н. типичной гребенчатой (или ямочно-гребенчатой, по другой терминологии), распространившейся ок. 4 000–3 600 лет до н.э. Ее появление на территории Финляндии и в Восточной Прибалтике связывается с пришлым населением или культурным влиянием со стороны Приладожской Карелии и Карельского перешейка – области наибольшего распространения ранней типичной гребенчатой керамики [Ниурге, 2000, с. 24–32; 2003, с. 196–225; Сакса, 2001, с. 259–260, рис. 1]. Согласно другой точке зрения, носители данной традиции пришли с верховьев Волги [Бадер, 1972]. Древнее население Восточной Прибалтики, Карелии и Финляндии, для которого характерна гребенчато-ямочная керамика, связывается целым рядом исследователей с финно-уграми, поскольку ее ареал находится на территории их расселения [Моора, 1956; Янитс, 1956; Мейнандер, 1982; Седов, 1990; Ниурге, 2003, с. 184, 186–187].

Распространение типичной гребенчатой керамики сопровождалось переменами в орудиях труда и промыслов. Наряду с совершенствованием формы изделий из камня отмечается появление новых орудий из кремня и янтаря [Ниурге, 2000, с. 28–33; 2003, с. 208–225].

Типичная гребенчатая керамика около 3600 г. до н.э. сменилась поздней. В Восточной Финляндии и в примыкающих к Ладожскому озеру районах Карелии, а также отчасти на территории Ленинградской обл. в это время получила распространение керамика с примесью асбеста. С уменьшением поступления привозного кремня возрастало количество изделий из местного сланца и кварца. К этому периоду относятся такие выдающиеся произведения первобытного искусства, как, например, изображения голов лося и медведя, выполненные из сланца.

Вторжение в середине III тыс. до н.э. на территорию Финляндии носителей неолитической культуры боевых

топоров не затронуло рассматриваемый нами регион. Ареал данной культуры занимал лишь юго-западную прибрежную часть страны, доходя на востоке узким языком до Карельского перешейка в окрестностях Выборга. Ее влияние ощущается в материалах позднего неолита остальной части Карельского перешейка (отдельные ладьевидные топоры и их обломки, местные подражания им, керамика со шнуроным орнаментом), но в основном развитие на этой территории проходило в рамках культур асбестовой (Восточная Финляндия и северная часть Карелии, включая Северное Приладожье) и поздней гребенчатой (Карельский перешеек и южная часть Карелии) керамики. И лишь начавшееся ок. 1 300 лет до н.э. мощное влияние “текстильной” керамики, распространенной на верхней Волге и Оке, изменило картину. Карельский перешеек, Карелия и восточные районы Финляндии оказались в ареале этой культуры [Meinander 1954; Седов, 1990; Ниурге, 2000, с. 71–82; 2003, с. 226–236; Lavento, 2001; Сакса, 2001, с. 260–263, рис. 2, 3]. Однако во внутренних районах Финляндии, включая и область Саво, сохранились традиции асбестовой керамики. Такая керамика, наряду с “текстильной”, использовалась также в Северном Приладожье и северной части Карелии. Уже в эпоху раннего металла она распространялась на север Фенноскандии и Кольский полуостров [Гурина, 1961; Carpelan, 1979; Ниурге, 2000, с. 110–113; Сакса, 2001, с. 261, рис. 2].

Как поздняя асбестовая, так и “текстильная” керамика относятся к эпохе бронзы (раннего металла – в Карелии, Восточной, Северной Финляндии и на Кольском полуострове). К сожалению, типологии керамики энеолита и бронзового века с памятников Карельского перешейка и Ладожской Карелии не разработаны. Но уже имеющийся материал позволяет сделать заключение, что исследуемая территория Карелии, Карельского перешейка и Восточной Финляндии в бронзовом веке (1 500–500 гг. до н.э.) входила в ареал т.н. восточной культуры бронзы, распространенной в восточном направлении вплоть до Сибири (Андроново). Одним из проявлений этой культурной принадлежности являются такие находки, как литейная формочка для отливки топора ананынского типа, сами топоры-кельты, а также поселения с “текстильной” керамикой. В то же время в месте под названием Тииканумми в Выборге найдена очковидная фибула скандинавского типа. В этой же зоне по северному берегу Выборгского залива проходит граница охватывавшей финское побережье области распространения западной (скандинавской) культуры бронзы, для которой характерны керамика типа Киукаянен, бронзовые топоры, кинжалы, мечи, наконечники копий, фибулы, бритвы, пинцеты и другие вещи западных модификаций, а также каменные могильники типа Хииденкиуас [Meinander, 1954; Ниурге, 2000, с. 92–94; 2003, с. 237–244; Сакса, 2001, с. 262–263; Lavento, 2003, с. 250–266].

Последующее культурное развитие на Карельском перешейке представлено уже памятниками среднего и позднего железного века (VI–XIII вв.), и оно связано со становлением постоянного населения, послужившего основой известной по летописным источникам “корелы”, и с Новгородской землей.

Список литературы

- Абрамова З.А., Давыдова Н.Н., Квасов Д.Д.** История Ладожского озера в голоцене по данным спорово-пыльцевого и диатомового анализов // История озер Северо-Запада. – Л.: Ин-т озероведения АН СССР, 1967. – С. 113–132.
- Бадер О.Н.** О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угротов: Сб. ст. советских и венгерских археологов. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1972. – С. 10–31.
- Бискэ Г.С.** Четвертичные отложения и геоморфология Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1959. – 307 с.
- Герасимов Д.В., Лисицын С.Н., Тимофеев В.И.** Материалы к археологической карте Карельского перешейка (Ленинградская область) // Памятники каменного века и периода раннего металла. – СПб.: ИИМК РАН, 2003. – 68 с.
- Гурина Н.Н.** Древняя история Северо-Запада европейской части СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 588 с. – (МИА; № 87).
- Гурина Н.Н.** Из истории древних племен западных областей СССР (по материалам нарвской экспедиции). – Л.: Наука, 1967. – 207 с. – (МИА; № 144).
- Долуханов П.М.** Последниковая история Балтики и хронология неолита // Новые методы в археологических исследованиях. – М.; Л.: Наука, 1963. – С. 57–76.
- Долуханов П.М.** О колебаниях уровня озер на Северо-Западе европейской части СССР в среднем и позднем голоцене. – М.: Наука, 1969. – 118 с.
- История** Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки / А.Ф. Трешников (гл. ред.), Г.И. Галазий, Н.Н. Давыдова, М.В. Кабайлене, Д.Д. Квасов, Г.Г. Мартинсон, В.А. Румянцев, Д.В. Севастьянов, А.В. Раукас, О.Ф. Якушко. – Л.: Наука, 1990. – 280 с. – (История озер СССР).
- Квасов Д.Д.** Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. – Л.: Наука, 1975. – 278 с.
- Кошечкин Б.И.** Геоморфология береговой зоны // История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. – Л.: Наука, 1990. – С. 22–26.
- Кошечкин Б.И., Назаренко В.А.** Возраст береговых образований по археологическим данным // История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. – Л.: Наука, 1990. – С. 33–35.
- Ладожское озеро** (развитие рельефа и условия формирования четвертичного покрова котловины) / Г.С. Бискэ, Н.Н. Горюнова, В.А. Ильин, А.Д. Лак, Г.Ц. Лак, А.Д. Лукашев, И.М. Экман. – Петрозаводск: Карелия, 1978. – 205 с.
- Лийва А.А., Сарв А.А., Экман И.М.** К истории последникового (голоценового) развития Ладоги // Природа, береговые образования и история развития внутренних водоемов и морей Восточной Прибалтики и Карелии. – Петрозаводск: Карелия, 1971. – С. 23–26.
- Малаховский Д.В., Арсланов Х.А., Гей Н.А., Диноридзе Р.Н., Козырева М.Г.** Новые данные голоценовой истории Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. – СПб.: РАН; РГО, 1993. – С. 61–73.
- Марков К.К.** Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области. – М.; Л.: [Б. и.], 1931. – 255 с. – (Тр. Гл. геол.-развед. упр.; Вып. 117).
- Марков К.К., Корецкий В.С., Шлямина Е.В.** О колебаниях уровней Ладожского и Онежского озер в послеледниковое время // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1934. – Т. 4, вып. 1. – С. 71–129.
- Мейнандер С.Ф.** Финны – часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник: антропология, археология, этнография. – М.: Наука, 1982. – С. 10–32.
- Моора Х.А.** Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. – Таллин: Изд-во АН ЭстССР, 1956. – С. 49–141.
- Панкрушин Г.А.** Мезолит и неолит Карелии. – Л.: Наука, 1978. – Ч. 1: Мезолит. – 136 с.; Ч. 2: Неолит. – 164 с.
- Саарнисто М., Сакса А., Таавитсайнен Ю.-П.** Древняя Ладога и человек на ее берегах // Ежегодные Российско-Финляндские гуманитарные чтения: “Шегрен – академик Императорской Академии наук. К 200-летию со дня рождения”. Санкт-Петербург, 5–7 октября 1993 г.: Тез. докл. – СПб., 1993. – С. 27–29.
- Сакса А.И.** Приладожская Карелия и область Саво с древнейших времен и до XIV в. // Очерки исторической географии: Северо-запад России. Славяне и финны. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2001. – С. 257–271.
- Сакса А.И., Тимофеев В.И.** Исследование северо-западного побережья Ладожского озера: Новые археологические открытия и изучение культурной трансформации // Материалы пленума ИИМК РАН 14–17 мая 1996 г. – СПб.: ИИМК, 1996. – С. 52–55.
- Седов В.В.** Прибалтийские финны // Финны в Европе VI–XV вв. – Л.: Наука, 1990. – Вып. 1. – С. 8–26.
- Тимофеев В.И.** Новые находки мезолита и раннего неолита в Ленинградской области в 1982–1984 гг. // Всесоюз. археол. конф. “Достижения советской археологии в XI пятилетке”: Тез. докл. – Баку, 1985. – С. 346–348.
- Тимофеев В.И.** Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада России. – СПб.: Наука, 1993. – С. 8–34.
- Экман И.М., Лак Г.Т.** О трансгрессиях Ладожского озера в голоцене // Докл. Акад. наук СССР. – 1975. – Вып. 222. – С. 15–24.
- Экман И.М., Лак Г.Ц., Лийва А.А.** К истории Ладожской трансгрессии // История озер в голоцене. – Л.: Ин-т озероведения АН СССР, 1975. – С. 38–45.
- Янинтс Л.К.** К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // Вопросы этнической истории эстонского народа. – Таллин: Изд-во АН ЭстССР, 1956. – С. 142–171.
- Ailio J.** Die geographische Entwicklung des Ladogasees in postglazialer Zeit // Bull. de la Commission géologique de Finlande. – Helsinki, 1915. – N 45. – S. 159.

- Alenius T., Grönlund E., Simola H., Saksa A.** Land-use history of Riekkalansaari Island in the northern archipelago of Lake Ladoga, Karelian Republic, Russia // *Veget Hist Archaeobot.* – 2004. – Vol. 13. – P. 23–31.
- Arslanov K., Saveljeva A., Gei N., Klimanov V., Chernov S., Chernova G., Kuzmin G., Tertychnaja T., Subetto D., Denisenkov V.** Chronology of vegetation and paleoclimatic stages of northwestern Russia during the Late Glacial and Holocene // *Radiocarbon.* – 1999. – Vol. 41, N 1. – P. 25–45.
- Carpelan Chr.** Om asbetskeramikens historia i Fennoskandien // *Finskt Museum* 1978. – Helsinki: Gummerus, 1979. – S. 5–25.
- Davydova N.N.** Postglacial history of lakes Ladoga and Onega according to diatom analyses of bottom sediments // *Mitteilungen: Internationale Vereinigung für theoretische und angewandte Limnologie.* – 1969. – Bd. 17. – S. 317–378.
- Davydova N.N., Arslanov K.A., Homutova V.L., Krasnov I.I., Malahovsky D.V., Saarnisto M., Saksa A.I., Subetto D.A.** Late- and postglacial history of lakes of the Karelian Isthmus // *Hydrobiologia.* – 1996. – Vol. 322. – P. 199–204.
- Delusin I.** The Holocene pollen stratigraphy of Lake Ladoga and the vegetational history of its surroundings. – Helsinki: *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, 1991. – 153 p. – (Ser. A III. Geologica-Geographica).
- Delusin I., Donner J.** Additional evidence of the Holocene transgression in Lake Ladoga on the basis of an investigation of beach deposits on the island of Mantsinsaari // *Bull. of the Geological Society of Finland.* – Helsinki, 1995. – Vol. 67, N 2. – P. 39–50.
- Dolukhanov P.M.** The Quaternary history of the Baltic: Leningrad and Soviet Carelia // *The Quaternary history of the Baltic: Acta Universitatis Upsaliensis, Symposia Universitatis Upsaliensis Annum Quingentesimum Celebrantis.* – Upsala, 1979. – N 1. – S. 115–125.
- Donner J.** The Quaternary history of Scandinavia. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 200 p. – (Word and Regional Geology; Vol. 7).
- Eronen M.** The history of the Litorina Sea and associated Holocene events // *Societas Scientiarum Fennica. Commentationes Physico-Mathematicae.* – Helsinki, 1974. – Vol. 44. – P. 79–195.
- Huurre M.** 9000 vuotta Suomen esihistoriaa. – 9 taydennetty painos. – Keuruu: Gummerus, 2000. – 272 s.
- Huurre M.** Viipurin läänin kivikausi // Karjalan synty: Viipurin läänin historia. – Jyväskylä: Gummerus, 2003. – Osa 1. – S. 151–244.
- Hyppä E.** Beiträge zur Kenntnis der Ladoga- und Ancylustransgression // *Bull. de la commission géologique de Finlande.* – 1942. – N 128. – S. 139–176.
- Kvasov D.D.** The Late-Quaternary history of large lakes and inland seas of Eastern Europe. – Helsinki: *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*, 1979. – 71 p. – (Ser. A III. Geologica-Geographica).
- Lavento M.** Textile ceramics in Finland and on the Karelian Isthmus. – Vammala: Gummerus, 2001. – 410 s. – (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; N 109).
- Lavento M.** Viipurin läänin pronssikausi ja varhaismetallikausi // Karjalan synty: Viipurin läänin historia. – Jyväskylä: Gummerus, 2003. – Osa 1. – S. 245–290.
- Lavento M., Halinen P., Timofeev V., Gerasimov D., Saksa A.** An archaeological field survey of Stone Age and Early Metal Period settlement at Kaukola (Sevastjanovo) and Räisälä (Melnikovo) in Karelian Isthmus in 1999 // *Fennoscandia archaeologica.* – 2002. – Vol. 18. – P. 3–25.
- Lempäinen T.** Medieval Plant Remains from the Fortress of Käkisalmi, Karelia (Russia) // *Fennoscandia archaeologica.* – 1995. – Vol. 12. – P. 83–94.
- Linkola K.** Studien über den Einfluss der Kultur auf die Flora in den Gegenden nördlich von Ladogasee I–II // *Acta Societatis pro Fauna et Flora Fennica.* – Helsinki, 1921. – Bd. 45 (2). – S. 1–491.
- Meinander C.F.** Die Bronzezeit Finlands. – Helsinki: Gummerus, 1954. – 392 s. – (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja; N 53).
- Miettinen J., Grönlund E., Simola H., Huttunen P.** Paleolimnology of Lake Pieni-Kuuppalanlampi (Kurkijoki, Karelian Republic, Russia): isolation history, lake ecosystem development and human impact // *J. of Paleolimnology.* – 2002. – № 27. – P. 29–44.
- Ramsey W.** Eisgestaute Seen und Rezession des Inlandeises in Südkarelien und Nevatal // *Fennia.* – 1928. – N 50. – S. 1–21.
- Saarnisto M.** Karjalan geologia: Karjalan luonnonmaiseman synty // Karjalan synty: Viipurin läänin historia. – Jyväskylä: Gummerus, 2003. – Osa 1. – S. 21–80.
- Saarnisto M., Grönlund T.** Shoreline displacement of Lake Ladoga – new data from Kilpolansaari // *Hydrobiologia.* – 1996. – Vol. 322. – P. 205–215.
- Saarnisto M., Grönlund T., Ikonen I.** The Yoldia Sea – Lake Ladoga connexion: Biostratigraphical evidence from the Karelian Isthmus // *Dig it all: Papers dedicated to Ari Siiriäinen.* – Helsinki: Gummerus, 1999. – S. 117–130.
- Saarnisto M., Siiriäinen A.** Laatokan transgressioraja // *Suomen Museo* 77. – Helsinki: Gummerus, 1970. – S. 10–22.
- Saksa A., Kankainen T., Saarnisto M., Taavitsainen J.-P.** Käkisalmen linna 1200-luvulla // *Geologi.* – Helsinki, 1990. – N 42. – S. 65–68.
- Simola H.** Karjalan luonto // Karjalan synty: Viipurin läänin historia. – Jyväskylä: Gummerus, 2003. – Osa 1. – S. 81–116.
- Simola H., Grönlund E., Miettinen J.** Asutuksen historia ja maankäytön vaiheet Sortavalan seudun järviens sedimenteissa // Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja. – Joensuu, 2001. – N 132. – S. 7–19.
- Subetto D., Wohlforth B., Davydova N., Sapelko T., Björkman L., Solovieva N., Wastergård S., Possnert G., Khomutova V.** Climate and environment on the Karelian Isthmus, northwestern Russia, 13000–9000 cal. Yrs BP // *Boreas.* – 2002. – Vol. 31. – P. 1–19.
- Taavitsainen J.-P., Ikonen L., Saksa A.** On early agriculture in the archipelago of Lake Ladoga // *Fennoscandia archaeologica.* – 1994. – Vol. 40. – P. 29–40.
- Taavitsainen J.-P., Simola H., Grönlund E.** Cultivation history beyond the periphery – early agriculture in the North European boreal forest // *J. of World Prehistory.* – 1998. – Vol. 12. – P. 199–253.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.5'63

А.Н. Алексеев, Э.К. Жирков, А.Д. Степанов,

А.К. Шараборин, Л.Л. Алексеева

Якутский государственный университет,

Музей археологии и этнографии

ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия

E-mail: mae-ysu@rambler.ru

ПОГРЕБЕНИЕ ЫМЫЯХТАХСКОГО ВОИНА В МЕСТНОСТИ КЁРДЮГЕН

Введение

В 2004 г. в ходе разведочных работ, проводимых Заречным археологическим отрядом Якутского государственного университета в Чурапчинском улусе Республики Саха (Якутия), в местности Кёрдюген было обнаружено погребение воина или военного вождя со щитом и доспехом из костяных пластин. Погребение приурочено к крупному приозерному островному образованию размером 60×140 м и высотой 10 м. Расположено оно в озерной системе, протянувшейся с севера на юг и относящейся к водосбору одного из левых притоков верховьев речки Татта (левого притока р. Алдана). От р. Лены погребение удалено примерно на 125 км к востоку.

Описание погребения

На сравнительно небольшой площадке погребению просто чудом удалось избежать техногенного разрушения: в 1,5 м к юго-востоку от черепа погребенного врыт столб ЛЭП-300 (рис. 1). Параллельно, буквально впритык расположена могила предположительно XVIII–XIX вв. (рис. 2, 3).

Описываемое погребение находилось на глубине 35 см от современной дневной поверхности. Часть инвентаря и кости обнаруживались уже на глубине 7–10 см (рис. 4). Погребенный был уложен на спину, с вытянутыми вдоль тела руками, головой на юго-юго-восток (см. рис. 3, 4), параллельно озеру. Могильная

яма не прослеживается. Вскрытые под дерном слои носят следы сильного пожара. От надгробного сооружения XVIII–XIX вв. остался только обугленный остаток из двух обгоревших плах.

Погребенный был полностью укрыт щитом, состоящим из более 100 костяных пластин, большинство из которых сломаны (см. рис. 3, 5). Пластины на щите располагались горизонтально двумя рядами. В ногах лежал частично перекрытый щитом доспех из длинных роговых пластин с отверстиями для крепления (см. рис. 3, 6).

Погребенный мужчина зрелого возраста характеризуется необычно большим черепом (рис. 7) с широкой нижней челюстью и уплощенным лицевым профилем (визуально сравним с бугачанским черепом [Якимов, 1950, рис. 33–36]). У него полностью отсутствуют нижние зубы с правой стороны, альвеолы уже почти полностью затянуты. На малоберцовой кости правой ноги наблюдается неправильное сращение после перелома или ранения.

Анатомический порядок костяка нарушен с правой стороны ниже таза – кости кисти разбросаны, кости ноги сдвинуты (см. рис. 3, 5). В районе колена правой ноги погребенного находятся кости второго человека, собранные в кучку (см. рис. 3, 8, 9). Эти кости, лежащие близко к поверхности и обнаруженные при шурфовке, и были приняты первоначально за разрушенное погребение.

Костяк сильно растянут в позвоночном отделе и нижних конечностях. Длина до пятых костей левой ноги составила 192 см. Сопроводительный инвентарь,

Рис. 1. Вид местности, где было обнаружено погребение Кёрдюген.

Рис. 2. Общий вид раскопа. В центре обнажение пластин доспеха и щита. В правом ближнем углу остатки деревянного надмогильного сооружения XVIII–XIX вв.

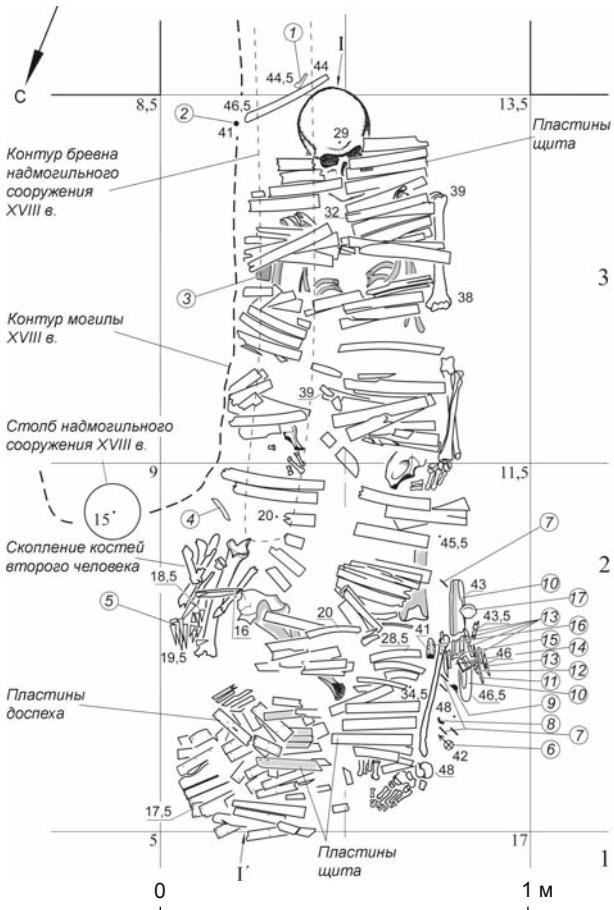

Рис. 3. План погребения Кёрдюген.

1 – шлифованный сланцевый нож; 2 – фрагмент гладкостенной керамики; 3 – шлифованное тесло; 4 – фрагмент костяной накладки лука; 5 – наконечники стрел; 6 – многофасеточный резец; 7 – отщепы; 8 – скобель на отщепе; 9 – концевой скребок; 10 – костяное лошило; 11 – костяной стержневидный наконечник; 12 – боковой скребок; 13 – фрагменты костяных посредников-держателей; 14 – фрагменты абразива; 15 – сломанные костяные гарпуны; 16 – додлотцо; 17 – коленная чашка.

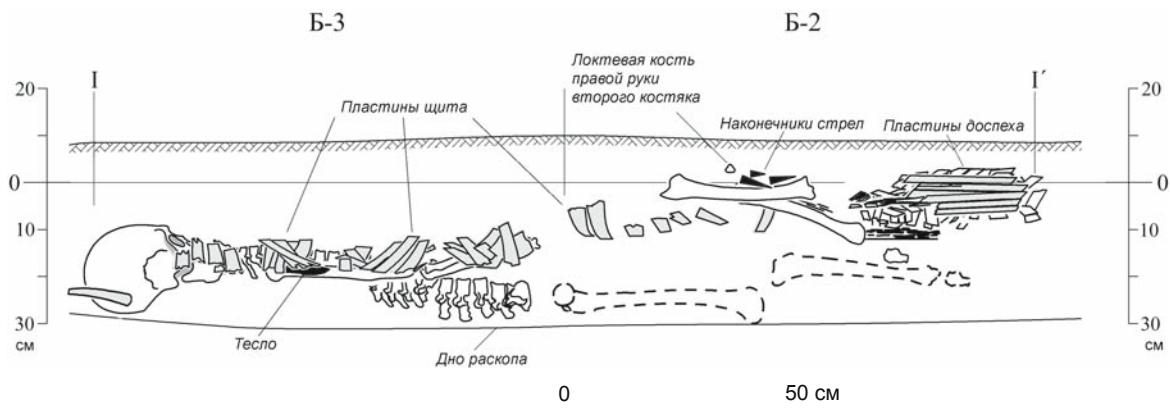

Рис. 4. Профиль погребения по линии I–I'.

Рис. 5. Общий вид погребения.

не считая щита и доспеха, был небогатым. У правой плечевой кости под щитом лежало шлифованное тесло с черешком из черного сланца (см. рис. 3, 3; 7). Длина его 10,5 см, ширина лезвия 3,8 см, толщина 2 см. Длина ретушированного, пришлифованного черешка 5 см, размеры сечения 2,7×
×1,5 см (рис. 10, 4). Пожалуй, это пока единственное чешуйковое тесло в материалах мысяхтахской культуры.

Над черепом был обнаружен сланцевый шлифованный нож длиной 5,3 см с вогнутым, односторонне заточенным лезвием (см. рис. 3, 1; 10, 6). Его расположение у головы погребенного, думается, не случайно. Прочий сопроводительный инвентарь был сосредоточен в ногах (см. рис. 3). Возле берцовых костей левой ноги находились

Рис. 6. Расчистка доспеха. Справа вверху – кости второго скелета, остатки столба и бревна надмогильного сооружения XVIII–XIX вв.

Рис. 7. Фрагмент верхней части костяка с теслом.

Рис. 8. Общий вид костяка.

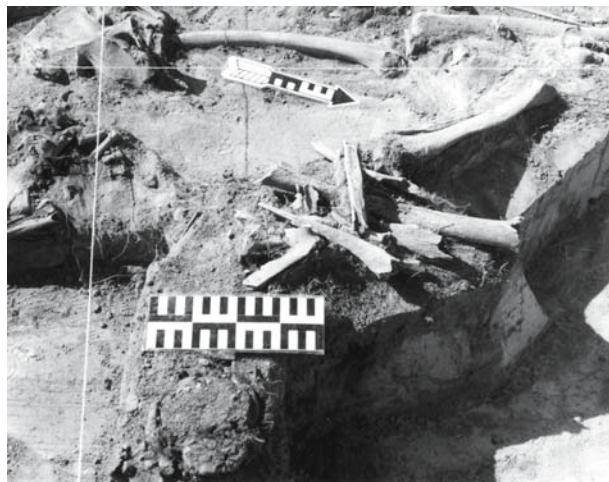

Рис. 9. Скопление костей второго скелета (большие кости – бедренная и берцовая – принадлежат первому скелету).

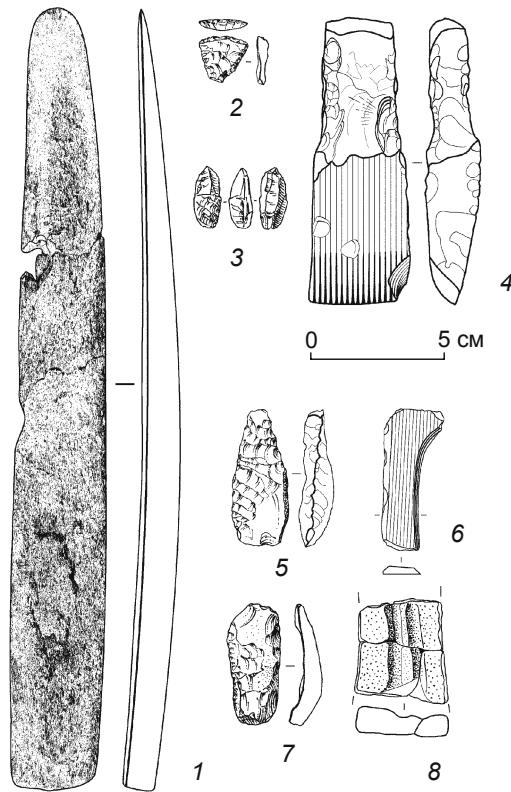

Рис. 10. Сопроводительный инвентарь.
1 – лощило; 2 – концевой скребок; 3 – многофасеточный резец; 4 – сланцевое шлифованное тесло; 5 – долотце; 6 – сланцевый шлифованный нож; 7 – боковой скребок-нож; 8 – абразив.

несколько сломанных костяных предметов: роговое лощило, к моменту обнаружения состоящее из трех фрагментов (см. рис. 3, 10; 10, 1); гарпун без острия (см. рис. 3, 15; 11, 6); обломок насада

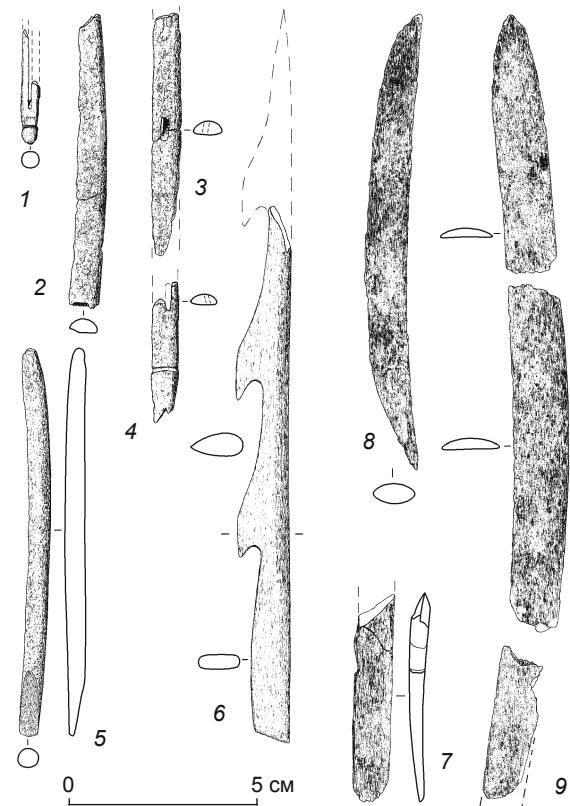

Рис. 11. Костяные изделия.
1–4 – посредники-держатели; 5 – стержневидный наконечник стрелы; 6 – сломанный гарпун; 7 – насад гарпуна (?); 8 – изделие неизвестного назначения; 9 – фрагменты накладок лука.

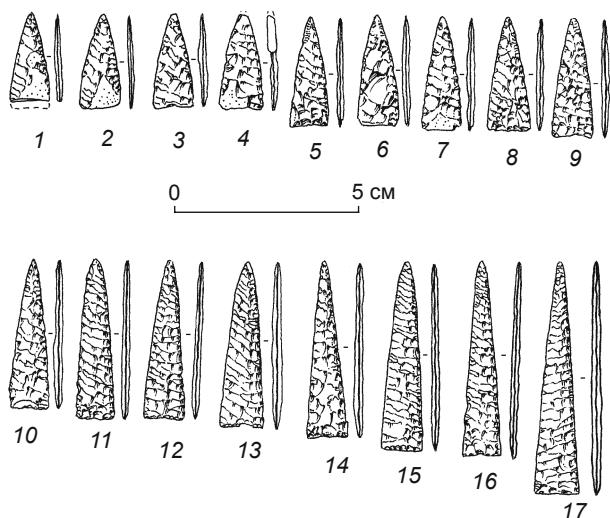

Рис. 12. Кремневые наконечники стрел.

(гарпуна?) (см. рис. 3, 15; 11, 7); шиловидное острие с односторонне уплощенным насадом (наконечник стрелы?) длиной 10 см, диаметром 0,35–0,45 см (см. рис. 3, 11; 11, 5); фрагменты посредников-держа-

телей (см. рис. 3, 13; 11, 1–4) и изделие удлиненно-полулунной формы (рис. 11, 8), назначение которого неясно. Здесь же располагались каменные предметы: три сланцевых и два кремневых отщепа (см. рис. 3, 7), скобель на отщепе (см. рис. 3, 8), концевой подтреугольный скребок длиной 1,8 см, шириной 1,9 см (см. рис. 3, 9; 10, 2), многофасеточный резец длиной 2,3 см, диаметром 1,3 см (см. рис. 3, 6; 10, 3), долотцо длиной 5 см, шириной 2,1, толщиной 1 см (см. рис. 3, 16; 10, 5), боковой скребок-нож длиной 5,5 см, шириной 2 см (см. рис. 3, 12; 10, 7) и песчаниковый абразив (см. рис. 3, 14), который, видимо, под влиянием влажности расслоился и рассыпался, сохранилось лишь несколько фрагментов с двумя желобками полукруглого сечения шириной 0,4 см, глубиной 0,1 см (см. рис. 10, 8).

С правой стороны в районе бедра и таза найдены фрагменты костяных пластин, судя по форме, размерам и сечению, не относящиеся к щиту или доспеху (см. рис. 3, 4; 11, 9). Изогнутой формой и полукруглым сечением они напоминают боковые накладки усиленного или сложносоставного лука. Эти фрагменты сходны с костяными предметами из поздненеолитических погребений Диринг-Юряхского могильника, тоже интерпретируемыми как накладки лука [Федосеева, 1992, рис. 6, 9, 15, 16, 22; 11, 12]. С правой стороны костяка располагалось также скопление из 17 кремневых наконечников стрел двух типов (большинство обращено остриями к стопам погребенного): девять треугольных длиной 2,5–3,3 см, шириной 1,1–1,2 см и восемь удлиненно-треугольных длиной 4–6,2 см, шириной 1–1,2 см (см. рис. 3, 5; 12).

Недалеко от черепа, на границе с могильной ямой XVIII–XIX вв., был найден фрагмент гладкостенной керамики (см. рис. 3, 2). Такое расположение находки не позволяет отнести ее к сопроводительному инвентарю ымяяхтакского погребения. Не исключено, что керамика случайно попала в яму позднесредневекового захоронения вместе с отвалом. В раскопе, заложенном на месте погребения, было найдено несколько фрагментов гладкой тонкостенной керамики эпохи раннего металла, а также шнуровой белькачинской и якутской. В подъемных сборах представлена валиковая керамика со штампами переходного от бронзы к железу времени. ымяяхтакской вафельной керамики не найдено.

Под черепом находилось небольшое пятно прокала грунта с немногочисленными угольками. На самом черепе следов обожженностии не обнаружено. Возможно, имел место символический обряд очищения могилы огнем.

Типология инвентаря

Кремневый инвентарь находит достаточно четкие аналогии в материалах ымяяхтакской поздненеоли-

тической культуры. Подтреугольный скребок с дугообразно выпуклым лезвием (см. рис. 10, 2) относится к типу 1А по классификации С.А. Федосеевой [1980, с. 178, рис. 102, 2], удлиненно-треугольные наконечники стрел (см. рис. 12, 10–17) – 1Аа, 1Да, треугольные (см. рис. 12, 1–9) – 1Аб, 1Дб [Там же, с. 181–182, рис. 102, 36, 37, 44]. Подобные наконечники были обнаружены в Чучур-Муренском и Диринг-Юряхском могильниках [Там же, рис. 51, 52; Федосеева, 1992, рис. 4, 1–7, 10; 7; 8, 1–6]. Многофасеточный резец (см. рис. 10, 3) с нуклевидной, частично ретушированной рукояткой соответствует 2-му типу [Федосеева, 1980, с. 184, рис. 102, 87]. Долотцо относится к типу 1А ретушированных, черешковых и тоже является одним из характерных орудий ымяяхтакской культуры (см. рис. 10, 5).

Интересной находкой является полностью шлифованный сланцевый нож с вогнутым лезвием (см. рис. 10, 6). Своей формой он сближается со шлифованными ножами из исаковских и серовских погребений Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 194, рис. 26, 1; 40, 7].

Немногочисленные костяные изделия представлены в основном сломанными предметами и обломками. Так, гарпун был без острия. Длина фрагмента 14,2 см, ширина насада 1 см. Сохранились две бородки высотой (от основания) 0,7 см, на сломанном конце просматриваются остатки третьей (см. рис. 11, 6). Гарпуны являются единичными находками на памятниках ымяяхтакской культуры [Алексеев, 1996, табл. 28, 4]. Двусторонне уплощенный насад гарпунного типа с вырезанным неглубоким упором (стопорлинь) тоже представлен обломком. Длина его 5,3 см, ширина 1, толщина 0,4 см (см. рис. 11, 7). Похоже, что в погребение положили предметы, вышедшие из употребления. Во всяком случае, это верно в отношении сломанных костяных изделий.

Фрагментами представлены предметы, интерпретируемые как посредники-держатели наконечников или острий и лезвий. Обломок изделия со сквозным пазом и округлой головкой в основании, которую нельзя назвать насадом, видимо, часть стерженька составного рыболовного крючка (см. рис. 11, 1). Два фрагмента, вероятно одного изделия, полукруглые в сечении, с щелевидными отверстиями длиной 0,5 см, шириной 1,5 мм (см. рис. 11, 3, 4). О том, что это обломки посредника-держателя, а не пуговицы-застежки, говорит оформленная на одном из них приостренная головка с желобчатым пазом в основании для перехвата.

Массивное роговое лошило, собранное из трех фрагментов, имеет полукруглое сечение, длину 28,6 см, ширину в средней части 3,4, толщину 1,3 см (см. рис. 10, 1). Казалось бы, в захоронении такого ранга уместнее находиться кинжалу, как в Бугачанском погребении [Окладников, 1946, табл. VIII, IX]. Данное изделие хотя и получило условное название

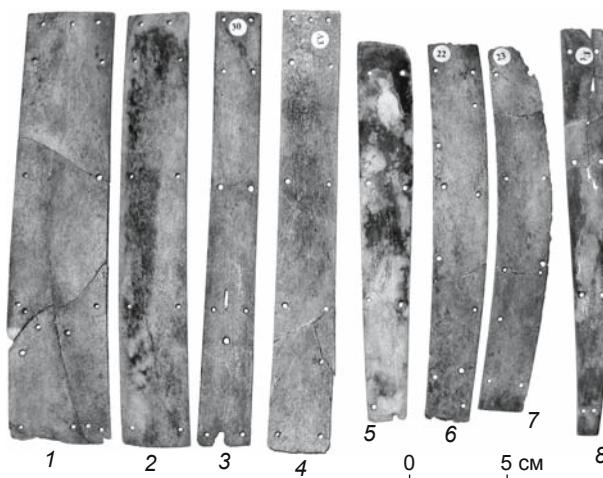

Рис. 13. Роговые и костяная (5) пластины доспеха.

“кинжал”, но орудия с полуокруглым или прямым уплощенным рабочим концом с пришлифовкой, обычно изготовленные из трубчатых костей, традиционно интерпретируются как лошила.

Конечно же, самыми яркими находками являются доспех и щит из пластин. На момент раскопок доспех состоял из 338 фрагментированных обломков, 7 целых и 26 сломанных пластин, в основном из рога, только единицы – из кости (рис. 13). Всего насчитывается 52 целых и собранных пластин. Длина целых 12,5–25 см, ширина 1,5–5, толщина 0,2–0,3 см. Расположение доспеха компактной массой позволяет надеяться на его реконструкцию.

Костяные панцирные пластины в юмыхтахской культуре позднего неолита известны в Якутии по

материалам стоянок Бурулгино на Индигирке и Улахан Сегеленях на Токко [Федосеева, 1980, рис. 87; Алексеев, 1996, с. 39, табл. 28, 2, 3]. Все эти находки относятся к финалу данной культуры.

За пределами Якутии близкие по возрасту костяные панцирные пластины найдены во 2-м слое пещеры Тугаринова [Мандрыка и др., 1996, с. 88–89, рис. 8, 1–4], в глазковских погребениях памятников Усть-Илга на верхней Лене и Перевозная на Енисее [Окладников, 1955, с. 233, 234, 248–250, 252, рис. 118–120]. На могильнике Ростовка костяные доспехи обнаружены в трех могилах [Матющенко, Синицына, 1988, с. 8, 46, 88–89, рис. 8, 10, 61–66].

Интересно, что в погребении у д. Перевозная под Красноярском, где захоронены три человека, костяные пластины с отверстиями тоже располагались в ногах одного из них. В.В. Передольский, открывший данный памятник, считал эти пластины остатками щита, но мы склонны присоединиться к мнению А.П. Окладникова, который прямо называет их костяными латами [1955, с. 249–250, рис. 120].

Описание щита, проблемы реконструкции

Размеры щита примерно 45×155 см (рис. 14). Пластины располагались горизонтально друг под другом двумя вертикальными рядами. Всего их насчитывается 105: в левом ряду 53 (рис. 14, Б), в правом – 52 (рис. 14, А). Целых пластин 44, остальные сломаны, многие во фрагментарном состоянии, некоторые погрызены грызунами. Первоначальное положение

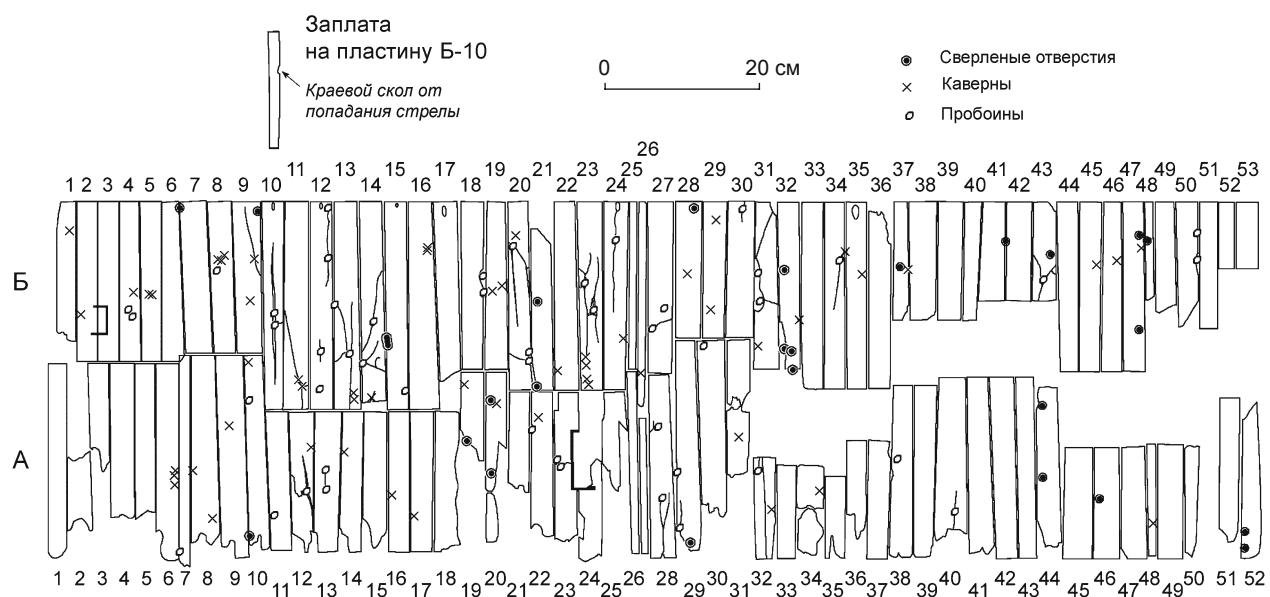

Рис. 14. Реконструкция щита.

большинства пластин, особенно правого ряда и нижней части щита, нарушено (см. рис. 3, 5). В правом ряду почти все пластины были сломаны при сооружении погребения XVIII–XIX вв. Никаких остатков и следов каркасной основы щита не обнаружено. Все пластины изготовлены из трубчатых костей крупного животного, скорее всего лося. Длина пластин от 8,5 до 27 см, ширина 1,5–3,5 см, толщина 0,2 см; имеются четыре узкие пластины шириной 0,9–1,3 см. По длине они разделяются на несколько групп с разным количеством пластин. В левом ряду выделяется 13 таких групп, в правом – 16. Это несоответствие может объясняться утратой пластин. Имеющиеся в наличии пластины разной длины позволяют предположить, что щит был плавно сужен книзу. Точная реконструкция его формы невозможна ввиду фрагментарности и нарушения первоначального положения пластин правого ряда. Возможно, это один из древних усиленных щитов.

Решение вопроса о креплении пластин на щите тоже остается в области предположений. На подавляющем большинстве из них нет отверстий. На 16 пластинах насчитывается 27 круглых сверленых отверстий и их фрагментов диаметром до 0,3 см (рис. 14; 15, 4), между двумя пластинами – еще одно, продолговатое, образованное четырьмя близко пропорциональными круглыми. Наличие отверстий между плотно сдвинутыми пластинами свидетельствует о том, что они сверлились уже по закрепленным на щите пластинам и не играют роли в креплении последних. Возможно, отверстия имеют отношение к креплению дополнительных элементов щита или заплат. Все это позволяет предполагать, что плотно пригнанные друг к другу пластины приклеивались к кожаной основе, натянутой на деревянный каркас. На двух пластинах (см. рис. 14, Б-3, А-23) имеются прямоугольные вырезы (см. рис. 15, 1), сделанные после их закрепления на щите, о чем свидетельствуют следы резания на соседних с ними пластинах. Были ли это смотровые щели или вырезы для ремонтных вставок – предстоит еще выяснить.

На 28 пластинах насчитывается 48 сквозных пробоин и краевых сколов от попадания стрел (см. рис. 14), из них четыре–пять – достаточно крупные (см. рис. 15, 2); около 20 попаданий привели к расщеплению или поломке пластин. Одна пробитая пластина (см. рис. 14, Б-10) была усиlena заплаткой в виде короткой узкой пластинки, после чего вновь была пробита вместе с этой заплаткой. Кроме пробоин, на 41 пластине выявлено 56 каверн от попадания стрел (см. рис. 14). В шести из них обнаружены застрявшие сломанные острия наконечников стрел из светло-серого или белого кремня (см. 15, 3). Возможно, количество отметин от попадания стрел гораздо больше; нами зафиксированы только явно видимые.

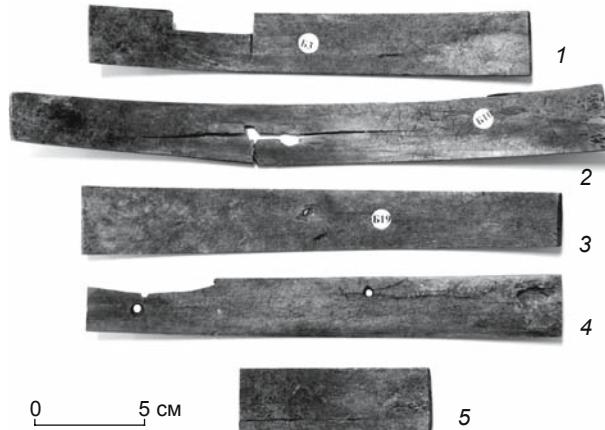

Рис. 15. Костяные пластины щита.
1 – с прорезью (для глаз?); 2 – с пробоинами от стрел; 3 – с кавернами от стрел (в одной из них застрявшее острие наконечника); 4 – с высверленными отверстиями; 5 – короткая.

Две пластины сильно разбиты, на одной из них вмятины от тупого предмета.

Возможно, кёрдюгенский щит – не единственная находка такого рода. В двойном глазковском погребении Усть-Илга пластины, тоже изготовленные из костей лося и не имевшие отверстий, также размещались горизонтально друг под другом, закрывая одного из погребенных почти полностью [Окладников, 1955, с. 248, рис. 118, 119].

Проблема разграбления

Внешний вид ряда пластин характерен для костей, лежавших на открытом воздухе, и позволяет предположить, что какое-то время погребение (или его часть) было обнажено (разрыто специально?). Первоначальное расположение некоторых пластин щита нарушено, как будто кто-то разгребал их в поисках каких-то предметов (см. рис. 3, 5). Кроме того, положение костей правой ноги погребенного свидетельствует о том, что, вероятно, когда кости еще были соединены между собой сухожилиями или даже остатками мышечных тканей, нога была согнута в колене и откинута в сторону. Здесь напрашиваются аналогии с Диринг-Юряхскими разграбленными погребениями [Федосеева, 1988, 1999] или потревоженными захоронениями Ростовкинского могильника [Матющенко, Синицына, 1988]. Правда, там погребальные комплексы были нарушены уже после того, как от погребенных остались только скелеты.

Доспех в Кёрдюгенском погребении тоже был потревожен, т.к. некоторые его пластины лежали поверх щита (см. рис. 3, 6). Причем произошло это в то время, когда крепежная вязка между ними еще

окончательно не сгнила. Даже в нарушенном положении пластины лежали сгруппированными блоками, и можно предположить, что некоторые вязки выдержали извлечение и повторное сбрасывание доспеха в могилу.

Вызывает интерес и расположение костей второго человека на сдвинутой правой бедренной кости первого. Это скопление, состоявшее из правой лопатки, левой ключицы, локтевых и лучевых костей обеих рук, плечевой кости правой руки, большеберцовой кости левой ноги, фрагмента мужской тазовой кости, производит впечатление очень аккуратно уложенной, компактной кучки (см. рис. 3, 9). Хронологический разрыв между разграблением (?) и укладкой костей второго костяка пока не установлен.

Заключение

На основе сравнительного анализа погребение Кёрдюген достаточно четко датируется финалом ымыяхтахской культуры. На этом этапе ымыяхтахское общество, по всей видимости, испытывало какой-то внутренний кризис социально-экономического или политического характера, приведший к достаточно долгим межродовым или межплеменным военным конфликтам. Не исключено, что могла быть и внешняя причина. Широкое распространение костяных доспехов в культурах раннебронзового века Сибири свидетельствует, очевидно, о возросшей интенсивности военных столкновений на достаточно обширной территории. Появление костяного доспеха и тяжелого щита с костяными накладками – закономерный результат развития военного дела в условиях длительного периода “века сражений”.

Затянувшиеся войны могли способствовать возникновению особых групп людей, прошедших специальную военную подготовку. Племя или род отбирал физически крепких мальчиков, которых уже с ранних лет готовили к войне. Конечно, называть их профессиональными воинами или дружинниками, оторванными от общины или противопоставленными ей, нельзя. Как и прочие мужчины-охотники, они оставались в рамках той социальной структуры, которая диктовалась экономическими факторами охотничьего хозяйства. В случае военной опасности эти люди-воины (или, как принято называть таких людей у сибирских народов, богатыри) должны были возглавить сопротивление или же составить ударный отряд для набега. Подобные действия описываются в фольклоре многих народов Сибири [Соловьев, 1987, с. 125–126; Васильев, 1995, с. 129–140].

Щит и доспех в могиле, безусловно, подчеркивают особый социальный статус, ранг погребенного или его принадлежность к особой группе людей – во-

инов, богатырей. От других подобных погребений с костяными доспехами Кёрдюгенское отличается лучшей сохранностью, что позволяет надеяться на положительное решение вопросов реконструкции древнего защитного вооружения.

Исследование этого уникального погребения дает обширный материал для изучения многих проблем (антропология, погребальный обряд, социальная дифференциация общества, военное дело и т.д.), связанных с ымыяхтахской культурой позднего неолита (XXIII–XIV/XIII вв. до н.э.) Северо-Восточной Азии.

Список литературы

- Алексеев А.Н.** Древняя Якутия: Неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1996. – 143 с.
- Васильев Ф.Ф.** Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 221 с.
- Мандрыка П.В., Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д., Андреенко О.В., Чеха В.П.** Комплексное исследование пещеры Тугаринова // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1996. – Вып. 1. – С. 83–115.
- Матющенко В.И., Синицына Г.В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 135 с.
- Окладников А.П.** Ленские древности. – Якутск: [Якут. гос. тип.], 1946. – Вып. 2. – 187 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: (Историко-археологическое исследование). – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 412 с. – (МИА; № 18).
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: (Глазковское время). – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 373 с. – (МИА; № 43).
- Соловьев А.И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.
- Федосеева С.А.** ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
- Федосеева С.А.** Диринг-Юряхский могильник: (Ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма) // Археология Якутии. – Якутск: Якут. гос. ун-т, 1988. – С. 79–98.
- Федосеева С.А.** Диринг-Юряхский могильник: (Типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 84–105.
- Федосеева С.А.** Ограбление могил и проблема зарождения первобытного атеизма на рубеже эпох камня и ранних металлов // Археология Якутии и ее место в мировой науке о происхождении и эволюции человечества. – Якутск: Литограф, 1999. – С. 86–118.
- Якимов В.П.** Череп человека бронзового века из Якутии // Окладников А.П. Ленские древности. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Вып. 3. – С. 189–198.

УДК 903,7

И.В. Асеев

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: aseev@archaeology.nsc.ru

**КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ
 НА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ В УСТЬЕ РЕКИ ЭЛЬГЕН
 КАК ОТРАЖЕНИЕ ШАМАНИСТСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ
 ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИОЛЬХОНЬЯ**

Введение

Как определенное мировоззрение, возникшее в первобытном обществе, шаманизм был тесно связан с общественным и семейным бытом, выражая в “вульгарной”, т.е. упрощенной, форме развитие жизни. Чтобы понять, насколько актуально его изучение для историков, этнографов, фольклористов, достаточно обратиться к указателю литературы “Бурятский шаманизм”, составленному исследователями этой религии Т.М. Михайловым и П.П. Хороших, в котором насчитывается более 500 названий [1973]. Основой для написания многих работ послужили археолого-этнографические материалы.

Одним из источников для изучения религиозных воззрений прибайкальцев в эпохи камня и металла являются погребальные обряды и произведения искусства, в т.ч. предметы мелкой пластики из погребений и со стоянок, в семантическом плане находящие объяснение в этнографических сведениях. Но наиболее ярко духовный мир древнего населения Прибайкалья, связанный с религией, и в частности с шаманизмом, проявился в петроглифах, распространенных на прибрежных скалах Ангары, Лены, Байкала. Их изучению посвящено много работ, в которых рассматриваются проблемы хронологии и семантики, выясняется связь с местным шаманским фольклором, прослеживается определенная преемственность между древним и современным населением Прибайкалья [Окладников, 1959, 1964, 1972, 1974, 1977; Окладников, Запорожская, 1959, 1972].

За последние годы археологических исследований в регионе выявлен еще один тип памятников – объекты религиозного характера, имеющие сходство с погребальными сооружениями и находящие аналогии в петроглифах и этнографических материалах. Но в силу своей малочисленности они слабо изучены. Поэтому каждая новая находка культового характера представляет большой научный интерес.

Предлагаемая статья посвящена анализу именно таких объектов, обнаруженных на неолитической стоянке Эльген, – жертвеннику и святилищу.

**Культовые объекты
 и их этнографические параллели**

Стоянка расположена на берегу Байкала в 4 км к востоку от с. Большое Кочериково на первой надпойменной террасе в устье р. Эльген. Памятник открыт А.П. Окладниковым в 1978 г. В 1979–1982 гг. под его общим руководством сотрудниками Саянского отряда Североазиатской археологической экспедиции ИИФФ СО АН СССР и студентами исторического факультета Иркутского государственного педагогического института на стоянке проводились раскопки. Их результаты в сжатом виде опубликованы в монографической работе А.К. Конопацкого [1982, с. 27–30]. Памятник уникален по содержанию специфических орудий, указывающих на существование здесь мастерской по массовому изготовлению топоров с ушками и выемчатых мотыг из окремненных

и сланцевых пород. Экспериментально-трасологические исследования, проведенные П.В. Волковым, подтвердили одно из ранее выдвинутых исследователями предположений относительно назначения этих орудий: они использовались преимущественно для выдалбливания прорубей при подледном промысле ихтиофауны на водоемах, и в частности на Байкале [Волков, 1986; Асеев, 2001].

Раскопки стоянки возобновились в 2002 г. При этом выяснилось, что материалы нижнего уровня культурных отложений, представленные в основном микропластинчатой индустрией, относятся к мезолиту. В заполнении на уровне 35–45 см и глубже (незначительные перепады рельефа) практически отсутствует керамика, но встречаются каменные рубила из галек, характерные для эпохи палеолита [Асеев, 2003б].

В 2003 г. ниже по склону первой надпойменной террасы в 27 м к юго-востоку от исследуемой неолитической стоянки по направлению к прибойной линии Байкала был заложен разведочный раскоп. Он пришелся на кольцевую кладку из галечника, которая располагалась между гнейсогранитной глыбой ок. 2 м длиной и 60 см шириной, лежащей плашмя с ее южной стороны, и коренными выходами скальной породы – с северной. Характер кладки не вызывает сомнения в ее искусственном происхождении. Она напоминает надмогильные сооружения серовской культуры, относимой исследователями к 5,5–4,5 тыс. л.н. Погребения с аналогичными кладками известны из раскопок прошлых лет [Окладников, 1950, с. 191–354; Горюнова, 1997, с. 99]. Большой диаметр кладки (С–Ю) составляет 2,7 м, меньший (В–З) – 1,7 м. При ее зачистке в дерновом и поддерновом слоях (глубина до 25 см) найдена серия разнообразных орудий из

кремня и кварцита: режущие инструменты на крупных сколах, тесла из галек со шлифованными овальными лезвиями, торцовый и клиновидный нуклеусы, треугольный в плане с вогнутой базой наконечник стрелы, проколка, ножевидные пластины и микропластины, роговой отжимник. Также обнаружены фрагменты керамики с различным орнаментом и без него, несколько обломков кальцинированных костей, два скола и три отщепа серой кремнистой породы. Под кладкой на глубину 70 см шел материковый слой дресвы и суглинка светло-охристого цвета. Могильного пятна или каких-либо других искусственных включений в материк не прослежено.

Вещевой комплекс представлен разнообразными орудиями специфического назначения практически без отходов производства, что свидетельствует о преднамеренном его размещении в определенном месте: на кенотафе или жертвеннике в форме надмогильной кладки. По типологии артефактов объект относится к эпохе развитого неолита [Асеев, 2003а].

Близкий по специфике памятник был открыт в 2004 г. при продолжении раскопок неолитической стоянки, расположенной рядом с жертвенником. На площади 16 м² вскрыты культуросодержащие слои, насыщенные значительным количеством ножевидных пластин и микропластин, отщепов, скребков; клиновидных, торцовых и призматических нуклеусов; фрагментов керамики с орнаментом и без него. Кроме того, найдено несколько массивных топоров с ушками и мотыг с перехватом, которые, как принято считать, относятся к китайской археологической культуре.

В процессе раскопок на глубине 30–35 см от дневной поверхности в слое светло-охристой супеси выявлена кладка из горизонтально уложенных плит

скальной породы. В плане она вытянуто-овальная, длиной ок. 2 м и шириной посередине 70 см (рис. 1). Под ней на глубине 20–25 см в западной половине могильного котлована находилась вторая кладка (рис. 2). В центральной части на уровне этой кладки выявлена группа артефактов из окатанных галек. На переднем плане находился сегмент плоской гальки, поставленный на ребро скола (рис. 2, Д). За ним по линии север – юг лежали две хорошо окатанные шаровидные гальки светло-серой мраморовидной породы (рис. 2, Б, В). Далее вертикально располагался пест-терочник из гальки серой окремненной породы, напоминая

Рис. 1. Первая кладка перекрытия святилища на стоянке Эльген (снято с юго-запада).

ющий своей формой полусогнутую в поклоне фигуру человека, сидящего на подогнутых ногах. Сходство с человеческой фигурой усиливается еще и тем, что боковым сколом на верхнем усеченном торце древний мастер обозначил лицевую часть. На нижней трети гальки вкруговую нанесен пикетаж (рис. 2, Г; 3). Здесь прослеживаются оформленные точечной выбивкой углубления и бугорки, которыми, возможно, намечены детали одежды и обувь, что подчеркивает сидячее положение фигуры. Сигмаобразным углублением на тыльной стороне четко обозначена тазобедренная часть туловища (рис. 4).

Таким образом, довольно скромными приемами обработки пест превращен в примитивную скульптуру. Наибольший ее диаметр в сечении ок. 5 см, высота 12,5 см. Зашлифованная рабочая плоскость нижнего торца песта-терочника округлая, диаметром ок. 4 см, имеет наклон к вертикальной оси 10–12°. В одном месте на границе между рабочей плоскостью и боковой поверхностью с пикетажем сохранился жировой обуглившийся налет, свидетельствующий о каких-то манипуляциях, связанных с огнем. Здесь же были найдены мелкие фрагменты горелой бересты. Оставшаяся не тронутой пикетажем галечная корка залощена в результате длительного использования песта-терочника по назначению и имеет глянцевую поверхность.

Далее, как бы с тыльной стороны примитивной скульптуры, у южного борта могильной ямы на боковом ребре лежала плоская галька овальной формы (см. рис. 2, Е). С восточной стороны от этой группы артефактов с наклоном к борту могильной ямы располагалась продолговатая галька длиной 19,5 см и 5 см в поперечнике, с выщерблинами и следами шлифовки на торцах (рис. 2, А). Возможно, она использовалась как лощило. Рядом горизонтально помещался фрагмент керамики с оттисками сетки-плетенки (см. рис. 2, Ж).

Если рассматривать описанную группу артефактов из окатанных галек на общем фоне неупорядоченно расположенных плит кладки второго внутримогильного перекрытия, учитывая при этом, что три из шести предметов имеют искусственную подработку (сегмент гальки, поставленной на ребро скола; пест-терочник с пикетажем; продолговатая галька с выщерблинами и со следами шлифовки на торцах), здесь, несомненно, можно увидеть целенаправленное размещение предметов, обусловленное содержанием, предназначенным для определенного восприятия. Как известно, такие признаки определяют смысловую нагрузку термина “композиция” [Советский энциклопедический словарь, 1981, с. 622].

Прямых аналогов описанной композиции в Прибайкалье неизвестно. Но в археологических материалах Сибири и Дальнего Востока к настоящему

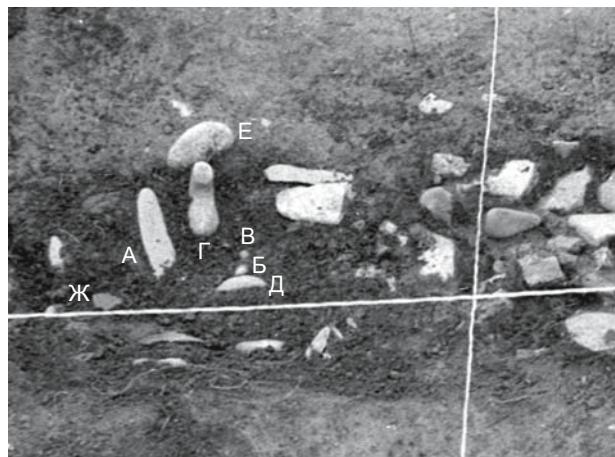

Рис. 2. Вторая кладка перекрытия святилища с ритуальной скульптурной композицией из артефактов в процессе раскопок на неолитической стоянке Эльген (снято с севера).

А – галька продолговатой формы; Б, В – шаровидные гальки; Г – пест-терочник с дополнительной обработкой пикетажем; Д – плоская галька на боковом ребре; Е – сегмент плоской гальки; Ж – фрагмент керамики.

времени имеется достаточное количество отдельных предметов-символов, по которым в более или менее полной мере можно интерпретировать семантику ритуального объекта на неолитической стоянке Эльген.

Близкой по функциональному смыслу к рассматриваемой композиции является коллекция вещей, найденных В.Д. Кубаревым у каменной стелы в долине р. Юстыд на Алтае и отнесенных к эпохе ранней бронзы. В ней имеются фаллической формы галька и два песта [Кубарев, 2004, рис. 4, 5]. Пест, как известно, является орудием хозяйственной деятельности человека. Очень важно также отметить, что такими орудиями пользовалась преимущественно женщина, ведущая домашнее хозяйство. Следовательно, здесь присутствует парная символика – мужское (фаллическая галька) и женское (пест) начала.

В Хакасии Л.Р. Кызласовым были найдены продолговатые гальки у подножия каменного изваяния, датируемого энеолитическим временем. По заключению исследователя, эта фигура с гальками почтась “хакасами, прежде всего, из-за мнимой ее магической силы избавлять от бесплодия женщин” [Кызласов, 1986, с. 129]. Но есть другая точка зрения: “...возможно, фаллические гальки у основания почтаемого в Хакасии изваяния были пожертвованы во время проведения древнейшего обряда плодородия, близкого по сценарию к ритуалу, некогда происходившему у мегалитических стел и оленых камней на Алтае, в Казахстане и Монголии” [Кубарев, 2004, с. 30].

Само название этого изваяния – Улуг-Хуртуягатас – “Большая каменная старуха” – не случайно и у

Рис. 3. Пест-терочник с дополнительной обработкой пикетажем и сколом. Святилище на стоянке Эльген.

шаманистов Хакасии, надо полагать, обозначает воплощенного в нее духа прародительницы, который в данном случае способствует сохранению и умножению рода, а значит, плодородию.

Исходя из приведенных примеров, при расшифровке семантики композиции на неолитической стоянке Эльген с большой долей вероятности можно допустить, что примитивная скульптура – пест-терочник (см. рис. 3) – с двумя плоскими гальками (см. рис. 2, Д, Е), ограничивающими пространство, в котором она заключена, обозначает материнское рождающее чрево, а продолговатая фаллическая галька в совокупности с двумя шаровидными (рис. 5) символизирует мужской детородный орган. Иными словами, ритуальная композиция из артефактов со стоянки Эльген по смысловому содержанию аналогична указанным выше археологическим памятникам из долины р. Юстыд и Хакасии, назначение которых, по мнению их исследователей, – способствовать плодородию.

Более наглядно парная символика прослеживается на гибридных скульптурных изображениях с неолитическими памятниками на Амуре. На глиняных лощилах совмещены символы фаллоса и вульвы [Медведев, 2001, рис. 7, 4; 8, 9]. Выделяются также скульптуры, которые трактуются как женщина-фаллос [Там же, рис. 2]. Среди гибридных есть предметы упрощенных форм, интерпретируемые В.Е. Медведевым как фаллические изображения, – глиняные стержни с поселения Сучу [Там же, рис. 10, 11]. Показательны на-

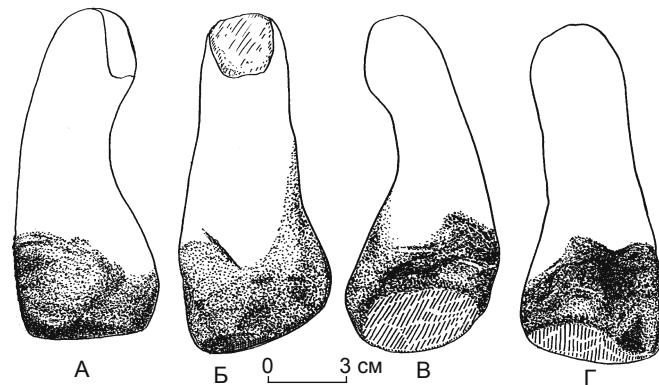

Рис. 4. Прорисовка пикетажа с четырех сторон на песте-терочнике. Святилище на стоянке Эльген.

Рис. 5. Фаллическая и шаровидные гальки из святилища на стоянке Эльген.

блодения исследователя относительно локализации данных скульптур в определенном месте. Многие из них были спрятаны под полом или в ямках в восточном углу жилища 4 (о-в Сучу), которое располагалось в непосредственной близости от святилища солнечного культа [Медведев, 1994]. Владельцем этого жилища, по заключению В.Е. Медведева, “мог быть человек, имевший особый социальный статус. Он занимался, видимо, отправлением культовых церемоний не только в земляном сооружении, но и в подведомственном, возможно, ему святилище” [2000, с. 68]. Сравнивая нижеамурские полизйонические фигурки со скульптурами палеолитического времени (со ссылкой на работы З.А. Абрамовой и др.), исследователь связывает их с культом плодородия [Там же, с. 61].

Таким образом, изложенные выше археологические факты, свидетельствующие о наличии в неолите и более поздние эпохи скульптурных символов плодородия, подтверждают наши выводы о том, что композиция из артефактов в могильной яме на неолитической стоянке Эльген является ритуальной и связана с культом плодородия.

Этой идеей соответствует парное изображение человеческих фигур, найденное между Базаихой и Торгашино на Енисее (рис. 6, 1). Однотипные по абрису антиподально расположенные фигуры отличаются одна от другой подчеркнутой разнополостью. Они отлиты из меди и, очевидно, хронологически далеки от композиции из артефактов на неолитической стоянке Эльген. Но не исключено, что этот предмет относится к эпохе энеолита.

По идеи парности близки к неолитическим артефактам культового объекта со стоянки Эльген изображения двух человеческих фигур из погр. 18 Верхоленского могильника, вырезанные на роговой пластине (рис. 6, 2). Академик А.П. Окладников датировал их глазковским временем [1955, с. 285–286]. В них можно видеть или изображения близнецов, кульп которых имеет глубокую древность, или разнополых существ-супругов. В то же время А.П. Окладников ссылается в своей работе на исследования Л.Я. Штернберга, специально изучавшего мифологию первобытных и античных народов о культе близнецов и пришедшего к выводу, что парность ассоциируется не с близнецами, а с супругами [Там же, с. 305]. С учетом этого парное антропоморфное изображение из Верхоленска, видимо, представляет супругов, хотя здесь нет явных половых различий между фигурами. Правомерность такого вывода подтверждают другие артефакты, также опубликованные А.П. Окладниковым. Это два раздельных изображения человека из глазковского погр. 4 Усть-Удинского могильника, выполненные на пластинах из мамонтовой кости. Исследователь отмечает, что они имеют признаки разнополости [Окладников, 1950, с. 286–288]. По заложенной в них идеи сочетания женщины и мужчины фигуры также близки к рассматриваемой ритуальной композиции со стоянки Эльген.

Но более показателен вариант парных антиподально расположенных изображений человеческих фигур в позе совокупления, которые выбиты на скалах, в т.ч. на известных петроглифах в бухте Саган-Заба на Байкале (рис. 6, 3). А.П. Окладников по этому поводу писал: "...речь идет не о какой-то эротической тематике в собственном смысле слова. В этих наскальных изображениях выражено стремление усилить магическими приемами производительную силу человеческой общины и природы, т.е. животного мира" [1974, с. 87]. Данный рисунок находится рядом с рогатоголовыми изображениями духов шаманов. Примечательно, что один из антиподов также рогатоголовый и, очевидно, по канонам шаманизма относится к сонму окружающих его изображений духов. Отсюда следует вывод о магическом значении рисунка с антиподально расположенными фигурами. Он обеспечивает силу магического правила – подобное вызывает подобное.

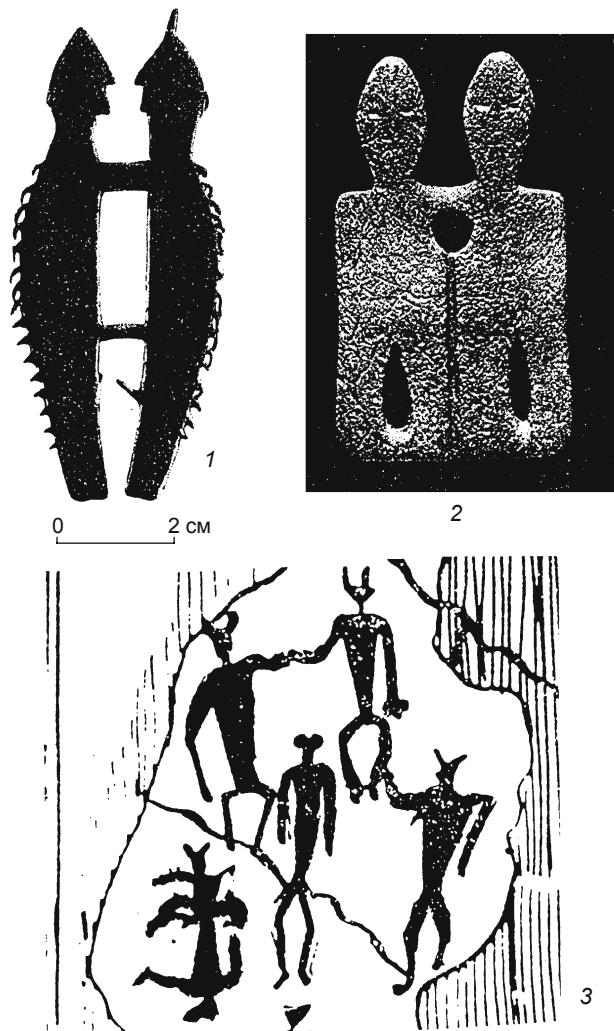

Рис. 6. Антиподальные антропоморфные изображения. 1 – парное изображение человеческих фигур из меди, найденное на р. Енисее, между Базаихой и Торгашино (по: [Окладников, 1955]); 2 – парное изображение человеческих фигур из рога, найденное в Верхоленске (по: [Окладников, 1955]); 3 – антиподальные фигуры рядом с рогатоголовыми изображениями духов на скале в бухте Саган-Заба.

Вся группа рогатоголовых изображений Саган-Забы датируется концом или серединой глазковского времени, ок. 1500–1300 гг. до н.э. [Там же, с. 74]. Но культовый объект на стоянке Эльген гораздо древнее этих петроглифов, о чем свидетельствует орудийный комплекс, найденный непосредственно в могильной яме. В западной ее части в слое (10–15 см) между первым и вторым уровнями плит перекрытия обнаружены торцовый нуклеус (рис. 7, 1), ножевидные пластины (рис. 7, 2, 3) и халцедоновый наконечник вытянуто-треугольной формы, оформленный двусторонней встречной струйчатой ретушью (рис. 7, 4). На глубине 40 см от основания верхней кладки около кусков скальной породы, которые покоялись на

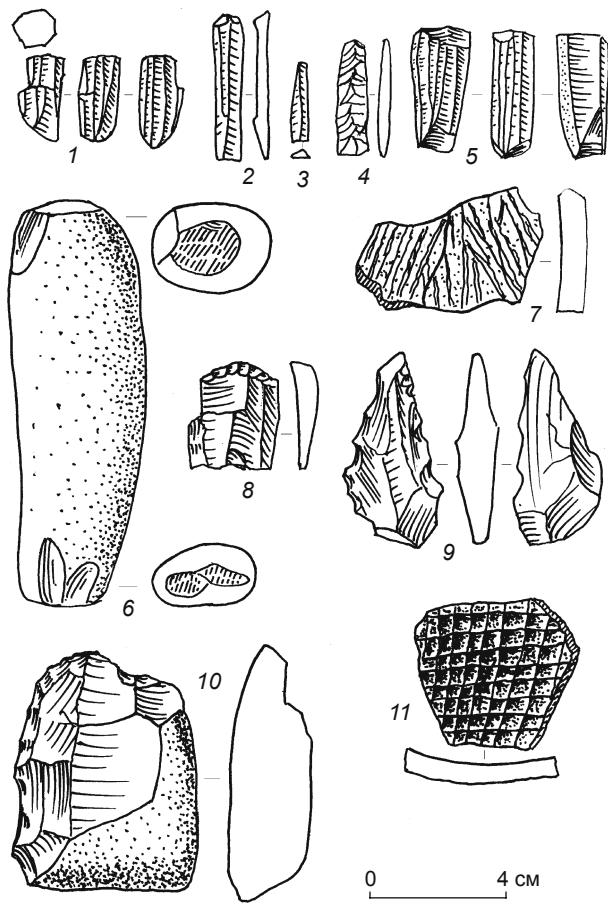

Рис. 7. Артефакты из святилища на неолитической стоянке Эльген.

дресвяной материковой почве (третий уровень внутримогильной кладки), находились торцовый нуклеус (рис. 7, 5) и крупный скол.

В восточной части могильной ямы около плит, стоящих с наклоном к горизонту и ограничивающих ее торец, сохранились два уровня кладки перекрытия. При разборке заполнения (галечник и темный гумусированный слой) у южного борта могильной ямы на глубине 20 см от основания верхней кладки найден пест из продолговатой гальки со сколами и шлифованными плоскостями на торцах (рис. 7, 6). Здесь же лежали фрагмент керамики с пересекающимися оттисками шнуря (рис. 7, 7); скребок, оформленный крутой мелкой ретушью на овальном торце пластинчатого скола (рис. 7, 8); треугольный в плане пластинчатый скол с двумя режущими гранями и острий вершиной между ними, использовавшийся как проколка или провертка (рис. 7, 9). На глубине 40 см от основания первой кладки перекрытия найден чоппер из яшмовидной гальки с лезвием, выполненным крупными, а затем мелкими сколами (рис. 7, 10).

По типологии вещественный материал из заполнения могильной ямы с ритуальной композицией и из

культурных отложений неолитической стоянки, перекрывающих эту яму, относится к периоду развитого неолита, соответствующего китайской археологической культуре [Асеев, 2004]. Для стоянки получены две радиоуглеродные даты по углю из очага с глубины 20–25 см от дневной поверхности (СОАН-5121) – 6130 ± 115 л.н.; с глубины 35–45 см (СОАН-5122) – 6790 ± 85 л.н. [Асеев, 2003в, с. 66].

Следовательно, временной разрыв между ритуальной композицией со стоянки в бухте Эльген и рассмотренным изображением антиподально расположенных фигур на петроглифах Саган-Забы достаточно велик. Тем не менее они имеют общее – парность. Как отмечал А.П. Окладников, “парный характер этих изображений дает право вспомнить о многочисленных сдвоенных изображениях антропоморфного типа у народов Сибири, связанных с шаманскими верованиями и культом” [1955, с. 304]. Этот факт находит многочисленные подтверждения в этнографии.

Известно, что у эвенков на жертвенных местах, на родовых святилищах, символизирующих вселенную, центральное место занимают изображения парных духов. Как пример супружеской пары можно отметить семейных идолов-покровителей – дзуолинов, – почитаемых шаманистами-нанайцами. У эвенков-орочонов существуют мужские и женские амулеты в виде изображений идолов-охранителей под общим названием “сэвэкичан”. Первый, согласно верованиям, помогает в промысле и содержании оленевого стада, а второй – во всех женских хозяйственных делах [Мазин, 1984, с. 27–28]. На Алтае кумандинцы и шорцы считали супружескими парами духов-орокеннеров, способствующих деторождению в семье. Очевидно, такую же функцию выполняли парные изображения хозяина огня у западных бурят, имевшавшиеся Сахалэ-Хатун и Сахядай-Убугун [Хангалов, 1958, с. 295–296]. Иногда духов-охранителей в образе человека или животного шаманы рисовали краской на материи и коже. Эти рисунки имеют много общего с петроглифами, в т.ч. и саган-забинскими [Там же, табл. II, фиг. 1, 2].

Если рассматривать петроглифы Саган-Забы с позиции религиозных взглядов, необходимо сказать, что А.П. Окладниковым (со ссылкой на исследователей-предшественников XIX–XX столетий Н.Н. Агапитова, Т.И. Савенкова, Б.Э Петри, М.Н. Хангалова, П.П. Хороших и др.) отмечена их связь с шаманистским культом [Окладников, 1974, с. 17–20]. Прямыми свидетельством этого являются материалы погр. 1 могильника Курма XI, полученные в ходе совместных раскопок в 2002 г. иркутскими и канадскими археологами. Здесь под кольцевым надмогильным сооружением выявлено грунтовое захоронение с пятью уровнями внут-

римогильных перекрытий, что сближает его с устройством котлована святилища из бухты Эльген. Примечательным является наличие в инвентаре погр. 1 могильника Курма XI ажурной бронзовой бляхи с рогатоголовым антропоморфным изображением, близким по абрису таковым на петроглифах Саган-Забы. Она хранилась в берестяном чехле. Это служит веским доводом в пользу вывода исследователей о том, что предмет использовался не как украшение, а как культовый, ритуальный и принадлежал шаману [Горюнова, Вебер, 2003, с. 111–113]. По нашему мнению, рогатоголовая фигура на ажурной бляхе может быть изображением духа предка ее владельца, захороненного в погр. 1 могильника Курма XI. Известно, что у бурят шаманом может стать каждый, но обыкновенно им “делается лицо, у которого между предками по отцовской или материнской стороне кто-либо был уже шаманом” [Хангалов, 1958, с. 370].

Саган-забинские скалы с петроглифами с функциональных позиций являлись святилищем, местом поклонения духам еще в бронзовом веке, поскольку основная часть наскальных рисунков относится именно к этой эпохе. Уже в этнографическое время окрестным населением здесь проводились общественные моления с жертвоприношениями, получившими название “тайлан”. При этом обязательными были жертвоприношение мясом животных, окуривание дымом пахучих трав, возлияния водкой и т.д. Один из таких обрядов на Байкале посвящался Уланхату (хозяину воды) и подробно описан М.Н. Хангаловым [1958, с. 114–121]. Тайлганы проводились в определенное время года на протяжении многих поколений. Их суть заключалась в призывании духов, обращении к ним с просьбой даровать благополучие населению данной местности, способствовать увеличению его численности и здравию, вплоть до правнуков, размножению скота и табунов и т.д. [Окладников, 1974, с. 34].

Культовый объект на стоянке Эльген с позиции своей целенаправленности, безусловно, более специфичен по сравнению с петроглифами Саган-Забы. Очевидно, он неоднократно использовался как святилище для определенных культовых отправлений, если учесть, что между внутримолильными перекрытиями в заполнении из колотого и целого галечника с гумусом, содержащим вкрапления древесных угольков, на разной глубине найдены орудия, не подвергавшиеся воздействию огня. Назначение данного объекта, как нам представляется, было одно – способствовать плодородию и благополучию. Для совершения каких-то обрядов он мог использоваться в весенне-летний период, а также во время ледостава, когда проходила интенсивная ловля рыбы и охота на нерпу на Байкале.

Выводы

Рассмотренные культовые объекты стоянки Эльген – жертвенник и святилище – непосредственно связаны с погребальными сооружениями. В одном случае это надмогильная каменная кладка, в другом – котлован, по своему устройству копирующий могильную яму с тремя послойно расположенным в ней кладками перекрытия. Очевидно, представленную здесь композицию из артефактов с примитивной скульптурой можно рассматривать, согласно верованиям шаманистов, как святилище духов предков, изображения которых периодически “угощали” и окуривали дымом. В данном случае уместно говорить о вере неолитического населения Прибайкалья в антропоморфных духах. Это подтверждается присутствием в материалах погребений эпохи энеолита парных или сдвоенных антропоморфных изображений, которые напоминают изображения шаманских духов в виде человеческих фигур у народов Сибири, в частности, на плащах шаманов у якутов и эвенков. Такие изображения известны по этнографической литературе как специальные духи-покровители семьи или рода. По сути, нашивные или помещенные в определенном месте жилища семейные идолы в образе человека – это иконография личного характера. И антропоморфные изображения на шаманских плащах, и семейные духи-покровители постоянно находились рядом со своими хозяевами. К духам-охранителям обращались за помощью, когда начинались болезни людей или имели место неудачи на охоте. А.П. Окладников, со ссылкой на А.Ф. Анисимова, писал, что семейные покровители или охранители почтались в тесной связи с возвретиями относительно покойников. Во время обряда “кормления” покойников изображения охранителей мазали кровью жертвенного животного, “угощали” жиром и костным мозгом. В каждое новолуние их как духов-предков семьи окуривали дымом горящего на углях или на раскаленном камне жертвенного жира. Такому же окуриванию эти изображения подвергали перед охотой на лося или дикого оленя, испрашивая у них удачу, а также обращаясь с просьбой о семейном благополучии [Окладников, 1950, с. 304].

Видимо, подобные религиозные отправления, соответствующие шаманистским тайлганам, существовали у населения Прибайкалья в эпоху камня. На это указывает наличие слоев термически обработанной гальки и вкраплений угольков в заполнении между плитами перекрытия в погребальном котловане на неолитической стоянке Эльген. В то же время орудийный комплекс в нем воздействию огня не подвергался. Артефакты, очевидно, подносились как жертвенные.

Список литературы

- Асеев И.В.** Неолитическая стоянка в бухте Эльген (Прибайкалье) – предварительные результаты исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – С. 18–24.
- Асеев И.В.** Артефакты из разведочного раскопа в бухте Эльген (Прибайкалье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003а. – С. 30–36.
- Асеев И.В.** Орудийный комплекс стоянки эпохи камня в бухте Эльген (Прибайкалье) – раскопки 2002 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003б. – С. 28–30.
- Асеев И.В.** Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла // Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2003в. – 206 с.
- Асеев И.В.** Новое в неолите Прибайкалья – предварительное сообщение // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – С. 25–32.
- Бурятский шаманизм:** Указатель литературы (1774–1971). – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1973. – 69 с.
- Волков П.В.** Экспериментально-траасологическое исследование “топоров с ушками” // Изв. Сиб. отд-ние АН СССР. – 1986. – № 3: Сер. ист., филол., филос., вып. 1. – С. 45–49.
- Горюнова О.И., Вебер А.В.** Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – 109 с.
- Горюнова О.И., Вебер А.В.** Комплекс с ажурной бляхой из погребения могильника бронзового века Курма XI (озеро Байкал) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 4 (16). – С. 110–115.
- Конопацкий А.К.** Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 175 с.
- Кубарев В.Д.** Древние стелы и изваяния в обрядах и суевериях народов Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1(17). – С. 28–38.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 296 с.
- Мазин А.И.** Традиционные верования и обряды эвенков – ороочонов. – Новосибирск: Наука, 1984. – 200 с.
- Мазин А.И.** Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 197 с.
- Медведев В.Е.** Неолитическое святилище на Амуре // Археологические открытия 1993 г. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – С. 177–178.
- Медведев В.Е.** Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 56–69.
- Медведев В.Е.** Проблемы истоков некоторых скульптурных и наскальных образов в первобытном искусстве юга Дальнего Востока и находки, относящиеся к осиповской культуре на Амуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 77–94.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950, Т. 1. – 371 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, Т. 2/3. – 411 с.
- Окладников А.П.** Шишкинские писаницы. – Иркутск: Кн. изд-во, 1959. – 210 с.
- Окладников А.П.** Олень Золотые рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. – Л.; М.: Искусство, 1964. – 239 с.
- Окладников А.П.** Исследования на Лене и Байкале // Археологические открытия 1971 г. – М.: Ин-т археологии РАН, 1972. – С. 277–278.
- Окладников А.П.** Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 146 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Верхней Лены. – Новосибирск: Наука, 1977. – 323 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Ленские писаницы. – М.; Л.: Наука, 1959. – 145 с.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Петроглифы Средней Лены. – Л.: Наука, 1972. – 166 с.
- Советский энциклопедический словарь.** – М.: Сов. энцикл., 1981. – 1600 с.
- Хангалов М.Н.** Собр. соч. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 550 с.

Материал поступил в редакцию 31.01.05 г.

УДК 903.2

С.П. Грушин

Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия
E-mail: gsp142@hist.dcr-asu.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ОРНАМЕНТА НА БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТАХ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ТИПА*

Введение

В древнем производстве часто возникало противоречие между стремлением к повышению функциональной эффективности орудия и желанием сохранить старые традиционные формы [Кожин, 1993, с. 17]. Компромисс достигался оформлениемrudиментарных признаков на технологически усовершенствованных изделиях. Таким образом обеспечивалось сочетание преемственности в культурной традиции с реализацией инновационных технологий. В истории материальной культуры примеров подобного рода, фиксируемых в археологических источниках, можно найти большое количество. Например, элементы украшения на глиняной посуде раннего железного века, имитирующие швы на сосудах из рога и кожи [Бородовский, 2000, с. 155], или орнамент, имитирующий заклепки на рукоятях бронзовых кинжалов [Рындина, Дегтярева, 2002, рис. 5; Мартынов, Шер, 1989, с. 131]. Изучениеrudиментарных признаков дает возможность реконструировать приемы, применявшиеся ранее, выявить типологическую преемственность изделий, на основании которой можно судить об их хронологии.

В эпоху бронзы на обширной территории Северной Евразии широкое распространение получили металлические изделия сейминско-турбинского типа, представленные в основном наконечниками копий,

кельтами, ножами и кинжалами. В данном исследовании сделана попытка объяснить появление некоторых орнаментальных элементов на сейминско-турбинском оружии. В научной литературе уже предпринимались попытки рассмотрения отдельных деталей на таких изделиях какrudиментарных элементов, несущих в себе информацию о технологических особенностях производства предшествующих категорий инвентаря [Кожин, 1993, с. 22].

Распространенным изобразительным мотивом на предметах сейминско-турбинского типа является горизонтальный поясок, которым украшались втулки наконечников копий и особенно часто кельты. Данный элемент представляет собой узкую полоску, заполненную горизонтальными валиками (линейный, или "турбинский", поясок), вертикальными валиками ("сейминская лесенка") или же выпуклыми зигзагами. Отмечается, что никакого практического значения он не имел, но, возможно, нес некую семантическую нагрузку [Бочкарев, 2004, с. 398].

Наконечники копий и дротиков

Орнаментальный элемент в виде горизонтальных валиков характеризует наконечники копий и дротиков преимущественно с глухой втулкой; на наконечниках с разомкнутой втулкой он встречается крайне редко. Особенность крепления последних заключалась в том, что втулка, насаженная на древко, обматывалась кожаным ремнем или веревкой из растительных

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-01-01183а) и гранта Президента РФ (№ МК-1138.2004.6).

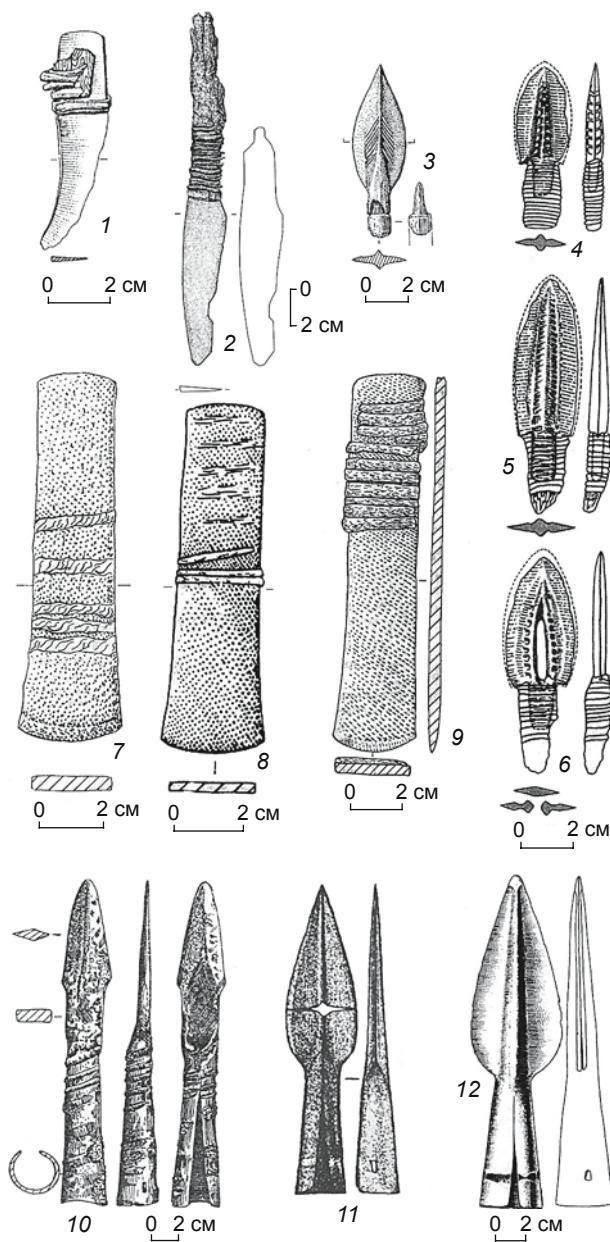

Рис. 1. Ножи, тесла, наконечники стрел и копий.

1 – Черноозерье I; 2 – Тартас I; 3 – Телеутский Взвоз I; 4–6, 9 – Синташта I; 7, 8 – Синташта II; 10 – Сторожевка-1/3; 11 – Кондрашкинский курган; 12 – Синташтинский грунтовый могильник. 1 – по: [Генинг, Стефанова, 1994]; 2 – по: [Молодин и др., 2004]; 3 – по: [Грушин, 2001]; 4–9, 12 – по: [Генинг, Зданович, Генинг, 1992]; 10 – по: [Кияшко, 2002]; 11 – по: [Пряхин и др., 1989].

волокон. Об этом свидетельствуют археологические данные (рис. 1, 10–12). Так, на втулке наконечника, найденного в Кондрашкинском кургане, обнаружены остатки кожаного ремня [Пряхин и др., 1989, с. 6, рис. 4, 1]. Аналогичные следы зафиксированы на разомкнутой втулке бронзового наконечника копья из погр. 30 Синташтинского большого грунтового могильника [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, рис. 113, 1;

Елимахов, 2002, рис. 28, 1]. Орнамент в виде горизонтальных валиков на глухих втулках можно рассматривать какrudиментарный признак, имитирующий кожаный ремень (или веревку из растительных волокон), которым обматывали разомкнутую втулку кованого наконечника.

На изделиях встречается орнамент в виде одного и более валиков. Кожаный ремень мог опоясывать втулку один раз или несколько. Интересной находкой в данном контексте является литейная форма для отливки наконечников копий с поселения Самусь IV [Черных, Кузьминых, 1989, с. 157]. Судя по ней, втулка орнаментировалась 14 валиками (рис. 2, 18). В погребении эпохи средней бронзы могильника Сторожевка-1/3 в Поволжье найден наконечник копья (см. рис. 1, 10), большая часть втулки которого была обмотана кожаным ремнем, хорошо фиксирувшимся при обнаружении [Кияшко, 2002, табл. XXXIII, 3]. В.С. Бочкарев противопоставил свою точку зрения относительно функции данного ремня, по его мнению, предназначавшегося для стягивания втулки и закрепления ее в сомкнутом положении, позиции С.Н. Братченко и С.Н. Санжарова, считающих, что он использовался для дополнительного крепления наконечника к древку [Бочкарев, 2004, с. 389]. Представляется, что эти точки зрения не противоречат друг другу, а дополняют, поскольку стягивание втулки своей конечной целью имело более надежное крепление наконечника к древку.

В качестве приспособления, которое имитировало валик на наконечниках копий, могло выступать кованое или литое кольцо, надевавшееся на нижнюю часть разомкнутой втулки и сжимавшее ее, не давая возможности разомкнуться [Там же, с. 388]. Не исключено, что при внедрении новой технологии литья изделий с глухой втулкой это кольцо трансформировалось в манжету. Такая конструктивная особенность характерна для многих изделий (см. рис. 2, 6, 7, 13, 14, 17) и рассматривается как дополнительное крепление наконечника [Черных, Кузьминых, 1989, с. 79; Бочкарев, 2004, с. 324]. Данное приспособление имеет практическое значение лишь при условии особого оформления древка. Насад должен иметь специально выраженный упор и черешок, который вставлялся во втулку; манжета в таком случае обеспечивала более надежную стыковку древка с наконечником. Археологические материалы не позволяют судить о способе оформления насада древка копий, т.к. в большинстве случаев дерево во втулках изделий не сохраняется. Аналогичный вышеописанному способ крепления удалось зафиксировать при исследовании грунтового могильника Телеутский Взвоз I [Грушин, 2001, рис. 1; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003, рис. 36, 3]. В одном из погребений елунинской культуры обнаружен бронзовый наконечник стрелы, во

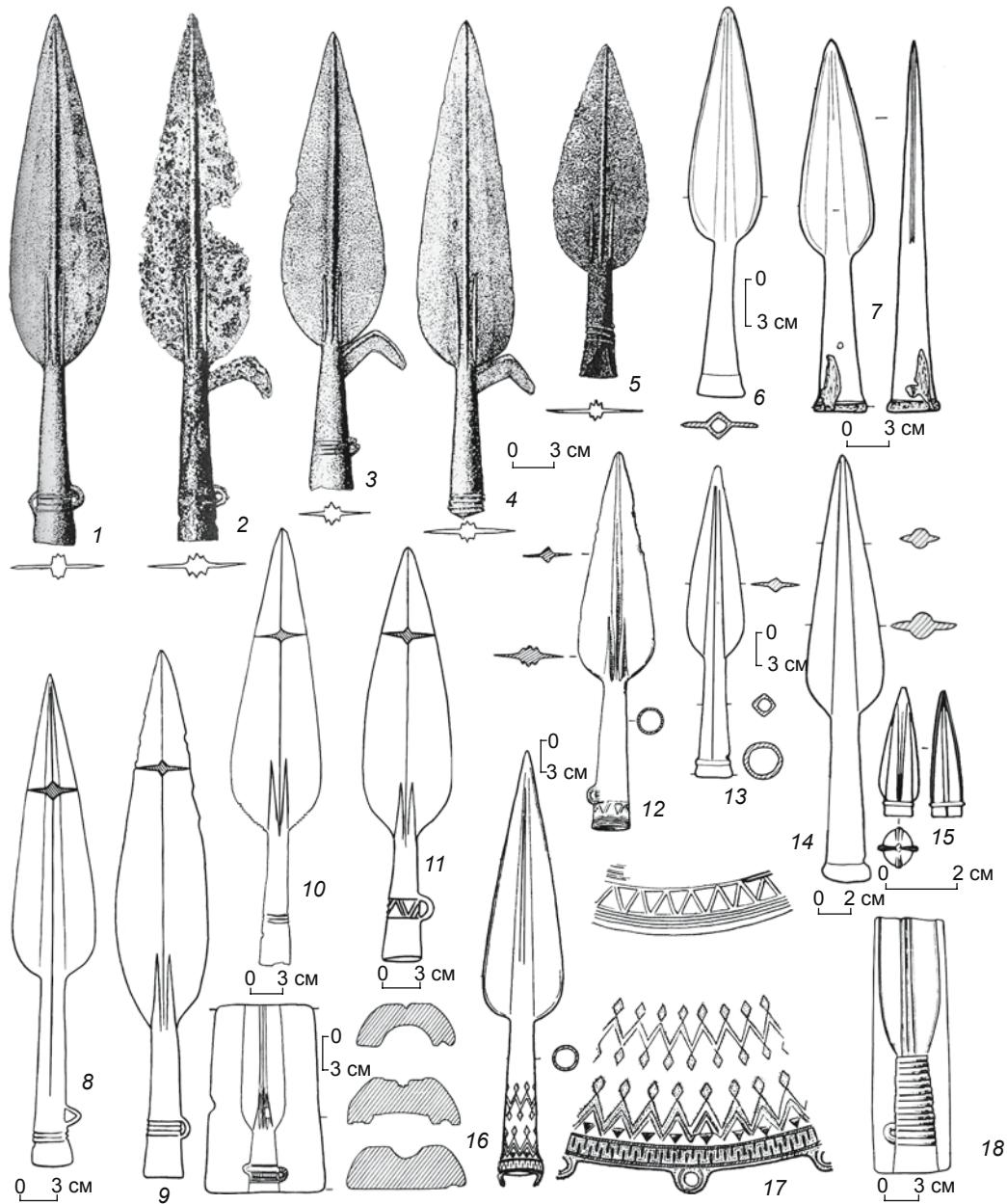

Рис. 2. Наконечники копий, дротиков и стрел.

1–5 – Ростовка; 6 – Паново; 7 – Джангельды V; 8, 10 – Сайма; 9, 11 – Турбиново; 12, 17 – Бородинский клад; 13 – Близнецы; 14 – Медянниково; 15 – Осинов-Гай; 16 – Иртыш; 18 – Самусь IV.
1–5 по: [Матющенко, Синицына, 1988]; 6, 7, 12–14, 16–18 – по: [Черных, Кузьминых, 1989];
8–11 по: [Бадер, 1970]; 15 по: [Свод..., 1993].

втулке которого сохранился фрагмент древка, позволивший сделать вывод о том, что насад имел специально оформленный упор (см. рис. 1, 3). Возможно, подобным способом насаживались и наконечники копий, особенно при наличии у них манжеты. Такой элемент повышал прочность втулки, защищая изделие от деформации при использовании.

Позднее валики и манжеты стали украшаться “лесенкой”, зигзагом, а также более сложным орнаментом

[Черных, Кузьминых, 1989, рис. 34, 1, 2; 36, 4; 46, 1]. Рассмотрение валиков на втулках как имитации веревки или кожаного ремня не исключает, что такой орнамент со временем мог приобрести культовую семантику в составе более сложных композиций (см. рис. 2, 12, 17). Валики присутствуют на наконечниках не только копий, но и стрел [Свод..., 1993, табл. 57, 32], что свидетельствует о длительном существовании данной орнаментальной традиции (см. рис. 2, 15).

Кельты

Рассматриваемый элемент характерен и для бронзовых кельтов сейминско-турбинского типа. Орнамент в виде валиков, наиболее близкий таковому на наконечниках копий, отмечен у кельтов из Турбинского могильника (рис. 3, 1–6). Чаще всего орнаментированный пояс представлен тремя-четырьмя параллельными валиками на втулке [Черных, Кузьминых, 1989, с. 39]. На более поздних кельтах, как и в случае с наконечниками копий, этот орнамент усложняется дополнительными элементами (рис. 3, 7–10).

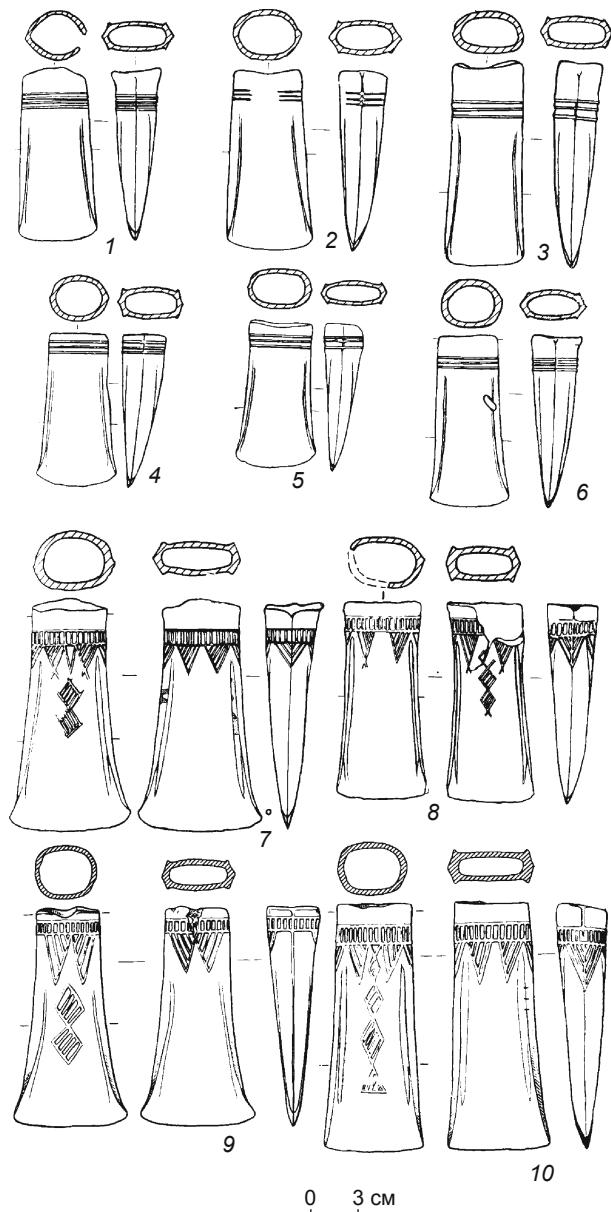

Рис. 3. Кельты (по: [Черных, Кузьминых, 1989]).
1–6 – Турбино I; 7 – Сайма; 8 – Решное; 10 – Соколовка.

В археологических комплексах абаевской и синташтинской культур Восточной Европы и Южного Урала в большом количестве обнаружены бронзовые плоские тесла, которые по своим пропорциям и функциональному назначению близки сейминско-турбинским втульчатым кельтам [Кузьмина, 2000, с. 89]. Способ их крепления к древку реконструируется по сохранившимся остаткам кожаной оплетки на изделиях (см. рис. 1, 7, 8), обнаруженных в погребениях могильников Синташты [Генинг, Зданович, Генинг, 1992, рис. 140, 7; 146, 4; 175, 7]. Если рассматривать плоские бронзовые тесла как прототипы втульчатых кельтов сейминско-турбинского типа, то можно предположить, что орнамент в виде параллельных валиков на втулке кельтов, как и в случае с наконечниками копий, является имитацией кожаной веревки, с помощью которой тесло крепилось к деревянной рукояти. О типологическом родстве этих орудий может свидетельствовать абаевское тесло из клада Долгая Гора, которое имеет крепление в виде кованой несомкнутой цилиндрической втулки [Кузьмина, 2000, с. 89].

Кинжалы и ножи

Орнамент в виде горизонтальных валиков или линий присутствует также на рукоятках металлических ножей и кинжалов. Подобный элемент можно обнаружить на сейминско-турбинских изделиях, в комплексах Восточной Европы (рис. 4). Исследователи уже отмечали, что в отличие от кавказской и восточно-сибирской традиций для сейминско-турбинской не характерно применение заклепок для скрепления клинка и рукояти. Для этого использовалась приливка рукояти к клинку или совместное их литье [Черных, Кузьминых, 1989, с. 108; Кожин, 1993, с. 21]. Изделиям с металлической рукояткой типологически предшествовали пластинчатые кинжалы с черенком и без него. Рукоять этих кинжалов изготавливалась из рога, кости и дерева, остатки которых фиксируются на некоторых предметах [Черных, Кузьминых, 1989, с. 91], и крепилась к клинку с помощью кожаного ремня или веревки. Археологическим подтверждением подобного рода крепления является бронзовый нож с остатками деревянной рукояти и кожаной обмотки (см. рис. 1, 1) из мог. 154 могильника Черноозерье I [Генинг, Стефанова, 1994, с. 28, рис. 24, 2]. Аналогичная находка (см. рис. 1, 2) происходит из погр. 47 могильника Тартас I [Молодин и др., 2004, с. 360, рис. 1, 3]. Можно предположить, что орнамент в виде валиков на рукояти, как и в случае с наконечниками, имитировал веревку или ремень. У некоторых экземпляров валики расположены в нижней части рукояти,

в месте перехода к клинку (см. рис. 4). Интересно отметить, что аналогичная картина прослеживается в развитии бронзовых кинжалов эпохи бронзы в Европе. Первоначально они состояли из двух конструктивных деталей: бронзового клинка и крепившейся к нему с помощью заклепок рукояти из кости и дерева. Заклепки вставлялись в отверстия, находившиеся в основании клинка. Дальнейшие поиски оптимальной конструкции кинжалов привели к тому, что рукояти стали отливать вместе с клинком. На литых образцах в месте сочленения рукояти с клинком еще долго сохранялись округлые бугорки, воспроизводящие шляпки уже ненужных заклепок [Рындина, Дегтярева, 2002, с. 27]. Таким образом, несмотря на различные технологические особен-

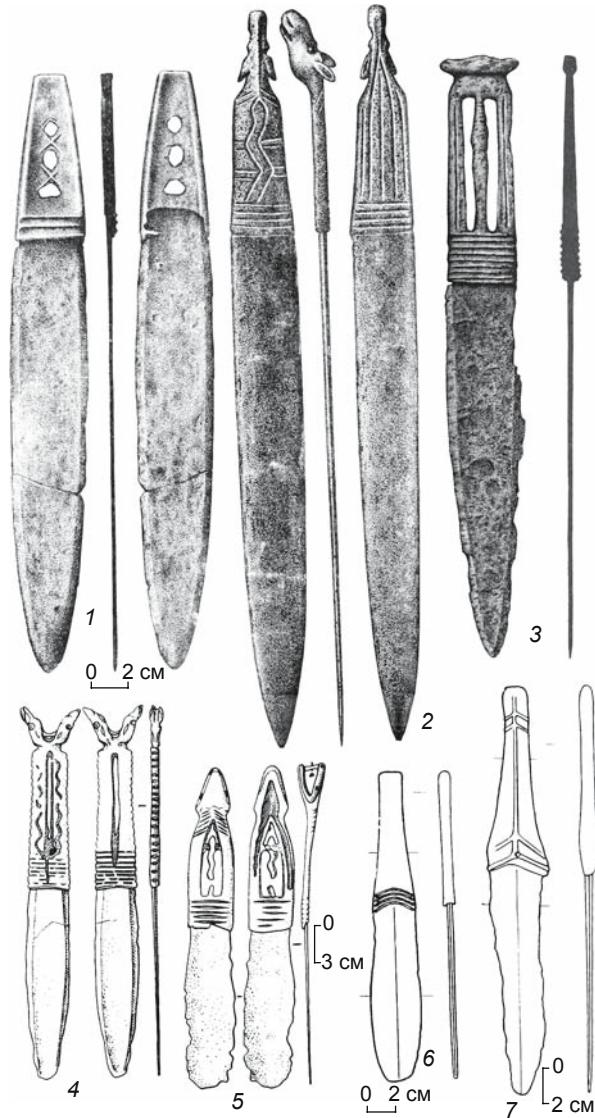

Рис. 4. Кинжалы.

1–3, 7 – Сейма; 4 – Пермь; 5 – Галичский клад; 6 – Решное.
1–3 – по: [Бадер, 1970]; 4–7 – по: [Черных, Кузьминых, 1989].

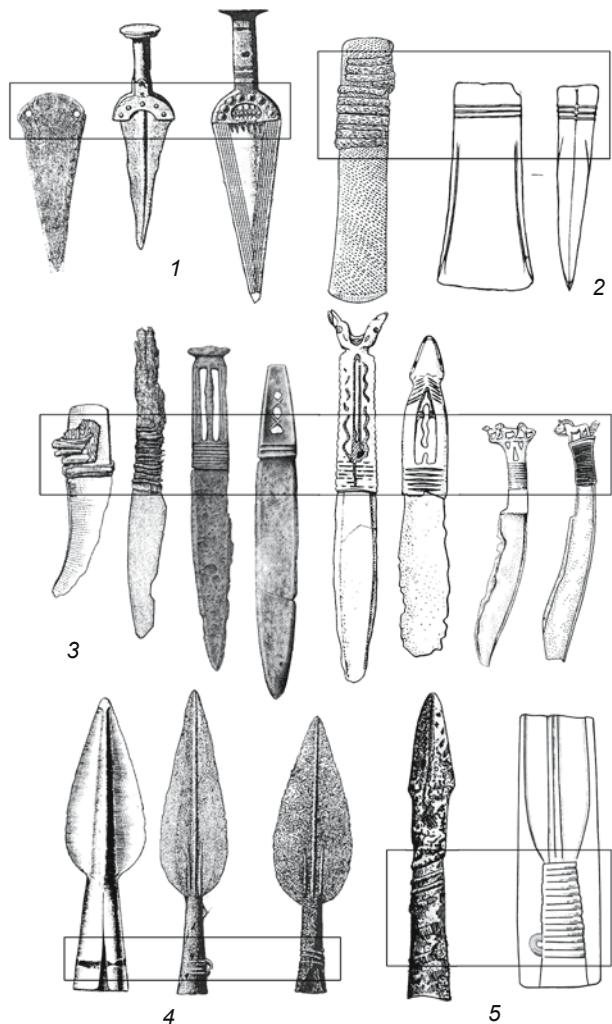

Рис. 5. Двусоставные изделия с различными способами крепления и их имитации в виде орнамента.
1 – заклепки и их имитации на кинжалах; 2 – обмотка и ее имитация на теслах; 3 – то же на кинжалах и ножах; 4, 5 – то же на наконечниках копий и дротиков.

ности крепления двусоставных изделий, при внедрении более совершенного приема монолитной отливки рукояти и клинка действовали сходные закономерности (рис. 5).

Расположение орнамента по всей длине рукояти (нож из могильника Ростовка [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 7, 17]) или в центральной ее части (нож из могильника Турбино II [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66, 3]) свидетельствует о том, что веревка обеспечивала не только крепление рукояти к клинку, но и хорошее сцепление рукояти и руки пользователя. Обмотку делали и на ножах и кинжалах с металлической ручкой [Молодин, 1993, рис. 7]. В таких случаях она предназначалась только для обеспечения эффективного и комфортного сцепления рукояти и руки пользователя. Можно предположить, что не

только орнамент в виде горизонтальных параллельных линий или валиков имитировал обмотку кожаным ремешком или веревкой, но и некоторые другие орнаментальные композиции на рукоятях. В таком случае они могут служить источником по изучению способов обмотки.

Заключение

Анализ орнаментальных элементов в виде горизонтальных валиков или линий, получивших широкое распространение на основных категориях сейминско-турбинских металлических изделий, позволил предположить, что эти элементы появились как имитация веревки из растительных волокон или ко-

жаного ремешка, служивших для крепления наконечников копий с разомкнутой втулкой, черешковых наконечников стрел к древкам, клинов составных ножей и кинжалов к рукоятям, топоров-тесел к рукояткам. С распространением более совершенных технологических приемов производства металлических изделий (глухая втулка наконечников, цельнолитые ножи, кинжалы, кельты) потребность в таком способе фиксации исчезла. Однако соблюдение преемственности в традиции обусловило появлениеrudиментарных элементов в виде орнамента из горизонтальных валиков, которые, вероятно, не имели никакого практического значения (рис. 6). В более поздних вариациях этот орнамент усложняется, видоизменяется.

Если рассматривать орнаментацию рукояти бронзовых ножей и кинжалов горизонтальными валиками как имитацию кожаной обмотки, обеспечивавшей хорошее сцепление рукояти и руки пользователя, то можно предположить, что и другие орнаментальные композиции на рукоятях этих изделий имитируют различные варианты кожаной оплетки. Такая трактовка, конечно, не исключает и культовую семантику подобных орнаментальных элементов, особенно когда они являлись частью более сложных изобразительных сюжетов.

Список литературы

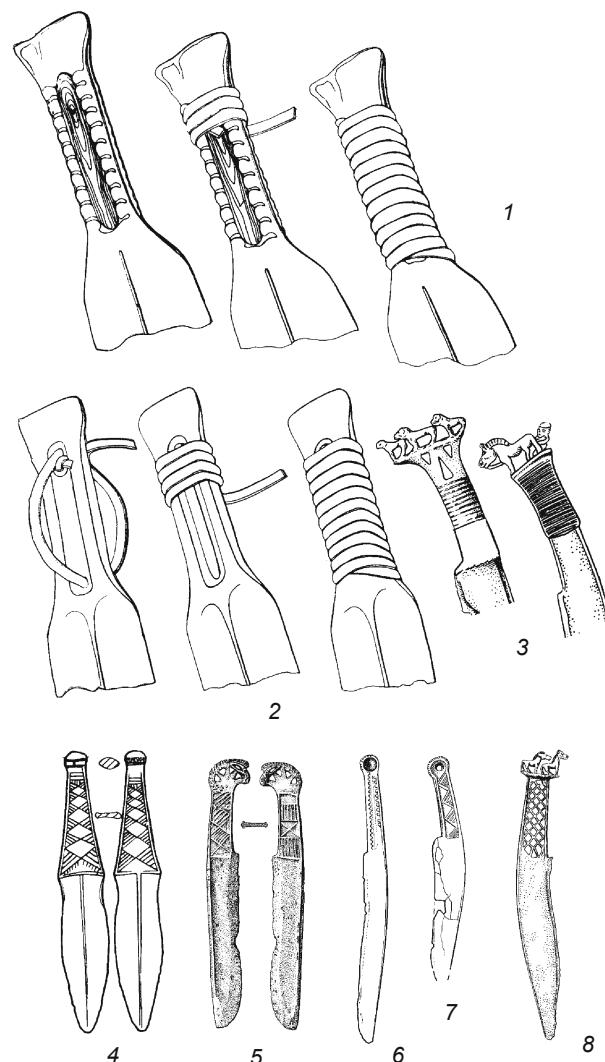

Рис. 6. Орнаментальные имитации оплетки на рукоятях металлических ножей и кинжалов.

1, 2 – по: [Молодин, 1993]; 3 – по: [Матюшенко, Синицына, 1988]; 4, 8 – по: [Черных, Кузьминых, 1989]; 5–7 – по: [Кириюшин, 2002].

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970. – 176 с.

Бородовский А.П. Технология изготовления предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – Гл. 3.3. – С. 144–157.

Бочкарев В.С. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель: Сб. ст., посвященный 77-летнему юбилею Л.С. Клейна. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2004. – С. 385–408.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей: В 2 ч. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч. 1. – 408 с.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Препр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994. – 67 с.

Грушин С.П. Наконечник стрелы сейминско-турбинского типа с верхней Оби // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западносиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 29–32.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2002. – 170 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкун А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 333 с.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2002. – 268 с.

Кожин М.П. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 16–41.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Археологические изыскания. – СПб.: Европейский Дом, 2000. – Вып. 63: Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). – С. 65–134.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Высш. шк., 1989. – 223 с.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Новый вид бронзовых кинжалов в погребениях кротовской культуры // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 4–16.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гришин А.Е., Пицонка Х., Новикова О.И., Чемякина М.А., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Шатов А.Г. Исследование могильника бронзового века Тартас I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 358–364.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Левых Г.А., Матвеев Ю.П. Кондрашкинский курган. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989. – 20 с.

Рындина Н.В., Дегтярева А.Д. Энеолит и бронзовый век: Учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2002. – 226 с.

Свод археологических источников: Памятники срубной культуры Волго-Уральского междуречья. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1993. – Вып. В1-10. – 200 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Материал поступил в редакцию 23.06.05 г.

УДК 903.43

М.Г. Иванова¹, И.В. Журбин²¹Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН
ул. Ломоносова, 4, г. Ижевск, 426004, Россия

E-mail:adm@ni.udm.ru

²Физико-технический институт УрО РАН
ул. Кирова, 132, г. Ижевск, 426000, Россия

E-mail:zhurbin@udm.ru

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕУДМУРТСКОГО ГОРОДИЩА ИДНАКАР IX–XIII ВЕКОВ*

Введение

Использование методов естественных наук в отечественной археологии имеет давнюю традицию. Их применение, как убедительно доказывают результаты междисциплинарных исследований, обеспечивает возможность обоснованных реконструкций системы жизнеобеспечения и хозяйственной деятельности древнего населения (напр.: [Естественно-научные методы..., 1997, 1998, 2000; Молодин, 2002; Молодин и др., 2001; Каргала, 2002, 2003; Чича..., 2004; Шишилина, Гольева, 2000]). Именно поэтому в последнее десятилетие комплексное изучение археологических объектов становится скорее правилом, нежели исключением. В рамках перечисленных проектов для получения предварительной информации о структуре и планировке памятников проводились геофизические исследования – многосеточная электрометрия и электромагнитное зондирование, высокоточные измерения магнитного поля и георадарная съемка. Почвенно-геохимические, палеоботанические и палинологические методы позволили реконструировать климатические и экологические условия в период функционирования археологических объектов; результаты археозоологических исследований, дополненные данными палеоботаники и палинологии, – систему жизнеобеспечения древнего населения. Ин-

формация о структуре и составе отдельных находок существенно уточнила представления о технологии их изготовления, об экономических и торговых связях. Эти данные были получены при петрографических и металлографических исследованиях, по результатам спектрального анализа. Не менее важную роль играли методы датирования, антропологические реконструкции и молекулярно-генетический анализ. Для систематизации и обобщения материалов раскопок в некоторых проектах применялись компьютерные технологии – базы данных, компьютерная графика и геоинформационные системы. Принципиальным моментом, обеспечившим высокую эффективность междисциплинарных исследований, являлось комплексное использование нескольких методов естественных наук для анализа материалов изучаемого археологического объекта. При этом сам памятник становился своеобразным полигоном для многолетних и многоцелевых изысканий. Именно применение группы методов позволило получить разносторонние характеристики элементов культурного слоя, существенно уточнить полученную в результате раскопок информацию и решить множество проблем, связанных с анализом и интерпретацией археологических материалов.

Аналогичный подход применялся при исследованиях древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. – одного из наиболее крупных поселений Волго-Камья и Урала [Иванова, 1998]. В настоящее время вскрыто более 9 тыс. м², в значительной мере изуче-

* Исследования выполняются при финансовой поддержке программы РГНФ-Урал (проект № 05-01-80104а/У).

ны все структурные части памятника, исследованы десятки жилых, производственных и хозяйственных сооружений, получена огромная коллекция вещевого материала. С начала 1990-х гг. на городище реализуется программа междисциплинарных исследований с применением комплекса естественно-научных методов – геофизики, археозоологии, палеоботаники, почвоведения, компьютерных технологий.

Основные результаты археологических исследований

Городище Иднакар находится в 2 км к западу от д. Солдырь Глазовского р-на Удмуртской Республики, в настоящее время включено в пределы административных границ г. Глазова (рис. 1). Оно занимает обширный мыс высокой коренной береговой террасы, образованный долинами р. Чепца и ее правого притока р. Пызеп. С востока, с напольной стороны, располагаются два мощных вала, внешний ограничивает площадку, средний делит ее на две примерно равные части. Несмотря на длительную распашку и возведение современных сооружений, валы отчетливо просматриваются и ныне. Общая площадь памятника составляет ок. 40 тыс. м². При возведении городища были максимально учтены топографические особенности мыса с возможностью контроля над окружающей территорией и дальнейшего расшире-

ния. Прекрасно обозреваемый со стороны Чепцы и Глазова этот памятник и сегодня является собой эталон средневековой крепости лесной зоны.

В окруже городища в пределах пятикилометровой экономической зоны расположены три селища, четыре могильника, ряд отдельных местонахождений, найден клад серебряных слитков [Иванов, 1995]. Один из могильников открыт возле городища в 2000 г. и исследован в 2001–2002 гг. На площади ок. 500 м² изучено 92 захоронения. Вещевой комплекс, включая единичные уникальные украшения, в целом укладывается в хронологические рамки XI–XII вв. [Иванова, 2002]. Он, безусловно, оставлен населением городища Иднакар определенного периода функционирования, возможно наиболее активного. Таким образом, впервые в бассейне Чепцы получен самый полный комплекс целого куста средневековых памятников, включающего крупнейшее городище, ряд могильников и селищ.

Городище упоминается в переписях XVII в. [Луппов, 1958, с. 186, 332, 334], первые описания его как археологического памятника содержатся в работах А.А. Спицына [1893] и Н.Г. Первухина [1896]. Большие раскопки методом взаимно-перпендикулярных траншей в 1927–1928 гг. провел С.Г. Матвеев (результаты исследований не опубликованы). С 1974 г. памятник исследует археологическая экспедиция Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН под руководством М.Г. Ивановой. В первое

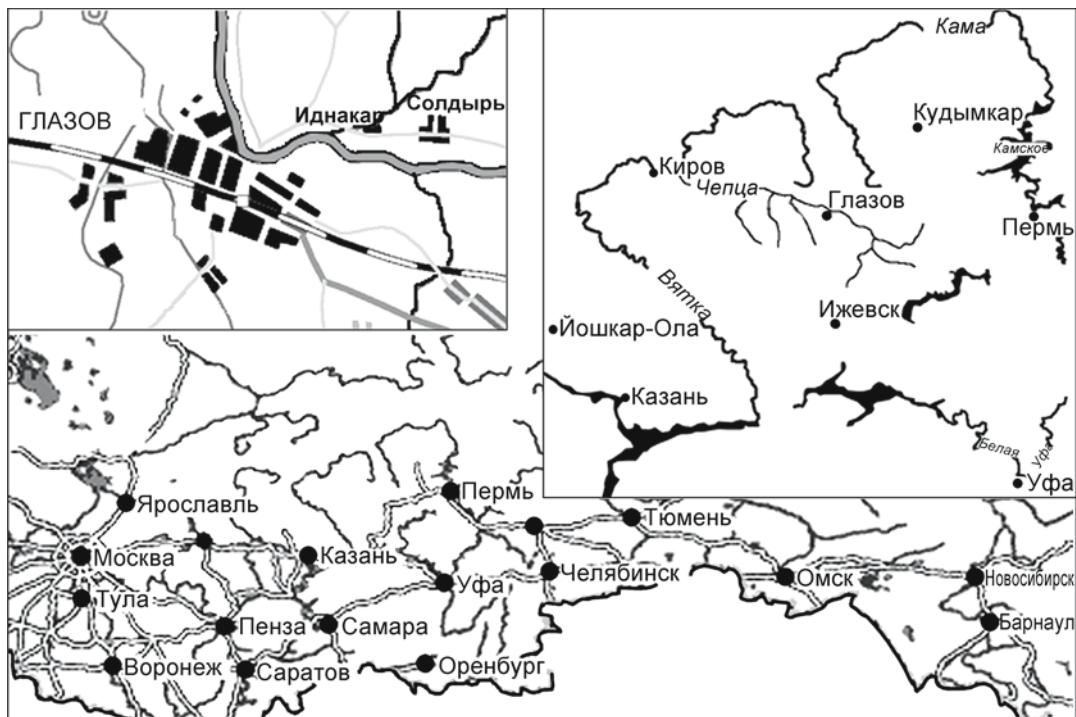

Рис. 1. Расположение древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв.

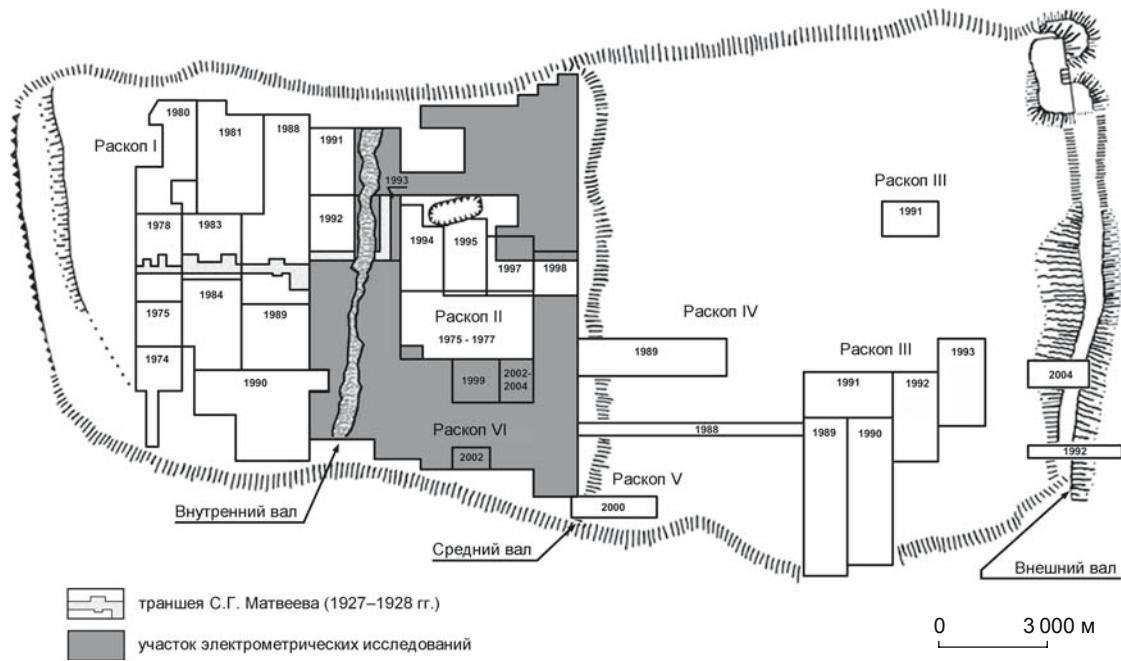

Рис. 2. План городища Иднакар.

декады раскопки городища Иднакар проводились в охранных целях. К концу 1980-х гг. с накоплением материалов стало выявляться исключительно важное значение памятника в историко-культурных и социально-экономических реконструкциях эпохи средневековья, поэтому исследования были расширены и продолжаются до настоящего времени (рис. 2). Раскопы закладывались таким образом, чтобы изучить все структурные части городища – внутреннюю и среднюю (раскопы I, II и VI), участок между средним и внешним валами (раскоп III). Особое внимание уделялось оборонительным сооружениям. При этом были изучены все линии укреплений – внутренняя (раскоп I – 1993 г.), средняя (траншея 1988 г., раскопы IV – 1989 г. и V – 2000 г.), внешняя (траншея 1992 г., раскоп VIII – 2004 г.). С 1992 г. параллельно с археологическими раскопками проводились геофизические измерения на неисследованной части городища. На нескольких участках электрометрические данные были проверены раскопками (1993, 1999, 2002–2004 гг.). Таким образом, почти вся площадь внутренней и средней части городища, за исключением разрушенных участков, оказалась охваченной междисциплинарными исследованиями.

Полученные данные позволили сформулировать концепцию развития Иднакара. Городище было основано во второй половине IX в. Первоначальная площадь, ограниченная внутренним валом и рвом, составляла ок. 10 тыс. м². Здесь на территории в 4 126 м² изучены остатки 45 сооружений [Иванова, 1998, рис. 6, 13]. По характеру слоя выделены два

основных строительных периода, хотя на отдельных участках стратиграфическое залегание построек позволяет определить три и четыре этапа. Безусловно, за время функционирования сооружения неоднократно перестраивались, но в большинстве случаев их место существенно не менялось. Обновлялась глинобитная основа, в разрезах которой в большей степени отражаются перестройки. Новое сооружение возводилось примерно в прежних границах. Лишь в некоторых случаях постройки позднего периода несколько смещены или основаны на новом месте. Но в целом общая закономерность размещения сооружений сохранилась.

К раннему этапу относятся 28 сооружений, среди которых выделены 17 жилых, 7 производственных и 4 хозяйственных. В более поздний период продолжали функционировать 15, из них (13 жилых и 2 хозяйственных) вновь построены 4 жилых, 5 производственных и 5 хозяйственных. Жилые сооружения занимали центральную часть площадки и располагались не совсем четкими рядами, вытянутыми от мысовой части к валу, но на позднем этапе возле внутреннего вала были возведены жилища, развернутые длинными сторонами вдоль площадки. В южной и северной части располагались производственные и хозяйственные сооружения. Застройка поселения с самого начала была очень плотной, поэтому оно могло развиваться только за счет расширения территории.

В X в. была возведена вторая линия укреплений на расстоянии 74 м от внутренней. Площадь поселения достигла 20 тыс. м² и приобрела двухчастную струк-

туру. Материалы этой части еще не обобщены, тем не менее по предварительным данным создается впечатление, что постройки продолжали ряды внутренней площадки. Жилищам предшествовали сооружения хозяйственного и производственного назначения, залегавшие непосредственно на материке.

В XI в. на расстоянии 130 м от среднего вала была возведена третья линия оборонительных сооружений и площадь городища достигла 40 тыс. м². С заселением новой площадки обновлялись жилища на прежних местах. В этой части поселения изучены остатки 8 построек, 64 ямы и множество ямок от столбов и кольев, свидетельствующих об ее активном функционировании [Там же, рис. 23, с. 71–80]. Значительные разрушения слоя вынуждают весьма осторожно подходить к интерпретации сооружений.

Средний и внешний валы отличаются от внутреннего отсутствием срубных конструкций и зна-

чительной мощностью в результате многократных расширений. Анализ стратиграфии оборонительных сооружений показывает, что с освоением третьей части поселения его двухчастная структура сохранилась. Не позднее XI в. внутренний вал утратил свое значение и был срыт, в заполнении рва разместились производственные сооружения. Контуры внутреннего оборонительного вала восстановлены геофизическими методами [Иванова и др., 1998].

В результате планомерных исследований городища четко определены основные особенности жилых, отчасти хозяйственных и производственных сооружений средневекового населения. Главные археологически фиксируемые составные компоненты жилища – плотно утрамбованная площадка ярко-оранжевой сухой глины, очаги и примыкающие хозяйственные ямы; производственных и хозяйственных сооружений – глинистая площадка. Ямы отличаются характером

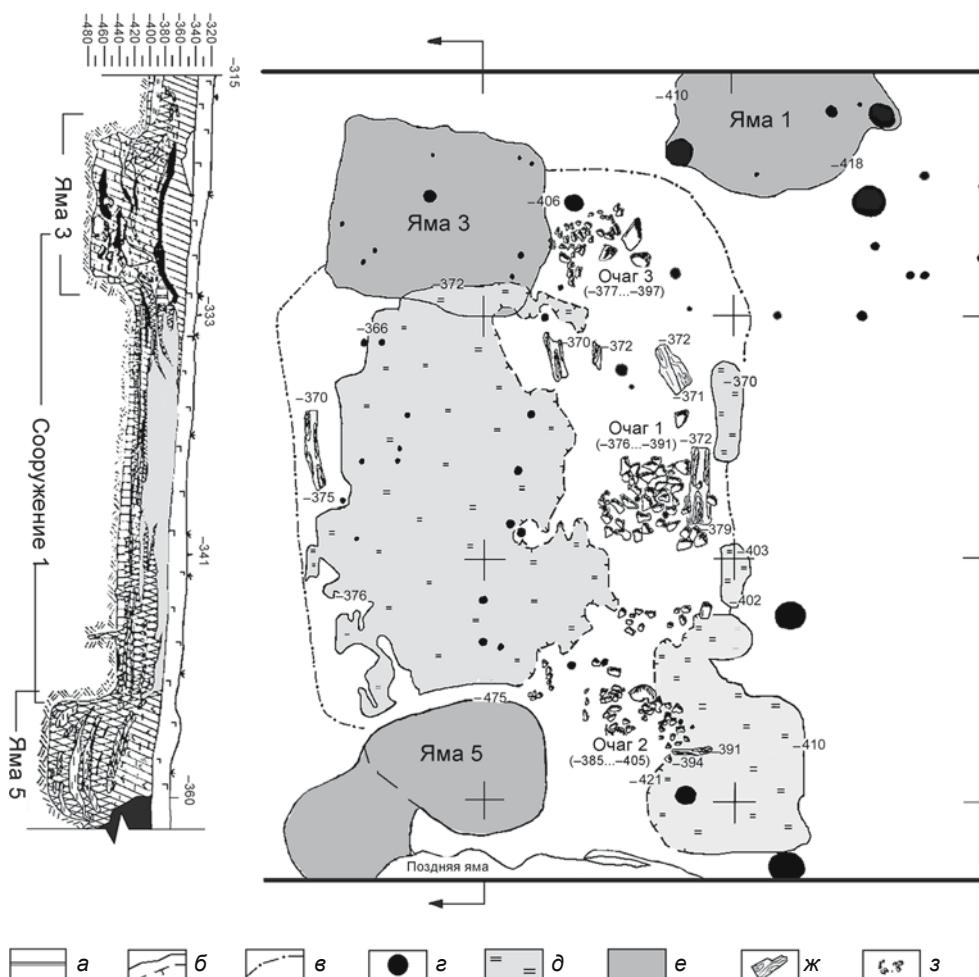

Рис. 3. План и профиль жилища 1. Городище Иднакар. Раскоп 1997 г.
 а – граница раскопа; б – границы четко фиксируемых слоев; в – предполагаемая граница жилища 1; г – ямы от столбовых конструкций; д – слой прокаленной глины; е – заполнение хозяйственных ям; ж – фрагменты деревянных плах; з – очажные камни.

заполнения. В хозяйственных постройках иногда отсутствует очаг. Жилища имели прямоугольную форму, площадь от 20 до 64 м². Длинной стороной они были ориентированы по линии север – юг. Хозяйственная яма для припасов могла быть прямоугольной или круглой, глубиной до 2,0–2,5 м, чаще наполовину или полностью выходила за пределы дома. Ее стенки обшивались досками, расколотыми надвое бревнами, лубом или берестой, которые по углам поддерживались кольями. Скопление обожженных камней с концентрацией золистого грунта принято называть очагом. При сравнительном анализе выявляются существенные различия по площади распространения камней, их величине, высоте сохранившейся части скоплений, степени концентрации золы, находок и т.д. В качестве примера приводим неопубликованные материалы одного из наиболее характерных сооружений, изученного в 1997 г. в средней части поселения (рис. 3). Его очертания были обнаружены непосредственно под пахотным слоем и фиксировались на фоне светло-серого золистого слоя и темного гумуса по четко ограниченному пятну прокаленной красной глины размерами 1,67×2,70 м. Несколько ниже в восточной части в гумусированном слое залегали остатки деревянных плах. На уровне второго и третьего горизонтов размеры сооружения составляли 5,40×8,75 м, глиняной площадки – 2,1×4,5 м. В восточной части сооружения на слое темного гумуса были обнаружены развалы трех очагов, расположенных вдоль восточной стены и функционировавших в разное время. У северной и южной границ сооружения располагались ямы для хранения припасов, заполненные гумусом, суглинистым пестроцветом с включениями угля и прослойками глины.

В пределах сооружения зафиксированы 23 ямки от столбов и кольев, поддерживавших детали внутренних конструкций. Можно предположить, что это была срубная постройка подпрямоугольной формы, размерами 5,40×8,75 м, ориентированная по оси север – юг. Вдоль восточной стены располагались очаги, направленные устьем к центру. В западной части сооружения пол был глинобитным. К южной и северной стенкам примыкали две ямы хозяйственного назначения. Судя по наличию очагов, характеру основания сооружения, составу находок, его можно отнести к категории жилых. По своим конструктивно-планировочным элементам жилища Иднакара и других чепецких городищ обнаруживают наибольшее сходство с верхнекамскими X–XIV вв. и домами традиционного зодчества удмуртов.

Богатейшие материалы, полученные в результате исследований памятника, создали базу для реконструкции системы жизнеобеспечения, многих сторон материальной и духовной культуры средневекового населения, которое в конце I – начале II тыс. н.э.

составляло своеобразное ядро формировавшейся удмуртской народности. И уже в ранний период функционирования Иднакар имел значение военно-оборонительного, аграрно-ремесленного, торгового, культурного, общественно-административного центра консолидировавшейся этносоциальной общности. Но здесь, как и у других финно-угров, процессы формирования городских черт завершения не получили.

Основные результаты геофизических исследований

Геофизические исследования проводились с использованием автоматизированного электроразведочного комплекса “Иднакар”, разработанного в Физико-техническом институте УрО РАН (г. Ижевск). По результатам измерений определяется местоположение археологических объектов из различных материалов, а также изменение характера культурного слоя. Разработанная методика позволяет проводить послойные измерения. В основу комплекса положен оригинальный метод многосеточной электрометрии. Специализированная программная система обеспечивает обработку и визуализацию результатов измерений, а также их последующую интерпретацию [Alekseyev et al., 1996; Zhurbin, Malyugin, 1998].

Постановка задачи электрометрических исследований на городище Иднакар отличалась от традиционного подхода. В большинстве случаев геофизические методы, позволяющие прогнозировать расположение археологических объектов, применяются на предварительном этапе, до проведения раскопок. Ввиду того, что в результате планомерных археологических исследований городища Иднакар в 1970–1980-х гг. был выявлен характер культурного слоя и установлен общий принцип планировки, такая задача была не актуальна. Основная проблема, которая решалась с использованием электроразведки, состояла в восстановлении планировки той части городища, где не предполагались археологические раскопки. В дальнейшем в результате совмещения геофизической “карты” и археологических планов можно реконструировать планировку городища в целом. В соответствии с этим начальный этап комплексных исследований был связан с оценкой применимости существующей аппаратуры и методики измерений для поиска археологических объектов Иднакара [Алексеев и др., 1995]. Предварительные геофизические измерения проводились в раскопе 1993 г. (см. рис. 2). Расположение территории электрометрических исследований оказалось чрезвычайно благоприятным с точки зрения апробации методики, т.к. на этом участке находились фрагмент основания внутреннего оборонительного вала и глинобитная

площадка сооружения. В настоящее время внутренний вал на поверхности визуально не прослеживается, поскольку не позднее XI в. был срыт [Иванова, 1998, с. 20–22]. Сравнение геофизической “карты” и археологических планов, полученных после раскопок, показало совпадение форм аномалий и контуров археологических объектов. Абсолютная погрешность определения границы вала и глинобитной площадки по данным электрометрии не превышала 0,25 м.

В дальнейшем по результатам геофизических исследований 1993–2000 гг. была построена схема расположения основных археологических объектов, определяющих структуру и планировку городища (фортификационные сооружения, глинобитные площадки построек, очаги и ямы). Общая площадь, на которой проводились измерения, составляет более 6 000 м², на отдельных участках данные электрометрии подтверждены в результате раскопок (см. рис. 2). На основе обобщенной “карты” расположения аномалий [Журбин, Зелинский, 1999, рис. 3–5] были выявлены местоположение и границы внутреннего вала, глинобитных площадок сооружений и ям. В дальнейшем классификация аномалий являлась основой для реконструкции планировки центральной части городища Иднакар (рис. 4). Для удобства описания выделенные аномалии, предположительно соответствующие археологическим объектам, пронумерованы. Протяженная темная область, ориентированная по линии север – юг (объект 1), отображает внутренний оборонительный вал. Небольшие темные участки соответствуют площадкам из обожженной глины, являющимся основаниями жилых и производственных сооружений (объекты 4–27), светло-серые – отдельным ямам или их группам (объекты 28–60). Кроме того, выделены протяженные аномалии низкого сопротивления вдоль северного и южного склонов холма на участке между внутренним и вторым (средним) оборонительными

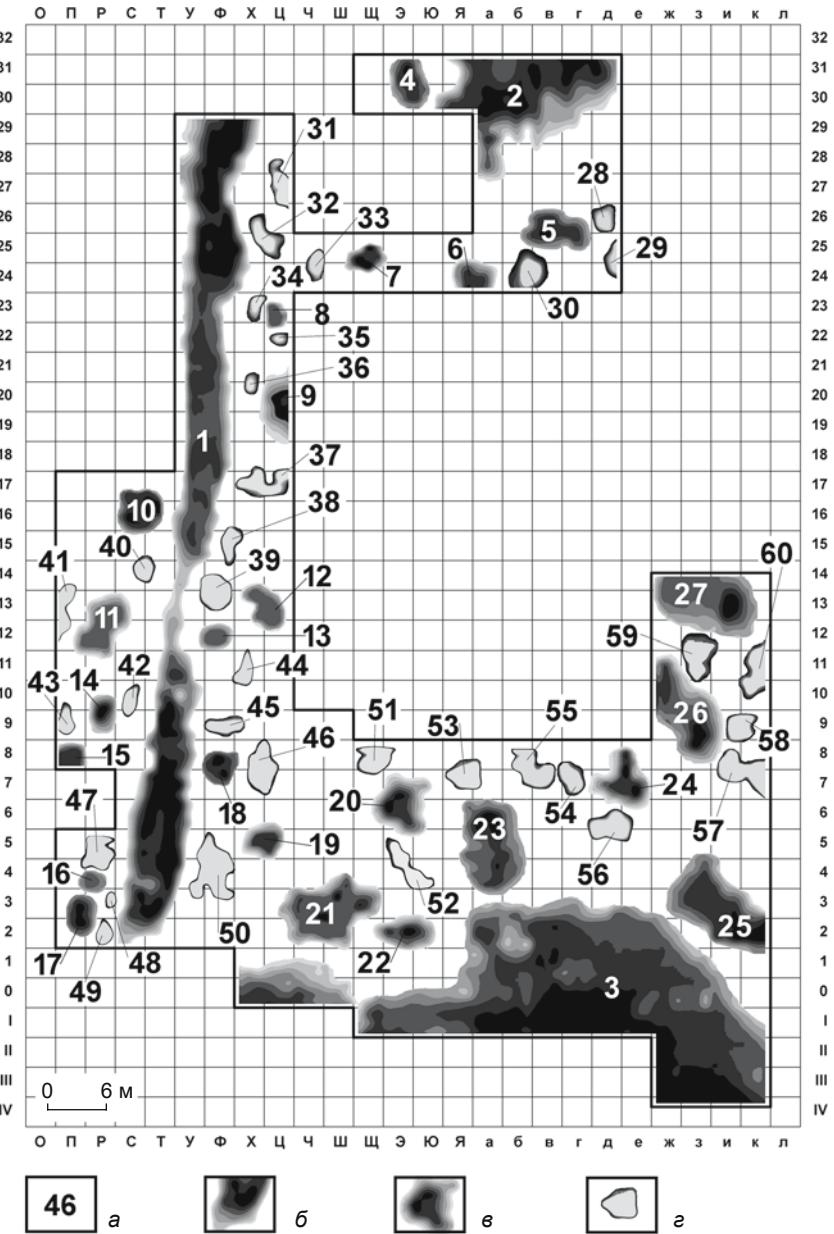

Рис. 4. Планировка центральной части городища Иднакар по данным электрометрии.

а – номера геофизических аномалий; б – аномалии, соответствующие: б – оборонительным сооружениям (№ 1–3), в – основаниям сооружений (№ 4 – 27), г – ямам (№ 28 – 60). Координатная сетка соответствует археологической.

валами (объекты 2, 3). Их форма, размеры и уровень сопротивления аналогичны параметрам внутреннего вала. Аномалии ориентированы перпендикулярно линии последнего и “соединяют” ее с линией среднего вала (см. рис. 2). Это позволяет предположить, что в древности внутренняя часть городища, кроме естественной защиты (крутые склоны холма на севере и юге), имела дополнительные оборонительные сооружения. Безусловно, данное предположение требует проверки. Достаточно уверенная интерпретация

валами (объекты 2, 3). Их форма, размеры и уровень сопротивления аналогичны параметрам внутреннего вала. Аномалии ориентированы перпендикулярно линии последнего и “соединяют” ее с линией среднего вала (см. рис. 2). Это позволяет предположить, что в древности внутренняя часть городища, кроме естественной защиты (крутые склоны холма на севере и юге), имела дополнительные оборонительные сооружения. Безусловно, данное предположение требует проверки. Достаточно уверенная интерпретация

перечисленных археологических объектов основана на сравнении результатов археологических и геофизических исследований на тестовых участках [Алексеев и др., 1995; Журбин, Зелинский, 1999]. Анализ комплексных данных позволил установить уровень сопротивления аномалий, соответствующих различным типам археологических объектов, и точность определения формы последних геофизическим методом. Дополнительной информацией для интерпретации являлись результаты многолетних археологических раскопок, которые выявили основные закономерности ориентации сооружений и их размещение пятью рядами, идущими вдоль площадки городища от мысовой части к валу [Иванова, Черных, 1992].

Археоантропологические исследования

Остеологические коллекции городища изучались А.Г. Петренко (раскопки 1974–1978 гг.), О.Г. Богаткиной (раскопки 1989–1991, 1999–2002 гг.), Н.И. Бурчак-Абрамовичем (раскопки 1974–1978 гг.) и В.Н. Калякиным (раскопки 1999–2000 гг.) [Петренко, 1984, 1991; Богаткина, 1995]. По мнению А.Г. Петренко, огромное количество костных остатков на городище свидетельствует о значительной жизненной активности его населения [Петренко, 1991, с. 68]. Из ее наблюдений следует, что 47 % коллекции приходится на долю домашних животных, среди которых преобладают крупный рогатый скот (48 %) и лошади (31 %), значительно меньше мелкого рогатого скота (15 %), свиней (2 %) и собак (4 %). Основная часть поголовья лошадей доживала до шести–девятилетнего возраста (63 %), что может свидетельствовать о большой их значимости для хозяйственных нужд. Судя по морфометрическим характеристикам костных остатков лошадей, высота в холке составляла 128–136 см, т.е. они относились к категории средних по росту и низкорослых, обнаруживали большую близость с древнерусскими лесными лошадьми. Однако отмечается и наличие рослых особей степного типа, которые, по предположению А.Г. Петренко, приобретались в обмен на меха [1991, с. 67]. Высота коров в холке составляла 105–111 см, что соответствовало т.н. лесному грацильному, в большинстве кромому, реже короткорогому скоту, характерному для Прикамья ранних периодов и для северных губерний России вплоть до XIX в. По морфологическим показателям челюстей исследователи сопоставляют овец как с мелкими древнерусскими (О.Г. Богаткина), так и с более крупными булгарскими (А.Г. Петренко).

Распределение костных остатков млекопитающих по слоям показывает, что количество домашних животных резко увеличилось к XII в. Особенно интенсивно возрастало поголовье крупного рогатого скота

и лошадей с опережающим ростом первого. Данные о возрастном составе забитых животных показывают, что мясо и молочное направления были почти равнозначны: 45 % поголовья забивали исключительно на мясо, а 55 % особей достигали трехлетнего возраста и потенциально могли использоваться для получения молока. Мелкий рогатый скот выращивали в основном, чтобы иметь шерсть и шкуры. В пользу этого предположения свидетельствуют его малочисленность в стаде и содержание в хозяйстве особей преимущественно старше двухлетнего возраста [Богаткина, 1995].

Исследование костных остатков диких млекопитающих показало, что основным пушным охотничьепромысловым животным являлся бобр (65 %); популярна была также охота на лося и северного оленя (25 %), чье мясо занимало важное место в питании населения. Среди других промысловых животных можно назвать белку, зайца, медведя, волка, куницу, росомаху, лису, косулю [Там же]. Исследователей поразил факт интенсивного истребления бобров: в коллекции Иднакара ок. 80 % костных остатков этого вида принадлежит особям в неполовозрелом возрасте (до года) [Петренко, 1991, с. 71; Богаткина, 1995, с. 150]. В то же время кости молодняка лося и северного оленя редки. Распределение челюстей и черепов бобров по слоям показало: резкое увеличение отлова животных началось в конце XI в., продолжалось в XII и XIII вв., что соответствует периоду усиления государства волжских булгар и расширения торговли с ними [Богаткина, 1995, с. 150]. Кроме того, выявлено постепенное уменьшение бобров в размерах, обусловленное интенсивной эксплуатацией бобровых угодий [Там же, с. 166].

Обширна и коллекция костей птиц. Н.И. Бурчак-Абрамовичем в материалах раскопок 1974–1978 гг. выявлено 28 видов. Много костей домашней курицы, гуся, 10 видов дикой утки, ястреба-тетеревятника, филина, полярной совы, белой куропатки, черного аиста, но больше всего – глухаря, тетерева, рябчика. Аналогичные результаты получены В.Н. Калякиным по материалам раскопок 1999–2000 гг. К сожалению, результаты анализов коллекции костей птиц еще не введены в научный оборот. Большая часть костей птиц происходит из слоев, датируемых XI–XIII вв., в более ранних их содержание крайне незначительно.

Палеоботанические и почвенно-геохимические исследования

По утверждению палеоботаников, Иднакар является важнейшим археологическим памятником, содержащим ценнейшие источники по аграрной истории Вятско-Камского региона [Туганаев В.В., Туганаев А.В.,

2004, с. 219]. В его материалах представлен богатый набор культурных и сорных растений, позволяющий смоделировать агроэкосистемы средневекового земледелия. При реконструкции особое внимание уделялось составу возделываемых культур. Материалом для исследований послужили плоды и семена, найденные в Иднакаре, а также на расположенных вблизи него средневековых городищах Гурьякар и Весьякар. Проанализировано 59 образцов зерновых материалов, собранных на полу жилищ, других строений и в зерновых ямах. Среди выявленных 17 видов культурных растений главными были полба-двузернянка, ячмень обыкновенный, овес посевной, рожь посевная (яровая), пшеница мягкая и карликовая, просо посевное, из технических – конопля посевная. Посевы, как правило, имели многодоминантную структуру, поскольку возделывалась смесь культур. В отличие от булгар, иднакарские земледельцы выращивали репу и брюкву, что свидетельствует о взаимосвязи русской и удмуртской земледельческих культур. Наличие однозернянки указывает на связи с булгарами и другими народами более южных регионов, а также с населением западных территорий [Там же, с. 211, 215].

Выявлено 58 видов сорных растений, из которых значительная часть (36 видов) сохранила свои ценотические позиции на полях современного земледелия. Но вместе с эуагрофитами (типичными полевыми засорителями) в прошлом были широко представлены растения луговых, лесолуговых сообществ (18 видов), мусорных местообитаний и залежной растительности (4 вида). Высокая степень участия случайных агрофитов в структуре агроценозов указывает на слабую обработку почв, дающую возможность произрастать луговым и даже лесным видам, например, малине лесной. Характер засоренности и состав засорителей раскрывает важнейшие агротехнические аспекты иднакарского земледелия. Несомненно, оно было подсечно-огневым, возможно, с элементами перелога. На подготовленном с помощью огня и топора участке высевались культуры, и в течение нескольких лет можно было получать урожай при самом поверхностном уходе за почвой. Такими агротехническими мероприятиями могли быть прополка и рыхление верхнего слоя вручную или ралом, снабженным железным либо костяным наконечником. Однако поверхностная обработка лишь частично сдерживала разрастание сорных видов, активность которых год от года увеличивалась.

Выбор способа земледелия, вероятно, определялся природными условиями в период функционирования городища. Для их оценки были проанализированы 28 почвенных образцов, взятых из гумусового горизонта среднего оборонительного вала. Анализы показали преобладание почв с pH 7,0 (6,1–7,5), суммой поглощенных оснований 15,8–24,2 мг-экв./100 г

почвы и содержанием гумуса 3,4–4,0 %. Поскольку в палеопочвах за тысячу лет снижается содержание гумуса примерно на 50 %, можно предположить, что в средневековье на территории Иднакара почвы были достаточно плодородны (5,1–8,0 % гумуса). Следовательно, в IX–XIII вв. в районе городища климат был более теплым, обеспечивавшим благоприятные условия для развития не только дерново-подзолистых, но и темно-серых, серых лесных и, возможно, черноземовидных почв (современные почвы относятся к дерново-подзолистому типу среднесуглинистого механического состава с содержанием гумуса 2,6–3,0 %) [Там же, с. 210].

Кроме палеоклиматических реконструкций, результаты почвенно-геохимических исследований использовались при работе с культурными напластованиями. В настоящее время сформирован специальный раздел в базе данных, позволяющий описывать выявленные почвенные слои не только по структуре и цветности, но и по химическому составу.

Металлографические исследования

С начала 1980-х гг. изучается ассортимент изделий кузнечного ремесла. В.И. Завьяловым проведены археометаллографические исследования 137 предметов (27 категорий) с городища Иднакар и некоторых других средневековых памятников в бассейне р. Чепцы [Завьялов, 1988, с. 119]. Результаты этих исследований послужили источником для изучения железообработки финно-угров Приуралья [Очерки по истории..., 1997, с. 215–264]. Установлено, что в начале II тыс. н.э. в Прикамье значительно возросло как общее число поковок, так и количество категорий железных предметов. Городище Иднакар являлось одним из крупнейших центров металлообработки. Здесь прослежено начало процесса специализации кузнечного ремесла.

Кузнецы использовали железо и сталь различных сортов. Наиболее часто встречаются поковки с зернистостью феррита трех групп: со средним, средним и крупным, крупным зерном. Измерение микротвердости феррита позволило установить, что средний показатель составляет 193 кг/мм². Более 70 % исследованных предметов откованы целиком из стали или имеют стальную рабочую часть. При этом у 30 % поковок обнаружена мягкая сталь, у 45 % – полутвердая и у 25 % – твердая. Различные сорта стали использовались целенаправленно: из мягкой изготавливали цельнометаллические предметы и основу таких орудий, как топоры, долота, из полутвердой и твердой – небольшие изделия (ножи, кресала) и лезвия орудий в сварных конструкциях. Засоренность металла шлаками в поковках не превышает обычного уровня для изделий

этого времени с других памятников. Как правило, шлаки мелкие, округлой и вытянутой формы.

Кузнецы владели большинством приемов и способов обработки черного металла. Кузнечные операции выполнены на высоком профессиональном уровне. Основным способом изготовления орудий труда было соединение посредством кузнечной сварки твердого стального лезвия и вязкой железной основы. Кузнецы в совершенстве освоили и многие виды термической обработки черного металла: резкую и мягкую закалку, закалку с последующим высоким и низким отпуском. Применение термообработки носило дифференцированный характер. Так, лезвия режущих орудий (ножи, наструги, косы, серпы) закаливались в резкой среде (на мартенсит), орудия ударного действия (топоры, долота, стамески) подвергались мягкой закалке или закалке с последующим отпуском.

При изготовлении поковок кузнецы применяли восемь основных технологических схем. При производстве настругов, резцов и зачастую ножей использовалась схема трехслойного пакета. Отличительная черта этой технологии – высокий процент термообработанных экземпляров. Группа орудий со сварными лезвиями представлена главным образом ножами и топорами. Широко применялась наварка стального лезвия на железную основу. Таким способом изготовлена значительная часть деревообрабатывающих орудий, кресал, кос, серпов. Сварка орудий из двух полос (железной и стальной) применялась крайне редко и только при изготовлении ножей. Так же редко отковывались предметы из пакетных заготовок, хотя в ряде случаев пакетный металл использовался в качестве основы орудия. Целиком из железа и стали откованы в основном предметы быта, орудия охоты и рыболовства, т.е. поковки, не требующие по своему функциональному назначению качественных рабочих частей. К несложным технологиям для рассматриваемого периода можно отнести и цементацию готового изделия. С ее применением изготовлено ок. 6 % орудий труда.

В целом древнеудмуртское кузнечное ремесло развивалось в общем русле металлообработки северных регионов Восточной Европы [Завьялов, 1988, с. 141]. По качеству исполнения отдельных операций, применению технологических схем его продукция не намного уступала изделиям мастеров Древней Руси. Вместе с тем наблюдается стагнация, выразившаяся в закреплении освоенной технологии за типом орудия до конца функционирования памятников.

Компьютерные технологии

Основная задача компьютерных технологий при междисциплинарных исследованиях городища Идна-

кар состоит в построении пространственной модели культурного слоя памятника. Такая компьютерная модель является многофункциональным источником для реконструкции процесса формирования и развития археологических объектов, их функционально-исторической интерпретации. Кроме того, она может быть использована для документирования материалов памятника. Решение поставленной задачи включает в себя три основных этапа (рис. 5).

Формирование источника. Основной задачей этого этапа является извлечение и документирование археологической информации в форме, удобной для ввода в компьютер. Очевидно, что ее решение связано с методикой раскопок и форматом полевой документации. Традиционная методика раскопок и фиксации археологических материалов, в основе которой лежит понятие условного горизонта (“штык”, “пласт”), не может обеспечить необходимой точности описания культурного слоя археологического памятника. Обязательными ее элементами должны быть инструментальные замеры, начиная от дневной поверхности, и единая трехмерная система координат. Это позволяет сформировать исходные данные для представления в единой системе координат археологических слоев, локальных 3D-объектов (напластования, прослойки) и точечных объектов (отдельные находки). Разработанный формат полевой документации определяет структуры созданных баз данных находок и слоев [Косарева, Будин, 1999; Степанова, Смагин, 1999].

Этап компьютерного картографирования. Он предполагает документирование результатов археологических раскопок на основе геоинформационной системы MapInfo [Степанова, Смагин, 1999]. Предложенная методика позволяет создавать оцифрованные плоскостные карты горизонтальных и вертикальных разрезов культурного слоя. Расположение каждого из этих планов однозначно определено относительно репера, что дает возможность установить координаты любого объекта планировки или находки, зафиксированных на карте. В результате оцифровки (рис. 6) каждый планиграфический разрез хранится в компьютере как совокупность границ, которые разделяют различные элементы культурного слоя – объекты планировки, слои, прослойки, напластования, линзы, заполнение объектов и пр. Грунты разного состава и цветности, составляющие регулярные и нерегулярные слои, прослойки и напластования, кодируются в базе данных в соответствии с исходной археологической документацией. Такое преобразование полевых чертежей позволяет использовать полученные карты как компьютеризированный источник для математического пространственного анализа.

Этап пространственного моделирования. Модель включает пространственно упорядоченный набор объектов, геометрические параметры и взаимное

расположение которых отражают соответствующие параметры слоя археологического памятника [Груздев, Журбин, 2002]. Иными словами, компьютерная модель памятника включает все объекты и слои, зафиксированные в процессе раскопок, – сооружения, ямы, очаги, прослойки, напластования, отдельные находки и пр. На первом этапе формируется набор пространственных моделей для каждого из выделенных объектов и слоев с применением компьютерных технологий. Задачей этого этапа является максимально точное восстановление формы и геометрических параметров моделируемых объектов на основе данных археологических раскопок (рис. 7). Далее модели отдельных объектов и слоев располагаются в виртуальном пространстве культурного слоя и осуществляется их взаимная координатная привязка. Созданная таким образом компьютерная модель является полноценным “образом” культурного слоя памятника. Кроме геометрических параметров, она описывает свойства всех его компонентов, например, структуру, состав, материал, морфологию, технологию изготовления и пр. Для реализации этой методики построения пространственной модели культурного слоя необходимо специализированное программное обеспечение. В Физико-техническом институте УрО РАН (г. Ижевск) разрабатываются

Рис. 5. Схема формирования пространственной модели культурного слоя памятника.

комплекс программ, реализующий все перечисленные возможности, а также методика, алгоритмы и технология пространственного моделирования археологических объектов [Груздев, Журбин, 2002; Журбин, 2005].

Применение компьютерных технологий и пространственного моделирования культурного слоя позволяет решить ряд важных задач. Оно обеспе-

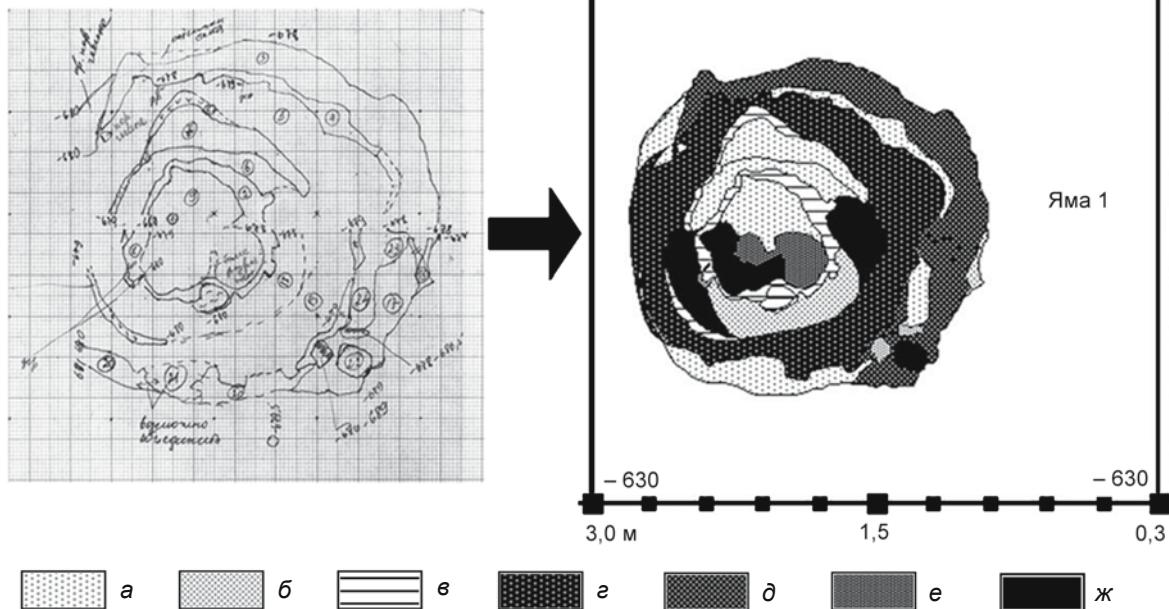

Рис. 6. Оцифровка плоскостной карты горизонтального разреза культурного слоя.

а – серая плотная глина с включениями угля и золы (слой 6); б – пестроцвет с включениями серой глины и угля (слой 24); в – уголь (слой 8); г – черный гумус с включениями угля (слой 10); д – пестроцвет с включениями красной и коричневой глины, дерева (слой 15а); е – пестроцвет с включениями коричневой глины и песка (слой 15б); ж – зола с включениями кальцинированной кости (слой 17).

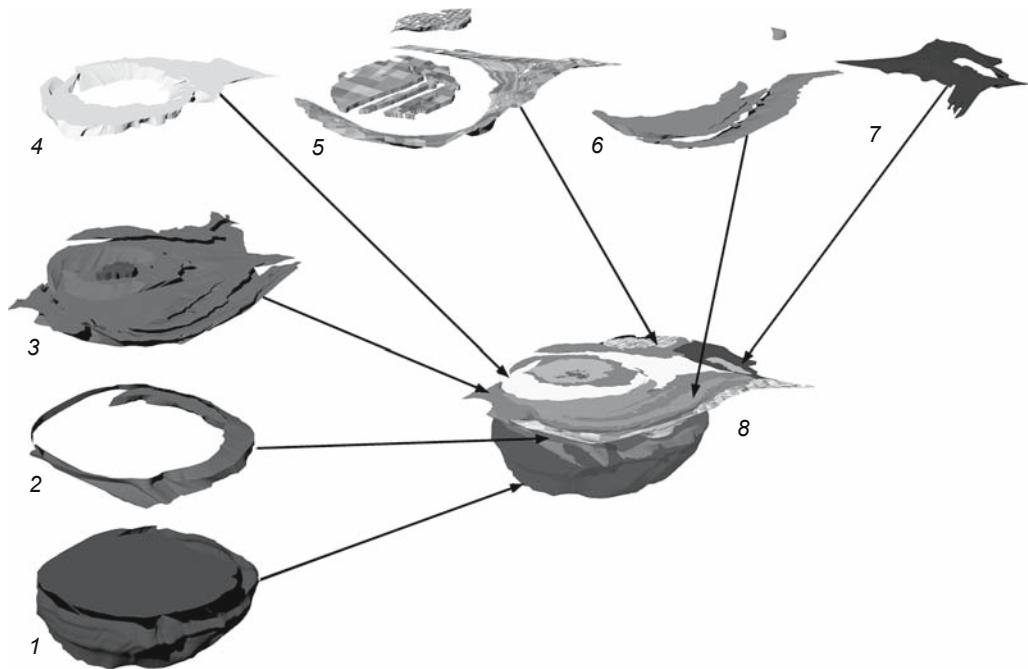

Рис. 7. Формирование пространственной модели археологического объекта со сложной структурой. 1–7 – пространственные модели прослоек и напластований: 1 – серая плотная глина с включениями угля и золы (слой 6); 2 – пестроцвет с включениями коричневой глины, песка (слой 15б); 3 – черный гумус с включениями угля (слой 10); 4 – желтый песок (слой 5); 5 – пестроцвет с включениями гумуса, глины и угля (слой 16); 6 – красная, коричневая глина (слой 7); 7 – черный гумус с включениями дерева (слой 10а); 8 – пространственная модель хозяйственной ямы.

чивает не только копирование и хранение информации об археологическом объекте, но и создание его виртуального образа, что разрешает противоречие между исследованием памятника и его сохранением как объекта историко-культурного наследия. Формирование многофункционального источника за счет преобразования полевой информации в компьютерную модель дает возможность изучать археологический памятник на основе не только визуально фиксируемой информации, но и структурной, выраженной во взаимном расположении элементов культурного слоя.

Заключение

Комплексные исследования древнеудмуртского городища Иднакар IX–XIII вв. позволили наметить основные этапы его развития. Сочетание традиционных археологических и естественно-научных методов, привлечение технологии компьютерного картографирования расширило возможности изучения структуры и планировки памятника в различные хронологические периоды. Обобщение полученных материалов позволит выявить тенденции формирования планировочной структуры, а также закономерности возникновения и локализации участков производс-

твенной и хозяйственной деятельности. Выполнение этой задачи в перспективе поможет конкретизировать особенности развития укрепленных поселений Приуралья и Поволжья в русле градообразовательных процессов лесной зоны Восточной Европы.

Список литературы

Алексеев В.А., Журбин И.В., Зверев В.П., Иванова М.Г., Куликов К.И. Некоторые итоги использования автоматизированного электроразведочного комплекса в исследованиях городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 131–141.

Богаткина О.Г. Археоохранные исследования материалов городища Иднакар IX–XIII вв. // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 143–160.

Груздев Д.В., Журбин И.В. Компьютерное моделирование археологических объектов: методика и технология создания пространственной модели // Информ. бюл. ассоциации “История и компьютер”. – 2002. – № 29. – С. 112–122.

Естественно-научные методы в полевой археологии. – М.: Ин-т археологии РАН, 1997. – Вып. 1. – 60 с.; 1998. – Вып. 2. – 68 с.; 2000. – Вып. 3. – 41 с.

Журбин И.В. Моделирование и реконструкция археологических объектов // Круглый стол “Археология и геоин-

форматика" (Москва, 7 апреля 2005 г.): Сб. докл. [Электрон. ресурс]. – М.: Ин-т археологии РАН, 2005. – (CD-ROM).

Журбин И.В., Зелинский А.В. Электрометрические исследования городища Иднакар: методика, моделирование и реконструкция археологических объектов // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 215–229.

Завьялов В.И. Кузнечное ремесло северных удмуртов в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1988. – С. 119–142.

Иванов А.Г. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – С. 106–130.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

Иванова М.Г. Солдышский III могильник (Иднакарский): предварительные итоги исследований 2000–2001 гг. // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. – С. 156–161.

Иванова М.Г., Журбин И.В., Зелинский А.В. Исследование планировки городища Иднакар методом электрометрии (1991–1997 гг.) // Естественно-научные методы в полевой археологии. – М.: Ин-т археологии РАН, 1998. – Вып. 2. – С. 36–49.

Иванова М.Г., Черных Е.М. Жилые сооружения городища Иднакар IX–XIII вв.: (Раскопки 1990 г.) // Средневековые древности Волго-Камья. – Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 1992. – С. 143–156.

Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – Т. 2: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия. Производственно-бытовые и сакральные сооружения. Относительная и абсолютная хронология / Е.Н. Черных, Е.Ю. Лебедева, И.В. Журбин, Х.А. Лопес-Саец, П. Лопес-Гарсия, М.И.Н. Мартинес-Наварете. – 184 с.

Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – Т. 3: Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства. Археобиологические исследования / Е.Н. Черных, Ю.В. Луньков, С.В. Кузьминых, С. Ровира, Д.В. Вальков, Е.Е. Антипина, Е.Ю. Лебедева. – 320 с.

Косарева М.В., Будин А.В. Применение базы данных для первичной обработки, сохранения и использования информации городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 244–246.

Луппов П.Н. Удмурты в XV–XVII вв.: Сб. документов. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1958. – 419 с.

Молодин В.И. Междисциплинарные исследования в археологии Сибири // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – С. 32–40.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н., Шнэ-евайс Й., Бекер Х., Фассбиндер Й., Чемякина М.А.,

Гришин А.Е., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Васильев С.К., Мыльникова Л.Н., Балков Е.В. Археолого-геофизические исследования городища переходного от бронзы к железу времени Чича-1 в Барабинской лесостепи: Первые результаты Российско-Германской экспедиции // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 104–127.

Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе / Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова, В.И. Завьялов, М.М. Толмачёва. – М.: Металлургия, 1997. – 318 с.

Первухин Н.Г. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии. – М.: [Тип. М.Г. Волчанинова], 1896. – 261 с. – (Материалы по археологии восточных губерний России; Т. 2).

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. – М.: Наука, 1984. – 176 с.

Петренко А.Г. Результаты исследований остеологических материалов из раскопок средневековых памятников Приуралья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1991. – С. 64–74.

Спицын А.А. Приуральский край: Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии. – М.: [Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа], 1893. – 192 с. – (Материалы по археологии восточных губерний России; Т. 1).

Степанова Г.А., Смагин М.Г. К вопросу о методике извлечения, обработки и сохранения первичной информации на примере городища Иднакар // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: Материалы Междунар. полевого симп. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. – С. 230–243.

Туганаев В.В., Туганаев А.В. Иднакар как ключ к познанию истории агроэкосистем // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 209–220.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнэевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с. – (Материалы по археологии Сибири; Вып. 4).

Шишилина Н.И., Гольева А.А. Палеоэкология Калмыкии в бронзовом веке // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Материалы науч. конф. – М.: ГИМ, 2000. – С. 30–37. – (Тр. ГИМ; Вып. 122).

Alekseyev V., Zhurbin I., Malyugin D. Multi-grid Electrometry in the Survey of Archaeological Remains // Archaeological Prospection. – 1996. – Vol. 3, N 4. – P. 219–229.

Zhurbin I.V., Malyugin D.V. On the method of visualization of electrometric data // Archaeological Prospection. – 1998. – Vol. 5, N 2. – P. 73–79.

УДК 903.27

А.М. Новицхин¹, В.А. Трифонов²¹Анапский филиал Сочинского государственного университета туризма и курортного дела
ул. Чехова, 69, г. Анапа, 353410, Краснодарский край, Россия²Институт истории материальной культуры РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: viktor_trifonov@mail.ru

ЗООМОРФНОЕ НАВЕРШИЕ ИЗ АНАПСКОГО МУЗЕЯ

Происхождение находки

Каменное фигурное навершие, ставшее предметом настоящей публикации, было найдено случайно в середине 1950-х гг. в 30 км севернее Анапы (рис. 1) на виноградниках совхоза “Прикубанский” к северу от хутора Чекон, между хутором и автотрассой Юровка–Варениковская. В этом районе расположено несколько курганов [Салов, 1979, с. 101, № 40а, 41], относящихся к группе т.н. Малых Семибратников.

Около 25 лет навершие хранилось у жителей Чекона, а в 1979 г. было передано сотрудникам Анапской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, проводившим охранные раскопки на некрополе расположенного поблизости Семибратного городища. В 1982 г. вместе с другими находками навершие поступило в Анапский археологический музей, в экспозиции которого находится в настоящее время*.

Описание навершия

Навершие изготовлено из твердого камня серо-зеленого цвета с многочисленными светлыми вкраплениями (разновидность порфирита?) и представляет

собой стилизованное изображение головы животного со сквозным просверленным отверстием для рукояти (рис. 2). На опущенном книзу округлом рыле рельефно выделены толстогубая пасть и широко расположенные ноздри, каждая из которых имеет внизу каплевидную выемку и окружена двумя желобками. Изображение глаз отсутствует. От остальной части круглобобой головы рыло отделяет глубокая круговая выемка. Такой же выемкой разделены лобная и теменная части. По обеим сторонам последней сразу за выемкой рельефно выделены опущенные книзу уши. Противоположная морде сторона навершия более массивна и также опущена книзу. Она в самом общем виде повторяет очертания головы, лишена детальной проработки, есть только горизонтальное ребро, отделяющее слегка покатую верхнюю часть от округлой нижней. Сквозное коническое отверстие для рукояти просверлено таким образом, что вверху оно расположено приблизительно посередине навершия, а внизу оказывается смещенным ближе к передней части. Вся поверхность изделия тщательно заполирована, сверху имеются два точечных скола.

Максимальные размеры навершия $10,8 \times 6,5 \times 6,7$ см. Нижний диаметр отверстия 1,9 см, верхний – 1,2 см.

Культурно-хронологическая атрибуция

Ближайшим аналогом рассматриваемого изделия является навершие, случайно найденное в 1949 г. недалеко от с. Аксай Волгоградской обл. (рис. 3) [Цуцкин, 1981]. Изделия чрезвычайно схожи по форме, раз-

* Полевой шифр СБР-79, оп. 15. Номер по книге поступлений АМ-10910, инв. № А-4763. Предварительное сообщение о находке содержится в заметке об итогах работ экспедиции в 1979 г. [Алексеева, Шавырин, 1980, с. 92]. Авторы выражают признательность начальнику Анапской экспедиции Института археологии РАН д-ру ист. наук Е.М. Алексеевой за предоставленную возможность публикации навершия.

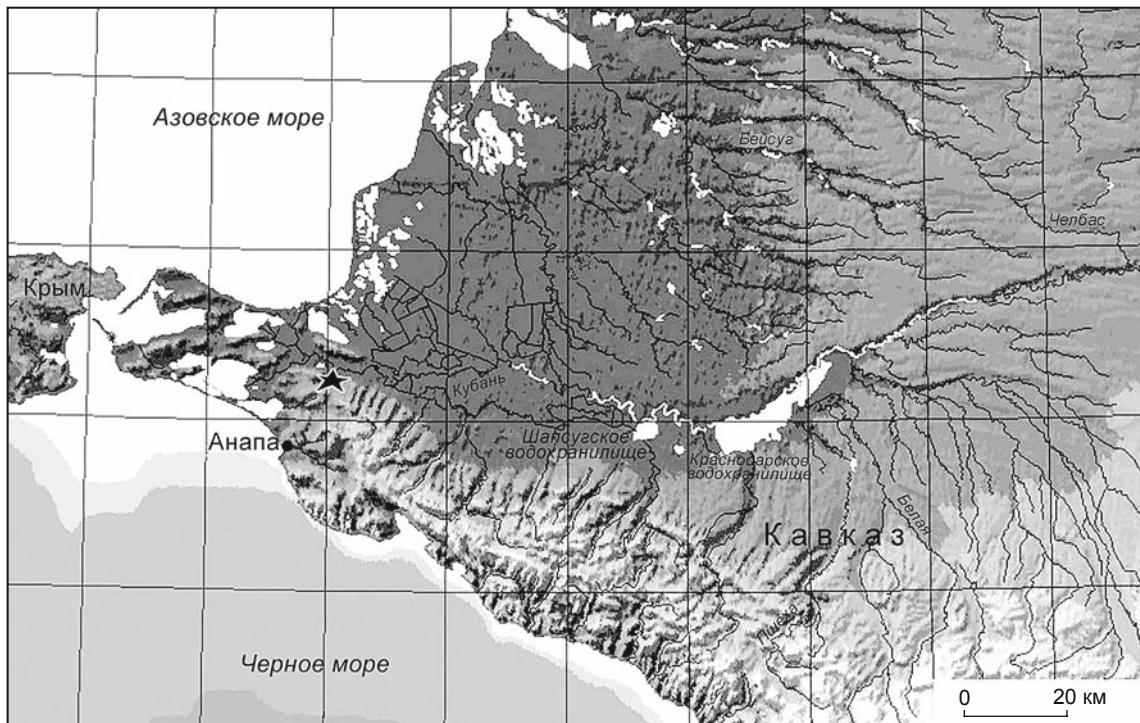

Рис. 1. Место обнаружения зооморфного навершия (обозначено звездочкой) в окрестностях г. Анапы (Краснодарский край).

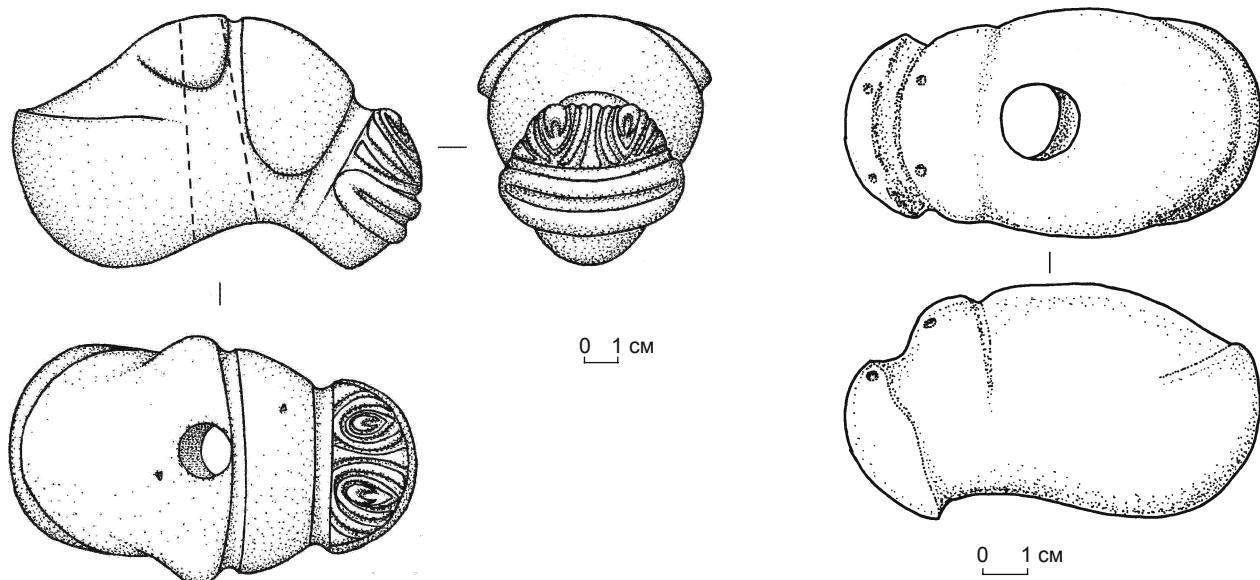

Рис. 2. Каменное зооморфное навершие, случайно найденное возле хутора Чекон (Краснодарский край).

мерам, способу и месту крепления рукояти, а также материалу и характеру его обработки. Различия относятся главным образом к деталям оформления передней части морды животного: на навершии из Аксая нет ни концентрических желобков вокруг ноздрей, ни рельефного изображения губ.

Определенные элементы сходства с находками из Аксая и Чекона демонстрирует втульчатое навершие, хранящееся в Мариупольском музее (рис. 4) [Даниленко, 1974, с. 105, рис. 69, 1]. При всех отличиях в форме и пропорциях эти изделия сближают стиль и техника исполнения деталей морды животного (рельеф, желоб-

Рис. 3. Каменное зооморфное навершие, случайно найденное недалеко от с. Аксай Волгоградской обл. (по: [Щуккин, 1981]).

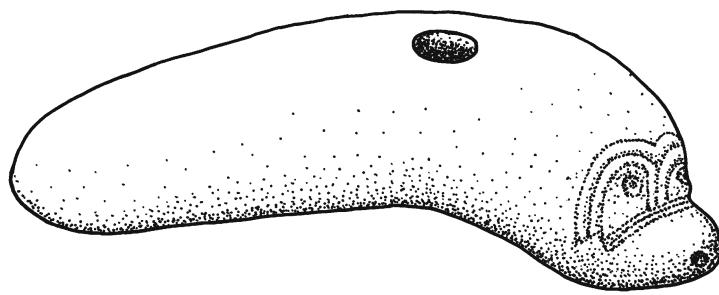

Рис. 4. Каменное зооморфное навершие (по: [Даниленко, 1974], без масштаба). Случайная находка. До Великой Отечественной войны хранилось в Мариупольском музее.

ки), а также способ и место крепления рукояти. К сожалению, случайный характер всех трех находок значительно затрудняет их культурно-хронологическую идентификацию, основу которой пока составляют только косвенные наблюдения.

По ряду стилистических особенностей навершие из Анапского музея сопоставимо с немногочисленной группой “реалистических” зооморфных скипетров эпохи энеолита, происходящих с обширной территории юга Восточной Европы от Урала до Балкан и Карпат (рис. 5). Эти находки сближают манера изображения

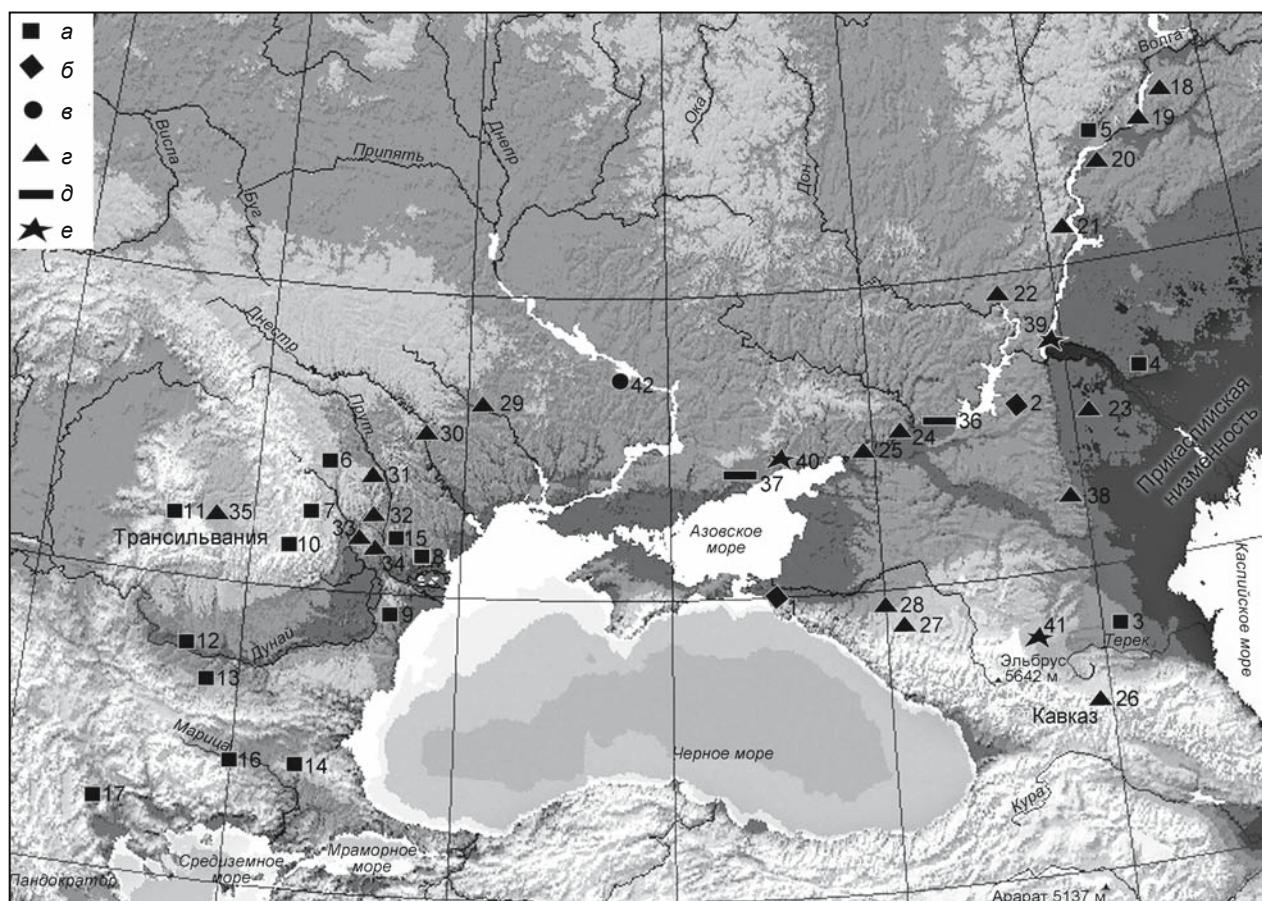

Рис. 5. Карта распространения каменных наверший (1–41) и зооморфной глиняной пластики (42) (составлена по данным: [Даниленко, 1974; Телегин, 1973; Цуцкин, 1981; Govedarica, Kaiser, 1996; Руссов, 2003; Кияшко, 2004]).

1 – Чекон; 2 – Аксай; 3 – Терекли-Мектеб; 4 – Кокберек; 5 – Хлопково городище; 6 – Феделяшени; 7 – Фитионешти; 8 – Суворово; 9 – Касимче; 10 – Ариушд; 11 – Винтул де Жос; 12 – Сэлкуце; 13 – Телиш; 14 – Драма; 15 – Кайраклия; 16 – Режево; 17 – Суводол; 18 – Куйбышев (Саратов); 19 – Хвалынский могильник; 20 – Хлопково городище (могильник); 21 – Даниловка; 22 – Шляховский II; 23 – Джангр; 24 – Константиновское; 25 – Ростов-на-Дону; 26 – Владикавказ; 27 – Ясенова Поляна; 28 – Майкоп; 29 – Березовская ГЭС; 30 – Верхние Жоры; 31 – Моголешти; 32 – Бирлашешти; 33, 34 – Обершени; 35 – Валени; 36 – Маринская; 37 – Берда; 38 – Архара; 39 – Волгоград; 40 – Мариуполь; 41 – Водопадный; 42 – Дереинка.

а – зооморфные навершия с черенковым креплением; б – зооморфные навершия с втульчатым креплением; в – зооморфная глиняная пластика; г – “абстрактные” навершия с черенковым креплением, тип 1; д – “абстрактные” навершия с черенковым креплением, тип 2; е – булавы “второго мариупольского типа”.

крутолобой морды животного с вздернутым рылом, толстогубой рельефной пастью и высоко посаженными выступающими ноздрями, иногда окруженными желобками (рис. 6). В разной степени указанные черты присущи большинству “реалистических” зооморфных скелетров, общее количество которых пока не превышает 17 экз.* Навершия из Аксая и Чекона отличаются от этих изделий не только моделировкой и общими пропорциями, но и способом крепления к рукояти. Данные различия до сих пор остаются предметом культурно-хронологических спекуляций, целью которых является определение времени и места первого появления зооморфных скелетров, особенностей их типологической эволюции и направления территориального распространения. По мнению Б. Говедарицы и Э. Кайзер, зооморфные навершия с просверленным отверстием для крепления рукояти представляют особую разновидность этой категории изделий и их следует исключить из типологической классификации зооморфных скелетров с черенковым насадом [Govedarica, Kaiser, 1996, S. 66], в то время как А.Д. Резепкин, напротив, полагает, что именно втульчатые скелетры являются исходным типом в эволюции зооморфных наверший [2002]**. При отсутствии достоверных данных о хронологических приоритетах какого-либо одного типа наверший перед другими все заключения относительно их типологического развития пока остаются только в разной степени правдоподобными предположениями. Другими словами, при датировке навершия из Чекона в расчет следует принимать, в первую очередь, археологический контекст, в котором найдены “реалистические” зооморфные скелетры. В западной части территории их распространения (Северо-Западное Причерноморье – Подунавье – Карпаты) эти изделия обнаружены в энеолитических слоях поселений группы Кукутень А – Ариушд, Сэлкуце и Суводол, а также в погребениях того же времени, чья культурная принадлежность до сих пор остается

* Наиболее полная сводка зооморфных скелетров, а также библиография по проблематике их изучения опубликованы в работе Б. Говедарицы и Э. Кайзер [Govedarica, Kaiser, 1996]. Изображение упомянутого в этой сводке скелета из Астраханской обл. (Кокберек) впервые было опубликовано Ю.Ю. Пиотровским в каталоге новых поступлений в Эрмитаж в 1997 г. [Новые поступления..., 1997, с. 85] и воспроизведено И.В. Манзурой [2000]. Зооморфный скелет, найденный в 1998 г. на юге Молдавии (Кайраклия), опубликован Н. Руссевым [2003].

** А.Д. Резепкин остроумно предположил, что шип на черенке крепления “реалистических” и “схематических” скелетров представляет собойrudimentарное проявление более раннего способа втульчатого крепления и является изображением верхней части деревянной рукояти. Если это действительно так, то мы имеем дело с прежде неизвестным явлением смены втульчатого крепления на черенковое.

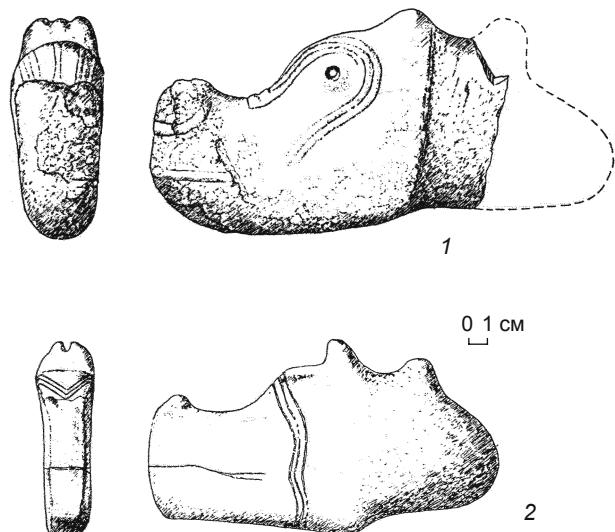

Рис. 6. Орнаментированные зооморфные навершия с черенковым креплением (по: [Govedarica, Kaiser, 1996, S. 89, Abb. 14; S. 94, Abb. 19, 1]).
1 – Касимче; 2 – Сэлкуце.

предметом дискуссий (Касимче, Суворово)*. На востоке ареала (Нижнее Поволжье – Северный Кавказ) достоверно известно о культурном контексте только одного зооморфного навершия, найденного в погребении хвалынской культуры [Малов, 1987]. В целом принято считать, что “реалистические” зооморфные скелетры были в употреблении в период существования культур типа Кукутень А – Триполье А-В I – ранней среднестоговской – новоданиловской (в другой интерпретации – скелянской)** – хвалынской, т.е. приблизительно во второй половине V – начале IV тыс. до н.э. [Манзура, 2000]. Этим же временем может быть датировано и навершие из Анапского музея. Именно в данный период окрестности Анапы и, шире, все Предкавказье были охвачены культурными связями с другими областями распространения зооморфных наверший. Эта культурная среда в разное время описывалась как “хвалынско-среднестоговская культурно-историческая область” [Васильев, 1981], “европейская степная энеолитическая общность” [Нечитайло, 1996] или “евразийская скотоводческая

* Д.Я. Телегин рассматривает их в рамках новоданиловской культуры, Ю.Я. Рассамакин относит погребения суворовской группы к скелянской культуре, а И.В. Манзура считает, что они представляют самостоятельную культурную группу [Телегин и др., 2001; Rassamakin, 1999; Manzura, 1994].

** Подробно о проблемах культурно-хронологической систематизации энеолитических культур в европейской степи можно узнать из многочисленных работ последних лет Д.Я. Телегина, В.А. Дергачева, А.В. Нечитайло, Ю.Я. Рассамакина и И.В. Манзуры, в т.ч. указанных в списке литературы к этой статье.

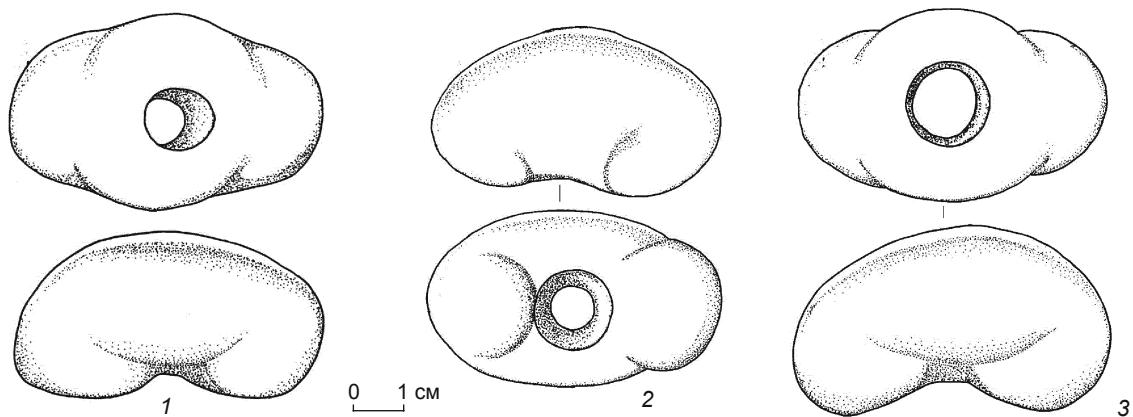

Рис. 7. Каменные булавы “второго мариупольского типа”.

1 – Волгоград (случайная находка) (по: [Васильев, 2003б]); 2 – Водопадный (случайная находка) (по: [Марковин, 1960]); 3 – Мариупольский могильник, погр. XXIV (по: [Макаренко, 1933]).

историко-культурная провинция” [Малов, 1982]. Она охватывала огромную территорию между оседло-земледельческими мирами Балкан и Кавказа, в пределах которой наряду с зооморфными навершиями имели распространение и другие культурные символы и ценности, в т.ч. редкие для степи изделия из декоративных пород камня (порфирит, серпентин, диабаз, обсидиан, гагат, горный хрусталь), а также наборы украшений из меди, золота, раковин и эмали клыков кабана. При датировке навершия из Чекона следует иметь в виду, что начальный период вовлечения Предкавказья в систему трансстепенных связей приходится еще на время, к которому относятся финальные древности мариупольского типа (пластины из эмали клыков кабана, булавы с двумя выступами) [Даниленко, 1974; Шаталин, Резепкин, 2001/2002]. Следовательно, нельзя исключать возможность датировки наверший из Чекона и Аксая не только второй, но и частично первой половиной V тыс. до н.э., т.е. периодом сосуществования культур мариупольского круга (азово-днепровская, нижнедонская, самарская) с хвалынской*. Дополнительным аргументом в пользу данного предположения может служить распространение в это же время овальных булав с двумя выступами (“второго мариупольского типа”) (Мариупольский могильник, погр. XXIV; хутор Водопадный возле г. Пятигорска, случайная находка; Волгоградский музей, случайная находка) [Макаренко, 1933, с. 31, 72, рис. 30, табл. XIV; Марковин, 1960, с. 38, рис. 9; Васильев, 2003б, с. 83, рис. 9], которые, судя по их оригинальной форме, мо-

гут представлять схематическую разновидность зооморфных наверший типа Чекон – Аксай (рис. 7)*.

Заключение: скипетры как “решающий аргумент” в археологических спорах

Публикуя прежде неизвестное зооморфное навершие из Анапского музея, нельзя оставить без внимания оживленную дискуссию последних 50 лет относительно источниковедческой ценности этой категории находок. Как справедливо отметил В.Я. Кияшко, «на скипетры продолжают взваливать тяжелый груз “решающих аргументов” в спорах» по ключевым вопросам развития европейской культуры в эпоху энеолита, включая индоевропейскую проблему [2004]. Высокий уровень и ответственность культурно-исторических обобщений, смысл которых во многом определяет интерпретация зооморфных скипетров, стали причиной критического анализа статуса скипетров как “решающих аргументов”. Оказалось, что об этих оригинальных предметах на самом деле твердо известно значительно меньше того, на чем настаивают некоторые оптимистически настроенные авторы.

Действительно, до сих пор, например, бытует мнение, что все без исключения зооморфные скипетры представляют собой в разной степени стилизованные изображения лошадиных голов, иногда взнужданных [Телегин, 2000; Дергачев, 2002; Крюкова, 2003]. Большим энтузиастом такой интерпретации был В.Н. Даниленко [Даниленко, Шмаглій, 1972; Даниленко,

* Вероятность частичной синхронности хвалынской и самарской культур и, шире, мариупольской и хвалынско-среднестоговской культурных областей остается предметом продолжительной дискуссии с конца 70-х гг. прошлого столетия [Гей, 1979; Моргунова, 1984, 1989; Пестрикова, 1987; Барынкин, 2004; Васильев, 2003а, б, 2004].

* Зооморфные навершия и т.н. овальные булавы мариупольского типа сближают не только общие очертания и тип крепления, но и некоторые детали, в т.ч. заметная асимметричность наверший и булав относительно втулки для рукояти.

1974], чья точка зрения со временем стала почти общеизвестной, хотя восходит она, вероятно, к небольшому недоразумению, воспоминание о котором сохранил А.А. Иессен. Вместе со скипетром из Терекли-Мектеба в Этнографический отдел Русского музея в Ленинграде был передан и найденный рядом с ним в 1928 г. скифский наконечник стрелы. Принимая на хранение эти вещи, Г.А. Бонч-Осмоловский решил, что навершие относится к скифскому времени и представляет собой изображение лошадиной головы с уздой [Иессен, 1952]. Это мало чем обоснованное впечатление в работах В.Н. Даниленко и его последователей превратилось в почти неоспоримый факт, открывающий, как тогда казалось, перспективы скорого решения проблемы происхождения индоевропейцев. “Лошадиная” версия так захватила воображение В.Н. Даниленко, что отождествление некоторых зооморфных наверший с образами других животных казалось ему невозможным [1974, с. 93]. Между тем А.А. Иессен (в чьем распоряжении в 1952 г. еще не было скипетра из Суворова с самым реалистичным изображением лошадиной головы), исключая по понятным причинам возможность воспроизведения гиппопотама, на кого отдельные навершия действительно похожи, полагал, что скипетр из Терекли-Мектеба, вероятнее всего, изображает кабана. Приподнятый нос, близкое расположение глаз и ушей, большой рот и линия нижней челюсти характерны, по его мнению, для кабана, а не для лошади. Можно добавить, что навершие из Терекли-Мектеба разделяет общие закономерности стилизации изображения кабана, свойственные глиняной пластике степного энеолита. Я имею в виду фигурку кабана с поселения Дереивка [Телегин, 1973, с. 34, рис. 19, 5], общий стиль и моделировка деталей которой в значительной мере соответствуют стилю зооморфных каменных наверший (рис. 8). Из этой стилистической близости каменной и глиняной пластики конечно нельзя делать вывод, что все “реалистические” зооморфные навершия изображают кабана. С учетом их своеобразия кажется справедливым осторожный вывод Б. Говедарицы и Э. Кайзера о возможности преднамеренного стилистического искаожения образа реального животного и превращения его в фантастический персонаж [Govedarica, Kaiser, 1996]. Уместно отметить, что отождествление зооморфных скипетров с образом того или иного животного часто зависело не от результатов стилистического анализа, а от предпочтительного выбора версии их происхождения. Со временем сторонниками интерпретации наверший как изображений головы лошади остались главным образом те археологи, которые верят в их восточноевропейское происхождение, а критиками – приверженцы их балканской прародины [Манзура, 2000; Резепкин, 2002]. В свое время В.Н. Даниленко, не рассчитывая на убедительность собственных аргументов в пользу восточноевропейского происхождения

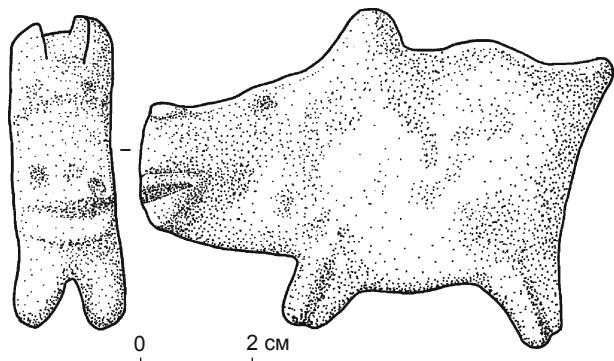

Рис. 8. Глиняная фигурка кабана с поселения Дереивка (по: [Телегін, 1973]).

скипетров, представил вопрос решенным, грубо исказив при этом точку зрения А.А. Иессена, якобы придерживавшегося того же мнения [Даниленко, 1974, с. 93]. В действительности, А.А. Иессен полагал, что характер археологических источников в начале 1950-х гг. не позволял определить ни место изготовления скипетров, ни область их первоначального распространения [Иессен, 1952]. И сегодня для этого нет ни хронологических, ни типологических оснований. Казалось бы, бесспорное деление скипетров на две территориальные группы (западную и восточную) также теряет свою очевидность по мере появления новых находок [Кияшко, 2004]. Стого говоря, сомнительной является даже эволюционная связь между зооморфными “реалистическими” и “схематическими” (по другой терминологии “абстрактными”) скипетрами. Единственное, что действительно объединяет обе группы наверший, – это форма и способ крепления их к рукояткам*. В остальном они настолько различны, что делают небеспочвенными предположения о существовании разных прототипов соответственно для “реалистических” и “абстрактных” скипетров [Haüsler, 1994; Govedarica, Kaiser, 1996]. Остается согласиться с мнением А.А. Иессена и сделать вывод, что и сегодня зооморфные навершия, включая новую находку из Чекона, являются главным образом свидетельством широких связей европейских степных культур с Балканами и Кавказом в V тыс. до н.э., а вот

* Типологическое, хронологическое и географическое соотношение между зооморфными “реалистическими” и “схематическими” скрипетрами с черенковым насадом в определенной степени напоминает соотношение между зооморфными навершиями типа Чекон – Аксай и овальными булавами с двумя выступами мариупольского типа. Последние с известной натяжкой можно было бы представить как “схематический” вариант первых (Мариупольский могильник, погр. XXIV; Никольский могильник; хутор Водопадный у Пятигорска, случайная находка; Волгоградский музей, случайная находка) [Макаренко, 1933, с. 59, рис. 11; Марковин, 1960, с. 38, рис. 9; Васильев, 2003б, с. 83, рис. 9].

социальную символику и культурный смысл скреп, как и причины их широкого распространения, еще предстоит выяснить.

Список литературы

- Алексеева Е.М., Шавырин А.С.** Исследования в Анапе и Анапском районе // АО 1979 года – М., 1980. – С. 91–92.
- Барынкин П.П.** Степное Поволжье и Поднепровье в период энеолита (к проблеме культурогенеза и связей) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2004. – С. 35–38.
- Васильев И.Б.** Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1981. – 129 с.
- Васильев И.Б.** Культурно-хронологическое соотношение мариупольских и хвалынских памятников в Поволжье // Чтения, посвященные 100-летию деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее: Тез. конф. – М., 2003а. – Ч. 1. – С. 55–58.
- Васильев И.Б.** Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи (некоторые итоги исследования) // Вопр. археологии Поволжья. – Самара, 2003б. – Вып. 3. – С. 61–80.
- Васильев И.Б.** Некоторые итоги исследования хвалынской энеолитической культуры: Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2004. – С. 47–55.
- Гей А.Н.** Самсоновское многослойное поселение на Дону // СА. – 1979. – № 3. – С. 119–131.
- Даниленко В.Н.** Энеолит Украины. – Киев: Наук. думка, 1974. – 176 с.
- Даниленко В.М., Шмаглій М.М.** Про один поворотний момент в історії Південної Європи // Археологія. – 1972. – № 6. – С. 3–20.
- Дергачев В.А.** О типологии и интерпретации зооморфных скреп из энеолита Восточной Европы // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Кн. 2. – С. 37–40.
- Иессен А.А.** К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом // КСИИМК. – 1952. – Вып. 46. – С. 48–53.
- Кияшко В.Я.** Еще раз об энеолитических скрепах // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2004. – С. 39–42.
- Крюкова Е.А.** Образ лошади в искусстве степного населения эпохи энеолита – ранней бронзы // Вопр. археологии Поволжья. – Самара, 2003. – Вып. 3. – С. 134–143.
- Макаренко М.** Маріупольский могильник. – Київ: Ізд-во Всеукраїн. акад. наук, 1933. – 151 с.
- Малов Н.М.** Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1982. – С. 82–94.
- Малов Н.М.** Раскопки поселений на Волге // АО 1985 года – М., 1987. – С. 189–190.
- Манзура И.В.** Владеющие скрепами // Stratum Plus. – 2000. – № 2. – С. 237–295.
- Марковин В.И.** Культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.). – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 151 с.
- Моргунова Н.Л.** Турганинская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1984. – С. 58–78.
- Моргунова Н.Л.** Энеолитические комплексы Ивановской стоянки // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 118–135.
- Нечитайло А.Л.** Европейская степная общность в эпоху энеолита // РА. – 1996. – № 4. – С. 18–30.
- Новые поступления:** Памятники культуры и искусства, приобретенные Эрмитажем в 1992–1996 годах: Каталог. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1997. – 144 с.
- Пестрикова В.И.** Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1987. – 17 с.
- Салов А.И.** Материалы для археологической карты Анапского района // КСИА. – 1979. – Вып. 159. – С. 98–102.
- Резепкин А.Д.** К вопросу об эволюции энеолитических скреп // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V век н.э.): Мат-лы III Междунар. конф. – Тирасполь, 2002. – С. 66–70.
- Руссев Н.** Новый реалистический скреп эпохи энеолита из Молдавии // Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic. – Chisinau: Akad. de Șt. a Republica Moldova. Inst. de Arheologie și Etnografie. – 2003. – С. 53–56.
- Телегін Д.Я.** Середньо-Стогівська культура епохи міді. – Київ: Наук. думка, 1973. – 171 с.
- Телегин Д.Я.** К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скреп из медного века Юго-Восточной и Восточной Европы // РА. – 2000. – № 3. – С. 18–29.
- Телегин Д.Я., Нечитайло А.Л., Потехина И.Д., Панченко Ю.В.** Среднестоговская и новоданиловская культуры энеолита Азово-Черноморского региона. – Луганск: Шлях, 2001. – 152 с.
- Цуцкин Е.В.** Каменное зооморфное навершие, найденное у с. Аксай Волгоградской области // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. – Элиста: Изд-во КНИИИФЭ, 1981. – С. 67–69.
- Шаталин Ю.А., Резепкин А.Д.** Неолитический могильник с инвентарем мариупольского типа в Прикубанье и его место в системе древностей Юго-Восточной Европы // Stratum Plus. – 2001/2002. – № 2. – С. 447–457.
- Haüsler A.** The North-Pontic Region and the beginning of the Eneolithic in South- East and Central Europe // The Archaeology of the Steppes: Papers from the Intern. Symp. Neapel 1992. – Napoli, 1994. – P. 123–147.
- Govedarica B., Kaiser E.** Die äneolithischen abstrakten und zoomorphen Steinzepter Südost- und Osteuropas // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. – 1996. – Bd. 2. – S. 59–103.
- Manzura I.** Culturi eneolitice în zona de stepă // Thraco-Dacica. – 1994. – N 15. – P. 93–101.
- Rassamakin Yu.** The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500–2300 BC // Levine M., Rassamakin Yu., Kislenko A., Tatarintsev N. Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 59–182.

УДК 903.27

В.Д. Кубарев¹, В.И. Забелин²¹Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: vd@online.nsk.su

²Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН

ул. Интернациональная, 17, Кызыл, 667007, Россия

E-mail: oktarg@tuva.ru

АВИФАУНА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ПО ДРЕВНИМ РИСУНКАМ И АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Введение

Общеизвестно, что любые изображения – живописные, графические или скульптурные – создаются по подобию предметов или явлений, существующих в природе. Не останавливаясь подробно на роли искусства в первобытном обществе, подчеркнем лишь ее многогранность и важное познавательное значение. Стремление древнего охотника изобразить животное было направлено, в конечном итоге, на овладение им. Этот процесс, по В.Б. Мириманову [1973], являлся не фактическим, а “идеальным” овладением не самим животным, а его образом, т.е. процессом постижения, узнавания. Его суть очень точно определил А. Хаузер: “Когда художник палеолита рисовал на скале животное, он рисовал реальное животное. Для него мир вымысла и искусства еще не был самостоятельной областью, отделенной от эмпирически воспринимаемой действительности. Он еще не противопоставлял, не разделял эти сферы, но видел в одной прямое продолжение другой” (цит. по: [Там же, с. 73]). Вполне естественно, что среди изображений преобладали анималистические мотивы. Древний художник запечатлев в основном промысловыми животными, обеспечивавшими человеку необходимые для жизни питание, одежду, материал для орудий и т.д. Одними из наиболее архаичных рисунков, насчитывающих многие тысячи лет, являются петроглифы (выбивка, шлифовка, гравировка и т.д.) и писаницы (силуэтные, контурные или комбинированные росписи) на скалах, отдельных глыбах, стенах гротов и пещер.

Древний человек, обитавший в определенной географической среде, отражал реальный мир животных, окружавших его. Так, в Северной Европе (Норвегия, Швеция) преобладают изображения лосей, оленей, медведей, китов, тюленей; в Центральной Европе (Франция, Испания) на стенах всемирно известных пещер изображены дикие лошади, бизоны, быки, носороги; в Африке – слоны, бегемоты, жирафы, антилопы [Там же, с. 202]. На юге Западно-Сибирской низменности, в частности на известной Томской писанице, доминируют фигуры лося [Окладников, Мартынов, 1972]. В петроглифах Алтая, Тувы и Западной Монголии самые распространенные и многочисленные изображения сибирских горных козлов и маралов. Здесь на стыке сибирской горно-таежной и центрально-азиатской пустынно-степной зон наблюдалось высокое биоразнообразие и обилие животных, что, конечно же, отразилось и в древних наскальных рисунках [Потапов Р.Л., 1957, 1958; Ешелькин, 1974]. Довольно частая встречаляемость изображений лосей и маралов (обитателей леса) в этом регионе свидетельствует о более широком, чем в настоящее время, развитии древесной растительности в конце плейстоцена – начале голоцена.

Облик древней орнитофауны любой территории восстанавливается анализом суммы палеонтологических знаний о развитии мира птиц на Земле. Основным препятствием в накоплении данных о птицах древних эпох считается относительно низкая сохранность их перьевого покрова и костных остатков. Кроме того, достаточно затруднительно их видовое опре-

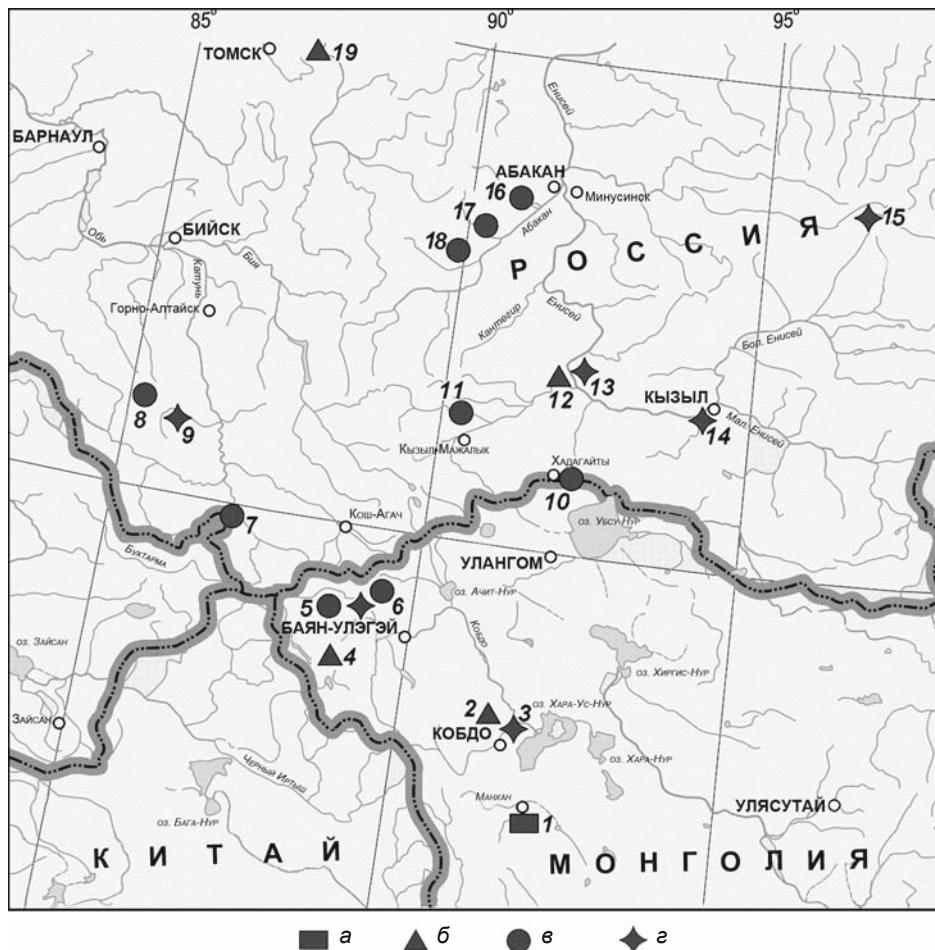

Рис. 1. Расположение археолого-этнографических памятников с орнитоморфными изображениями в Центральной Азии.

1 – Хойт-Цэнкер-агуй, 2 – Чандамань, 3 – Ховд, 4 – Арап-Толгой, 5 – Хар-Салаа/Хар-Чулуу, 6 – Цагаан-Салаа/Бага-Ойтур (Монголия); 7 – Джурмал, 8 – Каракол, 9 – Тукэта (Алтай); 10 – Овюр III, 11 – Бижнитиг-Хая, 12 – Ортаа-Саргол, 13 – Алды-Мозага, 14 – Сук-Пакское, 15 – Аржан-Хем (Тыва); 16 – Тас-Хазаа, 17 – Аскиз, 18 – Бутрахты (Хакасия); 19 – Томская и Новоромановская писаницы (Кемеровская обл.).
 а – памятники палеолита, б – неолита, в – энеолита – бронзы, г – железного века, средневековья и этнографического времени.

деление. В силу указанных причин документальные свидетельства о палеорнитофауне весьма фрагментарны. Поэтому изображения птиц в наскальных рисунках, на бытовых предметах, орудиях охоты, в ритуальной скульптуре и сакральных украшениях, их образы в фольклоре и в религиозных обрядах населения того или иного региона могут служить важным, а иногда и единственным источником информации о видовом составе птиц, обитавших в глубокой древности на территории Центральной Азии.

В статье, на основании опубликованных археологических и этнографических материалов, а также собственных наблюдений авторов предпринята попытка систематизации данных о птицах по петроглифам, предметам мелкой пластики, по ранним литературным источникам и шаманской практике народов

Сибири и Центральной Азии. Расположение основных археологических и этнографических памятников с орнитоморфными изображениями в этом регионе показано на рис. 1.

Иконография, хронология и семантика изображений птиц в росписях и петроглифах

Птицы привлекали внимание человека необыкновенной способностью к полету, отличающей их от других существ, обитающих на Земле. Поэтому около половины всех изображений птиц представляют их с развернутыми крыльями или в полете. Способности одних находятся в двух средах (утки, гагары) –

в воздухе и воде, других – издавать таинственные звуки (совы, выпь) или петь (певчие птицы) также не оставались без внимания. Восхищение стремительностью, ловкостью, грацией и силой, вероятно, послужило стимулом для изображения хищных птиц – орлов и соколов.

Как принято считать, наиболее древние изображения птиц, датируемые верхним палеолитом, найдены в пещере Хойт-Цэнкер-агуй в северных отрогах Монгольского Алтая, примерно в 100 км южнее г. Ховд. Здесь в четырех нишах контурной линией коричневого цвета были нарисованы страусы и некоторые другие птицы, а также слоны, верблюды, горные бараны, козлы и лошади [Окладников, 1972]. У страусов, изображенных в профиль (рис. 2, *а*, *б*), массивное тело округлых очертаний, длинная тонкая шея и едва выделяющаяся на ней маленькая голова без клюва, ноги относительно короткие (без пальцев), прочерчены тонкими линиями [Новгородова, 1984, с. 20]. На одном рисунке шея птицы вытянута вперед и вверх, так что голова возвышается над телом примерно на его высоту. Линия шеи плавно переходит в линию спины; сочленение шеи и груди показано с уступом. Посредине тела двумя извилистыми линиями прочерчено сложенное крыло, сжающееся сзади пышного, заворачивающегося книзу хвоста. У второй птицы хвост и крыло не изображены; наклон шеи более пологий. Создается впечатление о напряженности птицы при снесении яйца (?), показанного овальной точкой под брюхом. Еще девять таких точек нанесены в один горизонтальный ряд на уровне головы над спиной и одна – над изгибом шеи. Если предположить, что точки обозначают яйца*, а именно такое объяснение дали А.П. Окладников и А.И. Мартынов относительно точки под изображением птицы на Томской писанице [1972, с. 205, рис. 2], то длинная изогнутая линия, пересекающая рассматриваемую фигуру птицы, от ряда точек до предполагаемого уровня земли, возможно, указывает на местонахождение кладки, состоящей из 12 яиц.

Поскольку принадлежность изображенных в пещере птиц к страусам вызывала сомнения [Молодин, Черемисин, 1999, с. 133], приведем аргументы “за” и “против” такой интерпретации. Аргументы “за”: общее очертание весьма длинношеея фигуры – шея длиннее остальной части тела, в то время как у журавлей они примерно равны, а у дроф шея даже несколько меньше (рис. 2, *д*); шея как бы приставлена к телу, а не составляет с ним единого целого, как у жу-

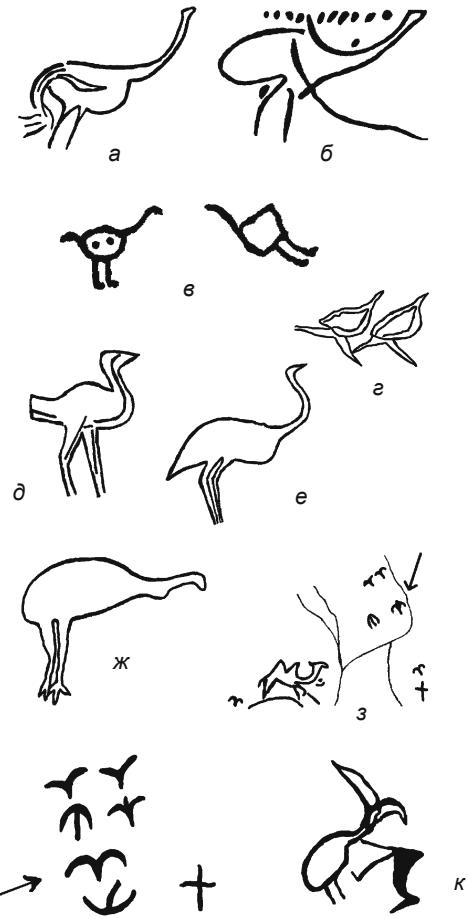

Рис. 2. Изображения птиц в палеолитических росписях и гравюрах.

а, б – страусы, пещера Хойт-Цэнкер-агуй, Монголия; *в* – страус, наскальные фрески Аира, Северный Нигер; *г* – бегущие страусы, Джаббарен, Алжир; *д* – дрофа, определяемая некоторыми исследователями как страус, Северная Африка; *е* – страус, бушменская гравюра на камне, Фойрсмит, Южная Африка; *ж* – эму, Северная Австралия; *з* – летящая саджа (показана стрелкой), другие птицы и верблюд, третья ниша пещеры Хойт-Цэнкер-агуй, Монголия; *и* – коршун (показан стрелкой) и другие птицы, третья ниша пещеры Хойт-Цэнкер-агуй, Монголия; *к* – пеликан (?), четвертая ниша пещеры Хойт-Цэнкер-агуй, Монголия.

равлей; небольшой клюв, не превышающий длины маленькой головы, не показан вовсе, в то время как у журавлей крепкий острый клюв в 1,5–2 раза длиннее головы; кладка, если точки действительно означают яйца, состоит из 12 яиц, что более соответствует современному страусу (около 10 яиц), нежели журавлю (2 яйца). Кроме того, страусы в этом регионе были современниками мамонта и, по-видимому, обитали и в более позднюю эпоху. Все вышеизложенное свидетельствует о том, что древний художник изображал именно страуса. Скорлупа яиц этой птицы обнаружена в Монголии на палеолитическом поселении Мойл-

* Точки, пятна, иногда выстроенные в цепочку, в пещере Хойт-Цэнкер-агуй расположены около изображений не только птиц, но и других животных, а также входят в комплекс знаков [Окладников, 1972, вкл. между с. 20 и 21, 22 и 23, 26 и 27]. Их назначение не всегда понятно, поэтому интерпретация округлых пятен и точек рядом с фигурами птиц как изображений яиц весьма условна.

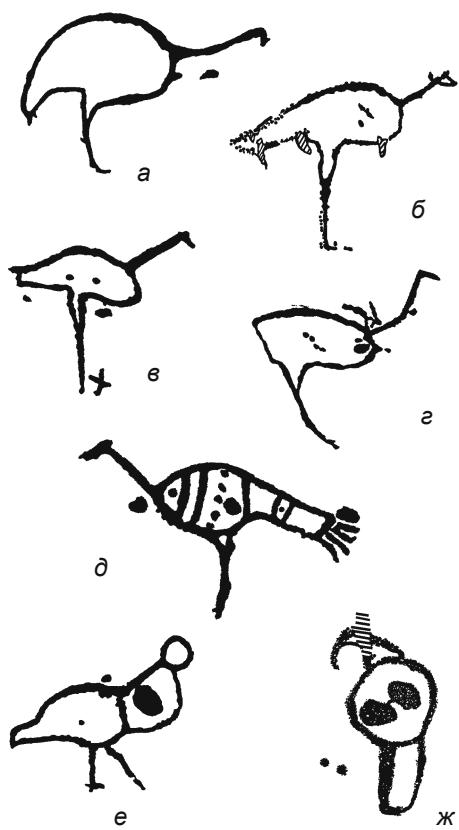

Рис. 3. Изображения птиц на петроглифах Арап-Толгоя. Монголия.

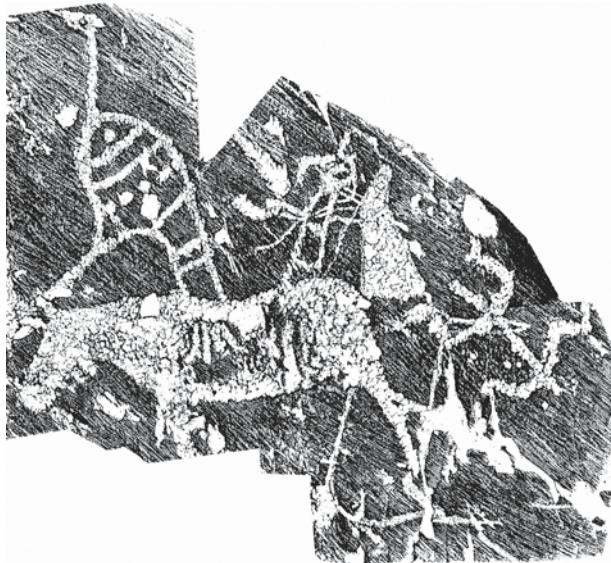

Рис. 4. Копия петроглифа, выполненная на миколеневой бумаге. Палимпсест: энеолитические изображения птицы (в центре) и оленя (правая часть) перекрывает рисунок эпохи бронзы – фигура лошади. Арап-Толгой. Монголия.

тын-ам [Окладников, 1981, с. 26] и на неолитической стоянке Шаврын-ус [Новгородова, 1984, с. 21]. Бусины из скорлупы и крупный обломок яйца с характерным рисунком, подобным центрально-африканскому, были найдены советско-монгольской палеонтологической экспедицией в 60-х гг. XX в. [Ефремов, 1954, с. 10]. Самым весомым аргументом в пользу отождествления птиц, нарисованных в пещере Хойт-Цэнкер-агуй, со страусами является открытие подобных по стилю изображений на петроглифическом памятнике Арап-Толгой (Монгольский Алтай) (рис. 3) [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 1999; Цэвээндорж, Кубарев, Якобсон, 2005]. В связи с этой находкой опубликована отдельная статья, в которой рассматривается образ птицы в наскальном искусстве Монгольского Алтая [Кубарев, 2002]. В ней оригинальные изображения птицы Хойт-Цэнкер-агуя и Арап-Толгоя датируются финальным неолитом и эпохой ранней бронзы, а отдельные рисунки убедительно коррелируются с изобразительными материалами каракольской и самуськой культур. Особенно интересно одно арап-толгойское изображение птицы, выполненное в декоративном стиле (рис. 3, д; 4). Ее длинный веерообразный хвост очень похож на хвостовое оперение птиц на рисунках Каракола и Калбак-Таша [Там же, рис. 1, 15, 16], что свидетельствует об одной изобразительной традиции, характерной для петроглифов эпохи бронзы Саяно-Алтая и Центральной Азии.

Аргументом против отождествления птиц, изображенных на памятниках Хойт-Цэнкер-агуй и Арап-Толгой, со страусами являются сравнительно короткие и тонкие ноги, но если обратиться к отдаленным аналогиям, то, например, на фресках Аира в Северном Нигере (~1 200 лет до н.э.) страусы показаны именно с такими ногами (см. рис. 2, в) [Лот, 1984, табл. 51]. Хотя надо сказать, что на более древних рисунках (ок. III тыс. до н.э.) этого же памятника ноги птиц выглядят довольно длинными и мускулистыми (см. рис. 2, г) [Лот, 1973, табл. Джаббарен]. Аналогичным образом показаны птицы и на других рисунках (см. рис. 2, д – ж). Более наущным, чем определение вида птиц, изображенных на памятниках Монгольского Алтая, является установление относительно точной хронологии всего комплекса таких рисунков, тем более что страусы обитали на территории Монголии не только в палеолите, но и, возможно, в неолите и даже в эпоху ранней бронзы. В целом проблема датирования самых древнейших орнитоморфных рисунков в Центральной Азии остается дискуссионной. Одно не вызывает сомнения: рассмотренные изображения птиц в петроглифах Монгольского Алтая на сегодняшний день действительно выглядят самыми архаичными в Центральной Азии.

Орнитоморфные изображения, относимые к эпохе камня, есть и на других памятниках Евразии. Костяные

фигурки водоплавающих птиц найдены на палеолитической стоянке Мальта близ Иркутска [Окладников, Мартынов, 1972, с. 203], а рисунки, запечатлевшие сов (взрослой и молодой), – на стенах пещеры Труа Фрер во Франции [Абрамова, 1980, с. 88, рис. 12].

В третьей нише пещеры Хойт-Цэнкер-агуй, хранящей редкое изображение двугорбого верблюда, в верхней части стены темно-коричневой краской нанесены силуэты летящих птиц (см. рис. 2, з, и) [Новгородова, 1984, с. 26, 29]. Рисунки достаточно схематичны, поэтому вид определить нельзя; возможно, среди них есть изображения коршуна (длиннокрылое, с соответствующими этому хищнику пропорциями крыльев и хвоста) и мелких соколов вроде пустельги. Одна фигура – с загнутыми назад крыльями и сужающимся хвостом – ассоциируется со стремительно летящей саджей – птицей размером с голубя, обитающей в степях и полупустынях. Появление пары верблюдов–саджа*, вероятно, следует рассматривать как признак смены относительно влажных саванноподобных ландшафтов сухими открытыми степными пространствами.

У птицы, изображенной в четвертой нише (см. рис. 2, к), относительно недлинные ноги, средней величины шея, овальное тело и преувеличенно большой, насколько можно понять из рисунка, открытый клюв, из которого свисает рыбина (?). Возможно, древний художник нарисовал пеликана – птицу, еще полтора столетия назад обитавшую большими стаями в акватории оз. Хара-Ус-Нур и являвшуюся одной из самых крупных и заметных. Сейчас на этом озере пеликан почти не встречается, поскольку в результате антропогенного воздействия его численность снизилась до угрожающе низкого уровня и он занесен в реестр редких, исчезающих видов.

В позднем палеолите в Алтае-Саянской области в связи с окончанием оледенения (ок. 10 тыс. л.н.) наступило заметное потепление, сопровождаемое увлажнением и облесением бывших тундростепей. Мамонты вымерли, северные олени мигрировали в тундры верхних поясов гор, а обитателей лесов (лосей, маралов и др.), наоборот, стало больше. Изменилась и структура пернатого населения региона, увеличилась плотность горно-лесных видов, но, вероятно, это мало отразилось на искусстве носителей позднепалеолитической культуры, занятых добычей крупных промысловых зверей.

Неолитическая эпоха (ок. VI–V тыс. до н.э.), пришедшая на смену палеолиту, характеризуется широким расселением людей, зарождением скотоводства, земледелия и гончарного производства. К этому времени охотники уже овладели луком со стрелами, что

облегчило ведение промысла и значительно расширило перечень добываемых животных, куда вошли и птицы. Позднее, в энеолите и раннем бронзовом веке (IV–II тыс. до н.э.), скотоводческий и земледельческий быт постепенно начал вытеснять охоту, а на засеянных зерновыми участках стали подкармливаться гуси, огари, журавли и другие птицы.

Неолитические изображения птиц обычно встречаются на скальных поверхностях, на открытом воздухе. Среди прочих анималистических рисунков они также довольно редки, хотя по количеству превышают палеолитические. Исключение составляют петроглифы Онежского озера, где 37 % всех рисунков (322 фигуры) составляют изображения птиц, причем 149 из них интерпретируются как лебеди (рис. 5, а) [Саватеев, 1980, с. 143; Мириманов, 1973, с. 177]. На неолитических петроглифах Феццана в Ливийской Сахаре среди прорезанных контурных и рельефных, несколько стилизованных фигур африканских животных, показанных в динамике и с небольшим количеством деталей, есть реалистичное изображение бегущего страуса (рис. 5, б) [Мириманов, 1973, с. 202–204, 210].

В Южной Сибири наиболее выразительные неолитические рисунки, запечатлевшие птиц, известны на Томских писаницах (рис. 5, в–и) [Окладников, Мартынов, 1972; Баринова, Русакова, 1995]. Здесь представлен целый ряд птиц, определяемых до отряда, семейства и, возможно, до вида. Овальным, несколько заостренным контуром показана со спины птица отряда куриных, рядом с ней выбита точка, вероятно обозначающая, по мнению авторов, яйцо (рис. 5, в) [Окладников, Мартынов, 1972, с. 203]. На Новоромановской писанице изображена утка, также с яйцом (рис. 5, г) [Там же, рис. 54]. Без труда определяется линный гусь, приподнявший над спиной свои короткие неоперенные крылья (рис. 5, д); на рисунке он показан сплошной силуэтной выбивкой в профиль [Там же, рис. 81]. Мелкими штришками (треугольничками с обращенными вниз вершинами) заполнено пространство в контуре тела уникального изображения мохноногого сыча (рис. 5, е). Голова и туловище фигуры четко очерчены черной полосой [Там же, рис. 93]. На одном рисунке [Там же, рис. 101] можно узнати журавля (рис. 5, ж), а на другом [Там же, рис. 104] по характерному изгибу шеи – цаплю (рис. 5, з). Определить птицу, изображение которой было обнаружено в 1993 г. на Второй Новоромановской писанице [Баринова, Русакова, 1995, с. 58], оказалось затруднительным. Пропорциями тела она весьма напоминает пеликаны, и даже возле глаз хорошо просматривается светлый участок, соответствующий голой части на голове этой птицы (рис. 5, и). Клюв массивный, заметно длиннее головы, но кожистый горловой мешок на подклювье не

* Подобное редкое сочетание “верблюд + птица” известно по петроглифам Цагаан-Салаа на Монгольском Алтае [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 283].

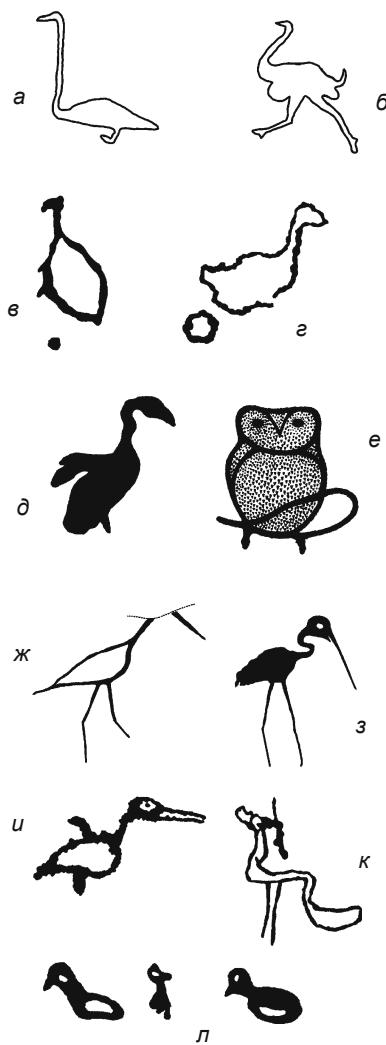

Рис. 5. Изображения птиц на памятниках неолита и ранней бронзы.

а – лебедь, “Бесов нос”, Онежское озеро; б – бегущий страус, Фецан, Ливийская Сахара; в – птица отряда куриных и яйцо, Томская писаница; г – утка и яйцо, Новоморановская писаница; д – линный гусь, Томская писаница; е – мохноногий сыч, Томская писаница; ж – журавль, Томская писаница; з – цапля, Томская писаница; и – пропеликан (?), Вторая Новоморановская писаница; к – птица, Оргаа-Саргол, Тува; л – нырковые утки, гора Чандамань, Монголия.

показан, а это один из характерных признаков семейства. Не исключена возможность существования в то время теперь уже вымершей формы пропеликана – без кожистого мешка и, вероятно, не летавшего (на рисунке над спиной птицы показано короткое узкое “крыло”). Современные виды пеликанов – розовый и серый – обитали на юге Западной Сибири еще в XVIII в. [Рахилин, 1997, с. 120, табл. 5] и в Зауралье в первой половине XIX в. [Блинова, Блинов, 1997, с. 39]. В настоящее время в этих регионах встречают-

ся лишь редкие особи, а иногда и пары, пытающиеся гнездиться. В целом на Томских писаницах большинство изображенных птиц настолько достоверны, что не перестаешь удивляться наблюдательности и искусству древних художников и даже закрадывается сомнение относительно древности этих рисунков.

Также к неолиту должно быть отнесено контурное, весьма схематичное изображение длинноногой, длинношеей и длиннохвостой (?) хохлатой журавлелоподобной птицы, держащей в клюве удлиненный вертикальный предмет (рис. 5, к) [Дэвлет, 1982, табл. 7, 1], которое находится в окружении фигур животных, выполненных в другой технике (очевидно, в более позднюю эпоху), на одной из скальных плоскостей урочища Оргаа-Саргол, вблизи Саянского каньона на Енисее. Вероятнее всего, здесь представлен обобщенный, а может быть и фантастический, образ птицы.

Пять изображений птиц обнаружены на неолитических петроглифах в районе пещеры Хойт-Цэнкерагуй и вблизи г. Ховда (Западная Монголия) среди большого числа фигур диких лошадей, горных баранов и быков (204 рисунка). Два из них, вероятно, представляют нырковых уток (рис. 5, л). Они выбиты на скалах широким, частично заполненным контуром и довольно статичны, хотя движение все же угадывается по едва заметному наклону головы [Новгородова, 1984, рис. 11, 6].

В период энеолита – бронзового века на петроглифах и в мобильной скульптуре наряду с традиционными образами животных появился сюжет, объединяющий воедино человека и животного и возвеличивающий кульп животных-предков как основы представлений о переселении душ умерших в птиц и зверей, о превращении человека в бога-зверя или бога-птицы. Некоторые изображения наглядно выражают суть мифа о матери как источнике жизни человека и природы, о происхождении людей от животных и нередко демонстрируют связь матери-прародительницы со своим тотемным предком, например с глухарем (рис. 6, а) [Там же, с. 42–44, рис. 12].

Известный орнитолог В.К. Рахилин, проанализировавший многочисленные материалы по авиафуне России разных эпох, пришел к выводу, что на Алтае в неолите и бронзовом веке обитали камышница, беркут и дятел; на Оби и Енисее в период от палеолита до железного века – чайки, гуси, утки, ястребы, в неолите и бронзовом веке – дрозд и соловей [1997, с. 23–30].

Птицы в изображениях эпохи бронзы в основном малоизнаваемы или совсем не определяются. В качестве исключения приведем рисунки на стеле афанасьевской культуры в Тас-Хазаа в Хакасии (рис. 6, б) [Окладников, Мартынов, 1972, с. 188, рис. 6]. Здесь голова птицеподобного божества, смотрящего в сторону маски-личины, весьма напоминает чайку, при-

чем, скорее всего, серебристую чайку, если придать значение небольшой черточке, соответствующей красному пятну на подклювье реальной птицы. Она широко распространена по большим рекам и озерам Южной Сибири и Монголии. Этую птицу могли сделать тотемом древние жители побережий. Изображение второй птицы, как бы прицепившейся к вертикальной стенке, с развернутым хвостом и поднятыми над спиной крыльями, весьма реалистично и более всего соответствует кукушке – как наиболее приближенной к колдовской магии. У кукушки светло-серая головка и буровато-серые темные спина и хвост, что показано точками и черточками. Но на рисунке эти два цвета разграничены колечком на шее, которого нет у реальной птицы. Возможно, однако, что изображено колечко, надетое на кукушку, поскольку на рисунке отмечается что-то вроде привязанного к нему обрывка шнурка, тянувшегося в сторону птице-голового божества с “антеннами”.

Среди памятников окуневского искусства большой интерес представляет плита из улуса Бутрахты на р. Таштып в Хакасии (рис. 6, в). Здесь над нарисованной охрой личиной изображены птицы: “...целая стая. Трудно сказать, утки это или гуси или что-то иное, но, скорее всего, перелетные птицы, символизирующие сезонную цикличность” [Подольский, 1997, с. 192, рис. 35]. На плите запечатлен ток тетеревов, легко определяемых по дугообразно загнутым в разные стороны хвостовым перьям, опущенным вниз крыльям и раскрытым клювам. Два тетерева-косача в верхней части рисунка стоят, пригнувшись, друг против друга. Все птицы показаны с вытянутыми шеями – они в возбуждении. Картина косачиного тока – это гимн весне, пробуждающейся природе, началу нового этапа жизни.

На плите гробницы раннебронзового времени из Каракола (Алтай) рядом с антропоморфной когтистой фигурой (женщина-птица?) глубокой выбивкой изображены горный козел и птица, возможно ворон (рис. 6, г; 7) [Кубарев, 1988, рис. 33].

На стеле с р. Асиз (Хакасия) над изображением мифического быкоподобного чудовища, опирающегося на трехпалые когтистые лапы, расположены фигуры двух куликов, выполненные в технике граффити (см. рис. 6, д) [Леонтьев, 1997, с. 223, рис. 1]. Птицы показаны чуть пригнувшимися, готовыми к взлету; у одной уже как бы поднимаются крылья над спиной. По-видимому, пернатые олицетворяли собою “верхний мир”, но почему это кулики? Возможно, по той же причине, что и ток тетеревов на стеле из улуса Бутрахты, по поговорке: “Прилетел кулик из-заморья, принес весну из неволы” [Надель-Червинская, Червинский, 1996, с. 323].

В комплексе петроглифов, расположенным в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур (Монгольский

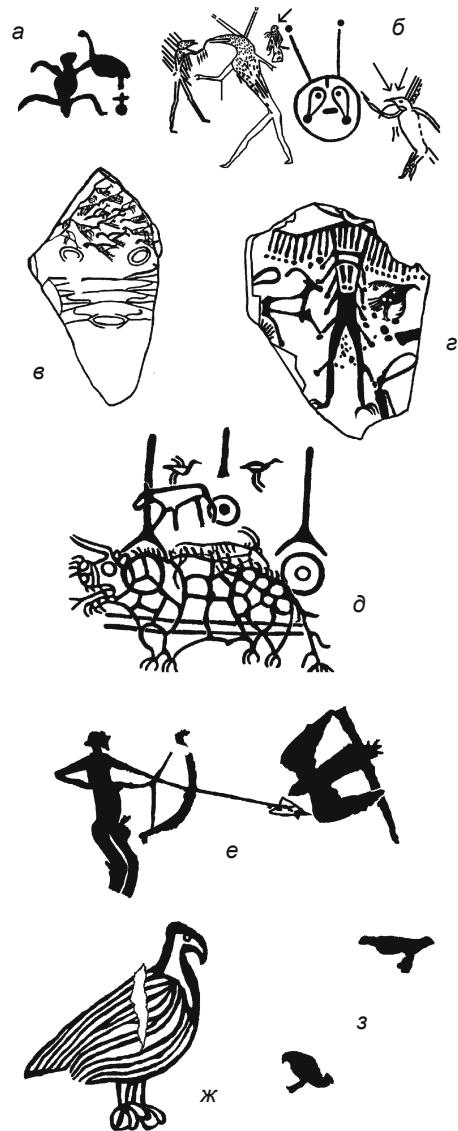

Рис. 6. Изображения птиц на петроглифах и стелах энеолита – эпохи бронзы.

а – глухарь и женщина (тотемный предок), Монголия; б – кукушка (указана одной стрелкой), голова серебристой чайки (две стрелки) у антропоморфной фигуры, афанасьевская стела в Тас-Хазаа, Хакасия; в – токующие тетерева, Бутрахты, Хакасия; г – ворон, горный козел и антропоморфная фигура, Каракол, Алтай; д – кулики над быкоподобным чудовищем, Асиз, Хакасия; е – кукушка в полете под прицелом лучника, Джурмал, Алтай; ж – орел-беркут, Бижиктиг-Хая, пос. Кызыл-Мажалык; з – кеклики (?), Овюр III, Тува (МАЭ, № И-1732-185).

Алтай), преобладают изображения орлов, лебедей, уток и гусей (рис. 8, 9). Для одних рисунков характерно реалистическое направление (птицы, парящие в небе стаей), для других – мифологическое (сюжетные композиции с участием птиц, лошадей, оленей, выночных быков и людей). Определенная культурно-историческая (возможно, и семантическая) связь

Рис. 7. Изображение “protoшаманки” с птичьими чертами (руки-крылья, перья на туловище и ногах, когти на ступнях). Фрагмент плиты из погребения в Караколе (II тыс. до н.э.). Алтай.

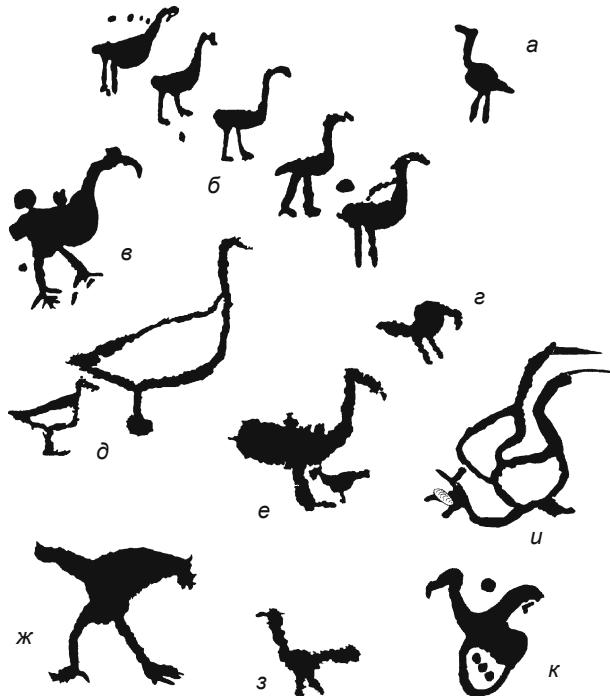

Рис. 8. Профильные изображения птиц на петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века. Цагаан-Салаа/Бага-Ойтур. Монголия.

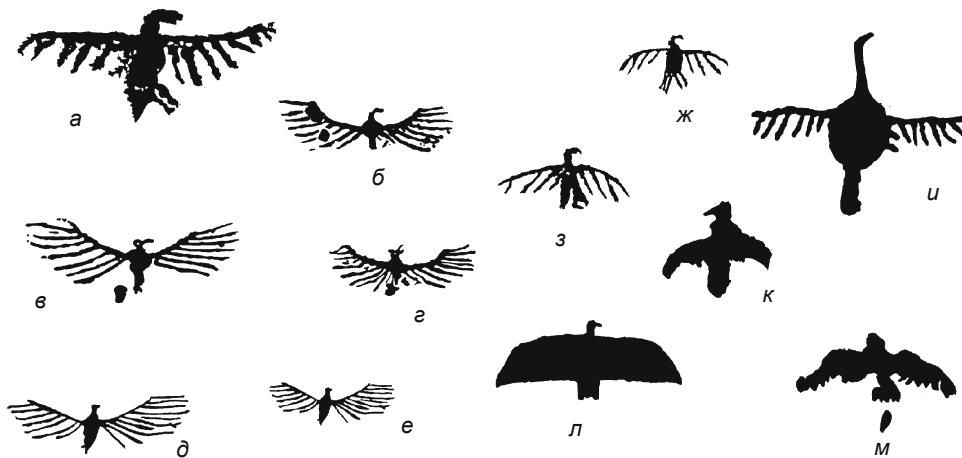

Рис. 9. Анфасные изображения птиц на петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века. Цагаан-Салаа/Бага-Ойтур. Монголия.

монгольских изображений птиц прослеживается с близкими по стилю рисунками в окуневско-каракольском искусстве и в изобразительном творчестве культур самуськой общности Западной Сибири. Во-первых, это формальное, но поразительное сходство сравниваемых изображений птиц с распростертыми и как бы приспущенными крыльями [Кубарев, 1988, табл. I, б; табл. II, 7; Вадецкая, 1980, табл. LIII, 129]. Во-вторых, характерная трактовка тел в форме яйце-

видного овала, а также присутствие рядом с фигурами или даже внутри их абрисов специально выбитых углублений окружной или овальной формы (символов яйца?). Подобный изобразительный прием, как известно, был продиктован древнейшим солярным культом и космогоническими представлениями о миrowом яйце [Иванов, Топоров, 1992, с. 349]. Он типичен, например, для изображений птиц на самуськой керамической посуде, время бытования которой оп-

ределяется серединой II тыс. до н.э. [Косарев, 1981, с. 86, рис. 80, 6, 10].

Для позднего бронзового века характерны двойные личины. Это два находящихся друг над другом антропоморфных изображения с крыльями по бокам и хвостом внизу. Они могли быть высечены на скалах, но чаще всего встречаются в произведениях мелкой металлопластики [Дэвлет, 1998, с. 152, рис. 4]. Силуэтами фигуры напоминают орла в полете, но какой-либо фаунистической нагрузки не несут.

Из реалистических изображений рубежа эпохи бронзы – раннего железного века интерес представляют, пожалуй, только две сцены охоты с луком и стрелами на птиц. Одна из них открыта нами на Монгольском Алтае (Цагаан-Салаа III) [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 262]. В ней отражена, может быть, обычная охота на лебедя (?) (рис. 10, *a*), но несколько странным представляется то, что древний художник изобразил птицу гораздо больше по размерам, чем охотника. Однако если предположить мифологический характер наскальной миниатюры, то такое несоответствие будет логичным, т.к. мифические птицы и звери во многих случаях огромны и сильны. Вспомним хотя бы легендарную птицу Гаруду, известную в древнеиндийской мифологии как ездовое животное бога (вахана) Вишну [Гринцер, 1992, с. 266]. Во второй, также весьма лаконичной сцене (Джурамал), открытой в 1990 г. на Алтае [Маточкин, 1997, с. 57] и впервые опубликованной в 1992 г. [Кубарев, Маточкин, 1992, рис. 49], лучник целится в крупную птицу (см. рис. 6, *e*). По мнению Е.П. Маточкина, это “пернатый хищник из семейства соколиных. Г.Г. Собанский… определил птицу как сокола-сапсана или балобана” [1997, с. 57]. Д.В. Черемисин также полагает, что в рассматриваемой наскальной миниатюре “антропоморфный персонаж стреляет из лука в хищную птицу” [1995, с. 102, рис. 4]. Однако изображенная птица больше похожа на кукушку, резко слетевшую с ветки, с ее длинным и широким хвостом. Д.В. Черемисиным упоминается, что на одной плоскости с этой композицией находятся фигуры других хищных птиц, по манере изображения сходные с известными забайкальскими петроглифами, но в цитируемой нами работе они не показаны.

Изображения птиц очень редко встречаются на отдельных оленных камнях Монголии (см. рис. 10, *б*), датируемых позднебронзовой эпохой [Волков, 2002, табл. 109, 125]. Вероятно, к этому же времени относится и редкий для петроглифов Хар-Чулуу (Монгольский Алтай) рисунок, запечатлевший стоящую птицу с длинными ногами и шеей (см. рис. 10, *в*). Круглый глаз выполнен приемом, характерным для изображений оленей т.н. монголо-забайкальского типа. К редким на этом же памятнике следует причислить и другие изображения птиц (см. рис. 10, *г–е*);

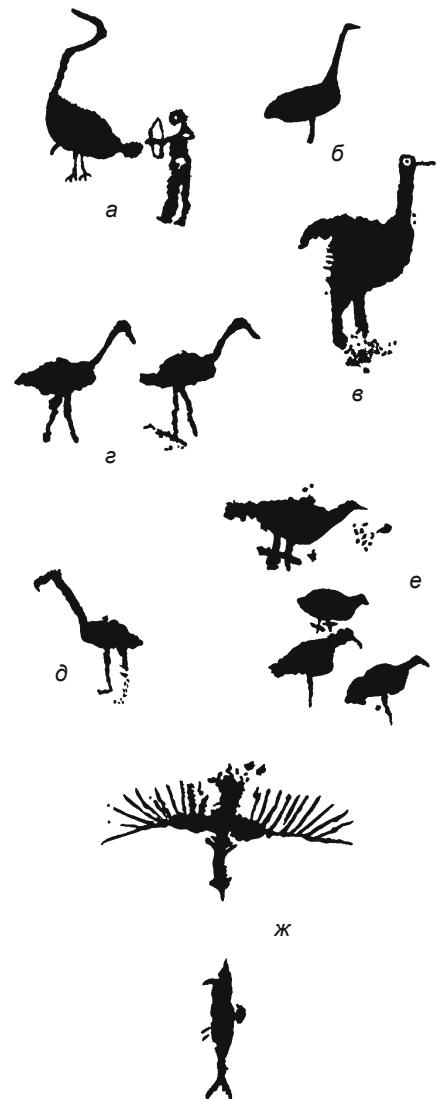

Рис. 10. Изображения птиц на петроглифах эпохи бронзы и раннего железного века в Монголии.

а, ж – Цагаан-Салаа/Бага-Ойгур; *б* – оленный камень в Омгийн Холийн оворт; *в–е* – Хар-Салаа/Хар-Чулуу.

некоторые из них (см. рис. 10, *е*) напоминают уларов (горных индеек) или даже полярных куропаток, и сейчас обитающих в горах Алтая.

В небольшой композиции на памятнике Цагаан-Салаа крупная хищная птица с расправленными крыльями атакует рыбу (см. рис. 10, *ж*). В петроглифах Монгольского Алтая такой сюжет встречен впервые. Но в скифском искусстве Евразии сцена терзания хищной птицей рыбы достаточно широко известна на предметах различного назначения, датируемых VI–IV вв. до н.э. [Королькова, 1998, рис. 1, 18]. На петроглифе Цагаан-Салаа птица показана в момент стремительного пикования, предшествующий акту терзания. На скифских рисунках она держит

рыбу в когтях и клюет ее в голову. Сходство заключается в том, что на петроглифе птица направлена клювом к голове рыбы, т.е. находится в той же позиции, что и в скифских изображениях птиц, терзающих рыбу с головы. Отнесение рассмотренного сюжета к скифскому времени пока следует считать предварительным, потому что в петроглифах Монгольского Алтая существует целый ряд стилистически близких изображений хищных птиц, входящих в композиции, относящиеся к эпохе бронзы. Вопрос о датировании и происхождении сюжета “птица + рыба” не может решаться однозначно и в силу его единичности в петроглифах Монгольского Алтая. Кроме того, имеются более ранние параллели этому сюжету в китайских древностях, датируемых эпохой поздней Шан – концом II тыс. до н.э. [Там же, с. 167]. Интересна еще одна аналогия: на небольшом камне в Синьцзяне изображен журавль или пеликан, клюющий рыбу [Аэртай яньху ишу, 1998, рис. 95]. Судя по выбитому над ними рисунку – фигурка козла в алтайском зверином стиле, – сцену можно датировать “аржано-майэмирским” периодом раннескифской эпохи.

Вероятно, к скифскому времени относятся изображения, по-видимому, беркута на памятнике Бижиктиг-Хаяблизпос. Кызыл-Мажалык (см. рис. 6, ж) [Потапов Р.Л., 1957, с. 430], а также, возможно, двух горных курочек-кекликов, принятых в первоисточнике предположительно за рябчиков (см. рис. 6, з) [Потапов Р.Л., 1958, с. 386], на петроглифах Овюр III в Туве.

Изображения птиц в искусстве ранних и средневековых кочевников

В раннем железном веке (VIII–III вв. до н.э.), когда на территорию Южной Сибири и Монголии проникли племена ираноязычных кочевников, в Центральной Азии сложилось т.н. скифо-сибирское культурно-историческое единство. В декоративном искусстве близкородственных кочевых племен был выработан особый звериный стиль [Грязнов, 1958, с. 12–13]. Главными объектами изображения, как и в прежние эпохи, были разнообразные дикие животные, обитавшие на евразийских пространствах. При этом в разных регионах (Тува, Алтай, Монголия и т.д.) персонажи отличаются локальным своеобразием форм и сюжетов. Изображения в зверином стиле сохранились в виде петроглифов, предметов, отлитых из бронзы, вырезанных из камня, рога, кости и дерева. Они помещались на оружии, конской сбруе и различных украшениях. Воспроизведились обычно копытные животные, довольно часто – хищные звери, включая тигров и пантер, а также птицы, преимущественно орлы. Для скифо-сибирского звериного

стиля характерно изображение голов как символов самого животного, а также использование приемов выразительной орнаментации в линиях силуэта или на отдельных частях фигуры [Вайнштейн, 1974, с. 17–23]. Стилизация затрудняет определение животных и птиц, но часто подробная детализация и подчеркивание черт, присущих только отдельным видам, благоприятствуют достаточно точной атрибуции рассматриваемых изображений.

В скифо-сибирском искусстве народов Центральной Азии был особенно популярен образ орла. Среди различных украшений костюма кочевника наиболее часто встречаются золотые штампованные бляшки, где птица показана парящей с развернутыми крыльями и хвостом (рис. 11) [Там же, 1974, рис. 17, 4, 8; Кубарев, 1991, табл. XLIII, 6, 7; XLV, 14]. Очень выразительны находки с изображениями птиц из недавно исследованных погребений высшего социального слоя кочевников (курган Аржан-2 в Туве): золотая ажурная нашивка в виде головы орла на женском головном уборе и крупная пряжка с протомами птиц [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002, с. 120, 122].

Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая подробно проанализирован В.Д. Кубаревым и Д.В. Черемисиным [1984]. В приведенной авторами коллекции изображений птиц особо выделяются необычайно выразительные и реалистичные фигурки взлетающих орлов (рис. 12, 13). Их сакральная сущность подчеркнута резными спиральями на крыльях и покрытием фигурок листовым золотом. Происходящие из алтайских курганов изделия в зверином стиле, в т.ч. и орнитоморфные (рис. 14–19), коррелируются авторами с соответствующими персонажами петроглифов Алтая и сопредельных регионов. В упомянутой работе описаны орлы, грифы, мифический грифон с туловищем хищника семейства кошачьих и головой орла или грифа; петух, первым видящий зарю нового дня; водоплавающие птицы (гуси, лебеди, гагары, утки) – единственные среди животных, жизнеспособные в четырех структурных элементах мироздания: в воздухе, на земле, на воде и под водой [Там же, с. 95–98]. Среди рисунков, приводимых авторами, относительно достоверно (до рода) можно определить лишь коршуна [Там же, рис. 2, 10].

Значительный интерес представляют и бронзовые предметы с изображениями голов хищной птицы (грифа?), найденные в разграбленном кургане в урочище Балык-Соок (рис. 20). Назначение их неизвестно, но можно предположить, что они служили для каких-то ритуальных целей при совершении погребального обряда носителями пазырыкской культуры Алтая.

К числу редких находок надо отнести бронзовый предмет, найденный В.В. Кривдиком в степном распадке к югу от г. Кызыла. Это литое пустотелое изделие в виде головы птицы с небольшим клювом.

Рис. 11. Золотые нашивные бляшки в виде фигурки орла. Курган 20. Юстыд XII. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 12. Деревянная фигурка орла, обернутая в листовое золото. Курган 9. Юстыд XII. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 13. Деревянная фигурка орла. Курган 2. Уландрыйк IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).
а – вид спереди, б – вид сверху.

Рис. 14. Фрагмент деревянной диадемы с изображениями плывущих лебедей. Курган 2. Уландрыйк IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 15. Деревянная фигурка утки (?), окрашенная в красный цвет. Курган 12. Уландрыйк II. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Глаза показаны сквозными отверстиями, обведенными рельефными валиками (рис. 21, а). Выполненная с большим мастерством голова птицы была, вероятно, частью навершия. Она сделана по образу не хищной птицы, а глухаря, причем, судя по относительной короткоклювости, – каменного глухаря. В настоящее

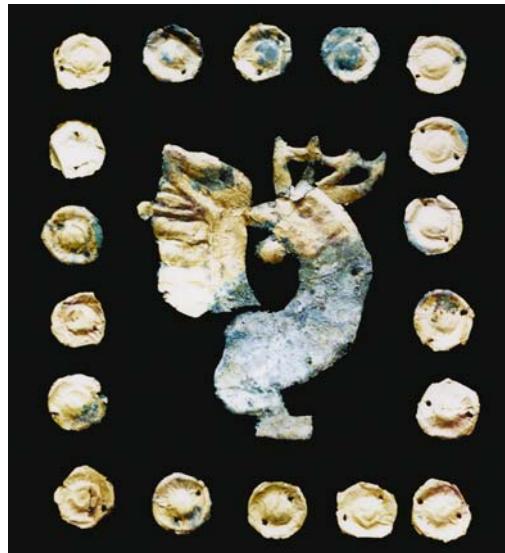

Рис. 16. Круглые бронзовые нашивные бляшки и фигурка петуха, обернутые в листовое золото. Курган 3. Балык-Соок I. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 17. Деревянное украшение узды в виде голов фантастических грифов. Курган 2. Уландрый IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 18. Наконечник деревянного псаляя в виде головы хищной птицы. Курган 2. Уландрый IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 19. Деревянное украшение узды в виде головы фантастического грифа. Курган 2. Уландрый IV. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

Рис. 20. Бронзовые предметы неизвестного назначения с изображениями голов грифов. Курган 3. Балык-Суук I. Пазырыкская культура Алтая (V–III вв. до н.э.).

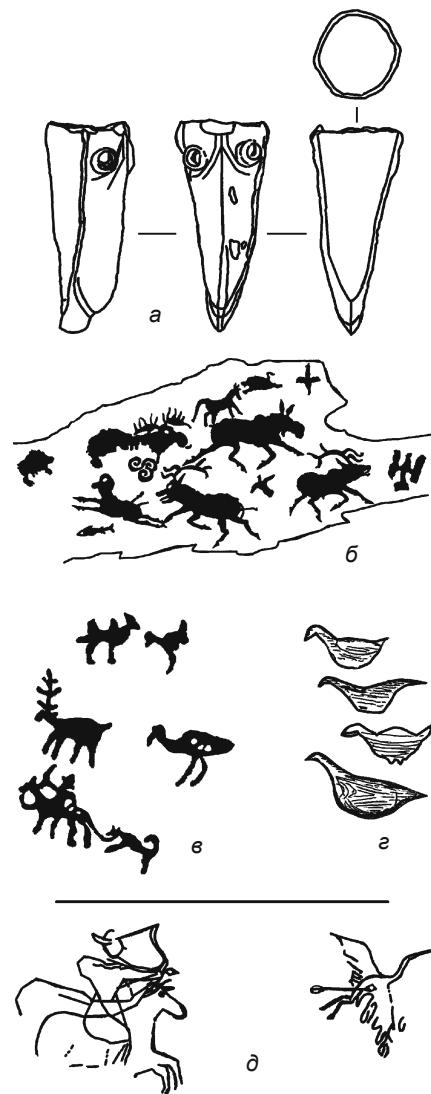

Рис. 21. Изображения птиц в скифскую эпоху и в этнографическое время.

а – бронзовая головка каменного глухаря, Сук-Пак, Тува; б – птицы (тетерева?) в многофигурной композиции на камне № 40 памятника Алды-Мозага, Саянский каньон Енисея, Тува; в – журавль на наскальном рисунке в окрестностях г. Ховд, Монголия; г – культовые деревянные фигурки птиц (сверху вниз: утка, глухарь, утка, улар), Аржан-Хем, Тува; д – журавль в прорисовке наскальной гравированной сцены охоты, Туукта, Алтай.

время эта птица отряда куриных обитает преимущественно в лиственничной тайге и разреженных лесах Сибири к востоку от Енисея и Байкала [Флинт и др., 1968, с. 178–179]. В Туве каменный глухарь встречен лишь на юго-востоке, но, судя по описанной находке, в прежние времена ареал его обитания мог быть гораздо шире – включать и часть Тувинской котловины.

В гунно-сарматскую эпоху (II в. до. н.э. – V в. н.э.) в Саяно-Алтае преобладающими сюжетами петроглифов были сцены охоты и вооруженные всадники, а из животных чаще воспроизводились одомашненные быки, лошади, верблюды и собаки. Изображений птиц немного; наиболее типичные из них, весьма стилизованные и неопределенные, представлены на многократно описанном камне № 40 памятника Алды-Мозага (рис. 21, б) [Дэвлет, 1998, табл. 17]. Не исключено, что в верхнем правом углу композиции и в центральной ее части между фигурами бегущих в разные стороны оленей изображены тетерева, причем первый показан взлетающим вертикально вверх в момент наивысшего возбуждения во время тока. Пропорции второй птицы, запечатленной в полете, также соответствуют тетереву – она тоже “хохлата”, но на хвосте не показаны характерные расходящиеся в стороны концы рулевых перьев; возможно, эта деталь была упущена самим художником либо при последующем копировании. Силуэт токующего тетерева-косача – символ весны, начала нового жизненного цикла. Поэтому, вероятно, не случайно он помещен вверху уникальной композиции.

Орлы в гунно-сарматскую эпоху нередко изображались носителями сынчурекской культуры, описанной С.И. Вайнштейном [1974]. Как правило, они показаны парящими, с распластанными крыльями и повернутой в сторону головой [Там же, рис. 30]. Известны два сравнительно четких изображения журавлей: на наскальном рисунке в окрестностях г. Ховда (рис. 21, в) [Новгородова, 1984, рис. 63] и в сцене охоты на петроглифах Туэтты в Горном Алтае (рис. 21, д) [Миклашевич, Белоусова, 2000, с. 18]. Последняя сцена, очевидно, выполнена в древнетюркскую эпоху или даже в этнографическое время.

Соколиная охота и ловчие птицы

В более позднее историческое время с появлением письменности сведения об авиафуне стали разнообразнее и богаче. Среди них преобладали материалы об охоте и ловчих птицах. Охоте учились с детства. Например, у хуннов Центральной Азии “мальчик, как скоро может верхом сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков, а, несколько подросши, добывает лисиц и зайцев и употребляет их в пищу” [История Тувы, 2001, с. 55].

О кочевниках VII–VIII вв., когда Тува входила в состав Первого Тюркского каганата, письменные источники сообщают, что их охотники, будучи верхом на коне, искусно владели луком, у них были “стрелы с перьями кондора”, которыми они стреляли орлов (см.: [Кызласов, 1969, с. 47]). Кондорами здесь названы бородачи-ягнятники – “орлы из рода больших орлов с желтой головою и красными глазами, коих перья употребляются на опушку стрел” [Бичурин, 1950, с. 98]. В те времена плотность ягнятника была, вероятно, гораздо выше нынешней.

Об обитании в Алтае-Саянской области соколов, их раскраске и использовании на охоте свидетельствуют следующие материалы. Так, в июле 843 г. в китайскую столицу прибыло второе хакасское посольство во главе с генералом Вань-у-Хэ, которое передало в дар 10 пар соколов [Кызласов, 1969, с. 94]. В 1207 г. кыргызские нойоны, правившие тогда на территории современной Тувы, “выразили покорность и били Чингис-Хану челом и белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами и черными соболями” [Там же, с. 132]. В землях цилицзисов Кянь-Кянь-Чжоу (т.е. Хем-Хемчика) были “белые и черные охотничьи соколы. <...> На летней охоте употреблялись специально выращиваемые охотничьи соколы, которые вместе с лошадьми могли идти на приношение в виде дани или на продажу” [Там же, с. 165]. Лучшие кречеты, наряду с пушниной и лошадьми, приобретались у тувинцев среднеазиатскими купцами, которые использовали птиц для распространенной тогда соколиной охоты. Иранскому правителю начала XIV в. Газан-Хану были привезены из Саяно-Алтайского нагорья в числе других приношений “соколы дальне-летные и охотничьи” [Там же, с. 170].

Охота с ловчими птицами тогда была распространена достаточно широко, и не как развлечение, а с целью добычи мяса зверей и птиц. Миссионер Гильом Рубрук, совершивший в 1253–1255 гг. путешествие в Западную Монголию, писал, что местные жители “мышей с длинными хвостами отдают птицам: соколам, кречетам, беркутам, которых держат в большом количестве и охотой с ними добывают значительную часть своего пропитания” [Путешествия..., 1957]. Об орлах, специально обученных монголами для охоты, сообщал в XIII в. и венецианский путешественник Марко Поло: “Много у великого хана... орлов, приученных ловить волков, лисиц, антилоп, ланей...” [Книга..., 1955, с. 115–116].

Соколиная охота запечатлена и в петроглифах Монгольского Алтая. В композиции, скопированной нами в долине высокогорной р. Хар-Салаа, чрезвычайно интересна фигура всадника, держащего в одной руке сокола или орла, в другой – стек либо небольшую булаву – престижный атрибут знатного воина (рис. 22). На этом же памятнике изображения двух хищных птиц присутствуют и в другой сцене

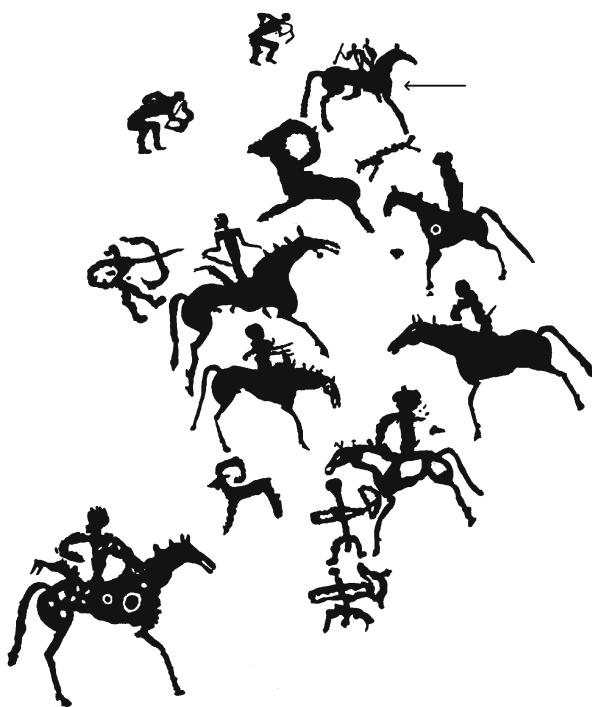

Рис. 22. Сцена загонной охоты. Стрелкой показан всадник с ловчей птицей на левой руке. Петроглифы Хар-Салаа. Монголия. Древнетюркская эпоха (VII–VIII вв.).

охоты (на оленей) [Кубарев, 2001, рис. 9, б]. Рисунки, запечатлевшие соколиную охоту, весьма близкие по композиционному построению, встречаются также в петроглифах Алтая, Казахстана и Киргизии [Елин, Некрасов, 1994, рис. 1; Максимова, Ермолаева, Марь-яшев, 1985, ил. 80; Кляшторный, 2001, с. 214]. Сюжет охоты с прирученной птицей повторяется на отде-

Рис. 23. Мемориальный памятник, посвященный Текешу. В правом верхнем углу барельефное изображение сокола или голубя. Асгат. Монголия. Древнетюркская эпоха (VII–VIII вв.).

льных предметах из Средней Азии [Манылов, 1979, рис. 1; Древности Таджикистана, 1985, ил. 435].

Возможно, ловчая птица изображена и на некоторых древнетюркских изваяниях Семиречья и Восточного Казахстана. Как правило, она показана сидящей на правой руке человека [Шер, 1966, табл. XXIII, изваяния 105–109]. В Монголии, на мемориальном памятнике, установленном в память о Текеше, в верхнем правом углу монумента изображена птица, может быть сокол (рис. 23).

Любопытно, что и в настоящее время на высокогорных летниках казахских чабанов Монголии рядом с юртой или даже в самой юрте можно увидеть прирученных орлов. Традиция охоты на мелкую дичь при помощи ловчих птиц, надо полагать, не прерывалась с глубокой древности.

Образ птицы в сибирском шаманстве

Некоторые данные о птицах Саяно-Алтая в средние века и до начала прошлого века можно обнаружить в материалах по шаманизму, широко распространенному у народов Сибири в недавнем прошлом. Главной идеей шаманизма являлась необходимость общения человека с духами, по поверьям, еще в глубокой древности заселившими окружающее его пространство. Посредником в этом общении выступает шаман, якобы наделенный необыкновенными способностями. С ним связаны духи-покровители и духи-помощники. Особенно примечательна связь шамана со священными птицами – обитателями небесной сферы. Перьевой головной убор, ассоциируемый также с лучами солнца, имеют антропоморфные персонажи

Рис. 24. Полихромные изображения богов или “протошаманов” с перьевыми головными уборами и крыльями птиц в руках. Каракол. Алтай. Каракольская культура (II тыс. до н.э.).

(protoшаманы?) древних росписей Каракола [Кубарев, 1988, рис. 19]. В руках они держат, возможно, сложенные крылья птиц (рис. 24). В плане происхождения и эволюции сибирского шаманства наиболее интересно изображение самой древней “шаманки” Монголии с трехпальными птичьими когтями на ногах [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 891], имеющее прямую и бесспорную аналогию в искусстве каракольской культуры эпохи бронзы Алтая (см. рис. 7) [Кубарев, 1988, рис. 33; 2001, рис. 6, 3]. И, как нам представляется, в прямой связи с этими древними рисунками находятся сохранившиеся в мифах монголов, алтайцев и тувинцев представления о первом шамане – женщине. Этнографам, очевидно, следует обратить внимание на перспективность сравнительного изучения одежды древних “шаманок” в петроглифах с ритуальными костюмами сибирских шаманов. Ведь известно, что у народов Саяно-Алтая существовал особый тип шаманского костюма, выделяющийся по покрою и оформлению. Он олицетворял собой птицу [Прокофьева, 1971, с. 62], при помощи которой шаман (шаманка) якобы поднимался на вершины гор и совершал путешествие во Вселенной [Потапов Л.П., 1991, с. 210–215]. Возможно, именно такой костюм или его подобие передает другой рисунок эпохи бронзы, найденный среди петроглифов долины р. Цагаан-Салаа (Монгольский Алтай). На нем показаны рога быка на перекладине и опущенные вниз крылья птицы [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 269]. Еще более выразительные изображения женщин в “птицевидном” одеянии найдены на скалах в устье р. Карагем на Российском Алтае [Маточкин, 1997, рис. 1, 5, 6].

Согласно верованиям народов Сибири, многие птицы считались духами верхнего мира, но некоторые из них (гагары) могли общаться и со средним (земным), и с нижним (подводным, подземным) [Басилов, 1984, с. 31]. У хакасов бытовало поклонение как силам природы, так и растениям, животным, в т.ч. сороке и соколу [Кызыласов, 1969, с. 128]. Тотемы, особенно птицы, играли большую роль в жизни и искусстве таежных западно-сибирских аборигенов: у обских угров почитались орел, журавль, гоголь, филин; у селькупов – орел, кедровка, журавль, глухарь, лебедь, ворон, ястреб [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 40–41]. По нашим наблюдениям, в тотемистических и анимистических представлениях современных тувинцев-оленеводов сохраняется особая значимость орла, лебедя, утки, филина, совы, кедровки и некоторых других птиц. Г.Е. Грумм-Гржимайло писал: “...шаман окружает себя в Урянхайском крае обстановкой, имеющей цель поднять психическое настроение обращающихся к его помощи... Предметы шаманского культа развешиваются... в строго определенном порядке... над шаманским бубеном помещаются резаные из дерева, выкрашенные в черный

цвет изображения птиц-вестников духов – кукушки и ястреба... по правую сторону вешаются идолы, в том числе шкуры орла, совы, филина, к тетиве лука подвзываются перья глухаря и т.п.” [Там же, с. 143]. Сам шаманский костюм с головным убором, увенчанным орлиными, вороновыми или глухаринными перьями, воплощал в себе образ птицы [Вайнштейн, 1974, с. 215]. Помощником шамана обычно был ворон; иногда в этом качестве выступали семь лебедей, летающих по всему свету и собирающих сведения о судьбах людей. У тоджинских шаманов для исполнения их воли помощники могли принимать образы различных животных и птиц:

Превратимся в ворона – понесемся плавно,
Превратившись в ястреба, – наблюдаем сверху.
Превратившись в орла, – наблюдаем со всех сторон.

Алгыши, исполняемый при камлании шамана
[Вайнштейн, 1961, с. 185].

Скульптурные фигуры птиц, изготовленные из неокрашенного дерева, устанавливались по указаниям шаманов на перевалах у святилищ с “овва”, у минеральных источников “аржаанов” и в некоторых других священных местах. Среди культовых фигур в Западной Туве часто встречаются изображения улара, в Восточной Туве – утки, глухаря и других птиц, обитающих в горно-таежных и озерно-болотистых местностях [Забелина, 1975]. Считалось, что обряд установки священных фигурок служит для задабривания духов, а также призван способствовать размножению изображенных птиц и животных [Вайнштейн, 1974, с. 188].

Во время камланий шаман нередко обращался к птицам и другим животным в т.н. алгышах, ритмично исполняемых под звук бубна [Кенин-Лопсан, 1987, с. 20–23; Забелина, Забелин, 2001]. Он мог похвалить за тонкий слух птицу “чашкаадай” (каменку-плясунью), за голос драгоценный – кукушку, за песни ночные – соловья, за солнечный день – рябчика; пожелать девушке, вышедшей замуж, быть нарядной, как дятел, изящной, как степная куропатка; юноше – быть гордым, как орел, и петь, как соловей. Филин у шамана – это бдительность ночью, сокол – ловкий и смелый разведчик днем, сорока – раньше всех узñaющая о приближении беды, коршун – воплощение постоянной угрозы, ворон, любимец шамана, – его зоркий разведчик [Забелина, Забелин, 2001, с. 197; Дьяконова, 1981].

“Орнитофаунистическая составляющая” шаманского культа базировалась на постоянных наблюдениях и систематической инвентаризации природных связей.

Заключение

В мифах народов мира птицы – непременные участники, а нередко и главные персонажи. Они служат

символами неба, солнца, грома, плодородия, жизни и смерти, выполняя также разнообразные функции в ритуальной сфере и погребальной практике. Не являются исключением и изображения птиц в петроглифах, а также мобильном искусстве Южной Сибири и Центральной Азии. Они выступают своеобразными классификаторами в универсальной знаковой системе зооморфных образов, позволяющими расшифровать идейное содержание мифа [Кубарев, 2002, с. 78–79].

Многочисленные археолого-этнографические источники, письменные свидетельства и другие материалы говорят о том, что птицы занимали достойное место в разносторонних интересах людей. В палеолите и неолите они могли быть дополнительным объектом промысла, в энеолите – бронзовом веке, кроме того, им стала отводиться определенная роль в анимистических представлениях, еще более усилившаяся в дальнейшем с появлением и развитием у народов Сибири шаманизма.

Проведенный анализ ряда источников показал, что они могут дать представление об авиауне отдельных регионов. Перспективными для дальнейшего изучения, на наш взгляд, являются данные о верхнепалеолитических струасах (Монголия и Забайкалье), неолитической загадочной пеликаноподобной птице (бассейн Томи), каменном глухаре скифского времени (остепненная ныне часть Тувинской котловины). Ранние литературные источники помогли составить представление о масштабах существовавшей в раннем средневековье соколиной охоты, а шаманская практика и фольклор – о своеобразной форме накопления знаний о птицах и зверях.

Список литературы

Абрамова З.А. В пещерах Арьежа // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 62–95.

Аэргай яньху ишу (Искусство алтайской наскальной росписи) / Лю Цинъянь, Лю Хун. – Б. м.: Шаньдун ишу чубаньшэ, 1998. – 59 с., 127 ил. (на кит. яз.).

Баринова Е.С., Русакова И.Д. Новые петроглифы на Томи // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. – С. 58–61.

Басилов В.Н. Избранники духов. – М.: Политиздат, 1984. – 208 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. 1. – 230 с.

Блинова Т.К., Блинов В.Н. Птицы Зауралья: Лесостепь и степь. – Новосибирск: Наука, 1997. – Т. 1. – 269 с.

Вадецкая Э.Б. Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 37–86 (текст), с. 123–147 (табл.).

Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 218 с.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 223 с.

Волков В.В. Олениные камни Монголии. – М.: Науч. мир, 2002. – 248 с.

Гринцер П.А. Гаруда // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 266–267.

Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Уралхайский край: Антропологический и этнографический очерк этих стран. – Л.: РГО, 1926. – Т. 3, вып. 1. – 413 с.

Грязнов М.П. Древнее искусство Алтая. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1958. – 95 с.

Древности Таджикистана: Каталог выставки. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 128 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.

Дьяконова В.П. Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1981. – С. 123–164.

Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1994. – С. 116–122.

Ефремов И.А. Палеонтологические исследования в Монгольской Народной Республике: Предварительные результаты экспедиций 1946, 1948 и 1949 гг. // Сб. работ по палеонтологии МНР: Тр. Монгольской комиссии. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Вып. 59. – С. 3–32.

Ешелькин И.И. О наскальных изображениях некоторых животных в горах Юго-Восточного Алтая // Учен. зап. ГАНИИЯЛ. – 1974. – Вып. 11. – С. 63–68.

Забелина Г.А. Некоторые культовые изображения птиц из урочища Аржан-Хем // Учен. зап. ТНИИАЛИ. – 1975. – Вып. 17. – С. 260–262.

Забелина Г.А., Забелин В.И. Обращения к птицам в алгыshaх тувинских шаманов // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тез. докл. V Междунар. науч. конф. (г. Ховд, Монголия, 20–24 сентября 2001 г.). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 196–197.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Птицы // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 346–349.

История Тувы: В 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С.И. Вайнштейна и М.Х. Маннай-оола. – Новосибирск: Наука, 2001. – Т. 1. – 367 с.

Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – 164 с.

Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2001. – С. 213–215.

Книга Марко Поло. – М.: Изд-во геогр. лит., 1955. – 376 с.

Королькова Е.Ф. Иконография образа хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н.э. // Проблемы археологии: История и культура древних и средневе-

- ковых обществ. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 1998. – Вып. 4. – С. 166–177.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.
- Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 234 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Кубарев В.Д.** Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 95–107.
- Кубарев В.Д.** Образ птицы в петроглифах Монгольского Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, времена, культура. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2002. – С. 77–81.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П.** Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 1992. – 123 с.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э.** Петроглифы Арай-Толгоя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1999. – С. 407–410.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В.** Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 86–100.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 211 с.
- Леонтьев Н.В.** Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 222–236.
- Лот А.** В поисках фресок Тассили-Аджера. – Л.: Искусство, 1973. – 192 с.
- Лот А.** К другим Тассили: Новые открытия в Сахаре. – Л.: Искусство, 1984. – 215 с.
- Максимова А.Г., Ермолаева А.С., Марьинов А.Н.** Наскальные изображения урочища Тамгалы. – Алма-Ата: Онер, 1985. – 144 с.
- Манылов Ю.П.** Бронзовая накладка со сценой охоты из Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 86–88.
- Маточкин Е.П.** Лучник и птица петроглифов Карагема // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1997. – № 3. – С. 57–63.
- Миклашевич Е.А., Белоусова Н.А.** Первобытное искусство в музее археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского университета // Вестн. САИПИ. – Кемерово. – 2000. – Вып. 2. – С. 16–24.
- Мириманов В.Б.** Малая история искусств: Первобытное и традиционное искусство. – М.: Искусство, 1973. – 319 с.
- Молодин В.И., Черемисин Д.В.** Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.
- Надель-Червинская М.А., Червинский П.П.** Энциклопедический мир Владимира Даля. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – Кн. 1: Птицы. – Т. 1. – 512 с.
- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
- Окладников А.П.** Центральноазиатский очаг первобытного искусства: пещерные росписи Хойт-Цэнкер-агуй (Сэнгри-агуй), Западная Монголия. – Новосибирск: Наука, 1972. – 75 с.
- Окладников А.П.** Палеолит Центральной Азии: Мойлтын ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 461 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 293 с.
- Подольский М.Л.** Овладение бесконечностью (опыт типологического подхода к окуневскому искусству) // Окуневский сборник: Культура. Искусство. Антропология. – СПб.: Петро-РИФ, 1997. – С. 168–201.
- Потапов Л.П.** Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Потапов Р.Л.** К истории фауны Центральной Азии (о наскальных изображениях животных в Туве) // Сб. МАЭ. – 1957. – Т. 17. – С. 429–431.
- Потапов Р.Л.** О некоторых наскальных изображениях животных в горах Танну-Ола и Монгун-Тайги // Сб. МАЭ. – 1958. – Т. 18. – С. 385–389.
- Прокофьева Е.Д.** Шаманские костюмы народов Сибири // Сб. МАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 5–100.
- Путешествия в восточные страны П. Карпини и Г. Рубрука.** – М.: Изд-во геогр. лит., 1957. – 270 с.
- Рахилин В.К.** Орнитогеография России. – М.: Полиграфия, 1997. – 254 с.
- Саватеев Ю.А.** Онежские петроглифы и тема зверя в них // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 136–158.
- Флинт В.Е., Беме Р.Л., Костин Ю.В., Кузнецов А.А.** Птицы СССР. – М.: Мысль, 1968. – 637 с.
- Черемисин Д.В.** Исследования археологических памятников в бассейне рек Аргута и Джазатора // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1995. – С. 101–105.
- Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А.** Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 115–124.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.
- Цэвэндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э.** Арай толгойн хадны зураг (Петроглифы Арай-Толгоя. Монголия). – Улаанбаатар: Монгол улс шинжлэх ухааны академии археологийн хурээлэн, 2005. – 204 с. (на монг., рус., англ. яз.).
- Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D.** Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. – Р.: De Boccard, 2001. – 481 p., 15 map., 399 pl. – (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 6). – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; Vol. 5).

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.2

Е.П. Маточкин

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина

ул. Чорос-Гуркина, 46, Горно-Алтайск, 649000, Россия

E-mail: pallady@ngs.ru

ПЕТРОГЛИФЫ ЗЕЛЁНОГО ОЗЕРА – ПАМЯТНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ АЛТАЯ*

Введение

Петрографические памятники, все чаще становящиеся объектом аналитических исследований, нередко недооцениваются как произведения искусства, способные “говорить” на своем специфическом языке художественных образов. Между тем многие наскальные рисунки не лишены эстетических достоинств, которые до конца не могут быть выражены в вербальной форме. Необходимо также учесть, что синкретичное мышление первобытных мастеров еще не было отделено от эмоциональной сферы и конкретно-чувственных образов.

Восхищаясь тем, как созданы петроглифы, мы в какой-то мере осознаем и суть изобразительного контекста, и ту гармонию, которая связывает смысл образов с этим “как”. И наоборот, глубже проникая в символику, в изобразительный язык, в то, как произведение воплощается в композиции и рисунке, можно глубже постичь и смысл “сказанного”.

“Магия” петроглифов ощущается, когда работаешь с подлинниками, а не с их прорисовками или репродукциями. Более того, петроглифы – не станковые произведения; они создавались в определенном пространственном окружении и рассчитаны на восприятие именно в данной природной среде и нередко в определенном временном интервале, часто связанном с расположением светил. Необычайно сильное впечатление оставляют, в частности, окуневские стелы с их поразительно богатой символикой обра-

зов, а также таинственные персонажи полихромных росписей каракольской гробницы. Нечто подобное испытываешь и от петроглифов Зелёного Озера, и об этом следует хотя бы вкратце упомянуть, поскольку загадочный смысл рисунков неразрывно связан и с эмоционально-духовным миром, и с тем предметом, которым занимается археология.

История открытия

Лет десять назад в музей Станции юных туристов г. Усть-Коксы Республики Алтай местные жители привезли плиту с петроглифами [Маточкин, 2002]. Плита была обнаружена среди комплекса наскальных рисунков около Зелёного озера на самом юго-западе Усть-Коксинского р-на Республики Алтай, в верховьях р. Красноярки (рис. 1). Примерные координаты этого места: 85° в.д. и 49° 30' с.ш.

Святилище Зелёное Озеро – во многих отношениях уникальный петрографический памятник Горного Алтая [Matochkin, 2004; Маточкин, 2004а, б, 2005]. Оно расположено выше верхней границы леса, так что иногда даже в середине лета некоторые плиты с рисунками лежат под снегом. Здесь, на северном склоне горной гряды, есть два озера. То, что называют Зелёным, Безымянным или Мертвым, – западное; официального названия озера не имеют. Оба водоёма питаются талым снегом от зимних надувов. Узкий перешеек между озерами и находящийся рядом перевал обусловили стратегическое положение этих мест, освоенных человеком, вероятно, еще в глубокой древности.

* Выражаю благодарность В.И. Молодину и В.Д. Кубареву за ценные замечания и участие в обсуждениях.

Первая попытка проникнуть в этот район в 2002 г. не увенчалась успехом; только в 2003 г. нам удалось добраться до неизвестного петроглифического памятника. Мы изучали его в 2003–2005 гг. В 2004 г. поездка состоялась благодаря участию Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки.

Описание плит с петроглифами

Между снежником и озером нами обнаружено 20 плит с рисунками. Все они, кроме трех (16, 19 и 20), сконцентрированы на площади размерами 22×7 м (рис. 2). Плиты светло-серого цвета из плотного мелкозернистого карбонатистого песчаника находятся в основном на правом берегу ручья. Их длина, как правило, не превышает 1,5 м, ширина – 1,2 м; толщина составляет от нескольких сантиметров до 0,5 м, иногда более. Преобладают плиты с ровной поверхностью. Рисунки выполнены с помощью выбивки; она в большинстве случаев достаточно четкая и особенно хорошо видна при закате. Техника исполнения различная: от плотно прилегающих мелкоточечных ударов до редких и бесформенных сколов.

Нумерация плит ведется вверх против течения ручья.

Плита 1. Подтреугольной формы, размерами примерно $1,5 \times 1,5$ м. Хвостатое антропоморфное существо с подвешенными к локтям предметами серповидной формы, с пышными кистями в руках, в высоком головном уборе. Вокруг шесть животных (рис. 3).

Плита 2. В 5,2 м на восток от плиты 1. Прямоугольной формы. Размерами $1,2 \times 0,9$ м. Лось и лосиха, шагающие на восток. Под ногами лося – наклонная линия. На туловище лося – крупные лунки до 1 см длиной и 0,5 см шириной.

Плита 3. В 2,9 м к юго-западу от плиты 2. Максимальные размеры: $0,9 \times 0,8$ м. Антропоморфное существо в высоком и узком головном уборе, с раскинутыми и согнутыми в локтях руками, держащими длинные пышные кисти (рис. 4).

Плита 4. В 6,3 м вверх по течению ручья от плиты 1. Подпрямоугольной формы, размерами $1,1 \times 0,5$ м. Одиночное изображение животного.

Плита 5. В 0,3 м вверх по ручью от плиты 4. Размеры: $2,3 \times 1,0$ м. Два оленя с крупными рогами и фигура лошади.

Плита 6. В 0,3 м вверх по течению ручья от плиты 3 и в 1,7 м от плиты 5. Подпрямоугольной формы, размерами $1,5 \times 0,9$ м. Два антропоморфных существа, подобные птицеловеку на плите 3 (рис. 5). Верхнее изображение сохранилось фрагментарно из-за скола на плите.

Плита 7. Рядом с плитой 6 вверх по течению ручья. Размеры: $1,0 \times 0,75$ м. Два животных.

Рис. 1. Карта-схема Республики Алтай. Кружком и стрелкой отмечено местоположение петроглифов Зелёного Озера.

Плита 8. В 0,2 м вверх по течению ручья от плиты 7. Размеры: $0,5 \times 0,7$ м. Антропоморфное существо, подобное птицеловеку на плите 3 (рис. 6).

Плита 9. В 0,3 м вверх по течению ручья от плиты 8. Размеры: $1,2 \times 1,0$ м. Пять фигур животных, выполненных в силуэтной и силуэтно-контурной манере (рис. 7).

Плита 10. В 0,3 м вверх по течению ручья от плиты 9. Прямоугольной формы, размерами $1,3 \times 0,5$ м. Расколота на две части. Выступающие по краям фрагменты изображений не прочитываются. Восемь животных и три антропоморфных персонажа; один из последних перекрывает фигуру копытного животного (рис. 8).

Плита 11. Рядом с плитой 10 вверх по течению ручья. Максимальные размеры: $1,1 \times 0,8$ м. Шесть животных. Одно изображение парциальное: выбита только голова и шея.

Плита 12. В 1 м от плиты 11. Максимальные размеры: $0,5 \times 1,3$ м. Марал и рожающая женщина (рис. 9). Поверхность в правой части плиты сколота.

Плита 13. В 1 м в сторону от ручья. Максимальные размеры: $1,0 \times 0,8$ м. Поверхностный слой частично утрачен. Сохранилось лишь силуэтное изображение марала. Остальные изображения фрагментарные.

Плита 14. В 0,3 м от ручья. Максимальные размеры: $1,1 \times 1,0$ м. Четыре фигуры маралов, две из них фрагментарные.

Плита 15. В 5,6 м на запад от плиты 14; омывается ручьем. Максимальные размеры: $1,8 \times 0,9$ м. Три копытных животных.

Рис. 2. Участок склона холма около ручья с плитами, на которых выбиты рисунки.

Рис. 3. Плита 1. Композиция с фигурами антропоморфного существа и животных.

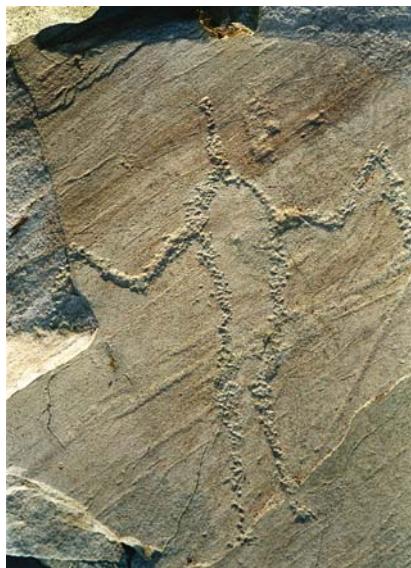

Рис. 4. Плита 3.
Фигура птицеловка.

Рис. 5. Плита 6.
Фигуры птицелюдей.

Рис. 6. Плита 8.
Фигура птицеловка.

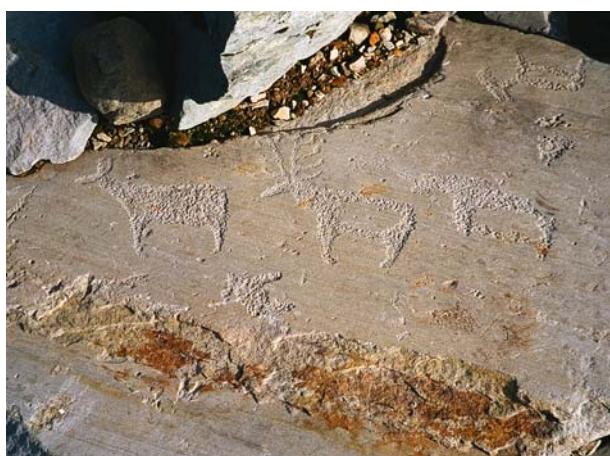

Рис. 7. Плита 9. Изображения животных.

Рис. 8. Плита 10. Комплекс рисунков.

Рис. 9. Плита 12. Фигуры марала и рожающей женщины.

Рис. 10. Плита 18. Композиция с четырьмя антропоморфными фигурами.

Рис. 11. Плита 19. Изображения антропоморфного существа, лося и других животных.

Плита 16. В 5 м вверх по течению ручья от плиты 14 и в 7,3 м вправо от ручья. Максимальные размеры: 1,5×0,5 м. Одиночное изображение марала.

Плита 17. Рядом с плитой 15. Большая часть утоплена в илистой почве ручья. Фрагмент выбивки не читается.

Рис. 12. Плита 21. Комплекс рисунков с антропоморфной фигурой.

Рис. 13. Плита 2. Изображения лося и лосихи.

Плита 18. В 5,4 м от плиты 14 и 2,1 м от плиты 15 вверх по ручью. Прямоугольной формы, размерами 1,4×0,4 м. Правый край плиты отколот. Хоровод четырех антропоморфных фигур (рис. 10). На конце плиты со следами скола сохранились фрагменты фигуры женщины с разведенными ногами (в позе роженицы) и маралухи подле нее.

Плита 19. В 40 м на север от ручья. Максимальные размеры $1,2 \times 1,0$ м. Лось, медведь (?), антропоморфная фигура, шесть более мелких животных, несколько небольших лунок (рис. 11).

Плита 20. На другой стороне ручья, в 24 м на юг от плиты 18 и выше ее по склону на 4 м. Максимальные размеры: $2,0 \times 0,8$ м. Одиночная фигура козла.

Плита 21. Местоположение среди плит неизвестно (в настоящее время находится в Усть-Коксе). Подпрямоугольной формы, размерами $0,9 \times 0,2$ м. Антропоморфная фигура и два марала. Палимпсест. Фрагментарные изображения на краях плиты не читаются (рис. 12).

Образы петроглифов. Стилистика и семантика

Репертуар петроглифов Зелёного Озера достаточно однородный. В нем практически отсутствуют знаковые формы, за исключением лунок и линий, композиционно обособленных или связанных с другими

elementами. Основное внимание древних мастеров сосредоточено на зоо- и антропоморфных образах. Среди 74 отдельных изображений антропоморфные персонажи составляют ок. 22 %.

Зооморфные изображения представлены чаще всего фигурами маралов; есть также козлы, лоси, лошади, лиса. Имеются изображения зверей странного облика – с большим округлым туловищем (плиты 1 и 11).

На нескольких плитах (2, 7, 9, 10, 14, 19, 21) запечатлены стоящие рядом самка и самец (41 % всех изображений животных). Эти парные фигуры животных разных полов указывают на их культово-генеалогический характер, на извечную мечту о плодородии и возрождении животного мира.

Одиночные фигуры (41 %), как правило, статичны. Остальные животные представлены с антропоморфными персонажами в довольно сложных композициях (плиты 1, 12, 18, 19), которые будут рассмотрены отдельно.

С большим художественным вкусом выбиты изображения лося и лосихи на плите 2 (рис. 13). У животных изящные тонкие ноги, слегка трапециевидное туловище, вытянутые параболоидные морды. Передние ноги расставлены в шаге, а задние показаны как бы в статике и развернуты в фас.

Особым мастерством исполнения отличаются фигуры копытных на плите 1. Длинные ноги, узкие шеи, живой рисунок головы и туловища – все наполнено необычайной красотой. Художником применен особый стилистический прием – незамкнутый контур, оставляющий зазор в обрисовке верхней и нижней челюсти животных, передает как бы раскрытые пасти. Часть изображений связана линиями. Высокие эстетические и художественные качества композиции позволяют поставить ее в ряды безусловных шедевров первобытного искусства. Изящные изображения животных сочетаются с геометризированной хвостатой антропоморфной фигурой с ромбовидной головой и трапециевидным туловищем в костюме остроугольных очертаний и высокой шапке. Антропоморфное существо изображено с характерным наклоном и в разных проекциях: голова в фас, ноги и руки в профиль (рис. 14). Этот персонаж, кажется, шагает, размахивая руками, держащими пышные кисти.

Рис. 14. Плита 1. Композиция с фигурами антропоморфного существа и животных (прорисовка).

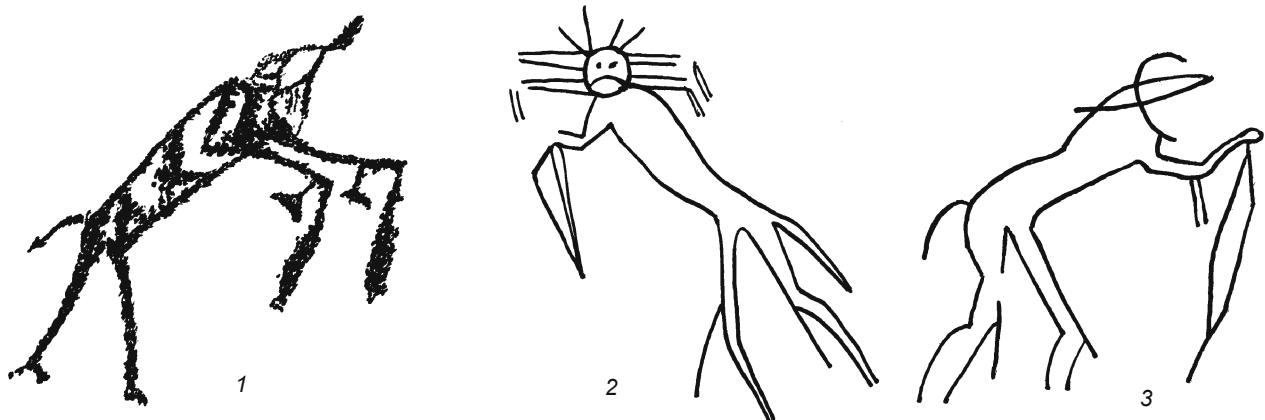

Рис. 15. Ритуальные образы Зелёного Озера (1) и окуневских изваяний (2, 3).
2, 3 – по: [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. LIII, 135].

В направлении движения антропоморфной фигуры бегут шесть животных. Они словно сыплются с неба (с истоков ручья) и, разворачиваясь, бегут туда, куда указывают им руки. По-видимому, здесь запечатлен женский образ в некоем ритуальном танце.

В аналогичной склоненной позе выгравированы два персонажа на одном из окуневских изваяний [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 144]. В руках у них также имеются некие удлиненные предметы (рис. 15). Обращают на себя внимание луновидные подвески на локтях зеленоозерского персонажа. Подобное изображение зафиксировано в петроглифах Карагата [Семёнов и др., 2000, рис. 23, 5, табл. 32, 10, 13]. Изделия луновидной формы из камня обнаружены среди сопроводительного инвентаря в окуневских могильниках Черновая VIII [Там же, табл. ХХIII, 3] и Усть-Бюрь [Кызласов, 1986, рис. 184, 188], *in situ* на голове носителя кротовской культуры, погребенного в могильнике Сопка-2 Барабинской лесостепи [Молодин, 1985, рис. 18, 6–9, 11–13], а также на поселении Самусь IV [Матющенко, 1973].

А. Наглер сопоставил лунницы с ножами для срезки проса с территории Китая и Кореи [2002, с. 154]. Однако Г.А. Максименков интерпретировал их как культовые предметы [1980, с. 24]. В.И. Молодин считает лунницы скорее атрибутом культового головного убора [1985, с. 43–44]. По мнению Ю.Н. Есина, такие изделия играли важную роль в ритуальной практике носителей самусьской и других сибирских культур [2004, с. 15]. Обнаруженные нами рисунки подтверждают это утверждение.

Открытые в материалах глазковской культуры Прибайкалья полудиски, полукольца, кольца и круги из бело-молочного зеленоватого нефрита было предложено интерпретировать как символы луны [Хлобыстина, 1978, с. 156–160]. По-видимому, луновидные подвески связывают изображенный сюжет с

широко распространенным в Евразии культом луны-оплодотворительницы и сформированными в эпоху палеолита представлениями о месяце как о воплощении мужского начала. Древним зооморфным символом бога луны был бык, поэтому антропоморфные персонажи Зелёного Озера запечатлены держащими в руках, возможно бычьи хвосты, – именно так интерпретировал В.Д. Кубарев пышные кисти на каракольских росписях [1988, с. 101].

В качестве близкого иконографического аналога петроглифов на плите 1 можно привести композицию из Цагаан-Салаа IV в Монгольском Алтае [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 331]. Здесь также в центре изображен женский персонаж, размахивающий руками, с подвесками на локтях, в высоком головном уборе. Вокруг фигуры изображены животные. Неподалеку выбито изображение лучника с гипертрофированным фаллосом. Эти образы, соответствующие традиционным представлениям об удачной охоте, наводят на мысль, что в женской фигуре надо видеть мифологическую хозяйку зверей. Не исключено, что и зеленоозерская композиция посвящена этому же сюжету, а странная синкетическая фигура на плите 1 – одно из ранних изображений женщины-шаманки или владычицы зверей.

Антропоморфные фигуры людей-птиц с вертикальной линией вместо головы среди петроглифов Зелёного Озера (плиты 3, 6, 8) достаточно оригинальны. По облику они напоминают журавлей во время брачного танца. Прямые с развернутыми стопами ноги, переходящие в геометризованное по форме туловище, характерны для изображений на плитах каменных ящиков эпохи бронзы у пос. Озёрное [Погожева, Кадиков, 1979, с. 84] и каракольской гробницы [Кубарев, 1988, с. 59].

Рассматривая изображения людей орнитоморфного облика, уместно вспомнить найденные в древ-

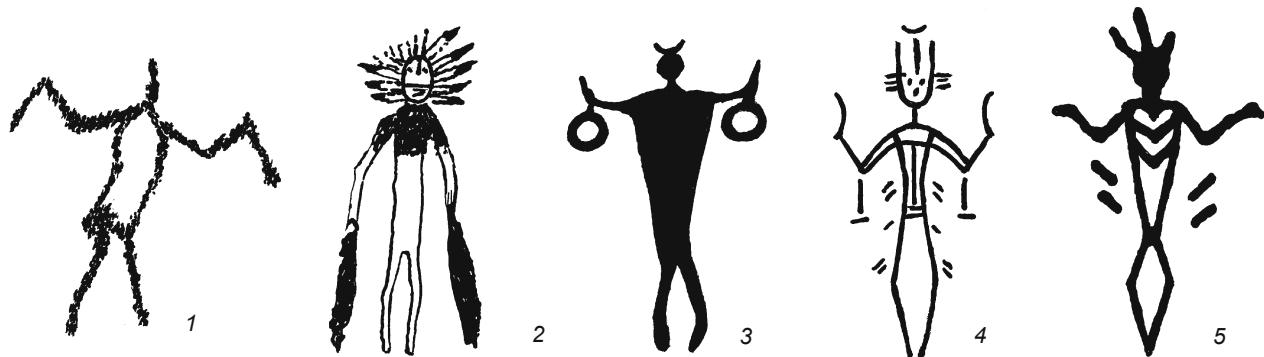

Рис. 16. Антропоморфные изображения эпохи бронзы Южной Сибири.

1 – Зелёное Озеро; 2 – Каракол (по: [Кубарев, 1988, рис. 19]); 3 – Саган-Заба (по: [Окладников, 1974, табл. 9]); 4 – Самусь VI (по: [Матющенко, 1973, рис. 63]); 5 – Манзя (по: [Окладников, 1966, табл. 168, 2]).

них погребениях на Енисее маски с клювами журавля [Вадецкая, 1996, с. 48], а также в некоторых окуневских могилах – птичьи черепа вместе с предметами явно ритуального характера [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 68–69]. Все эти находки, по мнению исследователей, подтверждают предположение о наличии шаманизма у окуневцев [Там же, 1980, с. 76].

Персонажи, показанные в ритуальной позе, с раскинутыми и согнутыми в локтях руками, с подвесками встречаются также в декоре на самусьской керамике и в петроглифах Прибайкалья (рис. 16). Многие фигуры изображены с подвесками, украшенными символами светил. М.Ф. Косарев высказал мысль о тесной связи самусьских изображений с солярным культом [1981, с. 97–99]. Антропоморфные фигуры с головами птиц, начертанные на плитах могильника Тас-Хазаа, А.Н. Липский считал изображениями “божеств” [1961, с. 274].

Следует обратить внимание на то, что хвосты в руках птицелюдей не опущены, как у персонажей на каракольской гробнице, а приподняты, что возможно при взмахе или вращении. Второе более вероятно, если учесть, что у людей-птиц стопы ног развернуты. Например, фигуры на плите 6 можно интерпретировать как изображение одного существа, запечатленного в процессе хождения по кругу против движения солнца (см. рис. 5). В таком контексте изображения на трех плитах можно воспринять как картину некоего действия. Нижняя плита 3 представляет исходное состояние персонажа, взмахнувшего “крыльями” и начавшего движение направо, в данном случае вверх по ручью. Плита 6 демонстрирует процесс вращения в двух крайних положениях, когда стопы развернуты в противоположных направлениях. На плите 8 запечатлено окончание ритуального танца. Необходимо отметить, что находящийся в правой руке “хвост” поднят вверх к небу, а в левой –

опущен вниз и из него что-то высыпается (см. рис. 6). Это “что-то”, выбитое редкими точками, – растянутое в сторону облачко, с помощью которого мастер хотел передать, возможно, эффект вращения. Однако вращение происходит уже на одном месте, а не по кругу, поскольку стопы людей здесь не развернуты.

Единственным известным нам аналогом зелёноозерских персонажей с “крыльями” можно назвать изображение из Цагаан-Салаа II [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 133]. Правда, там выбито антропоморфное существо с круглой головой и круглым тельцем, но с такими же, даже с еще более длинными крыльями-“хвостами”. Интересно, что данную фигуру окружает “вой” мелких точек и сопровождают животные, силуэты которых обрамлены такими же точками. Не символизируют ли эти точки зародышей зверей, которые доставлены культовым лицом? Если это так, то композицию, изображенную на скале в Монгольском Алтае, можно истолковывать как сцену появления животных в результате некоего шаманского действия.

Такую же трактовку допускают и запечатленные на зелёноозерских плитах антропоорнитоморфные персонажи; в качестве же приплода, наверное, следует воспринимать животных, изображенных на окружающих плитах (с такими же точками на силуэтах, как на плите 1). Таким образом, по смыслу эта серия петроглифов перекликается с композицией на плите 1, которая была создана, вероятно, несколько ранее. Собственно, у всех рассмотренных культовых персонажей много общего, например “хвосты” в руках. Различия проявляются только в иконографии: зелёноозерские фигуры людей-птиц показаны не с характерным “окуневским” наклоном и не в разных проекциях, а строго в анфас. Возможно, это духи-помощники владычицы зверей и их ритуальный танец отражает тот же кульп плодородия-плодовитости зверей.

Близкий сюжет запечатлен на плите 19, которая находится в отдалении от ручья. Он выполнен силуэтной и не такой четкой, как на других камнях, выбивкой; более того, по размеру антропоморфная фигура здесь значительно меньше, чем на плитах около ручья. Изображение абсолютно статично. Вокруг головы просматривается нечто вроде зубчатого венца. В руках антропоморфного существа находятся, похоже, такие же длинные и тонкие предметы, как и у людей-птиц на плитах 3, 6, 8. Окружающие центральную фигуру животные движутся от нее в разные стороны.

Петроглифы в верхней части плиты 10 представляют собой палимпсест: на силуэт копытного животного с длинной шеей и маленькой головой частично накладывается фигура антропоморфного персонажа. На нем короткая, не покрывающая ноги одежда с передником и двумя поперечными ремнями. Около ног – непонятная фигура. В левой руке – узкий длинный предмет (из-за скола на плите невозможно определить, был ли подобный предмет в другой руке). Данное антропоморфное изображение иконографически близко к каракольским росписям (рис. 17) [Кубарев, 1988, рис. 46]. Оно, как каракольские персонажи, показано с длинными тонкими ногами, туловищем в виде сужающегося прямоугольника, с раскинутыми и согнутыми в локтях руками, составляющими одну ломаную линию с плечами. Конический головной убор с высоким навершием напоминает высокие колпаки на человечках на плитах в Тас-Хазаа и мумиях из погребений раннего бронзового века в могильнике Гумугоу в Синьцзяне [Mallory, Mair, 2000, р. 212–213].

Справа от этого антропоморфного изображения выбита значительно меньшая фигура другого персонажа. Он запечатлен без признаков одежды, в профиль. Его ноги полусогнуты, в левой руке – посох, по-видимому, с боковой вставкой, как у шестовидных фигур онежских петроглифов. Правая рука со свисающим предметом поднята выше плеч так, как если бы человек звонил в колокольчик. Напомним, что колокольчик используется в шаманской практике и его звоном, как писал А.В. Анохин, камы ограждают себя от злых духов [1994, с. 39]. Художник запечатлел поднимающегося в гору человека. Этот образ, вероятно старца, в какой-то мере можно сопоставить с фигурой согбенного человека из Мугур-Саргола [Дэвлет, 1980, с. 180], а также с персонажами из Калбак-Таша [Kubarev, Jacobson, 1996, № 255, 259]. Интересно, что все они показаны с посохом. Как считает М.А. Дэвлет, посох или палка могли быть атрибутами культовых лиц, наделенных определенными сакральными полномочиями, например шаманов [1999, с. 228].

Самый загадочный сюжет, не встречавшийся ранее на петроглифах, выбит на плите 18: антропоморфные персонажи с длинными предметами в руках, с подвесками на локтях, в странных масках и костюмах с лунницами запечатлены словно взявшимися за руки (рис. 18). В настоящее время по поводу семантики композиции можно сделать лишь несколько самых общих предположений. Четверка персонажей несомненно отражает определенные мифологические представления. Число 4 является образом статистической целостности, идеально устойчивой структуры. Отсюда – участие четверки богов и четырех сторон света

Рис. 17. Композиция в верхней части плиты 10 (1) и персонаж росписи на каракольской гробнице (по: [Кубарев, 1988, рис. 46]) (2).

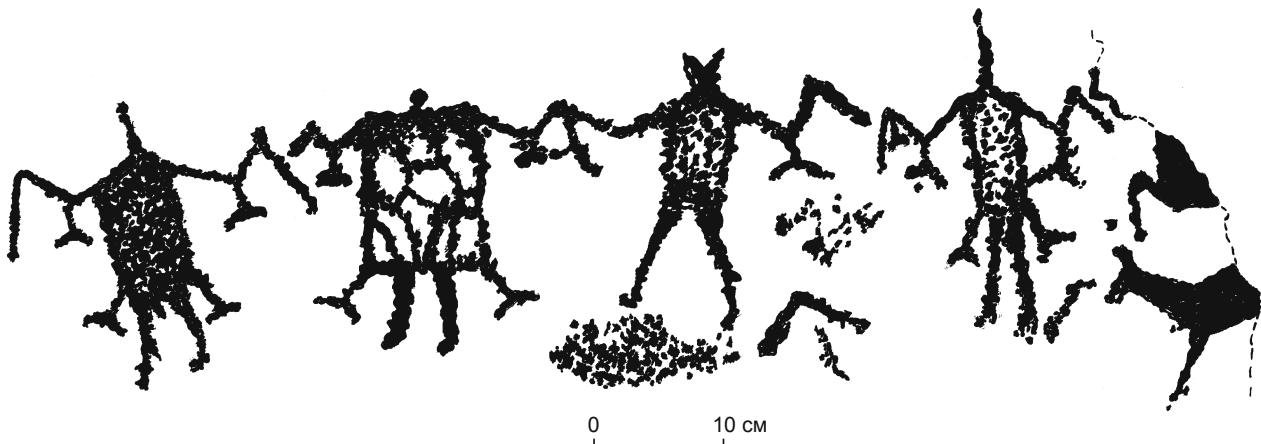

Рис. 18. Рисунки на плите 18 (прорисовка).

в мифах о сотворении Вселенной и ориентации в ней [Топоров, 1982, с. 630]. По поводу временной ориентации в пространстве Вселенной нами предложена расшифровка календарного счета времени по фазам луны, “записанного” с помощью лунниц на локтях и одежде персонажей и отражающего трехлетний лунно-солнечный календарь [Маточкин, 2004а, рис. 3]. Что же касается мифа о творении, то его разгадке помогают два частично уцелевших на плите изображения – маралухи и запечатленной над ней приготовившейся рожать женщины – канонический образ, достаточно близкий окуневским петроглифам [Вадецкая, 1970, с. 262, рис. 1]. Вероятно, ритуал, проводимый четверкой божеств, имел целью обеспечить благополучные роды. В пользу такой трактовки свидетельствует и календарь беременности женщин в 9,5 лунных месяцев, который закодирован в знаковой записи лунниц, подвешенных к локтям и одежде персонажей [Маточкин, 2004а, рис. 4].

Сюжет с маралом и рожающей женщиной представлен на расположенной неподалеку плите 12, наклонная плоскость которой “смотрит” на плиту 18 (см. рис. 9). Оба персонажа связаны одной идеей, восходящей к палеолитическому мифу о копытном животном и роженице. Заметное стилистическое сходство между изображениями роженицы и женщины на плите 18 может объясняться требованиями канона, а не существенным различием в дате. Оба изображения имеют свои иконографические аналоги. Например, фигуре роженицы на плите 12 близко изображение женщины с плодом каракольской культуры из Озёрного [Кубарев, 1998, с. 282, рис. 3, 2].

Вероятно, на плите 12 показан финал ритуала, проводимого четверкой божественных персонажей: роженица разрешилась от бремени, на свет появился плод. А символика появления плода могла быть самой высокой – вплоть до рождения мира. Все это

вместе с календарными сюжетами на плите 18 позволяет поддержать вывод В.Д. Кубарева о солярно-астральной сущности женского персонажа [Кубарев, 2002, с. 91].

Надо полагать, что ритуальные рисунки у Зелёного озера создавались в расчете на сакральную мощь стихий. Плиты с петроглифами лежат здесь у ручья, берущего начало в снежнике и впадающего в озеро. Вода древним человеком воспринималась как “среда, агент и принцип всеобщего зачатия и порождения”. Где, как не здесь, под куполом синего неба у плит, омываемых водой, должен происходить брачный союз Неба с Землей и Водой? Небо символизировало мужское начало, а Земля и Вода выступали как аналоги материнского лона и чрева [Аверинцев, 1982, с. 240].

Брачный союз Неба с Землей и Водой, надо полагать, олицетворяют изображенные на плите 18 два центральных персонажа, руки которых крепко сцеплены. Правый в мужском облике, с широко расставленными ногами, мощной головой в маске, а левый больше напоминает женский персонаж. На Востоке с глубочайшей древности Землю и Небо персонифицировали в мифе противопоставленные друг другу два великих духа, олицетворявших соответственно женское (Мать) и мужское (Отец) начала в природе. Возможно, образ Матери-Земли, величественной и плодоносящей прародительницы, в петроглифах Зелёного Озера воплощен в антропоморфной фигуре с маленькой головой, облеченной в костюм прямоугольных очертаний.

Образы матерей-прародительниц эпохи бронзы, в какой-то мере близкие зелёноозерской, встречаются на петроглифах Калбак-Таша, [Кубарев, Jacobson, 1996, fig. 194, 311], Монгольского Алтая [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 587, 664, 891], Синьцзяна [Gai Shanlin, 1986, p. 423]

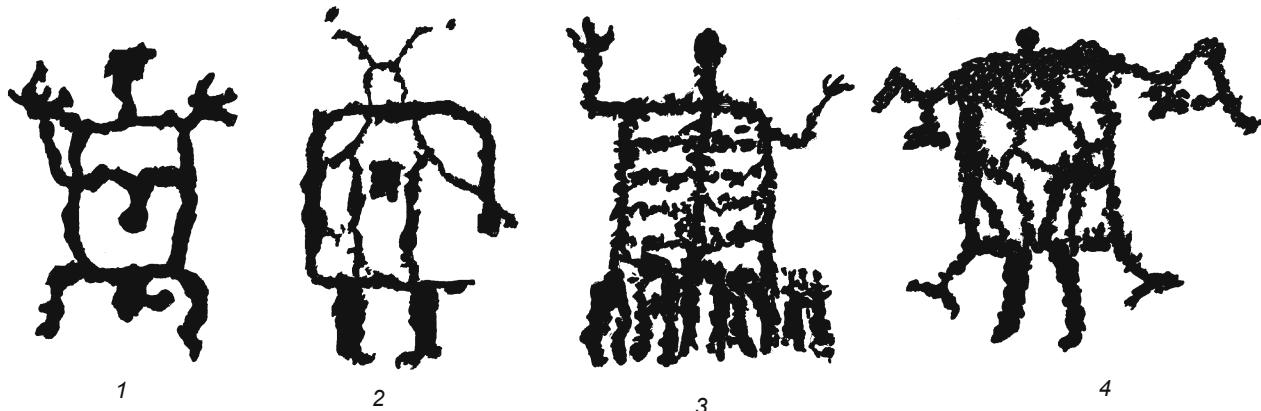

Рис. 19. Изображения матерей-прародительниц эпохи бронзы.

1 – Синьцзян (по: [Gai Shanlin, 1986, p. 423]); 2 – Бага-Ойгур II (по: [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, fig. 891]);
3 – Калбак-Таш (по: [Kubarev, Jacobson, 1996, fig. 311]); 4 – Зелёное Озеро.

(рис. 19). Китайские археологи интерпретируют синьцзянское изображение, исходя из его формального сходства с черепахой [Там же]. В.Д. Кубарев же, анализируя подобные сюжеты, приходит к выводу, что все они, несмотря на некоторые локальные отличия, многими характерными чертами передают обобщенный образ женского божества, женщины-шаманки и владычицы зверей [Кубарев, 2002, с. 90]. Он же отмечал особенно любопытную семантическую связь шаманки со священными птицами – обитателями небесной сферы, прежде всего с орлом [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001, p. 67]. (В зеленоозерской композиции рядом с женским божеством показаны два персонажа орнитоморфного облика).

На плитах 12 и 18 около женщины выбито изображение маралухи. Оно является своего рода зооморфным маркером начала цикла беременности женщины. В дни осеннего равноденствия, когда природа, взрастив свои дары, готовится к умиранию, зарождается новая жизнь. Она звучит трубным гласом, который далеко окрест разносится в гулкой тишине золотой осени. Именно в эти дни на Алтае начинается интенсивный гон маралов и беременность самок. 21 сентября можно считать началом “маральего” нового года.

Роды женщины, начавшей 21 сентября, приходятся на время, близкое к летнему солнцестоянию. В эти дни конца июня альпийские луга освобождаются от снега и быстро покрываются буйной зеленью и цветами, славящими великое светило. Древний человек, конечно, не мог не отметить совпадение этих двух значимых астрономических событий – осеннего равноденствия и летнего солнцестояния – с циклом беременности. Само это возрождение природы воспринималось как периодичес-

кое рождение мира, происходящее благодаря союзу Матери-Земли с мужским небесным божеством.

Хронология изображений

Все приводимые аналоги зеленоозерских антропоморфных изображений, хотя и принадлежат самым разным регионам, датируются эпохой бронзы. Отсутствие рисунков в скифо-сибирском зверином стиле и древнетюркских граффити позволяет сузить хронологические рамки петроглифов Зелёного Озера до определенного периода. Несомненные и наиболее близкие связи с рисунками Каракола и Озёрного более всего говорят о том, что петроглифы Зелёного Озера относятся к каракольской культуре, а по времени – к первой половине II тыс. до н.э. Ранее нами предлагалось связывать антропоморфную фигуру, перекрывающую изображения животных на плите 21, с эпохой раннего железа, однако, как нам теперь представляется, дата должна быть уточнена [Маточкин, 2002, с. 113]. Известно, что палимпсест нередко связывает рисунки, созданные в пределах небольших хронологических интервалов, и вполне может относиться к одной эпохе [Молодин, 1993, с. 13–16].

В изображении зверей также немало ориентиров, которые свидетельствуют о времени палеометалла. Так, лось на плите 19 вписывается в изобразительный ряд, который приводит В.И. Молодин для сибирских писаниц эпохи бронзы [Там же, с. 19, рис. 2]. Часть животных на плите 11 и лось на плите 2, нарисованные с неподвижными задними ногами, обнаруживают параллели с образами на открытой нами второй Турочакской писанице [Маточкин, 1986; Молодин, Маточкин, 1992]. По мнению В.И. Молодина, подобный стилистический прием характерного пока-

за задней части туловища, как бы развернутой в фас, характерен только для изображений окуневской культуры эпохи бронзы Минусинской котловины [1993, с. 10–11]. Репертуар петроглифов Зелёного Озера отличается отсутствием характерных для эпохи бронзы изображений быков. Здесь, на снежном высокогорье, они вряд ли могли существовать, поэтому основным копытным героем стал марал. Тем не менее наличие многих сближающих элементов в окуневской и кара-кольской культурах говорит об относительной синхронности этих культур и о взаимосвязях их носителей. Актуальны также изобразительные аналогии с другими культурами эпохи бронзы Западной Сибири, в частности с самусьской Томского Приобья и Прибайкалья. Если, как принято считать, схематизация свидетельствует о более поздних художественных процессах, то изображения менее условных зелёно-озерских персонажей следует отнести к проявлениям более ранних периодов культуры.

Заключение

В связи с открытием петроглифов Зелёного Озера значительно расширилось представление о кара-кольской культуре, известной по уникальным росписям гробниц. Стало известно немало одиночных и парных изображений животных, стилистика и исполнение которых отличаются большим разнообразием. Отдельные изображения животных имеют сходство с рисунками других петроглифических комплексов Алтая. Обретает значение и обратное заключение: изображениям животных эпохи бронзы можно найти аналоги среди петроглифов Зелёного Озера. В этом контексте снимается исключительность, характерная стилистическая оригинальность каракольской культуры. Тем не менее в основных композициях, связанных с антропоморфными персонажами, эта оригинальность каракольской культуры все же остается. Уникальными следует считать изображения людей-птиц и ритуальные сцены на плитах 1 и 19, 10, а также 12 и 18. Их группировка по определенным сюжетам позволяет высказать мысль о существовании у Зелёного озера святилища с особой пространственной организацией. Возможно, в нижней части ручья, в районе плит 1, 3, 6, 8, совершался ритуал, связанный с культом плодородия-плодовитости, в котором главная роль отводилась владычице зверей и сверхъестественным помощникам в образе людей-птиц. В средней части, в районе плиты 10, видимо, проходила граница, за которой наступало владение великих горных духов. А выше по ручью, между плитами 12 и 18, находилось особо сакральное место, где четверкой божеств вершился миф творения.

Особо следует подчеркнуть роль природного контекста в создании петроглифов Зелёного Озера. Широта окружающей панорамы, удивительная роскошь альпийских лугов с их буйным цветением после долгой зимы, особое психофизиологическое состояние человека, поднявшегося на высокогорье Алтая, – все это обостряло восприятие красоты, создавало эмоциональный подъем, что не могло не отразиться на исполнительском мастерстве художников. Поразительные по своему художественному совершенству и духовной наполненности рисунки по праву войдут в сокровищницу древнего мирового искусства.

Список литературы

- Аверинцев С.С.** Вода // Мифы народов мира: В 2 ч. – М.: Рос. энцикл., 1994 – Т. 1. – С. 240.
- Анохин А.В.** Материалы по шаманству у алтайцев. – Репр. востр. текста изд. 1924. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – 152 с.
- Вадецкая Э.Б.** Женские силуэты на плитах из окуневских могильников // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – Вып. 3. – С. 261–264.
- Вадецкая Э.Б.** Атрибуты служителей культа по древним погребениям Енисея // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: Проект “Скифо-сибирика”, 1996. – С. 46–50.
- Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А.** Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – 147 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы Мугур-Саргола. – М.: Наука, 1980. – 271 с.
- Дэвлет М.А.** Изображения шаманов и их атрибутов на скалах Саянского каньона Енисея // Междунар. конф. по первобыт. искусству. – Кемерово, 1999. – Т. 1. – С. 224–231.
- Есин Ю.Н.** Искусство самусьской культуры: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 22 с.
- Косарев М.Ф.** Бронзовый век Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Озёрного. Каракольская культура Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий: Мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – С. 277–289.
- Кубарев В.Д.** Об одном сюжете из петроглифов Синьцзяна // История и культура Востока Азии: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). – Новосибирск, 2002. – Т. 2. – С. 88–92.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. – 295 с.
- Липский А.Н.** Новые данные по афанасьевской культуре // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: СО АН СССР, 1961. – С. 269–278.
- Максименков Г.А.** Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 3–26.

Маточкин Е.П. Новые петроглифы Бии // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 20–23.

Маточкин Е.П. Образ богатырки на скалах Алтая // История и культура Востока Азии: Мат-лы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). – Новосибирск, 2002. – Т. 2. – С. 112–115.

Маточкин Е.П. Лунно-солнечные календари святилища “Зелёное озеро” // Гуманитарные науки в Сибири. – 2004а. – № 3. – С. 11–15.

Маточкин Е.П. Антропоморфные персонажи Зелёного озера // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004б. – Вып. 2. – С. 26–37.

Маточкин Е.П. Древние персонажи святилища Зелёное озеро // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. – М., 2005. – С. 172–176.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Ч. 2: Самусьская культура. – 210 с. – (Из истории Сибири; Вып. 10).

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Еще раз о датировке турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. – С. 4–25.

Молодин В.И., Маточкин Е.П. Вторая Турочакская писаница Горного Алтая // Природа. – 1992. – № 8. – С. 80–83.

Наглер А. К вопросу о типе хозяйства носителей окуневской культуры // Первобытная археология. Человек и искусство. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – С. 151–155.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. – М.; Л.: Наука, 1966. – 322 с.

Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 125 с., 41 ил.

Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озёрное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 80–84.

Семёнов Вл. А., Килуновская М.Е., Краснисенко С.В., Субботин А.В. Петроглифы Карагата и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). – СПб.: ИИМК, 2000. – 66 с., 33 табл.

Топоров В.Н. Числа // Мифы народов мира: В 2 т. – М.: Сов. энцикл., 1982. – Т. 2. – С. 629–631.

Хлобыстина М.Д. Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы // Первобытное искусство. У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 155–163.

Gai Shanlin. Petroglyphs in the Winhan mountains. – Beijing: Wenwu, 1986. – 441 p.

Jacobson E., Kubarev V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Repertoire des petroglyphes D’Asie Centrale. – P.: De Boccard, 2001. – Т. 5, 6. – 132 p., 346 taf., 399 photogr.

Kubarev V.D., Jacobson E. Repertoire des petroglyphes D’Asie Centrale. Fascicule № 3: Siberie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l’Altai). – P.: De Boccard, 1996. – 68 p., 662 taf., 15 photogr.

Mallory J.P., Mair V.H. The Tarim Mummies. – L.: Thames Hudson, 2000. – 352 p.

Matochkin E.P. Petroglyphs of the Green Lake in the Altai mountains // International newsletter on rock art. – 2004. – N 3. – P. 13–16.

Материал поступил в редакцию 8.12.05 г.

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 391

О.Н. Шелегина

Институт истории СО РАН,
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: sholga@ngs.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АДАПТАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КУЛЬТУРЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ (XVIII – начало XX века)

«XXI век – это столетие, которое без всякого преувеличения призвано воплотить глобальную адаптивную парадигму: великое приспособление глобальной цивилизации к жестким требованиям эпохи “устойчивого развития” и “мультицивилизационного консенсуса”. <...> В свете императивов выживания человечества поиск оптимальных стратегий развития цивилизации становится центральной задачей всей науки» [Ромм, 2002, с. 6–7, 10]. В самом широком смысле слова жить – значит адаптироваться [Основные механизмы адаптации..., 1993, с. 5].

Гипотетические положения об адаптациях этносов к модернизирующейся среде, этнических переселенцев к новым местам проживания можно эмпирически проверить на основе сравнительных исследований, характеризующих общее и особенное в закономерностях адаптации социальных систем в различных странах, а также в регионах одной страны [Корель, 1997, с. 23]. В процессе социокультурного развития адаптация является тем механизмом, который регулирует жизнедеятельность и индивида, и общества в целом [Маханько, 2001, с. 25]. В связи с этим актуальность изучения адаптационных процессов на территории Сибири в исторической динамике несомненна. В настоящее время, когда чрезвычайно обострились проблемы, связанные с экологией, быстро исчезают традиционные системы хозяйствования, весьма значимым в научно-практическом отношении представляется историко-этнографическое изучение культуры жизнеобеспечения этносов, включающей жилищно-хозяйственный комплекс, одежду, систему

питания, направленные на удовлетворение витальных и социальных потребностей человека. “Материальная культура практически полностью охватывает сферу производства и жизнеобеспечения... представляет собой механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования” [Арутюнов, Бентцин, Вайнхольд, 1989, с. 6].

В России проблемы адаптации вынужденных мигрантов из ближнего зарубежья, в основном русских, роли регионов в этом процессе носят государственный характер. Сибирский край имеет богатый исторический опыт адаптации переселенцев, который может быть применен с учетом реалий XXI в. Региональный подход к теме обоснован и тем, что многообразие этнических контактов, особенности социально-экономических и природно-хозяйственных условий накладывали отпечаток на все сферы жизни населения Сибири. Регион как мезофактор адаптации обладает общим историческим прошлым и культурным своеобразием. Самобытность обязательно несет в себе элементы, создаваемые за длительный период времени, аккумулируя созидательную энергию десятков поколений людей [Сверкунова, 2002, с. 27]. “Наше время шатко и переменчиво, особенно легко поддаются изменениям внешние проявления образа жизни. Увидеть за этим суетным мельканием устойчивые воззрения, присущие народу, можно, только опираясь на предшествующий период: тот, кто изучил, как они проявлялись в старину, узнает их и под покровом современной одежды”, – отмечают М.М. Громыко и А.В. Буганов [2000, с. 3]. “Без кор-

ня и полынь не растет” – гласит народная мудрость. Представление исторических и духовных корней, содействие сохранению и возрождению добрых традиций, умению с учетом опыта поколений успешно адаптироваться в современных условиях – социокультурные аспекты актуальности исследования адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири.

Историко-этнографические вопросы адаптации впервые были обозначены в сборнике “Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири” [1974]. Авторами, в частности, подчеркивалась необходимость проведения сравнительно-исторического анализа материальной культуры населения Европейской России и Сибири для реконструкции элементов, бытовавших в разных регионах страны, процесса адаптации русских переселенцев в новых условиях и в целом для определения путей развития народной культуры на территориях, относительно поздно заселявшихся русскими на разных этапах истории. В рамках этой концепции были подготовлены обобщающие труды по этнографии русского крестьянства азиатской части России. Так, при рассмотрении жилых и хозяйственных построек, одежды, пищи русского населения Сибири в XVII – середине XIX в. отмечались конкретные факты адаптации элементов материальной культуры к природно-климатическим условиям региона [Этнография..., 1981]. В очерках этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. перспективным направлением исследований было названо определение роли этапности миграционных движений в адаптационных процессах [На путях из Земли Пермской..., 1989].

В работах В.А. Липинской, Н.А. Томилова, Ф.Ф. Болонева, Л.М. Русаковой, Е.Ф. Фурсовой, П.Е. Бардиной, А.Ю. Майничевой, М.Л. Бережновой, Л.А. Скрябиной, Б.Е. Андюсева, В.М. Кимеева, О.В. Голубковой, М.А. Жигуновой, Т.Н. Золотовой, Г.В. Любимовой (см.: [Жигунова, Шелегина, 2004, с. 63; Шелегина, 2003]), коллективной монографии “Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях” [2002], вышедших в последующий период, культура русского населения рассматривалась с учетом наличия в ней традиций и новаций; отмечались явления ее адаптации к специфическим условиям Сибирского региона. Вместе с тем в этих исследованиях, несомненно имеющих важное значение для развития мировой и отечественной науки, комплексной оценки культуры русского населения Сибири как результата его адаптации на новой территории, характеристики адаптационных процессов не давалось.

Из публикаций, позволяющих выявить особенности адаптации русских на начальных этапах освоения края, следует отметить монографию А.А. Люцидар-

ской, посвященную старожилам Сибири в XVII – начале XVIII в. [1992]. Автором представлены основные направления взаимодействия и приспособления представителей разных этносов. Важное значение имеет ее вывод о том, что к началу XVIII столетия сибирские горожане-старожилы являлись носителями сложившейся здесь субкультуры нового типа.

На основе исследования материальной культуры русских крестьян Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX в., выполненного с применением математико-статистических методов [Шелегина, 1992], был предложен и апробирован один из возможных вариантов выделения и изучения историко-этнографических аспектов адаптации русских переселенцев в условиях освоения Зауралья [Шелегина, 1997]. В ходе дальнейшего исследования материальной, духовной и соционормативной культуры сибиряков в XVII–XX вв. [Шелегина, 2001а, б] использовались некоторые элементы классификационной системы адаптаций Л.В. Корель [1996, 1997]. На основе анализа археологических, исторических, этнографических и лингвистических источников адаптация русского населения в Сибирском крае была оценена как системная, т.е. суперадаптация. Состояние или процесс приспособительного реагирования охватывал все структурные элементы социальной системы и одновременно все сферы функционирования субъекта адаптации. Полученные результаты показали перспективность комплексного использования историко-этнографических и социологических методов исследования и необходимость углубленного изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения сибиряков [Шелегина, 2005а]. Следует учитывать, что человеческий организм представляет собой сложную биосоциальную систему, обладающую большими возможностями приспособления к окружающей среде. Применение научных результатов, полученных в адаптологии [Основные механизмы адаптации..., 1993; Гуляева, 1997], рассматривающей, в частности, физиологические процессы, закономерности, лежащие в основе адаптации к новым климатическим условиям, резервы человека [Королев, 1998; Кочеткова, Завьялова, 2000], позволяет объективнее характеризовать выбор форм жизнедеятельности в экстремальных сибирских условиях, особенности адаптивных поведенческих реакций индивидов и групп.

Впервые и весьма успешно анализ социокультурной адаптации старообрядцев, “семейских” Забайкалья, осуществила Е.В. Петрова. Характеристика форм, этапов, основных тенденций развития этого явления, а также факторов, оказывающих влияние на уровень групповой “адаптабельности”, имеет важное значение для сравнительно-исторического изучения адаптационных процессов в Сибири [Пет-

рова, 1999]. Интерес представляет и исследование А.И. Пальцева, где дается глубокое понимание менталитета как феномена, позволяющего сибирякам сохранять устойчивость и своеобразие социальных систем в процессе их развития, эффективно адаптироваться к изменениям социальной среды [2001]. И.В. Сверкуновой была осуществлена историко-социологическая реконструкция некоторых элементов сибирского быта, типов сибиряков, взаимоотношений старожилов и новоселов, их адаптации [2002].

В последнее время начали появляться работы, посвященные отдельным аспектам рассматриваемой темы. Б.Е. Андюсов, реконструируя традиционное сознание русских крестьян – старожилов Приенисейского края (Енисейской губернии) 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в., впервые провел анализ результатов их психологической адаптации к факторам окружающей среды. Он выделил следующие группы факторов: сибирские – ландшафтные, природно-географические, климатические, автохтонные полигэтнические и этно-культурные; внешние (в т.ч. и российские) – исторические, политические, экономические, социальные, демографические, религиозные и этнокультурные; внутриобщинные – экономические, демографические, социокультурные, ментальные, нормативно-поведенческие (социализирующие по отношению к крестьянской молодежи и переселенцам) [Андюсов, 2004, с. 65]. Автор пришел к выводу, что “в ходе комплексной адаптации во взаимодействии с факторами среды традиционное сознание обрело характер адаптированного. Будучи по сути своей таксономичным, оно включало мотивированные, ценностно-упорядоченные установки специфического поведения, влиявшие на образ жизни и культуру субъектов сибирской деревни” [Там же, с. 249].

Изучение зодчества русских на территории Сибири на протяжении трех веков в аспекте этнокультурной адаптации было предпринято А.Ю. Майничевой [2005]. На основе определения “адаптационного потенциала культуры” и “адаптивности этноса” ею выделены характерные черты зодчества русских в Сибири, в частности, большие “донорские способности” и значительная степень устойчивости, обусловленная использованием стабильных этнокультурных инвариантов и следованием системе ценностных установок, присущих “движущимся этносам” [Там же, с. 42].

При определении критериев адаптированности русских в Сибири необходимо иметь в виду новейшие достижения в области изучения социально-экономических и этносоциальных процессов, механизмов и факторов формирования этнического самосознания и идентичности, ментальности сибиряков [Проблемы трансмиссии..., 2005, Народы Евразии..., 2005;

Проблемы социально-экономического и культурного развития..., 2005; От Средневековья к Новому времени..., 2005].

В исследованиях по проблемам адаптации наиболее плодотворным может быть междисциплинарный уровень, предполагающий разработку общего понятийного аппарата, создание банка данных, координацию усилий ученых. В этой связи следует отметить первый в отечественной и мировой науке интеграционный проект СО РАН “Адаптации населения Сибири: этапы, механизмы, результаты”. Его целью являлось комплексное исследование адаптационных процессов методами гуманитарных наук с момента появления человека на территории Сибири до настоящего времени [Красильников, Шелегина, 2004]. Полученные результаты изучения культурологических, этнокультурных, лингвистических, этноконфессиональных адаптаций сибиряков дали возможность постановки проблемы исследования адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX в. в широком культурно-историческом контексте [Шелегина, 2005б].

Таким образом, труды известных отечественных историков и этнографов, а также достижения в области адаптологии, социологии адаптаций являются солидным фундаментом для дальнейшей разработки и апробации комплексного адаптационного подхода к изучению процессов, происходивших и происходящих в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири. Их структурирование является, с нашей точки зрения, одной из актуальных исследовательских задач. В данной работе предлагается возможный вариант ее решения.

Процесс (от лат. *processus* – продвижение) определяется как последовательная смена явлений, состояний в развитии чего-нибудь, а также как совокупность последовательных действий для достижения какого-либо результата [Советский энциклопедический словарь, 1980, с. 1087]. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения можно рассматривать как взаимодействие субъектов адаптации с внешней средой, направленное на создание адекватных новым условиям форм материальной культуры, их последующее прогрессивное развитие, формирование ментальных установок, способствующих стремлению к комфорtnому образу жизни.

Сущность адаптации характеризуется свойствами взаимодействующих начал, временем (длительностью) и силой взаимодействия. Среда влияет на человека в двух направлениях: биологическом и социальном. По мнению А.С. Маркаряна, адаптация к непредвиденным культурной традицией условиям происходит благодаря актуализации механизма творческих инноваций, сходных с рекомбинацией генов в

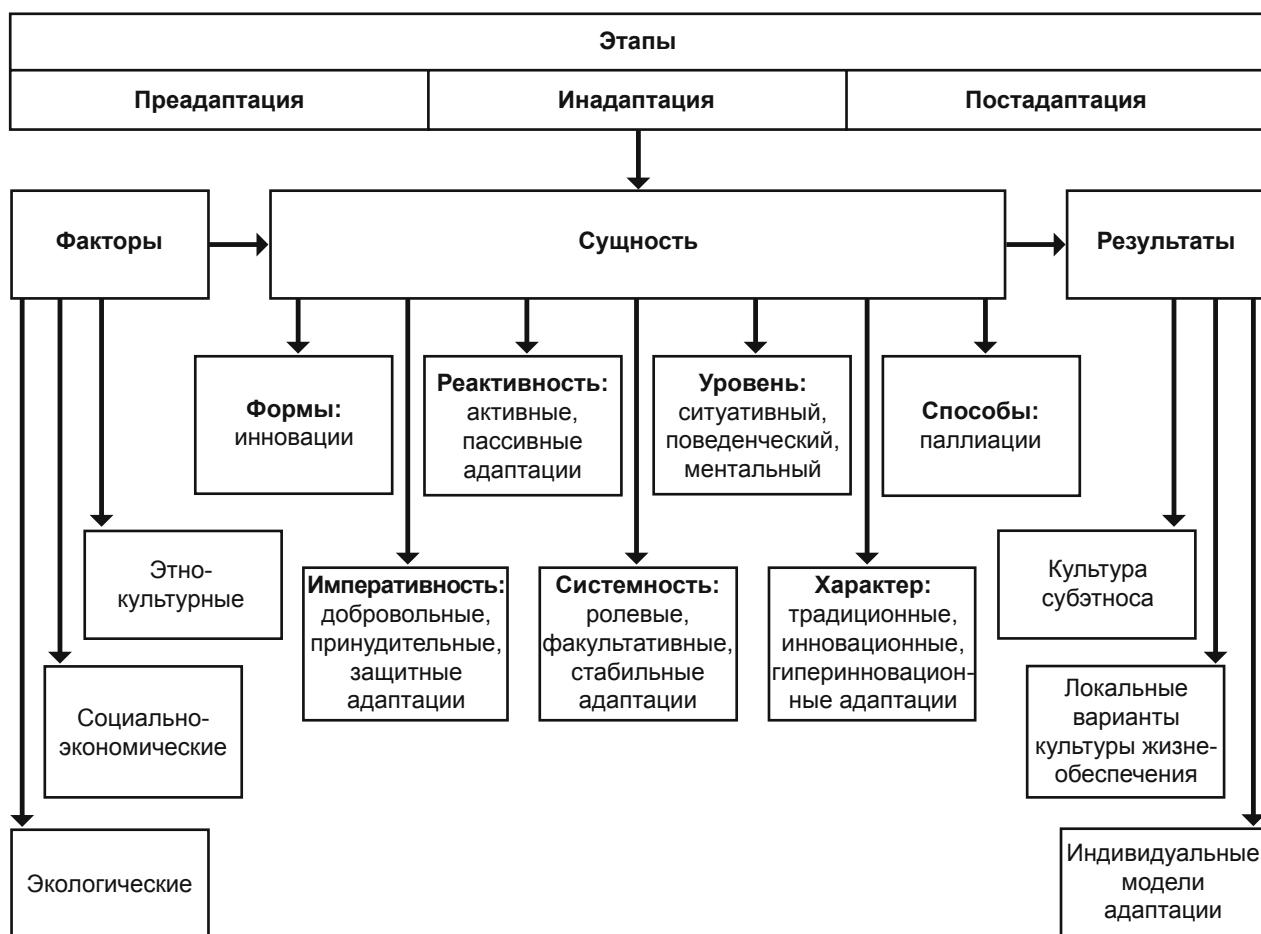
ходе биоэволюции [1981, с. 82]. Выделяются процессы, обеспечивающие “сохранение” (выживание, достижение жизненного успеха) отдельного конкретного адаптента и всей социальной общности, в которую он входит [Корель, 1997]. Объективно существуют причины, движущие силы адаптационного процесса, определяющие его характер или отдельные черты, – адаптивные факторы. На основании вышеизложенного в историко-этнографических исследованиях целесообразны выделение и анализ адаптивных факторов, хронологической, сущностно-содержательной и результирующих составляющих адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения (см. схему).

К числу факторов, определяющих направления адаптации русского населения в Сибири, могут быть отнесены: экологические, социально-экономические и этнокультурные.

Экологические факторы являются решающими при физиологической адаптации человека. В Европейской России в период переселения русских за Урал разница температур между летом и зимой составляла в среднем от 23 до 35 °C, на территории

Приенисейского края – от 35 до 65, иногда достигая 85–95 °C (летом – до +38, зимой – до –55...–60 °C). В южных и средних районах Забайкалья минимальная температура колебалась от –45 до –55, а в северных – от –55 до –60 °C [Андысов, 2004, с. 66; Болонев, 2003, с. 6]. При адаптации русских переселенцев в Сибири необходимо было адекватное использование физиологических и психологических резервов организма. Первые представляют собой возможности органов и систем изменять свою функциональную активность и взаимодействие между собой с целью достижения оптимального для конкретных условий внешней среды функционирования организма. Психологические резервы – это возможности психики, связанные с памятью, вниманием, мышлением, мотивацией деятельности человека и определяющие тактику его поведения, особенности психологической и социальной адаптации [Кочеткова, Завьялова, 2000, с. 4]. Приспособление к сибирским климатическим условиям первопоселенцев привело к выработке специфических реакций, становлению культуры закаливания, повышению ус-

Структура адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.)

тойчивости иммунитета и в конечном итоге к формированию людей, обладающих оптимальным для данного климата, т.н. сибирским здоровьем и стрессоустойчивой психикой.

К экологическим адаптивным факторам можно отнести и географический. Для сельского жителя европейской части России расстояние в 100–200 верст было достаточно значимым. Азиатская территория страны от Урала до Тихого океана простирается на 8 тыс. км и на 4 тыс. км – с севера на юг. Поэтому в Сибири говорили: “Сто верст не расстояние”, “Сто верст не крюк, а все наша волость”. Адаптация к пространству требовала изменения мироощущения переселенцев [Шелегина, 2001б, с. 15–16]. Подчеркнем, что взаимодействие с новой экологической средой приводило к выбору наиболее приемлемого типа хозяйственной деятельности. Зональные различия в преобладании типов вертикальной и горизонтальной планировок жилищно-хозяйственного комплекса как результат адаптации к природно-климатическим и социально-экономическим условиям проявились в период завершения первоначального освоения территории края.

Сибирь, как и любая находящаяся в процессе первичного освоения территория, вобрала в себя пеструю в этнокультурном отношении массу мигрантов-индивидуов, одиночек, вырванных из традиционной для них социокультурной среды. Чтобы создать систему жизнеобеспечения – производство и социальную организацию – им предстояло адаптироваться не только к природе, но и к особенностям культурного наследия друг друга [Очерки..., 2002, с. 36]. Полиэтническая среда способствовала выработке определенной терпимости, уважения к иной культуре, толерантности. Немаловажное значение в межэтнических контактах имели взаимоотношения носителей различных этнокультурных традиций в деловой, производственной, бытовой сферах. Продуктивный обмен культурными ценностями между параллельно и взаимосвязанно формировавшимися общностями Сибири играл важную роль в адаптационных процессах [Люцидарская, 1992, с. 54, 58, 61, 176]. Так, например, иное этническое окружение старообрядцев Забайкалья (“семейских”) способствовало их жизненутверждению. В основном миролюбиво настроенное к русским местное население, буряты и эвенки, через различные контакты обогащали опыт хозяйственной и природно-экологической адаптации переселенцев. Приспособление к новой культурно-языковой среде и конфессиональному окружению (буддизм, шаманизм, официальное православие) происходило путем изменения некоторых элементов материальной и духовной культуры поселенцев и выработки механизмов контрсуггестии как одного из способов выражения сопротивления инокультурному влиянию [Петрова, 1999, с. 21].

Очевидна необходимость выделения хронологической составляющей адаптационных процессов – этапов, стадий, ступеней – для общностей и конкретных адаптантов.

На этапе *преадаптации* при внезапных изменениях среды используются традиционные формы материальной культуры и социальной организации; *инадаптация* – процесс взаимодействия со средой и приспособления к новым условиям жизни на основе соответствующих средств, способов, форм, моделей адаптивного поведения; *постадаптация* представляет собой частное совершенствование результатов адаптации, достигнутых на предшествующих этапах (см. схему).

В рамках преадаптации можно выделить несколько стадий. На первой (начальной) формируется потребность в адаптации; запускается механизм адаптации – совокупность средств, с помощью которых приводится в действие и самореализуется адаптивный потенциал субъекта; осуществляется оценка адаптантом масштабов и характера изменений среды; выбирается “программа реагирования”. Вторая стадия связана с мобилизацией адаптивных резервов (ресурсов), активным сознательным поиском, выбором и освоением на ментальном уровне новых моделей поведения. Третья характеризуется “ответом” на изменения среды: происходит реализация конкретных моделей адаптивного поведения; осуществляется сравнение достижений с результатами, полученными другими адаптантами, а также референтной социальной группой; стереотипизируются и транслируются успешные модели адаптивного поведения, экономящие интеллектуальные, психические, материальные и другие ресурсы и сокращающие время реагирования на изменяющуюся реальность [Корель, 1997, с. 124]. Так, на стадии мобилизации адаптивных ресурсов и ответа на “вызов среды” в организации системы питания и создании зимнего костюма, адекватного условиям сибирского климата, русские переселенцы использовали активную стратегию адаптационного поведения, ее инновационную форму. Эта стратегия заключалась в использовании местной флоры и фауны, изучении и применении опыта коренного населения. Можно выделить еще одну стадию – адаптированности, способности продолжать жизнедеятельность в новых условиях. Активная деятельность адаптантов затухает, наступает некий относительный предел практического использования адаптивного ресурса для достижения конкретных целей, и он принимает потенциальную форму.

Применительно к субъекту могут быть выделены, по определению Л.В. Корель, “отрезки дистанции”, “пункты пути следования” субъекта адаптации, характеризующие ступень (или степень) достижения

индивидуом гармоничного состояния в отношениях со средой [Там же, с. 108].

В ситуации освоения новой территории на протяжении достаточно длительного времени этапы и стадии адаптации у разных групп населения несинхронны. У индивидов, находящихся на одной стадии, может различаться скорость прохождения отдельных отрезков дистанции адаптации. Миграционные потоки из центральных регионов России в Сибирь, начавшиеся с XVI в. и особенно мощные в годы стольпинской реформы, делали культурную адаптацию значимой в течение трех столетий для самих мигрантов и для жителей тех территорий, куда направлялись эти потоки. “На смену новоселам, ставшим старожилами, являлись из-за Урала новые партии колонистов. Тип новосела, таким образом, оказывался временным, переходным...” [Миненко, 2000, с. 111]. На протяжении XVIII – начала XX в. различные группы русских в Сибири находились на разных этапах адаптации: переселенцы – на этапе преадаптации, а затем инадаптации, старожилы – инадаптации и постадаптации.

В сущностно-содержательной составляющей адаптационных процессов можно, с нашей точки зрения, выделить такие параметры, как императивность, системность, реактивность, уровень, формы и характер приспособления.

Следует учитывать, что адаптация всегда стресс, при этом имеет значение – добровольная она или принудительная. От установки, с которой человек осваивается в новых условиях, зависят темпы, скорость, формы, адекватность, успешность и другие характеристики адаптационных процессов. При освоении Сибири решающее значение имела добровольная колонизация, соответственно, и адаптация. В большинстве своем в Сибирь шли люди рисковые, смелые, предприимчивые, стремящиеся к намеченной цели. Они были внутренне готовы к преодолению холода и голода, трудностям обустройства при минимальной помощи государства. К их числу относились казаки, служилые люди, промысловики и землепашцы. Многие новоселы приезжали в селения, где проживали их родственники или односельчане, миряне одной общине, знакомые. У названных групп адаптантов возникала положительная установка на новую ситуацию (адаптация сознания), затем новая адекватная форма поведения во всех сферах жизни.

Принудительные адаптации для некоторых групп переселенцев могли проявляться как псевдоактуальные и защитные. В первом случае субъект, испытывая внутреннее сопротивление давлению среды, “несогласие” с ней, тем не менее уступал новым требованиям, корректируя стандарты поведения, жизненные ориентиры и ценности. Так, российские новоселы под воздействием сибирской администра-

ции и общин вынуждены были использовать определенные сельскохозяйственные и строительные приемы, соблюдать санитарное состояние в жилище и на усадьбах, следовать определенным нормам поведения. При этом имеет значение уровень культурного развития адаптента: чем он ниже, тем легче отказаться от накопленных навыков и приспособиться к новым ценностям и стереотипам. Такого рода принудительные адаптации со временем переходили в добровольные.

Защитные адаптации, направленные прежде всего на самосохранение, были связаны с обязательным изменением способов взаимодействия со средой при неизменности старых традиционных целей и ценностей. Такого типа адаптации, с нашей точки зрения, имели место при консервации переселенцами локальных традиций, обрядов, использовании как этномаркирующих, дифференцирующих их среди сибирского населения специфических элементов костюма, головных уборов. На начальных этапах освоения края, в экстремальных ситуациях, в первые годы жизни новоселов в Сибири могли быть и т.н. депривационные (снижающие уровень жизни) адаптации. В основе их лежала стратегия самоограничения в питании, качестве жилья.

В рамках суперадаптационного процесса происходили локальные адаптации, затрагивающие элементы социальной системы и взаимосвязанной с ней культуры жизнеобеспечения. Среди них можно выделить ролевые. Так, например, при создании семей повышался статус молодежи, что увеличивало ее адаптивный потенциал, вносило коррективы в существующий жилищно-хозяйственный комплекс. Факультативные адаптации способствовали приобретению подрастающим поколением в процессе трудового воспитания, участия в календарных праздниках, обрядах, свадебном ритуале выработанных другими субъектами реакций и норм адаптивного поведения, в т.ч. в сфере жизнеобеспечения. Стабильные адаптации, связанные с переменой места жительства в пределах одной территориальной общности, были характерны для внутрисибирских миграций.

В основе понятия реактивности адаптации лежат скорость реагирования на изменения среды, последовательность и настойчивость в достижении адекватности новым условиям. Наиболее удачные модели адаптивного поведения закреплялись и транслировались в обществе. Механизмами их сохранения являлись социальная память, социализация, обучение и подражание, с помощью которых на смену старым стереотипам взаимодействия со средой приходили новые. При этом возникало равновесие адаптирующей среды и адаптента [Корель, 1997, с. 73].

В ситуации, связанной с миграцией русского населения в Сибирь, изменения, несомненно, носили

крупномасштабный характер и требовали от субъектов адаптации более активного и быстрого поведенческого реагирования на “вызов среды”. Оказывались востребованными и культивировались такие личные качества первопроходцев, как особая настойчивость, упорство, твердость, предприимчивость, смекалка, находчивость, вера в свои силы. Успешному освоению Зауралья способствовало то, что оно осуществлялось поэтапно и в адаптационные процессы последовательно включались разные группы адаптантов. Казаками, служилыми людьми возводились остроги – форпости, содерявшие потенциал для развития в города, структура которых на начальном этапе имела земледельческую составляющую: деревни “выходили” из городов, по мере увеличения их числа появлялись слободы с соответствующей социокультурной инфраструктурой, затем слившиеся в сельскохозяйственные районы.

Опыт, накопленный субъектами с активной стратегией поведения, имеющий позитивный эффект, являлся общественно полезным и экономил силы более пассивных адаптантов, заимствовавших готовые формы приспособительного поведения. У новоселов под влиянием старожилов вырабатывались актуальные поведенческие реакции.

Адаптации сибиряков на ментальном уровне могли влиять на культуру жизнеобеспечения. Идеал сибиряка определялся как зажиточность, обустроенностя жизни, стремление к повышению благосостояния. Отношение к делу должно было быть просчитанным, с определенным запасом прочности, ориентацией на успех. Идеи, возникавшие в индивидуальном сознании, распространялись в обществе и давали возможность для прогрессивных изменений в культуре жизнеобеспечения.

По характеру адаптации могут быть традиционными, инновационными, гиперинновационными. Первые предполагают использование уже готовых адаптивных норм, форм и способов взаимодействия с изменяющейся средой. Они могут основываться на прошлом опыте субъекта адаптации либо быть заимствованы посредством подражания. Применительно к культуре жизнеобеспечения это означает возможность использования распространенных в местах выхода мигрантов одежды, способов организации жилищно-хозяйственного комплекса, системы питания при соответствии их функциональных характеристик новым условиям.

Инновационные адаптации сопровождаются выработкой стереотипов поведения, “нацеленных” на выживание или достижение жизненного успеха в изменившейся обстановке. В основе адаптаций этого рода лежит поиск и реализация оригинальных способов взаимодействия с внешней средой. В условиях освоения Сибирского региона к числу утилитарных

новаций можно отнести заимствования у аборигенного населения; к разряду престижно-знаковых: для сельского населения – элементы городской материальной культуры, для городского – компоненты быта социальных групп с более высоким статусом, иностранные вещи и продукты питания. Переселенцы и старожилы в зависимости от ситуации могли использовать и утилитарные, и престижно-знаковые новации. Социальные группы, субъекты, как правило, сочетали адаптации традиционного и инновационного плана. Вообще, в процессе взаимодействия традиций и новаций в культуре жизнеобеспечения первые не только отмирали, но и изменялись, принимая вид новаций, а последние становились традициями. Выделяются четыре стадии такого взаимодействия: традиции сопротивляются новациям; те и другие существуют; они смешиваются, образуя компромиссные формы – паллиации; новации превращаются в традиции [Народы России..., 1994, с. 462].

Модели инновационного и гиперинновационного (модернистского) адаптивного поведения реализуются как под влиянием среды, так и в связи с изменениями в системе жизненных ценностей, статуса адаптента. Скорость их распространения в обществе зависит от результативности, эффективности, наглядности для остальных участников адаптационного процесса. В качестве моделей инновационного поведения можно привести использование сибирскими крестьянами новейших достижений строительной техники, а гиперинновационного – подражание богатыми земледельцами архитектурным формам, характерным для дворянской усадьбы; купцами – архитектуре и планировке жилищ в столичных городах, а также воспроизведение европейских архитектурных стилей.

Новации, связанные с таким социальным феноменом, как мода, могли вступать в конфликт с существующими культурными образцами, но могли и способствовать созданию новых образцов, иногда в виде паллиативных форм.

В течение XIX в. утвердившиеся традиции старожильческого мира испытывали внешнее давление со стороны инноваций Европейской России. По мнению Б.Е. Андюсева, на этом этапе наблюдаются процессы взаимодействия традиций (“мы”) и новаций (“они”). В данной оппозиции весьма естественно выглядят противоречия между крестьянской общиной Сибири и государством, между старожилами и российскими переселенцами как субъектами взаимодействия традиций и инноваций. Для сибирских старожилов жизненно важными становились задачи сохранения старожильческих (традиционных), русских (этнических) и российских (инновационных) компонентов народной культуры [Андюсев, 2004, с. 71, 218–231].

Таким образом, можно считать, что процессы адаптации базируются на сохранении традиций (придающих устойчивость культуре) и стремлении людей к новациям, а иногда и гиперинновациям, обеспечивающим поступательное развитие общества во всех его сферах. В целом для успешного хода адаптационного процесса в культуре жизнеобеспечения важно сбалансированное соотношение традиционных и инновационных, апробация гиперинновационных адаптаций.

Средства адаптации подразделяются на институциализированные, нормативно-регулятивные и личностные. Первые позволяют направлять деятельность адаптантов за счет усилий со стороны государства, церкви, общины. Принадлежность индивида к адаптирующемуся на новой территории социальному институту, пребывание на государственной службе включали его в общий адаптационный процесс и тем самым облегчали поиск индивидуальной стратегии выживания с оптимальным использованием адаптивных ресурсов. Второе и тем более последующие поколения переселенцев, ставших старожилами, выступали носителями уже адаптированной на сибирской почве культуры жизнеобеспечения. Прогрессивной адаптации способствовала деятельность Томской губернской строительной комиссии, созданной решением Сената. Она стремилась распространять в деревенской среде передовые строительные приемы.

Нормативно-регулятивные средства адаптации с помощью общества и семьи, норм культуры, традиций, обычаяев позволяют направлять деятельность адаптантов на создание условий, необходимых для жизнедеятельности. В некоторых случаях (например, при необходимости воспроизводства леса, пригодного для строительства) решения общины являлись нормативно-регулятивным средством адаптации к экологическим условиям. Под воздействием общины формировалось адаптивное поведение переселенцев. Российских новоселов обязывали использовать передовые сельскохозяйственные и строительные приемы, содержать в хорошем санитарном состоянии жилище и усадьбу, следовать определенным нормам поведения. В крестьянском сознании воспроизводилась система ценностных показателей, необходимых для успешной адаптации и жизнедеятельности членов сельского сообщества. Благодаря институциализированным и нормативно-регулятивным средствам адаптации в Сибири осуществлялось региональное перераспределение продуктов и привозных товаров, что объективно способствовало развитию культуры жизнеобеспечения.

Личностные средства адаптации имеют социально-психологическую окраску, воплощают познавательные алгоритмы, ценностные ориентации, определяют поведение индивидов в тех или иных си-

туациях. Чем выше уровень культурного развития, социокультурный статус, тем выше способность субъекта адаптации воздействовать на среду в своих интересах, тем больше у него шансов адаптировать ее к собственным целям [Корель, 1997, с. 93, 115]. Этому способствовали наличие и эффективное использование т.н. адаптивной биографии, достаточно высокий уровень коммуникабельности, знание языков аборигенных народов Сибири, мотивация на достижение жизненного успеха. Архаические установки и “отработанные сценарии” являлись основой психологической комфортности традиционного сознания сибиряков, помогали быстрой и успешной адаптации на новой территории [Андыусев, 2004, с. 55]. Щегольство сибиряков независимо от материального положения, пола и возраста, проявление индивидуального вкуса, определенная предприимчивость для достижения этого реализовывались с использованием инновационных и гиперинновационных моделей адаптивного поведения, в первую очередь субъектами с внутренним “локус контролем”*.

К критериям адаптационных процессов можно отнести адекватность, глубину, конструктивность, полноту, прогрессивность адаптаций, этнографическую идентичность. Адекватность предполагает верное понимание адаптантом “вызыва среды”, происходящих в ней изменений и соответствующую корректировку своего сознания, поведения и практических действий. В сложной ситуации правильный выбор стратегии поведения зависит не только от способности субъекта адаптации к рациональному мышлению, но и от его интуиции, удачи [Корель, 1997, с. 47–49, 130].

Становление адаптированного образа жизни крестьян-старожилов во многом определялось адекватными экстремальным условиям представлениями о целях, способах деятельности и конечными результатами формирования материально-хозяйственной инфраструктуры. К примеру, наиболее адекватной для периода инадаптации следует считать систему питания жителей земледельческой полосы Сибири. Из входивших в нее компонентов к витальным и знаковым, вариативным относились пельмени и чай. Их можно расценивать как проявление конструктивной адаптации, несущей в себе элементы созидательности, рациональности и универсальности. Применительно к культуре жизнеобеспечения конструктивными адаптациями могут считаться модифицирующиеся типы планировки жилища, транс-

* Под этим социологическим термином понимается представление о том, в какой мере человек является хозяином своей жизни, связывает ли он свой жизненный успех с внешними, не зависящими от него обстоятельствами или же исключительно с личными достоинствами и усилиями.

формирующими виды одежды и употребляемые в различных бытовых ситуациях кушанья.

Критерий глубины адаптационных процессов предполагает выделение, в частности, поверхностных адаптаций. Они сопровождаются лишь незначительными переменами в способах и характере взаимодействия адаптента со средой. В качестве индикатора глубины служит “обратимость” адаптаций, т.е. возможность при соответствующем изменении внешних условий вернуться к прежнему образу жизни. Такими адаптациями, по-видимому, характеризуются быт промысловиков со специфической культурой жизнеобеспечения, дорожные ситуации.

При прогрессивной адаптации ее субъект в ходе взаимодействия с внешней средой повышает свой социальный, имущественный статус. Использование новейших строительных приемов, опережение в темпах распространения модной одежды, на наш взгляд, можно рассматривать как прогрессивные явления в культуре жизнеобеспечения.

Социологи высказывают предположение о корреляции приспособляемости субъекта адаптации с его принадлежностью к той или иной группе, выделенной по признаку “локус контроля” [Там же, с. 135]. Ретроспективный анализ социогенеза сибиряков, проведенный А.И. Пальцевым, позволяет выделить в качестве диспозиционных установок, определяющих их ценностные ориентации, свободу, соборность, практицизм, духовность, долг [2001, с. 104]. Очевидно, что лица с внутренним “локусом контролем” преобладали среди первоходцев Сибири, старожилов, части переселенцев.

Принципиальным является вопрос о завершении определенного этапа адаптационного процесса, наступлении состояния адаптированности. К предлагаемым социологами критериям относятся: полнота – достижение полной гармонии со средой в ходе адаптационных процессов (частичная адаптация – к отдельным изменениям в среде – может перейти в полную, а может навсегда оставаться незавершенной); наличие надежного набора решений различных проблем в тех или иных условиях; поведенческие характеристики адаптента – “встроенность” в новую социальную среду (степень освоения новых поведенческих стандартов, актуальные реакции, ментальность) [Корель, 1997, с. 65].

Для оценки адаптированности можно использовать ситуативность или регулярность действий. Преобладание в поведении ситуативных реакций на “вызов среды” говорит о неадаптированности субъекта. Она может быть связана как с субъективными факторами – слабым адаптивным потенциалом адаптента, так и с объективными – хаотическим характером изменений в среде, требующих каждый раз нового решения и типа реагирования [Там же, с. 135]. При-

менительно к культуре жизнеобеспечения в качестве критерия адаптированности можно рассматривать наличие созданных на основе традиционных и новационных, гиперинновационных моделей поведения адекватных и наиболее прогрессивных для данной территории и периода времени форм материальной культуры.

Таким образом, при структурировании и исследовании адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX в., которые, по сути, только начинаются, следует учитывать их этапность, стадиальность; определять совокупность действий, характер использования форм и средств адаптации; оценивать успешность процесса с точки зрения адекватности, глубины, конструктивности, полноты, социального самочувствия адаптентов, формирования локальных и региональных вариантов культуры.

Адаптация вообще и в культуре жизнеобеспечения в частности – непрерывный процесс. Ведь жить – значит адаптироваться, а адаптироваться – значит жить!

Список литературы

Андюсов Б.Е. Традиционное сознание крестьян – старожилов Приенисейского края 60-х гг. XVIII – 90-х гг. XIX в.: Опыт реконструкции. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2004. – 264 с.

Арутюнов С.А., Бентцин У., Вайнхольд Р. Введение // Материальная культура: (Свод этнографических понятий и терминов). – М.: Наука, 1989. – Вып. 3. – С. 5–14.

Болонев Ф.Ф. Земледельческий опыт русских крестьян в Забайкалье (конец XVII – начало XX в.) // Проблемы изучения этнической культуры восточных славян Сибири (XVII – начало XX в.). – Новосибирск: АГРО-Сибирь, 2003. – С. 4–47.

Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – 543 с.

Гуляева Н.В. Основы адаптологии: Учеб. пособие. – М.: Моск. физ.-технол. ин-т, 1997. – 108 с.

Жигунова М.А. Этнокультурные процессы и контакты у русских Среднего Прииртышья во второй половине XX века. – Омск: Изд. дом “Наука”, 2004. – 228 с.

Жигунова М.А., Шелегина О.Н. Материальная культура русского населения в XX веке: традиции и новации // Русский этнос Сибири в XX веке. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. – С. 62–89.

Корель Л.В. Классификация адаптаций: Словарь основных понятий. – Препр. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1996. – 44 с.

Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997. – 160 с.

Королев В.И. Климатическая адаптация: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПб. гос. техн. ун-та, 1998. – 24 с.

Кочеткова М.Г., Завьялова М.Н. Адаптация и резервы человека: Учеб.-метод. пособие. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т, 2000. – 152 с.

- Красильников С.А., Шелегина О.Н.** Об интеграции исследований в проекте “Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты” // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы; Омск: Изд. дом “Наука”, 2004. – С. 45–47.
- Люцидарская А.А.** Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки (XVII – начало XVIII в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 197 с.
- Майничева А.Ю.** Русские Сибири: зодчество в аспекте этнокультурной адаптации XVII–XX вв.: Автoref. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 46 с.
- Маркарян А.С.** Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. – 1981. – № 2. – С. 78–96.
- Маханько Н.В.** Социокультурная адаптация в трансформационных процессах культуры: Дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2001. – 142 с.
- Миненко Н.А.** В долг без расписки // Родина. – 2000. – № 5. – С. 110–115.
- На путях из Земли Пермской в Сибирь:** Очерки этнографии североуральского крестьянства XVII–XX вв. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
- Народы Евразии:** Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 200 с.
- Народы России:** Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. – М.: Большая рос. энцикл., 1994. – 479 с.
- Основные механизмы адаптации человека /** В.С. Авдеева, Е.М. Бурцев, Л.С. Горожанин, П.И. Ефремов, В.Н. Захаров, И.В. Карманова, С.Б. Назаров, А.А. Солнцев, З.К. Трушинский, И.В. Уткин, М.Н. Уткина, В.Ф. Чернобровый, Р.Р. Шиляев. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
- От Средневековья к Новому времени:** этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в.: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Б.и., 2005. – 360 с.
- Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.** – Новосибирск: Наука-центр, 2002. – 241 с.
- Пальцев А.И.** Менталитет и ценностные ориентации этнических общностей (на примере субэтноса сибиряков). – Новосибирск: Сиб. тамож. упр., 2001. – 140 с.
- Петрова Е.В.** Социокультурная адаптация “семейских” Забайкалья: этносоциологический анализ. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 128 с.
- Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири.** – М.: Наука, 1974. – 296 с.
- Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири (XVII–XX вв.).** – Новосибирск: РИПЭЛ, 2005. – Вып. 5: Фронтier в истории Сибири и Северной Америки. – 304 с.
- Проблемы** трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. / Под ред. Ф.Ф. Болонева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. – 156 с.
- Ромм М.В.** Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука, 2002. – 274 с.
- Русские старожилы** и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. – 218 с.
- Сверкунова И.В.** Региональная сибирская идентичность: Опыт социологического исследования. – СПб.: НИИ химии СПб. гос. ун-та, 2002. – 192 с.
- Советский энциклопедический словарь.** – М.: Сов. энцикл., 1980. – 1600 с.
- Шелегина О.Н.** Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1992. – 252 с.
- Шелегина О.Н.** Историко-этнографические аспекты адаптации русского крестьянства Западной Сибири в XIX в. // Народы Сибири: история и культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 1997. – С. 116–119. – (Этнография Сибири).
- Шелегина О.Н.** Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2001а. – Вып. 1: Историко-этнографические аспекты. XVII–XX вв. – 184 с.
- Шелегина О.Н.** Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2001б. – Вып. 2: Социокультурные аспекты. XVIII – начало XX в. – 160 с.
- Шелегина О.Н.** О результатах и перспективах изучения адаптации русских к условиям Сибири в XVIII – первой половине XIX века // Адаптации населения в Сибири: этапы, механизмы, результаты. – Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2003. – С. 17–37.
- Шелегина О.Н.** Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII – начало XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005а. – № 3. – С. 151–160.
- Шелегина О.Н.** Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири в XVIII – начале XX века: (К постановке проблемы). – Новосибирск: Сиб. науч. книга, 2005б. – 192 с.
- Этнография** русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

Материал поступил в редакцию 21.11.05 г.

УДК 391

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: mf11@mail.ru

ОРНИТОМОРФНАЯ СИМВОЛИКА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КРЕСТЬЯН ПРИОБЬЯ, БАРАБЫ, КУЛУНДЫ И АЛТАЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Введение

Специфика русского орнаментального искусства заключается в том, что спустя много веков после распространения христианства оно не утратило сюжетных композиций времен славянского язычества. Однако вопрос о генезисе многих мотивов народного искусства вряд ли можно считать решенным, несмотря на то, что специалисты разных областей знания (этнографы, искусствоведы, археологи) периодически предлагают свои варианты интерпретации композиций и их отдельных элементов. Совершенно очевидно, что выяснить происхождение сюжетов архаической вышивки, проследить их связь с обычаями и обрядами возможно только при максимально полном сопоставлении имеющихся материалов по всему комплексу явлений духовной культуры, восходящих к разным этапам исторического развития восточных славян.

Материалы, полученные во время экспедиционных исследований на юге Западной Сибири, демонстрируют удивительную стойкость традиций духовной и материальной культуры восточно-славянских народов и свидетельствуют о достаточно широком распространении в этом регионе орнитоморфных мотивов в семейной и календарной обрядности, изобразительном искусстве. Что стоит за фактом популярности “птичьих образов” у русских крестьян Западной Сибири? В какой мере это отражает этнокультурную специфику населения территории “вторичного” освоения?

Основными источниками для анализа поставленных выше проблем являются полевые сборы

двух типов. К первому относятся предметы рукоДЕлия крестьян Западной Сибири конца XIX – начала XX в., прежде всего вышивки, домовая резьба и росписи прялок, обнаруженные в селениях и музеях Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая. Вторым источником являются записи бесед с информаторами, позволившие в известной степени восстановить локальные комплексы календарных и семейно-свадебных обрядов.

Орнитоморфная символика в обычаях и обрядах

Орнитоморфные образы в традиционной культуре восточно-славянских народов не раз становились объектом изучения специалистов. Внимание археологов привлекали широко представленные в восточно-славянских курганах VI–X вв. наборы амулетов, включающие привески-уточки, точно передающие силуэт птицы [Булычев, 1899, с. 79; Седов, 1982, с. 266–268, 291; и др.]. После В.В. Стасова [1894], отметившего строгую взаимосвязь иконографии народной вышивки с дохристианскими верованиями славян, к этой проблеме в той или иной степени обращались В.А. Городцов [1926], Б.А. Рыбаков [1981], Г.С. Маслова [1978], Г.П. Дурасов [1980], Т.А. Бернштам [1982], О.А. Сухарева [1983], А.П. Косменко [1984], П.Р. Гамзатова [2002] и др. А.К. Амброз одним из первых заметил разницу между узорочьем деталей женской одежды, где преобладал геометрический рисунок, и орнаментом на полотенцах, отличающим-

ся сложными композициями [1966, с. 61]. Благодаря многолетней собирательской работе этнографов накоплен значительный материал, позволяющий глубже понять семантику орнаментального искусства рукоделий (полотенец) в обрядовой жизни восточнославянских народов.

Поверья, связанные с птицей, оказались чрезвычайно живучими в народном фольклоре, особенно в сюжетах, где герой прибегает к помощи пернатых для своего освобождения. Обращаясь к сибирскому фольклору XIX – начала XX в., вспомним образ разбойника-сезеня, которому, чтобы выплыть из тюрьмы, была нужна только “ложка воды” [Потанин, 1864, с. 152]. Сакральность орнаментов орнитоморфного типа подтверждена полевыми материалами, собранными на территории как Европейской России, так и Сибири. “Возможно, вышивание выполняло ту же роль, что и заклинание”, – писал исследователь Г.П. Дурасов [1980, с. 98].

Вышитые полотенца помещали на иконы в красном углу – напротив входной двери (“вешали на Божницу”). Они висели на Божнице либо постоянно, либо по праздничным и родительским дням (рис. 1). Из семейных торжеств наибольшим богатством традиционных обычаяв отличалась свадьба: женские рукоделия были неотъемлемым элементом целого ряда обрядов. “Милующихся”, целующихся птичек вышивали как пожелание молодым жить в любви и согласии, ведь брак небесный мыслился как первообраз земного брака, а венчание включало таинства, содержащие благословение Божье на брачный союз [Потебня, 2000, с. 419]. Девушки в Берской вол. Барнаульского уезда, помогая готовить невесте приданое, в т.ч. полотенца, пели:

*Как на травке – на муравке зеленої,
Эй, сидел голубь со голубушкой своей.
Эх да, со голубушкой своей.*

*А у голубя золотая голова,
Эй, да у голубки да позолоченная.
А у голубки да позолоченная.
Эх, черным шелком она наструченная!...*

(записано автором от старожилов д. Лебедевки Искитимского р-на Новосибирской обл.).

У старожилов сезень упоминался в песнях, сопровождавших банный обряд накануне свадьбы. Когда мыли невесту в бане, то подружки, поливая печку-каменку, распевали:

*На горючем, на камушке сезенюшка косу вьет,
Сера утица полошица, красна девица хорошица...*

(записано автором от А.Н. Агафоновой, пос. Шемонаиха Восточно-Казахстанской обл.).

Когда у невесты расплетали косу, девушки пели про птицу “пташечку”, “ласточку”, рано вылетевшую из “родительского гнезда”:

*Уж, ты пташечка, белокрылая,
Ты зачем рано с гнезда слетаешь?
Ты зачем рано выпархиваешь?
Не сама-то я с гнезда лечу,
Не сама-то я выпархиваю.
Приходил ко мне уговорничек,
Говорил мне слова ласковые...*

(записано автором от А.Н. Агафоновой там же).

Сходный образ девушки-птицы, рано выпорхнувшей из родительского гнезда, присутствовал в обряде “расплетения косы” во многих других этнографических группах, например, у старообрядцев Васюганья:

*Сидит она, ласточка, на горе, на горе.
На сереньком камушке сидючи, сидючи...*

(записано автором от С.Г. Степанова, д. Бергуль Северного р-на Новосибирской обл.).

У украинцев Кулунды девушки, приглашая подружек на прощальный вечер-девичник, пели:

*Ой, просо, как трава, ходит наша Наденька, как пава,
Пока себе дружочек собрала, темненькая ночь настала.
Ой, попе, попе Гордию, не звони рано в неделю,
Звони рано в субботу, потеряйте, дружечки, работу...*

(записано автором от В.Н. Свириденко, пос. Краснозерное Новосибирской обл.).

Рис. 1. Оформление красного угла, г. Куйбышев (быв. Каинск) Новосибирской обл. Музей школы.

В Карасукской вол. Барнаульского уезда во дворе жениха, отправлявшегося за невестой, свахи пели:

*Ой, крикнул орел, сидя на дубу,
Отозвался Иван со своему двору.
Ой, горе мне одному,
Если б мне Наденьку молоду...*

(записано там же).

Крестьянки Приобья, Барабы, Кулунды, Алтая и Васюганья, когда подружки привозили от невесты “узел”, на стенах в доме жениха развешивали полотенца, и те висели во время всего свадебного пира. Полотенцами украшали и свадебный поезд. Когда ехали “брать” невесту, дружку или свату полотенцем обвязывали грудь, поезжане обматывали женскими рукоделиями свои шапки. Во время венчания полотенце стелили под ноги брачующихся. Даже в начале XX в. дохристианские верования во многом определяли мировоззрение сибирского крестьянства, орнаменты выполняли обережную функцию. Как считал В.А. Городцов, сакральные узоры на рукоделиях сопровождали семейные обряды, свадьбы, во время которых “невесты обязаны были наглядно доказать знание религиозных символов и умение их воспроизводить” [1926, с. 35]. Использовавшиеся при венчании полотенца и свечи хранили всю жизнь, считалось, что они лечат психические и некоторые другие заболевания детей и взрослых. Например, в Ояшинской вол. Томского уезда ребенка, чтобы избавить от т.н. младенческой (нервных) припадков, заворачивали в такое полотенце и зажигали свечи.

“Птичья символика” пронизывала и календарную обрядность восточно-славянских народов изучаемых территорий Сибири. Она нашла отражение в святочных девичьих гаданиях о “суженом-ряженом”, в призывах к весне прийти поскорее. Как свидетельствуют полевые материалы, селянки Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая часто использовали птиц в качестве предсказателей будущего – была живучая вера в вещательные способности петухов, кур. Гадание с участием этих птиц происходило так: на пол насыпали кучки соли, угля, пшена, рядом ставили в тарелке воду, выпускали петуха или курицу и следили за поведением птицы. Считалось, что если она сначала подходила к соли или углю, то у гадавшей девушки будет горькая жизнь, если к воде – муж будет пьяницей, если к пшенице – ждать богатого, хозяйственного жениха. Вообще в поведении петуха видели много значений, и свое толкование имело буквально каждое движение птицы. В Иткульской вол. Каинского уезда петуха и курицу обычно заносили парой и наблюдали за их поведением. Если пернатые начинали драться, то это расценивалось как предупреждение о драчливости мужа, если квохотали друг с другом, – как признак согласной семейной жизни и т.д. Плохой приметой считалось, если девушке перед свадьбой на кровать вскочит петух.

Орнитоморфная символика зафиксирована в стихотворениях-“пророчествах”, считавшихся благожелательными, которые зачитывались после исполнения подблондных песен с рефреном “Илия”:

С переулка летит сокол, (считалось, что гадавшей
Со второго соколица, выпало удачное
Они слетаются да целуются... замужество)

Или:

Рылася курочка (прогноз совпадал
У царя под окошечком, с вышеуказанным
Вырыла курочка
Золотой перстенек...

(записано автором от М.Я. Загайновой, пос. Маслянино Новосибирской обл.).

Песни о “лебедушках”, “утушках” можно было слышать на святочных игрищах сибирской молодежи. Например, в хороводах двое парней ходили по кругу, взяв понравившихся им девушек за руку, в это время остальные пели:

*У воротичек, воротичек
Два лебедушки плавают,
Два хороших плавают.
По этому разливчику...*

(записано автором от А.П. Гуторовой, д. Григорьевка Бенгераевского р-на Новосибирской обл.).

Приведем региональный материал по весенней календарной обрядности, включавший образы птиц. В некоторых песнях, исполнявшихся девушками на Масленку во время катания на санях, любимый человек назван “златокрыленьким голубочком”:

*Эх, златокрыленький, да мой голубочек,
голубочек, ох ты!
Ты зачем, да зачем да, в гости ко мне
не летаешь, не летаешь?
Ох да, разве душу, разве душу мою ты
не знаешь, не знаешь?...*

(записано автором от А.Н. Агафоновой, пос. Шемонаиха Восточно-Казахстанской обл.).

По своему характеру они стоят ближе к лирическим “девичьим страданиям”.

К Сретению в старожильческих и некоторых переселенческих семьях из дрожжевого теста стряпали “пташечек” и раздавали их совсем малым детям и подросткам. Дети ходили с угощением по деревне и пели:

*Весна-красна пришла
На прутички, на хомутички
Пришла вясна, тепла приняла...*

(записано автором от М.Л. Скоробогатовой, пос. Кыштовка Новосибирской обл.).

В конце гулянья выпечку съедали.

Переселенцы белорусы “закликали” весну, как правило, в Благовещение и на Сорок мучеников. Они так-

же выпекали из теста “жаворонков”, с которыми дети “загукали” весну, обращаясь к ней, как к живому существу. На Сретение заботливые хозяева-белорусы кормили “с правого рукава” (с правой руки, закрытой рукавом) овсом кур, “чтобы яйца были крупные” (Е.М. Ворошикина, д. Зверобойка Тогучинского р-на Новосибирской обл.).

Практически во всех восточно-славянских группах считалось, что весна начинается с 1 марта, со дня Евдокии, или по-украински Евдошки. С этим днем было связано много примет и предсказаний. В Карасукской вол. украинцы говорили: “Если курица напьется на пороге (на проталине. – Е.Ф.), значит, весна будет дружная, теплая” (И.М. Митейко, д. Веселовское Краснозерского р-на Новосибирской обл.).

В представлении крестьян-старожилов праздник Благовещения (25 марта) приравнивался к “первопаске”: “Что Пасхи первый день, что Благовещение” (П.Л. Баранова, д. Ключевая Венгеровского р-на Новосибирской обл.). Этот праздник предусматривал жесткий запрет на любые виды хозяйственной деятельности, прежде всего связанной с женским рукоделием. Собственно, запрет определил основное содержание христианского праздника, поэтому при любом упоминании о нем информаторы повторяют ставшую сакральной фразу: “Птица гнезда не вьет, девица косы не плетет” (В.Е. Шмакова, д. Новошмаково Черепановского р-на Новосибирской обл.). В семьях из боязни совершить грех и быть наказанным за это зорко следили, чтобы кто-нибудь не забыл и не нарушил запретов. Прясть в праздник считалось чрезвычайно большим грехом; согласно поверью, зафиксированному А.А. Макаренко в Енисейской губ., одна ослушница в наказание была превращена в кукушку [1993, с. 51]. У сибирских белорусов считалось, что все сделанное на Благовещение не имело перспективы, не могло получить развития, например, из снесенного яйца не выведется цыпленок: “Если гус яичко снэс и не выведе дитеночка”. По воспоминаниям пожилых людей, в Белоруссии в связи с прилетом птиц ходили “закликать” весну к “большому дубу” и сидящему в гнезде аисту – “птице бус”. В Сибири на Благовещение исполнялись песни-приглашения, считалось, что в этот день прилетят лебеди. Услышанные нами весенние песни пели на пригорках или за селом: “Благослови Боже, благослови Боже весну загукати!”, “А весна-красна, а Марьяночка, погнала коров ранечко...” (Записано от П.Ф. Клинцовой, пос. Кыштовка Новосибирской обл.).

Украинцы, как и другие восточные славяне, буквально понимали известное благовещенское предостережение, которое у них звучало: “Дэвка косы нэ плетэ, ворона хнезда нэ вьуть” (А.Ф. Шулик, д. Веселовское Краснозерского р-на Новосибирской обл.). По украинскому обычаю, хозяйки присматривали в этот день за домашней птицей, чтобы яйцо, снесенное не в срок, выбросить или скормить курам, поскольку оно считалось “нечистым”. “Даже хус снэсэ

яичко – так отбрасывали это яичко, оно нечистое” (А.Ф. Шулик, д. Веселовское Краснозерского р-на Новосибирской обл.). Несомненно, что эта традиция была завезена в Сибирь с украинской прародины [Зеленин, 1914, с. 276]. Считалось, что ближе к 22 марта должны прилететь лебеди. Лебедь была почитаемой птицей, которая чудесным образом появляется, несмотря ни на какие неблагоприятные погодные условия. “Лебедь перед Благовещением приходит. Другой раз буран, а лебедь пришел. 22 марта – смотри – все равно придет” (М.Е. Романок, д. Лотошное Краснозерского р-на Новосибирской обл.). В данном случае в Сибири сохранилось содержание известного украинского обычая ожидать прилет птиц, но не аистов, как, например, в Волынской губ., а лебедей [Там же]. Обращает на себя внимание приуроченность встречи лебедей к срокам весеннего равноденствия, природным ритмам. В среде украинцев сохранилось предание про девушку, которая пряла в неурочное время Благовещения и “сделалось ей”: став нарушительницей запрета, она “стала кукать” – превратилась в кукушку (вариант: в русалку) (В.Ф. Карпенко, д. Ярки Черепановского р-на Новосибирской обл.).

В ряде районов Барнаульского уезда в семьях старожилов-чалдонов не было принято стряпать “птичек” ко дню Сорока мучеников, как называли в народе православный праздник “40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся” (9 марта). В Ординской вол., например, “птичек” пекли белорусы (А.А. Храпов, д. Чингисы Ордынского р-на Новосибирской обл.). В селениях Карасукской, Малышевской, Николаевской волостей в день Сорока мучеников сибиряки из пресного теста стряпали птичек-“жаворонков” (Е.И. Чичканова, д. Чернокурья Карасукского р-на Новосибирской обл.). “Птичек” клали на высокие столбы или раздавали детям, которым полагалось обегать окрестности деревни, припевая:

Жаворонушки! Придите к нам,
Принесите нам
Весну-красну
На носочке, на бородушке!

(записано автором от П.П. Кошкиной,
д. Новая Курья Карасукского р-на
Новосибирской обл.).

В Сузунской, Малышевской, Ординской волостях “жаворонками” одаривали и стариков, “чтобы Богу помолились” (К.А. Бурцева, д. Факел Искитимского р-на Новосибирской обл.). Пожилые информаторы вспоминают, что такие обрядовые действия имели целью “встретить весну”; при этом количество жаворонков, по одним сообщениям, значения не имело (Е.И. Чичканова, д. Чернокурья Карасукского р-на Новосибирской обл.), по другим – было строго определенным (К.А. Бурцева, д. Факел Искитимского р-на

Новосибирской обл.). В Каинском уезде “кулики” в виде птичек-“колобков” выпекали из несдобного теста, смазанного постным маслом. Их раздавали детям, которые забирались на крыши хозяйственных построек и кричали: “Жаворонушки! Придите к нам… Кули-весна! На чем пришла?...”. Вдоволь накричавшись, они съедали “кулики”. Традиция предусматривала делиться со всеми сверстниками. Песни-“заклички” различались: в одних имело место обращение непосредственно к “весне-красне”, а в других – при выпечке “птичек” обращались с просьбой к пернатым “принести весну”. Записанные у старожилов Каинского уезда веснянки обнаруживают сходство с аналогичными южно-русскими обрядовыми песнями, исполнение которых сопровождалось игровыми моментами [Славянские древности, 1995, с. 184].

Переселенцы из Поволжья выпекали “жаворонков” в виде птичек и раскладывали их на крышах своих домов. Стоя внизу, дети громко пели:

Кули-весна!
На чем пришла?
На прутичке, на хомутичке,
На ржаном споне,
На овсяном колоске!

(записано автором от А.Ф. Лавришевой,
д. Минино Венгеровского р-на
Новосибирской обл.).

После исполнения песен “жаворонков” оставляли на крыше, “чтобы птички склевывали”. Одна из информаторов вспоминала случай из детства, когда выпавшего из рук жаворонка съела собака. Родители объяснили ей, что это хорошо: “Собака съела зиму”.

Согласно представлениям старообрядцев-курганов, весна начиналась в марте со дня, посвященного Сороке мученикам. К этому дню из кислого теста пекли “жаворонков”, или “к/хресты”. Дети встречали весну на возвышенных местах, крышах домов с соответствующими песенками, которые помнятся старикам и сегодня:

Жаворонки, прилетите! Красну весну принесите!
Нам зима надоела, весь хлеб переела!
Всю куделью перепряла, всю солому перемяла! О-о-о!

(записано автором от Л.О. Федотовой,
д. Новоабышево Тогучинского р-на
Новосибирской обл.).

Российские переселенцы исполняли свои варианты песен-“закличек”:

Жаворонки, жаворонки!
Где ваши дети?
За ляском – закрутились калясом...

(записано автором от “калужанки”
А.П. Крючковой, д. Пайвино Маслянинского р-на
Новосибирской обл.).

Проживавшие в Сибири белорусские крестьяне “закликали” весну, как и жители Белоруссии, в день Сорока мучеников, или “Сорок Сараков” [Белорусы, 1998, с. 397]. Из белой муки они пекли фигурки птиц и раздавали их детям с напутствием: “Бегите детки весну закликать!”. Ребятишки, бегая по улице, кричали: “Сорока! Сорока!”. В шутливой форме они вели ритуальную игру-диалог, которая выглядела примерно так: “Ну, что твоя цепушка снеслась? Моя снеслась!”. Ответ обычно был подтверждающим: “Моя снеслась!”. После такого диалога и заверений в “яйценоскости птиц” выпечку съедали. Однако большее распространение получил обычай выпекать к этому дню 40 булочек, которые назывались зужинками, или журавлями (Х.С. Ермошкина, д. Надеждинка Северного р-на Новосибирской обл.). Белорусские женщины раздавали фигурки детям, которые бегали с булочками по улице, ели их сами и угождали других. Согласно бытовавшим на Украине традициям, перенесенным и сохраненным в Сибири, сибирские украинцы не придавали выпечке орнитоморфную форму, это были бублики или “хресты”.

Орнитоморфные орнаменты

По мнению видного исследователя русского народного орнамента Г.С. Масловой, птица – один из любимых и наиболее распространенных образов северо-русской вышивки [1978, с. 57]. Возможно, это связано с тем, что жители Русского Севера чувствовали себя гораздо более зависимыми от древних языческих божеств, чем, например, население центральных областей [Макаров, 1986, с. 20].

Типологически наиболее архаичными для староильческого населения Приобья являются плоскостные изображения (представлявшие как бы вид сверху) парящих птиц с расправленными крыльями (рис. 2). Встречаются изображения птиц, приближенные к крестообразным фигурам; по контуру они напоминают известные на Русском Севере щепные (из деревянной щепы) птицы-кресты, а также фигурки в виде креста, выпекавшиеся для зазывания весны [Фурсова, 2002, с. 205] (рис. 3). Подобные узоры вышиты в технике белой вышивки: плотно заполненное стежками тулово птицы выделяется на фоне разряженной ткани. Судя по просмотренным образцам, в каждой семье весьма искусно владели приемами техник тканья и вышивки, в массовой крестьянской культуре люди были не пассивными наблюдателями, а исполнителями [Громыко, 1986, с. 531].

Гораздо шире представлены орнаменты с профильными изображениями пернатых. Такой рисунок вышивали в технике креста разной степени плотности, что, возможно, свидетельствует о том, что ранее он выпол-

Рис. 2. Полотенце, оформленное в технике белой перевити, конец XIX в., Новосибирская обл. Искитимский музей.

Рис. 3. Полотенце, конец XIX в., с. Огнева Займка Черепановского р-на Новосибирской обл. Полевые материалы автора.

нялся в иной технике, скорее всего, по разряженной ткани. По мнению В.П. Даркевича, поверхность русской архаической вышивки напоминает решетку сугна, ячейки которой в шахматном порядке часто заполняются крестами – символами солнца и огня [1960, с. 13]. Узоры подобного типа зафиксированы автором в с. Большой Башелак Чарышского р-на Алтайского края (рис. 4). Информатор Татьяна Афанасьевна Поломошнова 1914 г.р. называла изображенных птиц гусями, вышивать их ее научила мама. В рисунке вышивки поражает графичность, плавучесть линий, точный ритм черно-красно-белых пятен. Фактурность достигается за счет разной степени заполненности холщевого полотна крестами. Эти величественные птицы, названные гусями, имеют витиеватые хвосты, а на головах подобие корон, что позволяет видеть в них сказочных царей-птиц, “диких гусей-лебедей” и пр.

Вязаные крючком вставки и/или концы полотенец сохранили изображения как весьма старинных, схематичных мотивов (“павы”, “лебеди”, “гуси” и пр.), так и модифицированных с целью усиления реалистичности образа. На образцах, где орнамент выполнен крючком, фигуры заполнены плотными “столбиками” (рис. 5). В орнаменте на полотенце из Усть-Тартасской вол. Каинского уезда “павы” расположены в ряд, две центральные крупные – с роскошными хвостами и хохолками (короны?),

Рис. 4. Полотенце, конец XIX – начало XX в., д. Большой Башелак Чарышского р-на Алтайского края. Полевые материалы автора.

Рис. 5. Полотенце, начало XX в., д. Заячье Чановского р-на Новосибирской обл.
Полевые материалы автора.

Рис. 8. Полотенце, конец XIX – начало XX в., д. Лебедево Тогучинского р-на Новосибирской обл.
Полевые материалы автора.

Рис. 6. Полотенце, конец XIX в., Новосибирская обл.
Бенгровский музей.

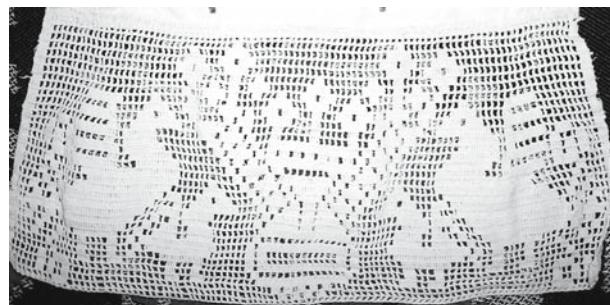

Рис. 7. Полотенце, конец XIX – начало XX в., д. Кукарка Карасукского р-на Новосибирской обл.
Полевые материалы автора.

по бокам от них – более мелкие и менее “пушистые”. Сверху и снизу рисунок обрамлен растительными орнаментами, выполненными в технике крест (рис. 6). Выше помещены инициалы Т.Н., обозначающие либо начальные буквы имен жениха и невесты, либо инициалы мастерицы. Еще выше орнитоморфные фигурки повторяются несколько раз: это и вполне реалистичные изображения петухов, между которыми “целующиеся птички”, и опять же профильное схематичное изображение “павы” в качестве верхней точки выстроенной “птичьей пирамиды”. Между петухами вышито “древо” в виде трилистника, окруженного V-образными фигурами, позволяющими видеть в них тех же птичек. По бокам – два человечка, у одного руки подняты вверх, у другого опущены вниз. Завершает эту многофигурную композицию пара растительных орнаментов. Нити основы переплетены в виде ячеек, из которых исходит бахрома. В Приобье и Кулунде были известны и другие варианты композиций с профильными изображениями. На концах полотенца из Карасукского р-на Новосибирской обл. с каждой стороны от стилизованного дерева-вазона показаны по “паве” (в отличие от “классических” у них укороченные хвосты) и “павенку” – мотив, характерный для вышивки Заонежья [Маслова, 1978, с. 60]. У птиц поднятые вверх высокие, почти вровень с головой, крылья (рис. 7). В изображении дерева можно увидеть также антропоморфную женскую фигуру с высоко поднятymi руками. Над этой композицией красными и черными хлопчатобумажными нитями вышит растительный орнамент. На некоторых образцах в орнаменте одновременно сочетались фронтальное и профильное изображения птиц, выполненные в технике белой перевити [Фурсова, 2002, с. 132].

В технике креста и различных его комбинаций изображали гусей, уток, петухов с выразительными пестрыми хвостами (рис. 8, 9). Согласно русской мифологии, утром своим криком петух вызывал солнце, пробуждающее природу от сна [Афанасьев, 1995,

а

б

Рис. 9. Полотенце с петушком.
а – 1920–1930-е гг., пос. Чистоозерное Новосибирской обл.;
б – конец XIX – начало XX в., Новосибирская обл. Ордынский музей.

с. 152]. Выражения “красный петух”, “пустить петуха” в устной народной речи означали пожар или поджигание. В северо-русском иконографическом шитье петухов часто изображали на плечах царицы небесной [Городцов, 1926, с. 33]. Люди старшего поколения вспоминали о событиях давно прошедших дней, когда им доводилось быть дружками на свадьбах, со словами: “Сколько я петухов перетаскал за свою жизнь...”. Чтобы спасти честь новобрачной, рубаху молодой кропили кровью петушиного гребня.

Орнитоморфные узоры резьбы наличников и росписей прялок в рассматриваемых регионах За-

Рис. 10. Расписная прялка, конец XIX – начало XX в.
Музей Чистоозерного р-на Новосибирской обл.

Рис. 11. “Птичья символика” в росписях старинных домов Западной Европы, Барселона. Фото автора.

падной Сибири композиционно совпадают с орнаментами крестьянских вышивок (рис. 10). Вообще этот мотив универсален: сходные профильные изображения птиц с вазонами еще сохраняются в росписи старинных домов, например на юге Западной Европы (рис. 11). Фигуры птиц в сочетании с “райскими древами” присутствуют в иллюстрациях старообрядческих книг (поучениях, житиях) с подписями: “Завистию же дияволею прельщен, иди причастися” и пр. (рис. 12).

Вопросы генезиса и символики образа двуглавого орла в русской народной вышивке представляются

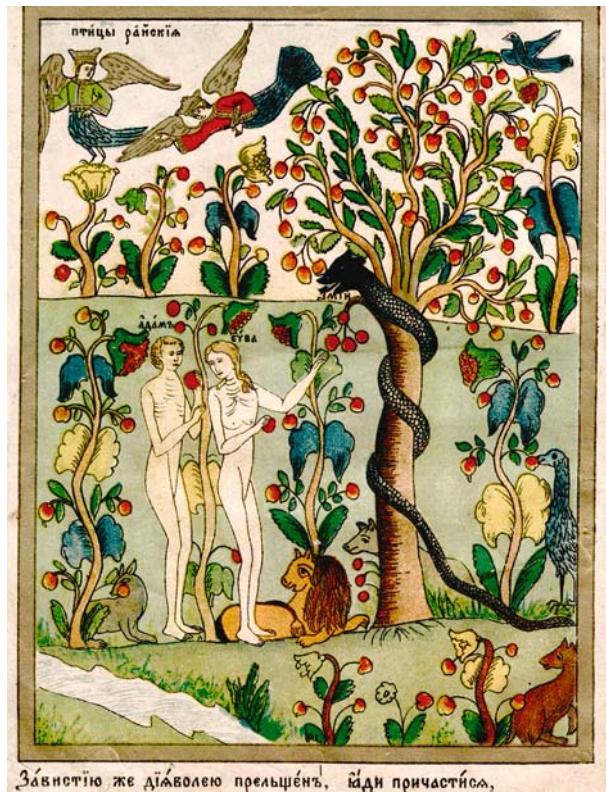

Рис. 12. Рисунок из старообрядческой книги XIX в.

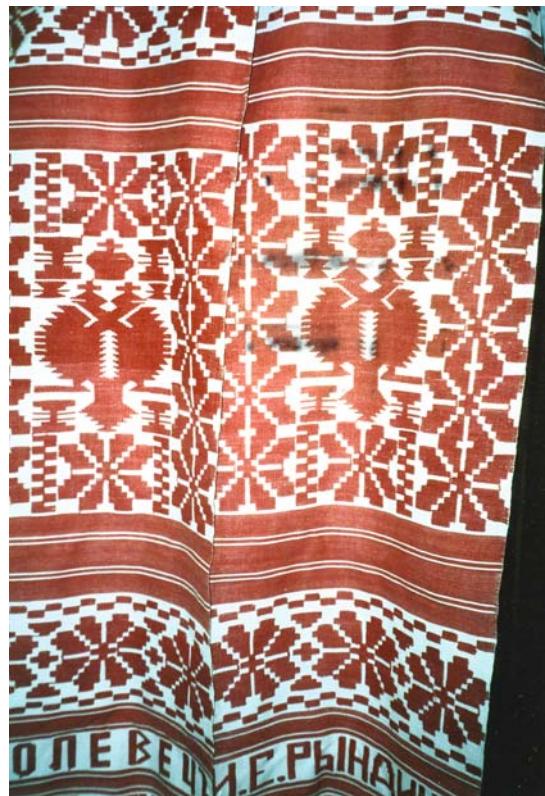

Рис. 14. Типичное украинское полотенце из селений с компактным проживанием украинцев.

Рис. 13. Полотенце, конец XIX – начало XX в., д. Кукарка Карасукского р-на Новосибирской обл. Полевые материалы автора.

спорными: по мнению одних исследователей, этот мотив имеет древние корни, связанные с образом “огня небесного” [Дурасов, 1980, с. 98], по мнению других – изображение двуглавого орла пришло в русскую вышивку сравнительно поздно, в XVII–XVIII вв., и оформилось под влиянием официального символа (герба) Российского государства [Маслова, 1978, с. 70; Жарникова, 1983, с. 89]. По имеющимся в нашем распоряжении материалам для исследования динамики развития этого мотива более важен получивший отражение в свадебных полотенцах процесс замены орнитоморфных одноглавых архаичных изображений двуглавыми. Однако в исследуемый период говорить об этом явлении как повсеместном для Сибири не приходится, т.к. рассматриваемый сюжет был привнесен сюда российскими переселенцами (в конце XIX – начале XX в.) (рис. 13, 14).

Источниковедческий анализ вновь полученного материала позволил сделать вывод о том, что в оформлении предметов рукоделия, собранных на территориях позднего освоения и датируемых серединой XIX – началом XX в., сохранились разнородные пластины орнаментальных мотивов. Встречаются композиции как архаичные, которые типологически соотносятся с древними русскими изображениями “богини” с птицами или только одних птиц, так и сравнитель-

но новационные, более натуралистичные и, соответственно, десакрализованные. Такая трансформация изображения птицы сопровождалась дополнением “птичьих образов” растительными узорами, которые позднее стали играть в композиции первостепенную роль. Подобные процессы подтверждают общую тенденцию, проиллюстрированную нами на примере развития антропоморфных композиций вышивки у сибирских старообрядцев Васюганья [Фурсова Е.Ф., Голомянов, Фурсова М.В., 2003, с. 80–86].

Выводы

Образы птиц являлись неотъемлемой частью традиционной культуры восточно-славянских народов в Западной Сибири. Они присутствовали при исполнении семейных и календарных обрядов, к ним обращались в произведениях обрядового фольклора, ими были насыщены орнаментальные композиции женских ритуальных рукоделий.

В семейной обрядности восточных славян в Западной Сибири символика образов птиц была чрезвычайно развитой и многозначной: голубь с голубушкой, лебедушки – любовная пара, сокол, орел – образы, соотносящиеся с женихом, пташечка, ласточка, пава (у украинцев) – просвятанная девушка, селезенюшка с утицей, которые плещутся в реке, – представление о заключении брака и т.д. Вышитые на полотенцах птицы входили в символическую систему свадебной обрядности, “небесного брака”. Как свидетельствуют материалы, их образы были связаны с магией плодородия (например, сюжет павы с павенками). Изображения птиц в орнаментах выполняли функцию оберега; воркующие, обращенные друг к другу птицы, возможно, должны были способствовать установлению доброжелательных отношений между молодоженами, жизни в любви и согласии. Образ птицы, по мнению многих исследователей, был неотъемлемой частью мира небесного и его олицетворением на земле: присутствие подобного сюжета в качестве свадебной символики в орнаментах рукоделий отражало распространенную идею о том, что браки заключаются на небесах (поэтому их нельзя было расторгнуть без уважительных на то причин). Вышитые композиции из фигур гусей-лебедей с зеркально-симметричным противопоставлением правой и левой сторон, судя по имеющимся материалам, восходят к глубокой индоевропейской древности, олицетворяют мир, гармонию, плодородие земли. Смысл заклинаний в изучаемое время уже не был понятен мастерницам, однако “безликие”, не вышитые, без орнаментальных узоров полотенца не вывешивали на иконы, не приносили в церковь к венчанию и т.д., а использовали только по основному назначению – как “утирки”.

В календарной обрядности птиц привлекали для гаданий, в фольклоре их образы символизировали прорицателей, предвестников событий в жизни людей, смены времен года и пр. У русских старожилов Васюганья, Северной Барабы, переселенцев с Поволжья, белорусов еще в первой трети XX в. бытовали и помнятся до сих пор обрядовые песни – “веснянки” с обязательным обращением: “Весна-красна...” (старожилы), “Благослови Боже...” (белорусы), “Жаворонки-дуда...”, “Жаворонки прилетите...” (старообрядцы-курганы). В исследованных районах Томской губ. птишками (старожилы Васюганья), куликами (старожилы Барабы), жаворонками (старожилы Кулунды, старообрядцы-курганы), воробушками (рязанские переселенцы), цепушками, сороками, журавлями, зужинками (белорусы), хрестами (украинцы, старообрядцы-курганы), бубликами (украинцы) называли ритуальное печенье, что свидетельствует, на наш взгляд, о сложении разных вариантов традиций на момент формирования названий на исторической родине, но не о позднем их происхождении [Соколова, 1979, с. 76]. “Птичья символика” выпечки была связана с обрядовыми песнями – призывами к мифологизированному образу весны “прийти” и необходимостью изготовления ее атрибута; хлеба в форме круглых бубликов, булочек были обращены к аграрно-производящей магии, направленной на произрастание будущего урожая.

В заключение подчеркнем уже не раз отмечавшееся автором наблюдение: на изучаемой территории в условиях инокультурного окружения и отдаленности от метрополии произошла консервация ранних пластов культуры восточных славян в ведованиях, фольклоре, женских рукоделиях. Образы пав, утиц, селезенюшек, гусей, лебедей, куликов, петушков, голубей, соколов в обрядовых песнях, вышивках, росписях прялок, резьбе наличников свидетельствуют об их древности и важном месте в мифоэтическом восприятии мира переселенцами, покинувшими исконные земли за многие тысячи километров. Преобладание изобразительных “птичьих” мотивов в ряде местностей на юге Западной Сибири выявляет северорусский компонент в традиционной культуре сибиряков, в состав которых, несомненно, входили выходцы из северных и центральных областей России, Поволжья – мест наибольшего распространения этих узоров. Некоторые типажи изобразительного орнамента (павлины, двуглавые орлы) были привнесены переселенцами из Украины и Белоруссии. Слитность разных областей духовной жизни крестьянства, таким образом, в изучаемое время воплощалась в конкретных образах окружавшего мира и проявлялась в календарной, семейно-праздничной обрядности, фольклоре, прикладном искусстве.

Список литературы

- Амбров А.К.** О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА. – 1966. – № 1. – С. 61–76.
- Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу. – М.: Современный писатель, 1995. – Т. 1. – 412 с.
- Белорусы** / Редакторы В.А. Тишков, С.В. Чешко. – М.: Наука, 1998. – 503 с.
- Бернштам Т.А.** Орнитоморфная символика у восточных славян // СЭ. – 1982. – № 1. – С. 22–34.
- Булычев Н.И.** Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. – М., 1899. – 97 с.
- Гаген-Торн Н.И.** Обрядовые полотенца у народностей Поволжья // Этногр. обозрение. – 2000. – № 6. – С. 103–117.
- Гамзатова П.Р.** Архаические традиции в народном декоративно-прикладном искусстве. К проблеме культурного архетипа. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 139 с.
- Городцов В.А.** Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве // Тр. ГИМ. – 1926. – № 1. – С. 7–36.
- Громыко М.М.** Духовная жизнь русского крестьянства во второй половине XVII – первой половине XIX в. // История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. – М.: Наука, 1986. – Т. 3. – С. 530–546.
- Даркевич В.П.** Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // СА. – 1960. – № 4. – С. 56–67.
- Дурасов Г.П.** Попытка интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа // СЭ. – 1980. – № 6. – С. 87–98.
- Жарникова С.В.** О попытке интерпретации значения некоторых образов русской народной вышивки архаического типа (по поводу статьи Г.П. Дурасова) // СЭ. – 1983. – № 1. – С. 89–94.
- Жарникова С.В.** Архаические корни традиционной культуры Русского Севера. – Вологда: Музей дипломат. корпуса, 2003. – 97 с.
- Зеленин Д.К.** Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. – Пг.: [Тип. А.В. Орлова], 1914. – Вып. 1. – 483 с.
- Косменко А.П.** Народное изобразительное искусство вепсов. – Л.: Наука, 1984. – 200 с.
- Макаренко А.А.** Сибирский народный календарь. – Новосибирск: Наука, 1993. – 163 с.
- Макаров Н.** Обитаемый и необитаемый Север // Знание-сила. – 1986. – № 5. – С. 18–20.
- Маслова Г.С.** Орнамент русской народной вышивки. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
- Потанин Г.Н.** Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этногр. сб. – 1864. – Вып. 6. – С. 1–154.
- Потебня А.А.** Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000. – 479 с.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с. – (Сер. Археология СССР).
- Славянские древности.** Этнолингвистический словарь. – М.: Международ. отношения, 1995. – Т. 1. – 577 с.
- Соколова В.К.** Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. – М.: Наука, 1979. – 285 с.
- Стасов В.В.** Русский народный орнамент // Стасов В.В. Собр. соч. – СПб.: [Тип. тов-ва “Обществ. польза по Мойке”], 1894. – Т. 1. – С. 185–223.
- Сухарева О.А.** Орнамент декоративных вышивок и его связь с народными представлениями и верованиями (вторая половина XIX – начало XX в.) // СЭ. – 1983. – №. 6. – С. 67–79.
- Фурсова Е.Ф.** Календарные обычай и обряды восточно-славянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). Обычаи и обряды весенне-зимнего периода. – Новосибирск: АГРО, 2002. – Ч. 1. – 287 с.
- Фурсова Е.Ф.** Орнаментальные традиции рукоделий крестьянок Барабы и Васюганья как результат межкультурных взаимодействий // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 128–140.
- Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В.** Старообрядцы Васюганья: опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. – Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2003. – 275 с.

Материал поступил в редакцию 20.07.05 г.

УДК 904

И.Р. Васильевский

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: vasilevsky@yandex.ru

О РИТУАЛЬНОМ КАЛЕНДАРЕ И ВЕРОВАНИЯХ В ДОХРИСТИАНСКОЙ РУСИ (по археологическим материалам кургана Черная Могила)

Введение

В реконструкции мира людей в различные исторические эпохи значительное место занимает изучение верований и культов, характерных для каждой отдельной общности. Одним из элементов, отражающих состояние общества, является календарь как выражение циклов, соединяющих время, астрономические объекты и пространство вокруг. С ним также согласуются существенные для этого общества события и праздники, значимые для индивидуума даты в жизни.

Система календарного счета в дохристианской Руси практически неизвестна. Исследователями ставится под сомнение полное отсутствие письменности у славян до создания глаголицы и кириллицы. Мало изучен вопрос о религиозных воззрениях древних славян, племенных союзов на территориях между Днепром и Волгой, Ладогой и Причерноморьем в период до принятия христианства на Руси. Славянские сосуды – “календари” IV в. с “чертами и резами” найдены вместе с римскими монетами того же периода, а в результате реконструкции календаря на этих глиняных изделиях устанавливается в ряде случаев начало года в январе, что соответствует римскому летоисчислению. В то же время, как известно, славяне отмечали начало года близко к дням весеннего или осеннего равноденствия, поэтому вопрос о собственно древнеславянском календаре остается открытым. Таким образом, в настоящее время для периода V–X вв., т.е. когда общество было достаточно развито, не найдено каких-либо следов материальной культуры, позволяющих получить полное представление о системах счета и календаре у славянских племен в рассматриваемом регионе.

Характеризуя сложность проблемы, необходимо отметить миграционные процессы либо изменения в верованиях на Руси, которые объективно подтверждаются периодическим отказом от трупосожжения. Согласно оценке академика Б.А. Рыбакова, это имело место трижды: около V в. до н.э., в II–IV и IX–X вв. н.э. [Рыбаков, 1988, с. 111]. По последнему эпизоду прямой связи с принятием христианства (988 г.) он не устанавливает, подчеркивая, что христианская символика – кресты и нательные иконки – появляется в русских деревенских курганах не ранее конца XII в. Соответственно, нельзя говорить о широком введении на Руси христианского летоисчисления до этого времени, а понятие “дохристианская Русь” может охватывать период и X–XII вв. Тем более что само устройство курганов свидетельствует об отличном от христианства религиозном сознании и связано обычно с верованиями в “великую гору Меру”, где пребывают боги, которую и символизирует курганская насыпь.

Данная статья построена как полемика с автором основных публикаций по захоронению в кургане Черная Могила. Относительно подходов следует заметить, что Б.А. Рыбаков широко использует местный фольклор, записанный в XIX в., и сведения о народных праздниках в языческую эпоху. Я также обращаюсь к фольклору, но считаю, что известные сегодня черниговские сказы не имеют отношения к материалам памятника. За календарную основу рисунка на серебряной оковке туриего рога Б.А. Рыбаков берет данные о сезонных праздниках на Руси, а по моему мнению, на фризе представлен лунный календарь с элементами индоиранской мифологии.

Курган Черная Могила и элементы ритуала захоронения

Учитывая вышесказанное, можно добавить, что для реконструкции календаря в дохристианской Руси необходимо проанализировать устойчивые элементы в культуре и верованиях славян, основываясь на различных археологических материалах, которые в той или иной степени отражают их мировоззрение. Дополнительно мной использованы лингвистические данные: происхождение различных слов, заимствований в русском языке подкрепляет гипотезу об индоиранском влиянии на ритуалы, обычаи в дохристианской Руси.

В качестве объекта исследования взят достаточно известный археологический материал – ритуальные предметы из кургана Черная Могила возле г. Чернигова. Раскопки этого захоронения были проведены профессором Д.Я. Самоквасовым еще в 1872–1874 гг., а отчеты о полевых работах впервые опубликованы в *Известиях Русского географического общества* в 1874 г.

Черная Могила представляет собой богатое княжеское погребение с курганом высотой ок. 11 м. При раскопках была проведена тщательная реконструкция как самого захоронения, так и стадий погребального обряда, в котором имело место сооружение домовины и трупосожжение. Отличительным элементом обряда являлось то, что покойников не клали на костер, а огонь разводили над ними, о чем свидетельствует существенно более сильное оплавление верхних сторон предметов в погребении. В научной литературе этот памятник многократно описан [Седов, 1982, с. 252], поэтому отмечу лишь существенное в рамках исследования.

В кургане были похоронены князь, женщина и юный княжич. Мужчины имели доспехи и оружие, а из вещей, связанных с женщиной, следует отметить 10 серпов в ногах. Ритуальным элементом захоронения является размещение с западной стороны неправильным полукругом 12 деревянных ведер, а к предметам, которые отличают это погребение от многих других, следует отнести ок. 100 игральных бабок, бронзовую биту и костяные брускочки с метами, обозначающими очки от одного до шести. В процессе завершения тризны в захоронение сверху были добавлены ритуальные предметы (они не тронуты огнем): бронзовая фигурка человека и два туриных рога, окованные чеканным серебром с позолотой. Один рог имел растительный орнамент, а другой (рис. 1, 2) – сложную сюжетную чеканку (длина 67 см, высота 12 см). Курган обычно датируется 960-и гг., при этом в нем найдена византийская монета Константина и Романа (выпуск 945–959 гг.) без следов изношенностя, которая находилась чуть выше домовины и соотносится с тризной.

В контексте изучения мировоззрения древних славян считаю необходимым дать собственную интерпретацию некоторых элементов ритуала захоронения в кургане Черная Могила. Десять железных серпов в ногах погребенной рассматриваются Б.А. Рыбаковым как обычный сельскохозяйственный инвентарь, сопровождавший женщину при жизни и оставленный ей после смерти [1988, с. 311]. По моему мнению, набор именно из десяти серпов говорит о том, что эта женщина дала князю сына и ушла из жизни вместе с ним. Началом лунного месяца считается появление нового серпа луны, а десять лунных месяцев – обычный срок беременности женщины. Для пояснения обряда мож-

Рис. 1. Серебряная оковка турьего рога из кургана Черная Могила.

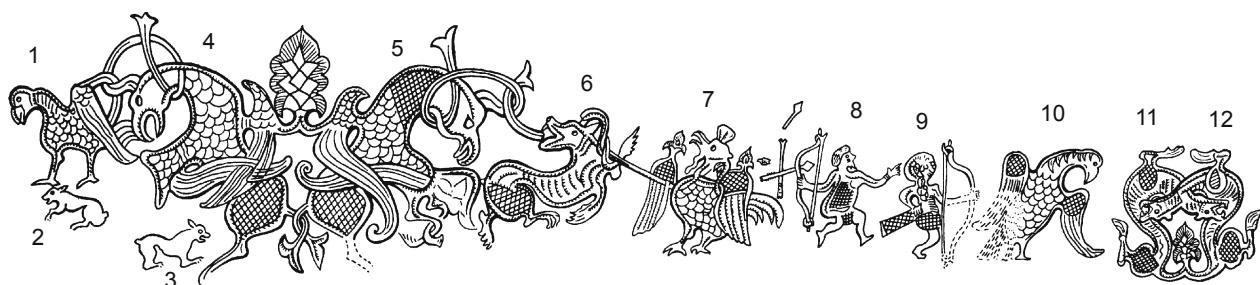

Рис. 2. Прорисовка чеканки на турьем роге.

но провести сравнение с похоронами “знатного руса” (922 г.), которые были описаны арабским путешественником Ибн-Фадланом. Согласно его запискам, в загробное путешествие с умершим отправляли не жену или дочерей, которые получили часть наследства, а одну из женщин, добровольно согласившуюся на сожжение вместе с телом умершего. В течение 10 дней подготовки к кремации эта женщина “пьет и веселится, украшает свою голову и саму себя разного рода украшениями и платьями и, так нарядившись, отдается людям” (цит. по: [Там же, с. 308]). На мой взгляд, размещением 10 серпов в Черной Могиле соратники князя хотели подчеркнуть прямую родственную связь похороненной, отличить ее от тех женщин, которые уходили из мира для соблюдения обычая сопровождать умершего в его потусторонней жизни, но близкими не являлись (наложницы, рабыни).

Следующий элемент погребального обряда – 12 деревянных ведер. Размещение ведер именно с западной стороны, в головах погребенных, обычно толкуется как направление, в котором предстоит идти в потустороннем мире умершим: “Большая группа представлений о царстве мертвых связана с кажущейся смертью солнца и луны на западе: дорога, по которой движутся к закату эти блестящие светила, есть в то же время дорога мертвых...” [Шурц, 1910, с. 794]. Данная культурная традиция может быть подтверждена текстом эпохи Среднего царства в Египте (2050–1750 гг. до н.э.):

Время как сон промелькнет,
И “добропожаловать” скажут
В полях Заката пришельцу.

[Антология..., 2001, с. 11].

По мнению Д.Я. Самоквасова, в ведрах была смола, а Б.А. Рыбаков, на основе исследований других курганов, считал, что они наполнялись медом или вином [Рыбаков, 1949, с. 28]. В связи с двойственностью понимания обряда следует обратиться к мифу о дальнейшем пути умерших людей. Украинская фольклорная традиция в творчестве Н.В. Гоголя дала нам образ Вия, который рядом исследователей связывается с именами дохристианского бога восточных славян Вей и арийского бога Вайю (иранский вариант имени индийского бога Вата) [Бонгард-Левин, 1983, с. 77]. Вайю (“веять, дуть”) был богом войны и ветра, посредником между небом и землей. Путь умершего в книге “Авеста” описывается следующим образом: “Можно пройти путем, который стережет быстротекущая река; один только путь непроходим – безжалостного Вайю” (см.: [Там же, с. 78]). Вайю стоял у моста Эйват, который вел в рай. Можно предположить наличие у славян дохристианской Руси ритуала подготовки умерших к преодолению водной преграды, реки, и в этом случае им нужна была смола для изготовления лодки, плота или моста. В изголовье погребенного князя, между ним и

ведрами, находилось 10 копий и 12 стрел, поэтому более вероятно, что умерших обеспечили не средством “задабривания” стражей моста Эйват (медом и вином), а оружием, необходимым для преодоления препятствий на их пути. В “Авесте” упоминаются также такие стражи дороги умерших, как дракон, темно-бурый медведь, человек-разбойник и “колесное войско”. В пользу версии о строительстве лодки либо моста говорит и наличие в кургане плотницкого инструмента – топора, долота и скобеля. По мнению же Б.А. Рыбакова, эти предметы принадлежали плотнику, изготовившему домовину, т.к. “орудия древодельские”, при помощи которых сколачивали последнее жилище князя, подлежали сожжению [1988, с. 312].

Количество ведер, вероятно, определялось заимствованием многими народами у вавилонских жрецов двенадцатиречной системы счисления, счета на двойни. В то же время и в индийских ведах упоминаются 12 “чакравартинов” (буквально на санскрите “вращающих колесо”) – владельцев нашей планеты; позже этот титул использовался как приставка к царскому имени, обозначающая божественное происхождение [Темкин, Эрман, 1982, с. 259]. Таким образом, цифра 12 означала некоторую законченность счета, полноту перечисления. Кроме этого, в то время понятие “стража” обозначало не только группу людей, но и время дежурства охраны поселения. Возможно, древние славяне, как и вавилонские жрецы, делили сутки на 12 равных частей. Примечательно, что в былине об Иване Годиновиче (черниговская запись XIX в.) Кощей Бессмертный висит на 12 цепях [Рыбаков, 1988, с. 318], которые, вероятно, и обозначают 12 смен охраны – 12 страж. Соловей-разбойник – персонаж эпоса о богатыре Илье Муромце – соорудил себе гнездо на 12 дубах, что означало полноту контроля над окружающим пространством. В восточной фольклорной традиции о подвигах героя “Шахнаме” (первая редакция 994 г.) Рустама тоже пользовались числом 12 для обозначения надежной охраны: “...яму (с пленником) завалили огромным камнем, а сторожить яму Белый Див поставил двенадцать дивов (божеств)” [Сказки..., 1981, с. 239]. Зная, что ведра размещались полукругом, обращенным дугой на запад, можно уверенно говорить об устройстве надежной ритуальной защиты от царства мертвых на западе. Причины этого подробно рассматриваются в заключительной части статьи.

Общие вопросы интерпретации сюжета на серебряной оковке

Среди предметов из Черной Могилы наибольший интерес вызывает ритуальный рог, на оковке которого вычеканены 12 фигур: две – человеческие, две – крылатых коней, три – птиц и пять – зверей. По верху

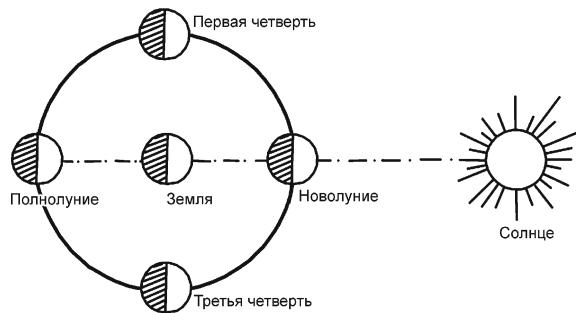

Рис. 3. Один лунный цикл.

идет своеобразная планка с 10 бляшками, напоминающая систему счета.

Общий подход к изучению сюжета был предложен Д.Я. Самоквасовым и заключается в том, что толкование рисунка надо искать в местном, черниговском фольклоре. Согласный с ним Б.А. Рыбаков [1949, с. 46–49] за основу интерпретации чеканки взял черниговскую былину об Иване Годиновиче. Этот подход имеет две четко выраженные составляющие: фольклорную и ритуально-календарную. Б.А. Рыбаков пишет, что “на ритуальном роге изображен миф о смерти сказочно-былинного Кощея Бессмертного и об освобождении от его власти Анастасии Прекрасной, связанной в сказках с расцветом весенне-летней природы” [1988, с. 771]. А такой элемент рисунка, как стрелы, по его мнению, указывает на поединок с богатырем: “...три стрелы находятся позади Кощея в стороне, противоположной вешней птице. В отличие от былин, в которых Кощея убивает первая же стрела, здесь дан типичный для сказок троекратный повтор... Здесь есть все, что упомянуто в кульминационной части былин: вешняя птица, девушка, подающая лук и стрелы Кощею, и сам Кощей с луком в руке, бегущий к вешней птице, и стрела, летящая в затылок Кощею” [Там же, с. 331]. Из 10 бляшек по верху оковки две, размещенные над фигурками людей, рассматриваются Б.А. Рыбаковым как знаки Кощея и Анастасии, а остальные – как восемь месяцев весенне-летнего сезона. При этом позиция над распустившейся шишкой хмеля принимается за 24 июня – День Ивана Купалы.

В своей трактовке рисунка на серебряной оковке рога я исхожу не из черниговского фольклора, записанного в XIX в. [Там же, с. 317], а из практического и ритуального аспекта жизни славян в дохристианской Руси. При этом моя позиция полностью согласуется с оценкой Б.А. Рыбакова источников религиозного мировоззрения славян: “...ни одно из имен славянских божеств не находит аналогий ни в скандинавской, ни в германской мифологии... зато очень хорошо просматривается давнее, относящееся к середине I тыс. до н.э. воздействие иранской мифологии” [Там же, с. 453]. Можно добавить, что само местонахождение кургана Черная Могила – район

р. Днепра – через этот гидроним связано с иранскими корнями. Название Днепр образовано от иранских слов “дан” и “аapr”, которые означают “вода (река) глубокая” [Бонгард-Левин, 1983, с. 24]. Д.Я. Самоквасов отмечал преемственную связь индоиранской мифологии и славянской культуры. В своих лекциях для студентов Московского университета он пишет о происхождении славянских наименований главного божества Богъ, Бугъ, Бигъ, Багъ от индийского имени Бага-вать, означающего вечное существо, верховного бога, по воле которого Брама создал мир [Самоквасов, 1903, с. 101].

Рассмотрим персонажи чеканки, которые условно пронумерованы (см. рис. 2). Между фигурками 4 и 5 находится шишкиобразное изображение, которое Б.А. Рыбаков трактует как цветок (шишку) дикорастущего хмеля; при этом он справедливо проводит сравнение слова “хъмъль” с индоиранскими “сома”, “хома”, обозначающими божественный напиток [Рыбаков, 1988, с. 335], имея в виду сам турый рог, предназначенный для возлиания. В то же время слово “сома” соответствует в ведийских текстах понятиям “луна” и “бог луны”; более того, само употребление божественного напитка в метафорическом значении соотносится с визуальным убыванием луны, после чего ее “чаша” снова заполняется светом солнца (рис. 3). В книге вед “Махабхарата” прямо указывается: “Луна убывает оттого, что боги и пребывающие в царстве Ямы (бога смерти) души усопших пьют из нее священную сому, из которой она состоит, а солнце потом опять наполняет ею луну” (см.: [Темкин, Эрман, 1982, с. 33]. Если с этой позиции посмотреть на сюжет чеканки, где шишка хмеля находится в наивысшей точке между фигурами 4 и 5, а в низшей – между фигурами 11 и 12, то можно предположить, что здесь изображен цикл лунного месяца, и персонажи рисунка, интерпретируемые на основе этнографических материалов, могут стать тому подтверждением.

В древних обществах почти все народы прошли через создание и использование лунного календаря, который позже сменялся солнечным, но при этом в религиозных и земледельческих целях лунный календарь и до настоящего времени широко используется во многих странах. Сюжет на оковке турьего рога описывает принцип отсчета лунных месяцев, а 10 бляшек указывают значимые для князя или жреца периоды времени. Фигурки мужчины и женщины на фризе – не что иное, как символ конъюнкции, т.е. вступления месяца (как лунного сегмента) в секторы различных созвездий. Это достаточно традиционное восприятие фазы Луны (молодой месяц) в мифотворчестве славян и других народов трактовалось как женитьба месяца на небесных девушках. В индуизме более двух тысячелетий существует пантеон из 28 созвездий с женскими именами; молодой месяц последовательно “женится” на них, обходя небесную сферу в астрономическом смысле [Боги..., 1969, с. 237]. На рассматриваемой чеканке девять бля-

шек похожи на тучки, а десятая, непосредственно над женской фигурой, скорее напоминает созревший же-лудь, обращенный шляпкой вверх, и, соответственно, символизирует окончание созревания плода. Эти 10 позиций связаны универсальным сроком для совмещения любых календарных систем: десять лунных месяцев составляют обычный срок беременности женщины – 40 недель, или 280 дней. В ранних обществах и в последующий период отношения между соседями или внутри племенных союзов складывались на основе взимания дани более сильным. Срок ежегодного сбора подати определялся именно 10 лунными месяцами: во-первых, период времени был ясен, даже если имели место взаимоотношения между разными народами; во-вторых, в самом сроке содержался намек на угрозу жизни или свободе детей в случае неуплаты требуемого; в-третьих, такой срок позволял упорядочить вопрос о численности взрослого населения при “подушном” сборе налогов. Это подтверждается текстом из “Повести временных лет”, где летописец говорит о прошлом Руси: “Ови (ранее) по луне чтияху (по луне считали), а друзья (другие) дньми лета чтияху. Девою бо (женский срок) на десять месяцю число по томъ уведаша. Отъ нележ (от этого срока) начаша человеци дань давати цесарем” [Рыбаков, 1988, с. 441]. Таким образом, по свидетельству “Повести временных лет”, на Руси использовался счет как по лунному календарю (“по луне чтияху”), так и по солнечному (“дньми лета чтияху”), а для сбора дани “цесарю” определялся период в 10 лунных месяцев. В этой связи следует вспомнить, что слово “календарь” происходит от латинского “calendarium” – букв. “долговая книга”, а в Италии середины I тыс. до н.э. действовал т.н. год Ромула – календарь, имеющий в основе также 10 месяцев. Схожая календарная система была и у племен майя, которые, имея три календаря, один из них (в 260 дней) применяли только в ритуальной и земледельческой практике. Период в 280 дней (10 лунных месяцев) может вызвать вопрос о ежегодном сдвиге времени сбора дани, но в действительности имело место лишь указание на сроки подготовки населением дани и выезда сборщиков податей. На Руси X в. князьями устанавливались “знамения” и “места” – опорные пункты сбора дани, а само изъятие дани и выезд для этого князя назывались “полюдье”. Полюдье начиналось в ноябре, а заканчивалось только весной [Сочинения..., 1899, с. 75], поэтому проблема несовпадения срока в 10 лунных месяцев с солнечным годом снималась длительностью самого процесса пополнения казны.

Персонажи сюжета и их ритуальный смысл

Анализируя художественный замысел мастера, изготавившего рассматриваемое изделие, остановимся на

основных персонажах и вопросах ритуально-религиозного восприятия мира его современников.

Как указывалось выше, турий рог был не тронут пламенем при сожжении домовины, т.к. его положили сверху уже при совершении тризы. В связи с этим нельзя не упомянуть еще один момент. При реставрации изделия в Государственном Историческом музее в 1940-х гг. специалисты отметили: первоначально, при изготовлении серебряная оковка располагалась так, что со стороны пьющего из рога находились фигуры крылатых коней, держащих шишку хмеля. При раскопках кургана зафиксировано положение фриза с разворотом на 180° от исходного, т.е. на этом месте оказалась фигура девушки. Вполне возможно, что тот, кто клал во время тризы рог в могилу, специально развернул чеканку, чтобы указать этим на новое начало отсчета и подчеркнуть сюжет, где мужчина движется за девушкой, но уже в “царстве теней”.

Учитывая первоначальное положение серебряной оковки рога, начну анализ 12 персонажей сюжета с двух крылатых коней, держащих шишку хмеля. Опираясь на указанную выше индоиранскую преемственность в ключевых вопросах религиозного мировоззрения славян, можно считать, что в ритуальной традиции “хъмъль-хома” обозначал Сому, т.е. Луну. Кони в данном случае связаны с небесной колесницей, символизируют божественное движение по небесной сфере. Композиция с поднятой шишкой хмеля обозначает господство луны – полнолуние. Далее диск луны начинает убывать; символом данной фазы на чеканке является образ хищной птицы – грифона. В ведических текстах, позже и в фольклоре других народов Азии известен сюжет о похищении божественного напитка богов волшебной птицей. В мифе об исполинском орле Гаруде рассказывается: “...птица взмыла ввысь и сверху напала на богов и многих повергла ударами своих когтей и клюва. Не выдержав боя с непобедимой птицей, отступили боги... Гаруда... схватил сосуд с амритой и пустился немедля в обратный путь” [Темкин, Эрман, 1982, с. 70]. Выше говорилось о том, что в мифологии процесс убывания диска луны часто отождествляется с утратой божественного напитка и, наоборот, рост – с наполнением ее “чаши” напитком богов. В данном случае, вероятно, проводится связь с похищением этого напитка хищной птицей. Сравнивая ведийскую “Ригведу” и зороастрскую “Авесту”, исследователи отмечают, что исполинская птица, имевшая разные имена (Гарумат – Гаруда, Шъена – Саена), в мифологии наделялась чертами зверя, была “в трех естествах”, “трех образах” [Бонгард-Левин, 1983, с. 126]. Возможно, с этим связано размещение под изображением птицы двух фигурок зверьков, выставленных мастером. Показаны зайцы, смотрящие в разные стороны. По оценке Б.А. Рыбакова, художник не изображал двух зайцев, а пытался подчеркнуть объемность фигуры одного по законам средневе-

кового искусства [Рыбаков, 1988, с. 334]. По моему мнению, более вероятно, что эти фигуры обозначают две стадии убывания диска луны: первая – третью четверть, а вторая – четвертую, до полного визуального исчезновения луны (см. рис. 3). При этом становится понятно и размещение их под изображением птицы – похитительницы сомы.

Выбор зайца не случаен: он рассматривался у славян и литовцев как носитель демонического, отрицательного начала. В Ипатьевской летописи упоминается литовский заячий бог Диверикз (букв. “бич божий”), появление которого на пути, по поверью, заставляет охотников свернуть с дороги, не въезжать в лес. Исследуя образ Кощея Бессмертного в русском фольклоре, Б.А. Рыбаков помещает зайца в свиту Кощея как его охранителя. В славянском фольклоре известен запрет на употребление заячьего мяса в пищу; считается, что нельзя вспоминать зайца, плывя по воде, иначе водяной поднимет бурю [Там же, с. 334]. Последнее особенно интересно, т.к., согласно славянской мифологии, ночью солнце влекут по воде лебеди (иногда кони), т.е., возможно, для мастера IX–X вв. заяц ассоциировался с демонами водной среды – владыками солнца ночью. В индийской мифологии (книга IV “Вишну-пураны”) упоминается запрет верховных жрецов на использование для жертвоприношений мяса, оскверненного присутствием заячьего мяса, т.е. заяц рассматривался как представитель отрицательных сил [Темкин, Эрман, 1982, с. 79]. Более того, происхождение русского слова “ад”, обозначающего место пребывания противников бога и грешников, возможно, связано с обозначением на санскрите в древнеиндийских ведах зайца или кого-либо прыгающего, т.е. посредством образа зайца может передаваться понятие о человеке, двигающемся в духовном плане прыжками над другими людьми и тем самым подавляющем их. В ведах известны, например, осквернитель жертвоприношений богам Шашада – “Зайцеед” и бог войны Сканда – “Прыгающий из себя” (ср. с рус. “скандал” и идиомой “выйти из себя”). Таким образом, изображения двух зайцев на оковке обозначают опасность ночного светила в его последних фазах как источника демонического, греховного начала, а также, согласно тем же ведам, место пребывания душ опасных грешников – Луну.

В следующей фазе диск луны исчезает, что передано композицией из двух фигур волков и изображенной между ними внизу шишкой хмеля. Здесь можно согласиться с Б.А. Рыбаковым, который рассматривает парное изображение грызущихся волков как “символ борьбы, противостояния равных сил” [1988, с. 332]. Но для него это – пиктограмма схватки за доброе начало между Кощеем Бессмертным и Иваном Годиновичем. Шишку хмеля он трактует как изображение сил природы вообще, а толкование как символа луны не принимает. На мой взгляд, волк в

этой композиции выступает в роли поглотителя луны, а парное его изображение, очевидно, объясняется соответствием паре фигур коней, поднимающих шишку хмеля. Такое толкование сюжета полностью подтверждается материалом собирателя русских сказов А.Н. Афанасьева, который дает следующий пример славянского мифотворчества: «Егда убо погыбнет луна или сльнце, глаголють: “Влькодлаци луну изъедоша или сльнце”» (цит. по: [Там же, с. 730]).

Далее изображен ворон. В русском фольклоре он является символом ночи. Связав понятия “ночь” и “вода”, т.к. в славянском мифологическом сознании на ночное время в воду помещается солнце, а на дневное – луна, можно прийти к интересной гипотезе относительно происхождения названия черной птицы, которая была тотемной у многих народов. В ведах (конец II – начало I тыс. до н.э.) божество по имени Варуна – владыка океана и ночи, что служит еще одним доказательством сохранения индоиранских основ в миропонимании восточных славян. Вран – Ворон (Варуна) изображен древним мастером с целью показать фазу “невидимости” Луны, когда Солнце освещает только ее обратную сторону. Эта фаза имеет длительность одно-две суток в зависимости от положения наблюдателя на Земле.

В следующей композиции представлены женщина и мужчина, оба с луками без стрел. Выше отмечалось, что в данном случае имеет место художественное изображение конъюнкции молодого месяца, его “женинты”. С появлением серпа луны начинается отсчет нового лунного месяца, что сохраняется в настоящее время во многих мусульманских странах. Если смотреть на турецкий рог сверху, то счет месяцам идет по часовой стрелке, с ориентацией на десять бляшек, расположенных по верху оковки. Последняя бляшка размещена над женской фигурой, имеет вид созревшего желудя и обозначает окончание срока беременности – 10 лунных месяцев. Два разнонаправленных лука символизируют две стадии роста диска луны – первую и вторую четверти, т.е. до полнолуния (см. рис. 3).

Далее размещена фигура петуха – всем хорошо известного символа рассвета. О ритуальном значении данного персонажа трудно сказать однозначно в силу вариативности его использования. Возможны два основных толкования, которые опираются на размещенное между фигурами петуха и мужчины вертикальное изображение жезла или стрелы. В пользу жезла свидетельствует тот факт, что археологами на территории Древней Руси собрано более 150 таких изделий различного художественного исполнения, относящихся к X–XIII вв. В данном сюжете жезл означает напоминание владельцу рога об обязанности начать осуществлять какие-то ритуальные действия. Фигура поющего петуха (голова слегка запрокинута) наводит на мысль о необходимости с первым рассветом после

появления молодого серпа сообщить о начале нового месяца (образно выступить в роли поющего петуха). Действительно, в древнем Риме с появлением молодой луны верховный жрец, понтифик, объявлял публично на центральной площади о начале нового месяца; данная функция считалась важной в обществе, подчеркивала для всех роль жреческой касты. В то же время Б.А. Рыбаков толкует вертикальный предмет, изображенный между фигурами петуха и мужчины, как срезень – стрела с двурогим наконечником для стрельбы по птицам [Рыбаков, 1949, с. 49]. Поэтому возможно и другое объяснение сюжета рисунка, которое опирается на записи цесаря Константина Багрянородного (945–959 гг.) о языческом ритуале славян. Он пишет: "...они совершают жертвоприношения... и приносят в жертву живых петухов и кур. Кругом они втыкают стрелы..." [Сочинения..., 1899, с. 73]. На серебряной оковке также присутствуют изображения стрел возле фигуры петуха, и можно сказать, что сюжет напоминает жрецу о необходимости совершить жертвоприношение божествам в середине лунного месяца.

На начало отсчета как лунного месяца, так и периода в 10 месяцев указывает наклонно (уклон вправо) расположенная стрелка между фигурами петуха и мужчины. По мнению Б.А. Рыбакова, все три стрелы играют роль простого оружия, направленного в спину Кощею, подчеркивая трехкратность нападения на него. Волк и Ворон – персонажи, которые, в соответствии со сказом об Иване Годиновиче и другими русскими сказками, помогают главному герою справиться с Кощем Бессмертным. Я придаю иной смысл следующему образу сюжета – хорту. В древнерусском языке этим словом обозначались и собака, и волк. Позиция хорта на рисунке весьма любопытна: он двигается в направлении петуха (символа солнца) и людей, но голова его повернута в обратную сторону – он смотрит на полную луну, потому что заворожен ее светом. В индоиранской мифологии есть образ, полностью согласующийся с изображенным на турьем роге, – это “мать всех псов”, “охотничья собака царя богов” Сарама. Смысл сюжета, изложенного в “Ригведе” (начало I тыс. до н.э.) и “Брихаддевате” (IV–III вв. до н.э.), заключается в похищении у богов священных коров племенем панев и их розыске. Примечательно, что само слово “война” (“гавишити”) на санскрите буквально и означает “поиски коров”. Посланная за коровами царем богов Сарама нашла их, но панни опоили ее демонским молоком (“неверным светом луны”), вследствие чего по возвращении она соврала царю богов, что не нашла коров. Можно связать происхождение русского слова “срам” с именем Сарама. Скептики заметят, что мифические события вед очень далеки от истории славян. Считаю более верным следующий тезис: “Веды... освещают персов на востоке, арийцев-эллинов на западе, славяно-германцев на северо-западе и туреццев на северо-

востоке” [Реклю, 1908, с. 707]. Действительно, в ведах пании живут за рекой Раса, которую ряд специалистов отождествляет с р. Окса – Амударье [Темкин, Эрман, 1982, с. 239]. Другие исследователи утверждают, что древнее “л” в арийских языках переходило в “р”, а в иранском “с” перешло в “х”, и, следовательно, Раса – это иранское название Волги – Раха; у Птолемея она уже именовалась Ра (Rha) [Бонгард-Левин, 1983, с. 153]. На мой взгляд, речь идет о некоем народе, жившем на территории Руси (между Волгой и Днепром), которому в славянском эпосе приписывалось оборотничество, способность разговаривать с волками, уводить в сторону собачью погоню. Образ волка использовался в русском прикладном искусстве, былинах и сказках очень широко, но в данном случае он изображен на ритуальном предмете. Учитывая размещение фигуры хорта и его позу, можно предположить, что в жреческом ритуале символическое изображение Сарамы было предупреждением об оборотничестве накануне полнолуния, а также, возможно, о необходимости совершить обряд, связанный с культом хорта, – надеть шкуру волка. По этнографическим материалам, сохранившимся в Галиции и Польше, во время святок (25 декабря – 6 января) и в Иванову ночь (24 июня) в деревнях бегали с чучелом волка или одетые в волчью шкуру [Рыбаков, 1988, с. 730]. Однако не исключена и другая смысловая нагрузка на изображение хорта (Сарамы), двигающегося в сторону символа рассвета – петуха. Возможно, подчеркивался запрет на ритуал похорон вечером, в часы, предшествующие появлению на небе луны, т.к. считалось, что в это время души умерших могут сбиться с правильного пути, “опьяненные”, как и Сарама, сомой.

Анализируя материалы, относящиеся к дохристианскому периоду в истории Руси, следует заметить, что значительная часть языческих культурных традиций, имевших индоиранские корни, до нас не дошла, исчезла под греко-римским влиянием. Характерным примером может служить образ русалок, которые связывались в мировоззрении славян с культом дождя и плодородия. Он был широко представлен в предметах быта и искусства до XIV в., когда под влиянием христианской церкви русалки стали восприниматься как колдовские существа. По этому поводу Д.Я. Самоквасов замечает, что “несмотря на тысячелетние усилия христианской проповеди, направленной против суеверного обожания в народной массе русалок, леших, домовых и пр., оно живет до сих пор в низших классах всех христианских народов” [1903, с. 100]. В случае с персонажами на серебряной оковке мы имеем ту же ситуацию: влияние европейской культуры внесло изменения в смысл тех или иных образов и символов языческого периода, что, по моему мнению, частично удалось преодолеть, обратившись к исходным, индоиранским основам дохристианских культурных традиций славян.

Заключение

Проведенный анализ показал, что на турьем роге из княжеского кургана Черная Могила изображена схема подсчета времени для полюдья – сбора дани князем, основанная на десятимесячном периоде (280 дней). Персонажи чеканки указывают на значимые моменты при вычислении лунного месяца и фаз Луны. Эти образы связаны с мифами и легендами дохристианской Руси, корнями уходящими в индоиранскую культуру. Становление русской государственности, которое относят к VIII–X вв., предполагало сбор князем различных видов дани и обеспечение на своей территории единой жреческой власти, что подтверждается находками из Черной Могилы.

Оценивая элементы обряда похорон, можно высказать предположения о событиях, связанных с похороненным в кургане князем, чье имя до настоящего времени не установлено. Это захоронение относят к 960-м гг. – эпохе князя Святослава, сына князя Игоря и княжны Ольги (родился в 942 г.). В 964–967 гг. Святослав совершил походы в Хазарию, на вятичей и в Болгарию, а в 968 г. произошло нападение на Киев печенегов, т.е. имели место многочисленные битвы, в одной из которых, возможно, и пали князь с княжичем, погребенные в Черной Могиле. Однако при реконструкции обряда похорон специалистами было отмечено, что после сожжения тел из кострища изъяли шлем с остатками черепа князя [Седов, 1982, с. 253], а позже, когда кости были возвращены на кострище и совершена тризна, курган довели до высоты 11 м. Совершенно очевидно большое уважение к похороненным в кургане, и в то же время есть большая вероятность того, что изъятие черепа связано с достаточно долго существовавшим обычаем, согласно которому голова (или череп) обидчика должна быть представлена “пострадавшей” стороне во избежание развития конфликта. При этом, согласно описанию памятника, оружие и доспехи мужчин были сложены грудой рядом с погребенными – как у разоруженных.

В контексте событий 60-х гг. X в. предлагаю следующую версию происшедшего. Как известно, в 962 г. по просьбе княжны Ольги германский король Оттон I направил в Киев католического епископа Адальберта. В том же году этот епископ был изгнан, а часть его людей убита. Святославу тогда было 20 лет и маловероятно, что он лично противопоставил себя представителям немецкого короля и своей матери. Вряд ли были способны на это и другие киевляне. В то же время от лица язычески настроенных полян и северян (основных племен среднего Днепра) мог выступить князь, который находился рядом, но имел

самостоятельность во втором по значению городе на Руси X в. – Чернигове [Рыбаков, 1949, с. 52]. Согласно хроникам, конфликта с западными соседями не было, и можно предположить, что за счет жизни семьи черниговского князя инцидент с германцами был исчерпан, а католическая епархия удалена из Руси. В пользу такой версии говорят обнаруженные на кострище два широких обоюдоострых ножа, схожие по форме с франкскими скрамасаксами. Относительно их функции в захоронении Б.А. Рыбаков замечает: “...их форма очень необычна для русского оружия. Ни для колющего, ни для рубящего удара они не пригодны... это жертвенные ножи” [Там же, с. 41]. Такая трактовка событий согласуется и с договором князя Игоря с Византией от 945 г., на основе которого толковались тяжбы того времени между славянами и знатными “инородцами”: “...аще убьет христианин русина или русин христианина, да держим будет створивший убийство от ближних убиенного, да убьют его” [Самоквасов, 1903, с. 142]. Произошедшее объясняет и последующее положение черниговских князей – они обособились от Киева до середины XI в., а в усобицах между княжествами часто выступали в союзе с половцами, получив у современников печальную славу.

Список литературы

- Антология** мировой философии. – Минск: Харвест, 2001. – 990 с.
- Боги, брахманы, люди.** – М.: Наука, 1969. – 416 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.** От скифии до Индии. – М.: Мысль, 1983. – 206 с.
- Реклю Э.** Человек и Земля. – СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1908. – 1016 с.
- Рыбаков Б.А.** Древности Чернигова // МИА. – 1949. – Т. 1, № 11. – С. 7–93.
- Рыбаков Б.А.** Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 782 с.
- Самоквасов Д.Я.** Древнее русское право. – М.: [Университетская тип.], 1903. – 377 с.
- Седов В.В.** Восточные славяне в VI–XIII веках. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
- Сказки и легенды Систана.** – М.: Наука, 1981. – 271 с.
- Сочинения Константина Багрянородного “О Фемах” и “О народах”.** – М.: [Университетская тип.], 1899. – 262 с.
- Темкин Э.Н., Эрман В.Г.** Мифы древней Индии. – М.: Наука, 1982. – 270 с.
- Шурц Г.** История первобытной культуры. – СПб.: Изд. А.Я. Острогорского, 1910. – 888 с.

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ АЛТАЙ: ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

ВЕСНА. ПРАВОСЛАВИЕ НА АЛТАЕ. СТАРАЯ И НОВАЯ ВЕРА НА ПЕРЕЛОМЕ ВРЕМЕН

Современный Солонешенский р-н расположен в юго-восточной части Алтайского края РФ, там, где низкогорье граничит со степью; на его территории площадью 3 529 км² ныне находятся 32 населенных пункта; на начало 2006 г. в них насчитывалось 12,4 тыс. чел. из более чем 2,6 млн населения Алтайского края (<http://www.altairregion.ru/rus/territory/regions/solonehrain/>). Сегодня в районе проживают русские, белорусы, немцы, украинцы, казахи, татары, чуваши, алтайцы, армяне, азербайджанцы – старожилы и переселенцы XIX, XX и уже XXI вв. Истоки формирования этого полигэтнического сообщества восходят к XVIII в., когда после включение Алтая в состав Российской империи началось освоение его территории. Оно определялось особенностями ведомственной политики Царского Кабинета – собственника алтайских земель, который ограничивал движение населения в пределы Алтайского горного округа. Однако возникший уже в первой половине XVIII в. стихийный миграционный поток постепенно набирал силу; с Севера Европейской России, из Поволжья, с Урала, из Сибири уходили на Алтай переселенцы; формировались казачьи станицы, появлялись крестьянские села и заимки староверов.

В XVIII в. в границах нынешнего Солонешенского р-на, по оценкам специалистов, насчитывалось 17, в XIX в. – 105, а в XX в. – ок. 130 населенных пунктов; на административной карте одно за другим появлялись села: Сибирячиха, Солонешное, Песчаный, Топольное, Тележиха, Туманово, Березовка, Лютаево и др. [Владимиров, Колдаков]. Первое упоминание о с. Солонешном относится к 1828 г.; к нему были приписаны выходцы из Барнаульской волости Емельян Нагибин, Гавриил Гребенщиков, Осип Булатов, Клементий Шадрин и др. В 1834 г. в Солонешном насчитывалось 226 чел., в 1893 г. – ок. 800, в 1917 г. – 2 146 чел.; 57 % хозяйств были старожильческими, другие принадлежали переселенцам – выходцам из Томской губернии [Дрожецкий, 2004, с. 76].

Российские, сибирские переселенцы стали активно обживать эти места со второй половины XIX в., когда в 1865 г. были открыты границы Алтайского горного округа. Значительную их часть (58 %) составляли уроженцы Томской губернии; многочислен-

ными были также переселенцы из Пермской (10 %) и Оренбургской (6 %) губерний. Горно-степные и таежные ландшафты Северо-Западного Алтая привлекали запасами строевого леса, раздольем пахотных земель и пастбищ и удобным географическим положением [Там же, с. 78].

В то же время в долинах Черги и Ануя появились выходцы из казахских степей. Их движение в пределы Алтая началось еще в первой половине XIX в.; к середине столетия казахские кочевья занимали уже всю юго-западную часть Алтайского горного круга. В 1835 г. в этом районе возникла Сарасинская ино-родческая управа, заметную роль в формировании которой играли “степские” казахи, сохранившие язык и самосознание, но принявшие стандарты крестьянской культуры и заповеди старой православной веры, – как следует из миссионерских записок, сарасинские “инородцы” были старообрядцами. Именно они (вероятно, приняв новообрядчество) заложили основы казахского анклава, на протяжении второй половины XIX в. формировавшегося в урочищах по долине Ануя – в селах Черный Ануй и Турата.

Конец XIX в. был отмечен активными миграциями в зоне взаимодействия кочевой и земледельческой культур в предгорных районах Алтая. Среди местных жителей преобладали русские; они составляли 97,8 %, украинцы – 1,43, мордва – 0,65, поляки – 0,08, латыши – 0,04 %.

Особую роль в освоении таежных и лесостепных территорий Алтая играли русские старообрядцы. Их проникновение в регион началось еще в XVIII в., когда после столетия гонений в Екатерининскую эпоху последователи “древнего благочестия”, расселившиеся по окраинам огромной империи, были приняты в состав российских подданных. Старообрядцы разных согласий были широко расселены в зоне влияния Алтайской духовной миссии, учрежденной указом Святейшего синода в 1828 г.; они проживали по всему Северо-Западному Алтаю, в т.ч. в Черноануйском отделении, созданном к 1848 г., а позднее – в Белоануйском и Абайском, выделившихся из Черноануйского. Как край староверов-раскольников Солонешенская земля и соседние села –

Черный и Белый Ануй, Каракол и др. – были известны в конце XIX – начале XX в.

Наиболее распространенным среди старообрядцев Северо-Западного Алтая являлось согласие часовенных; его многочисленная община существовала в с. Топольном, основанном в 1829 г. В 1834 г. в нем насчитывалось 166 хозяйств; согласно переписи 1917 г. в селе проживало 2 333 чел.; 76 % были старожилами, прочие – выходцами из Воронежской, Тамбовской, Полтавской, Оренбургской, Рязанской, Вятской, Пензенской, Томской губерний [Там же, с. 77]. Тополинские старожилы и переселенцы были разделены на три “села” – верхнее, среднее и нижнее, каждое из которых жило собственной общественно-религиозной жизнью, в каждом имелась своя молельня.

Часовенные старообрядцы-беспоповцы также преобладали в селах Туманове, Черемшанка, Колбине (Искра), Елинове. Рядом с ними соседствовали общины поморского согласия. Поморцы (тоже беспоповцы) были представлены все в том же Елинове, а также в селах Лежанове, Лятаеве, Карпове и др. Каждая община имела своего наставника и молитвенный дом.

Особое место в этноконфессиональном сообществе Северо-Западного Алтая занимала единоверческая община с. Сибирячиха, основанного в 1824 г. В 1834 г. в нем проживало 321 чел., в 1893 г. – уже более 1 300, а в 1917 г. – 2 779 чел. К началу XX в. 68 % хозяйств Сибирячихи были старожильческими; новоселами стали выходцы из 23 губерний России: Томской, Тобольской, Оренбургской, Пермской, Тамбовской, Воронежской, Вятской, Рязанской, Полтавской, Черниговской и др. В селе, кроме прочего, были построены единоверческая Никольская церковь и церковно-приходская школа [Там же, с. 75–76].

Как известно, единоверческая (соединенческая) церковь в рамках согласия старообрядцев-поповцев была основана в России по высочайшему указу императора Павла в 1790 г. и в начале XIX в. рассматривалась как переходная форма от старообрядчества к новообрядчеству. Она придерживалась старых, дониконовских канонов в обрядах, чинах и уставах, но подчинялась архиереям реформированной православной церкви.

Старообрядцы долго сторонились новой церкви, считая ее “западней”, соблазнявшей сходством со старыми книгами и древними обрядами. Массовый насильтственный переход в единоверие начался в царствование Николая I, когда правительство отбирало у старообрядцев храмы и монастыри, превращая их в единоверческие. С течением времени единоверцы теряли старообрядческие традиции, но лишь после революции 1917 г. провозгласили свою церковь независимой [Мельников].

Принято считать, что в Сибири первая единоверческая (Свято-Троицкая) церковь была основана в

Томске в 1836 г. Ее прихожанами стали перешедшие в единоверие старообрядцы, населявшие в XVIII–XIX вв. “раскольничу слободку” старого города. На Алтае единоверие получило развитие с началом активного переселения из сибирских и российских губерний. В с. Сибирячиха община единоверцев стала центром притяжения старообрядцев иных согласий, и прежде всего старообрядцев-“поляков”, также приемлющих священство. Согласно традиции, первопоселенцами Сибирячихи стали Ларион Бурыкин, Морисей Каверзин, Афанасий Гордеев и другие выходцы из с. Петропавловского Бийской волости – всего 62 души мужского пола, которые в 1824 г. переселились на речку Сибирячиху, приток Ануй [Дрожецкий, 2004, с. 75–76]. В свою очередь, с. Петропавловское возникло, как следует из материалов ревизских описей, к 1782 г., когда 74 души мужского пола “польских поселенцев” по желанию ушли из д. Староалейской на р. Ануй [Курилов, Мамсик, 1998, с. 25].

“Поляки” появились в горах Западного Алтая в конце XVIII в. Их водворение было связано с событиями Екатерининского времени – со “второй выгонкой” старообрядцев с Ветки и Стародубья, из зоны российско-польского пограничья, где к середине XVIII в. сформировались крупные религиозные центры – “раскольничьи слободы”. В 1760-х гг., в период политического кризиса Речи Посполитой и активного продвижения России в западном направлении, с Ветки в Сибирь было выслано несколько тысяч “беглых раскольников”. Часть из них оказалась в Забайкалье, положив начало “семейским”, другая – в статусе штрафных колонистов – была отправлена на Алтай для заселения пограничной линии от Усть-Каменогорской крепости до Бухтармы.

Позднее, расселившись по Бухтарминскому краю, старообрядцы-“поляки” приняли участие в освоении Уймонской степи и Северо-Западного Алтая. Переходя в условиях горно-степного и горно-таежного ландшафтов на новые технологии жизнедеятельности, они сохранили южно-русские традиции в бытовой и духовной культуре, а активное взаимодействие с иными старообрядческими общинами, в т.ч. выходцами с Русского Севера, из Поморья и с Урала, позволило “полякам” органично влиться в региональные этноконфессиональные сообщества Алтая.

К началу XX в. старообрядцы-“поляки” проживали во многих селах Северо-Западного Алтая, в т.ч. в Топольном, Сибирячиха и др. Нивелирование различий в границах старообрядческих согласий в условиях дисперсного расселения было неизбежным. “Поляки”, принадлежа к кругу поповских толков, смогли найти общий язык с единоверцами.

С течением времени села Сибирячиха и Солонешное, где значительную часть населения составляли старообрядцы (и единоверцы), превратились в круп-

ные центры ярмарочной торговли и кустарной промышленности. Житейское благополучие хранителей “древнего благочестия”, истовых в труде и вере, сочеталось с их независимостью по отношению к официальной власти и церкви.

Представлявшая интересы Русской православной церкви Алтайская духовная миссия оценивала взаимодействие со старообрядцами в категориях противостояния. В с. Солонешенском во второй половине XIX в. был воздвигнут православный (миссионерский) храм, при котором существовало училище, воспитывавшее молодое поколение в духе лояльности к официальной церкви. К концу XIX – началу XX в. миссионерские храмы были построены во многих соседних селах: в 1885 г. – Свято-Троицкая церковь в с. Черный Ануй, в 1886 г. – приписная церковь Во имя Св. Великомученика Пантелеимона в с. Мариинском, в 1898 г. – приписная церковь Во имя Св. Пророка Ильи в с. Ильинском, в 1904 г. – приписная церковь Во имя Архистратига Божия Михаила в с. Белый Ануй и др. (ЦХАФ АК, ф. 164, оп. 2, д. 28, л. 187–190 об.).

В начале XX в. Алтайская духовная миссия имела 30 миссионерских станов, более 40 церквей, десятки часовен, 84 школы (<http://altai.eparhia.ru/history/>). Вместе с епархиальным противораскольническим обществом – Братством Св. Димитрия, митрополита Ростовского, – она вела настойчивую борьбу с хранителями “древнего благочестия”. В обращении общества “Слово любви к братьям, чадам православной церкви” говорилось: “Простительно ли было бы нам, христианам, если бы мы, обладая главнейшим счастьем человеческой жизни, не желали бы того счастья другим, по заблуждению своему отказалось от него, и владели бы им безраздельно и своекорыстно лишь одни?

...Но забота об обращении раскольников составляет долг каждого из нас не только как христианина, но и как истинного русского человека, есть долг не только церковный, но и гражданский. Православная церковь и Русское государство искони связаны между собой внутренними неразрывными узами. Святая православная вера была и есть всегдашая опора и твердыня нашего государства. Раскол, враждебно настроенный по отношению к православию, может ли быть искренно расположенным и к православному государству? Может ли из среды своей дать безуказанных, благонадежных и верных граждан?” (ЦХАФ АК, ф. 164, оп. 2, д. 4, л. 13).

Забота об интересах государства и церкви определяла практическую деятельность отцов-миссионеров по обращению в православие. Однако количество присоединенных раскольников к началу XX в. не превышало 2 % от общего количества старообрядцев, численность которых непрерывно возрастила. По оценкам православных священников, только на

территории Солонешенского прихода в это время проживало ок. 1 560 душ староверов [Иванов, 1998, с. 234; Куприянова, 2004, с. 292].

Особую тревогу Алтайской духовной миссии вызывало влияние старообрядцев на коренное население края. Ее основатель (и руководитель с 1830 по 1844 г.) – архимандрит Макарий (Глухарев), впоследствии причисленный к лику святых, – сетовал на то, что раскольники “сворачивают инородцев”. Еще в 1870-х гг. Царским Кабинетом было издано “распоряжение о недопущении заселения среди алтайских инородцев раскольников”. Но и в конце XIX в. миссионерские отчеты пестрели жалобами о переходе в “раскол” и переселенцев, и новокрещеных “инородцев” и язычников: “Там, где живут по соседству с новокрещенными раскольники, повсюду можно встретить раскольников-инородцев, которые в ненависти к православной церкви ничуть не уступят своим учителям” [Иванов, 1998, с. 233]. Опасения миссионеров были оправданы. Старообрядчество находило отклик среди коренных жителей Алтая. До сих пор старики алтайцы в селах Черный Ануй, Колбино (Искра), Мариинское вспоминают о прежней “голубиной” вере, которая когда-то существовала в этих краях. В 1901 г. один из православных пастырей Солонешенского прихода Иоанн Кормин, подводя итог своей многолетней работе, с горечью писал о том, как в “неравной борьбе с сильным врагом – фанатичным расколом” он лишь понапрасну терял нравственные силы и паству, которая оказалась подвержена “раскольнической пропаганде” (ЦХАФ АК, ф. 164, оп. 2, д. 17, л. 6). И все же, рассматривая верность истинному православию как фактор лояльности к государству, миссионеры активно внедряли символы веры в инородческую и раскольническую среду. Их успехи получили широкое признание Русской православной церкви. На Иркутском миссионерском съезде 1910 г. Алтайская духовная миссия была названа “образцом и руководителем” для других миссий, потому что воспитала целую плеяду миссионеров-подвижников, среди которых были те, кого еще при жизни именовали апостолами Алтая. Однако при всей глубине и силе апостольских устремлений миссионеры сталкивались с несокрушимой верой старообрядцев в греховность мира, отошедшего от праведности старых устоев.

До Указа 17 октября 1905 г. деятельность староверов рассматривалась Русской православной церковью как противоправная. Серебряный век старообрядчества на Алтае, как и в России в целом, наступил вслед за изданием манифеста “О веротерпимости” 1905 г. и указа “О порядке устройства общин” 1906 г. Тогда староверческие общины Алтая образовали четыре благочиния. В мае 1908 г. на Алтае была зарегистрирована община белокриницкой иерархии, в

1911 г. завершилось строительство церкви Воздвижения Креста Господня, в Барнауле были организованы три благочиния и семь старообрядческих приходов (<http://www.altairegion.ru/tus/info/culture/religion>). Но период расцвета старообрядчества на Алтае был недолгим. В 1917 г. произошел слом устоявшихся социально-политических, экономических и этноконфессиональных моделей. Революция поставила под сомнение и веру, и житейские ценности староверов Алтая. Часть из них, пытаясь отстаивать привычные устои, включилась в повстанческое контрреволюционное движение. Колчаковским режимом в крае были организованы дружины “святого креста” для самообороны и борьбы с партизанскими отрядами, поддерживавшими новую советскую власть. В политическом противостоянии начала XX в. обострились конфессиональные и этнические противоречия прежних времен.

Старообрядцы старались разобраться в причинах и следствиях происходивших перемен. Один за другим в 1920-х гг. в селах Бийского округа проходили соборы, обсуждавшие перспективы существования этноконфессионального сообщества края в рамках нового социально-политического режима. Единства не было: жители сел Тележиха, Топольное, Туманово, Елиново, Колбино (Искра), Сибирячиха, Солонешное и др. поддерживали кто части Красной Армии и партизанские бригады, кто отряды Колчака [Куприянова, 2004, с. 293–297].

В 1921 г. Солонешенскую землю охватило восстание Игнатья Колесникова. Его разгром летом 1922 г. положил конец братоубийственной войне и послужил толчком к исходу старообрядцев с Алтая [Беликова, 2004, с. 161–162]. Спасаясь от “безбожной власти”, коллективизации и преследований, староверы уходили в глухие горные ущелья Саяно-Алтая, в Китай и Монголию; старались затеряться на золотых приисках или на стройках больших городов Сибири и Дальнего Востока.

Экономическая стабилизация эпохи НЭПа зародила надежду на сохранение прежних социокультурных устоев. Однако сотни старообрядческих семей уже были сорваны с места. Миграции захлестнули Алтай; старожилы покидали родные села. Волны старообрядцев России и Урала двигались в Сибирь. Известно, например, что ушедший с отрядами Колчака лидер часовенных Урала Иван Мокрушин (первый редактор “Уральского старообрядца”) вместе с семьей обосновался на Солонешенской земле. Его отец – наставник одной из общин екатеринбургских часовенных Порфирий Мокрушин – поселился в тех же местах. Большебачацкий собор 1923 г. разбирал заполненную им анкету для регистрации религиозного общества в Бийском исполнительном комитете. В 1928 г. в

Бийск с Урала переехал “зачинщик михайловского толка” М. Дерябинников [Клюкина].

Сибирь казалась свободным краем; но уже с серединой 1920-х гг. здесь, как и повсюду в Советской России, стала активно разворачиваться антирелигиозная кампания. Многие старообрядцы были репрессированы в 1930-х гг. Дважды (в 1931 и 1935 гг.) Иван Мокрушин по приговору суда отправлялся на принудительные работы. В 1938 г., когда он работал главным бухгалтером в одном из хозяйств Солонешенского р-на, его арестовали в третий раз, обвинив в руководстве старообрядческой монархической организацией “Братство русской правды”, которая якобы по заданию Харбинского белоэмигрантского центра создавала в Сибири и на Урале “повстанческие кадры”, организовывала развал колхозов, печатала контрреволюционные листовки. Были выявлены десятки членов “Братства”, в их число попали многие представители часовенного и других старообрядческих толков, а вместе с ними и православные. Тотальный разгром церквей пришелся на 1930-е гг. [Там же]. К 1925 г. на Алтае существовала 351 православная община и ок. 300 организаций других конфессий, включая старообрядцев. В 1931–1937 гг. было распущено 185 приходов Русской православной церкви; в 1938–1939 гг. прекратила деятельность 161 община (<http://www.altairegion.ru/tus/info/culture/religion>).

Воодушевленно оценивая складывающуюся ситуацию, центральный богословский журнал Советской России “Антирелигиозник” в 1931 г. опубликовал статью под названием “Алтай на пути к безбожию”. Этот путь продолжался несколько десятков лет. Воинствующий атеизм сделал одинаково проблематичными и старообрядческую, и новообрядческую версии православия.

Уже в постсоветское время началось восстановление конфессионального пространства Алтая. К середине 2000-х гг. в Алтайском крае официально существовали 240 религиозных объединений 15 конфессиональных направлений; активизировалось старообрядческое движение; были восстановлены шесть православных приходов (<http://www.altairegion.ru/tus/info/culture/religion>). Позиции староверия стали укрепляться и в Республике Алтай, где постепенно набирало силу белокриницкое согласие, имеющее тесные связи с Барнаульской и Новосибирской общинами.

В Алтайском крае в начале 2000-х гг. действовало более 70 православных храмов; строится еще несколько десятков.

В Солонешенском р-не возрождение веры по сей день остается острой проблемой. Доживают свой век последние в старообрядческих общинах наставники и старушки-книжницы, по заветам предков творя посты и молитвы. Сегодня дети, внуки и правнуки тех, кто мучительно пытался совместить веру и политику в на-

чале XX в., лишь понаслышке знают о староверческих толках и согласиях. Остались в семейных преданиях трагические события 1920–1930-х гг. Те, кто был рожден в первые десятилетия XX в., учились уже в советских школах, с честью воевали на фронтах Великой Отечественной войны, поднимали родные деревни в послевоенные годы, занимали руководящие посты в партийном, административно-хозяйственном и профсоюзном аппаратах. Нынешние урожденные старообрядцы Северо-Западного Алтая в большинстве своем не знают основ веры, но во многих домах Солонешенского р-на хранятся бабушкины иконы, бронзовые складни и распятия. Бережно сложены в сундуки дедовские книги, по которым их владельцы учились читать; и время от времени кто-нибудь из сельчан повторяет с давних времен известную в старообрядческой среде присказку: “Церковь не в бревнах, а в ребрах”.

Благодарности

Дирекция Института археологии и этнографии СО РАН, руководство научно-исследовательского стационара “Денисова пещера”, все участники фотопроекта выражают благодарность администрациям Солонешенского района Алтайского края и Усть-Канского района Республики Алтай, а также главам сельских администраций и жителям сел Солонешное, Топольное, Черный Ануй, Каракол, Тог-Алтай за поддержку и плодотворное сотрудничество.

Список литературы

Беликова Т.Г. Установление Советской власти на территории Солонешенского района. 1918–1921 гг. // Соло-

нешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. мат-лов. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 143–168.

Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Динамика образования населенных пунктов Алтайского края [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://old.aik.org.ru/aik/krug/ikk/vladimirov.shtml>.

Дрожецкий Д.А. История заселения Солонешенского района // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. мат-лов. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 74–85.

Иванов К.Ю. Алтайская духовная миссия: старообрядцы и инородцы // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 233–234.

Клюкина Ю.В. Старообрядцы-часовенные Урала в конце XIX – начале XX в. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.eunnet.net/books/oldb3/chapter3/text.html>.

Куприянова И.В. Старообрядческие общины Солонешенского района в первой трети XX в. // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. мат-лов. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 291–300.

Курилов В.Н., Мамсик Т.А. “Поляки” Рудного Алтая: историографический миф и демографическая реальность // Этнография Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 25.

Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви [Электрон. Ресурс]. Режим доступа: http://www.vyatka.su/~umcnd/books/meln_2.htm#1.

И.В. Октябрьская, М.В Шуньков

Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17,

Новосибирск, 630090, Россия.

E-mail:SIEM405@yandex.ru

E-mail:Shunkov@archaeology.nsc.ru

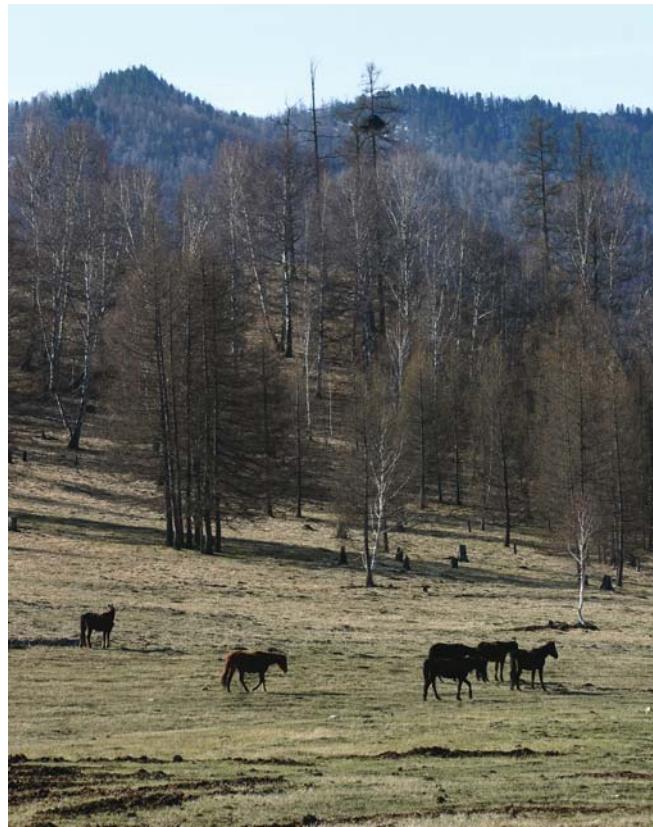
* * *

Фоторепортаж подготовлен Рашидом Салиховым и Максимом Шипенковым (г. Кемерово).

Рашид Салихов родился в 1955 г. в с. Карабарове Кемеровской обл. Окончил Кемеровский техникум пищевой промышленности, затем Кемеровский государственный институт культуры. В фотожурналистике с 1990 г. Печатается в изданиях “Огонек”, “Известия”, “Новые известия”. Является постоянным участником региональных и всероссийскихотовыставок; в 2004 г. представлял свои работы на выставке “Земля Кузбасская” в Москве. На Третьем международном фотосалоне “Сибирь-2004” был награжден специальным призом за серии “Крещение”

и “Весенний призыв”. В настоящее время работает фотокорреспондентом издания “Наша газета” (г. Кемерово).

Максим Шипенков родился в 1982 г. в г. Юрге Кемеровской обл. Окончил Кемеровский государственный университет культуры и искусства. Печатается в изданиях “Коммерсант” и “Комсомольская правда”. Является стипендиатом и участником выставок фонда “Юные даровья Кузбасса”, победителем Всероссийского студенческого фотоконкурса 2003 г. В 2004 г. представлял свои работы на выставке “Земля Кузбасская” в Москве. В настоящее время работает фотокорреспондентом издания “Комсомольская правда в Кузбассе” (г. Кемерово).

1. Р. Салихов. Начало мая. Окрестности села Каракол.

Май пришел на Алтай с прозрачной зеленью лесных околков, внезапными снежными зарядами, бурным разливом рек и ручьев, с горьковатым дымом костров, на которых горел мусор долгой зимы, с огородными работами и традиционным сахманом: на животноводческих фермах по долинам Ануя и его притоков начался окот – и забыли сельчане о выходных и праздниках.

2. Р. Салихов. На маральнике села Каракол начинается рабочий день.

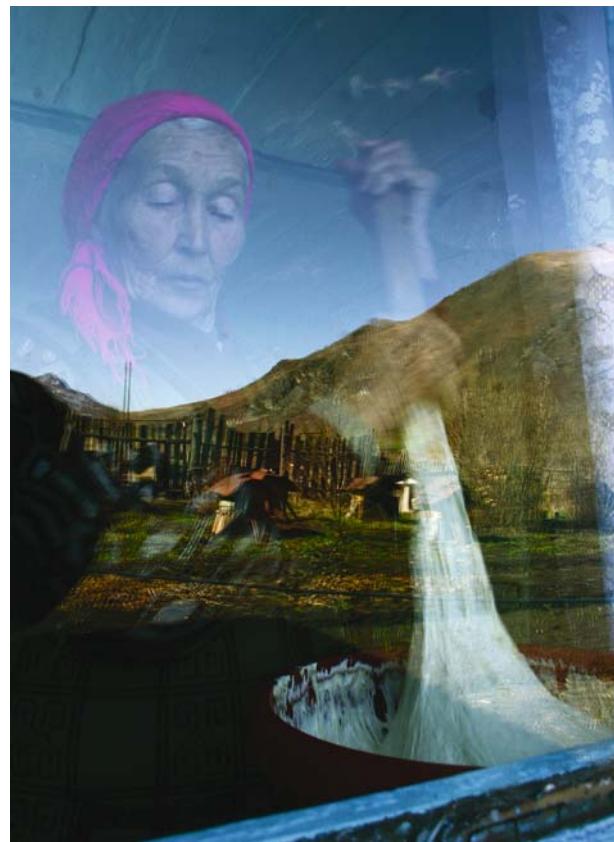

3. М. Шипенков. Утро 1 мая. За столом семья Бейсеновых – Наталья, Миша и Николай. Село Тог-Алтай.

В 2005 г. майские праздники в России совпали с пасхальной неделей. Но не было в селах Солонешенского района Алтайского края ни кумачовых транспарантов, ни колокольного звона. Советские традиции ушли, а православные остались привязанными к семейному кругу.

4. М. Шипенков. Пасха. Село Солонешное.

5. М. Шипенков. День накануне Пасхи. Село Тог-Алтай.

Весна дает надежду на обновление мира. Накануне православной Пасхи душу освобождают от грехов, а дома отмывают от копоти и грязи: “Чтобы Боженка мог без страха через порог перешагнуть” – так говорят старушки, заставляя внучек перемывать полы.

6. Р. Салихов. В доме Тукешевых пекут пасхальную сдобу. Село Каракол.

7. **Р. Салихов.** В семье Клавдии Емельяновны и Геннадия Александровича Колосовых ждут на Пасху гостей: сыновей, снох, внуков и правнуоков. Село Черный Ануй.

В селах Северо-Западного Алтая давно исчезли православные храмы, а церковные праздники остались. Пасха – один из тех дней, которые собирают вместе несколько поколений и не дают угаснуть традициям. “Не стучите яичком по столу, – говорят старики внукам, – вы же Христу по лбу стучите. Это не хорошо, это больно”.

8. **Р. Салихов.** В доме Тукешевых готовятся к Пасхе. К Александре Яковлевне и Егору Петровичу собрались их внуки – Рома, Виталий и Максим Ефимовы. Село Каракол.

9. Р. Салихов. Зинаида Антоновна Порохина – одна из прихожанок старообрядческой общины села Топольного.

Старые праздники возвращают человека к старым ценностям. К пасхальной всемощной достают старообрядки из сундуков “ненадеванные” сарафаны-горбачи; перебирают тканые опояски – они давно вышли из повседневного обихода, превратившись в символы веры и традиции.

10. Р. Салихов. Татьяна Федоровна Климкина “направляет” ткацкий стан. Село Топольное.

11. **Р. Салихов.** Валентина Петровна Федорова – основательница фольклорного движения села Топольного.

В постсоветской России уже не празднуют День международной солидарности трудящихся. Изменился праздник 1 Мая, став праздником труда; но не изменилось ощущение радости, связанное с приходом весны и пробуждением жизни.

12. **Р. Салихов.** К началу мая, когда сходит последний снег, оживают качели. Село Солонешное.

13. **Р. Салихов.** Вера дает надежду на возвращение к жизни.
Реабилитационный центр “Асклейпион” в селе Топольном.

В русской культуре священные истины православия обрели житейские смыслы. Образ Светлой Пасхи – воскрешения, “смертью смерть поправшего”, определил личную перспективу для тех, кто ищет спасения от болей и бед в земном мире.

14. **Р. Салихов.** Весна начинается со стройки.
С наступлением мая в селах звенят пилы. Село Топольное.

ЮРИЙ ФЕДОРОВИЧ КИРЮШИН

13 января 2006 г. исполнилось 60 лет доктору исторических наук, профессору Юрию Федоровичу Кирюшину. Он является ректором Алтайского государственного университета (АлтГУ), заведующим кафедрой археологии, этнографии и источниковедения этого вуза, а также заведующим лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН и НИИ гуманитарных исследований при АлтГУ. Юрий Федорович Кирюшин – один из крупнейших специалистов в России по археологии энеолита и бронзового века Западной Сибири. За 60 лет им пройден путь, наполненный многими жизненными событиями и выдающимися результатами. Целеустремленный труженик, азартный и увлеченный исследователь, основатель научной школы и прекрасный семьянин – это лишь часть положительных характеристик Ю.Ф. Кирюшина.

Ю.Ф. Кирюшин родился 13 января 1946 г. в г. Бердске Новосибирской обл. В 1969 г. он, работая заведующим Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (ТГУ), окончил историко-филологический факультет этого же вуза. В 1970 г. Юрия Федоровича зачислили младшим научным сотрудником Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии при ТГУ. В первой половине 1970-х гг. он активно участвовал в изысканиях на севере Томской обл. На этих материалах Ю.Ф. Кирюшиным под руководством Л.А. Чиндиной была написана и в 1977 г. защищена кандидатская диссертация “Бронзовый век Васюганья”. Летом того же года он был принят старшим преподавателем кафедры истории СССР АлтГУ. Организация им в 1978 г. внебюджетной лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая дала толчок для развития научных исследований, результаты которых заложили основу для качественно нового этапа в изучении археологии крупного историко-культурного региона. В 1979 г. вышла первая монография Ю.Ф. Кирюшина “Бронзовый век Васюганья”, написанная в соавторстве с географом А.М. Малолетко. Эта книга долгое время являлась образцом эффективного использования естественно-научных методов в археологии.

В 1980 г. Ю.Ф. Кирюшин избирается доцентом кафедры истории СССР АлтГУ. Активная исследовательская деятельность на Алтае позволила ему

собрать значительный по объему археологический материал, потребовавший серьезного обобщения. В течение двух лет Юрий Федорович занимается систематизацией накопленных данных, вводит их в научный оборот. В 1987 г. он защитил диссертацию на тему “Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья”.

В 1988 г. Ю.Ф. Кирюшин избирается профессором кафедры дореволюционной отечественной истории, а позже – заведующим кафедрой археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ. В конце 1980-х гг. административная и исследовательская работа Юрия Федоровича стала приобретать комплексный характер. Это выразилось в создании и широкой специализации научной школы, проведении масштабных раскопок на территории Алтайского края, организации ряда научных конференций и публикации научных сборников. Важным событием явилось создание Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Следует указать на постоянное сотрудничество Ю.Ф. Кирюшина с учеными ближайшего академического учреждения – Института истории, филологии и философии СО АН СССР.

В 1990 г. Ю.Ф. Кирюшин получил звание профессора. В 1991 г. начался важный этап в его деятельности на должности проректора по научной

работе АлтГУ. В том же году при университете был открыт научно-исследовательский институт гуманитарных исследований и Ю.Ф. Кирюшин стал его научным руководителем. Он является заведующим филиала Института археологии и этнографии СО РАН – Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири.

В 1994 г. на историческом факультете АлтГУ был открыт Совет по защите кандидатских, в 2005 г. – докторских диссертаций. Ю.Ф. Кирюшин является его бессменным председателем. За время работы Совета соискателями из многих городов Сибири было защищено более 100 диссертаций.

В 1997 г. Ю.Ф. Кирюшин был избран ректором Алтайского государственного университета. Теперь, не имея возможности подолгу находиться в экспедициях и получать много нового материала, Ю.Ф. Кирюшин сосредоточивается на обобщении уже полученных результатов. Им опубликовано восемь монографий, отражающих многолетние исследования.

Вклад Ю.Ф. Кирюшина в археологическое изучение Западной и Южной Сибири значителен. Его научные интересы довольно широки: от палеолита до эпохи средневековья. Однако приоритет отдается энеолиту и бронзовому веку. Проводившиеся в течение многих лет экспедиции под руководством Юрия Федоровича дали материал, позволивший по-новому рассматривать некоторые проблемы. Список научных работ Ю.Ф. Кирюшина насчитывает более 330 позиций. Он автор и соавтор более 10 монографий, редактор и соредактор нескольких десятков изданий. Созданная Ю.Ф. Кирюшиным научная школа продолжает свой рост. Юрий Федорович являлся научным консультантом трех защищенных докторских

диссертаций, под его руководством было подготовлено 18 кандидатских диссертаций.

Ю.Ф. Кирюшину удалось достичь многое на посту ректора АлтГУ. Второй год подряд университет входит в число 100 лучших вузов России и награждается золотой медалью “Европейское качество”, в 2004, 2005 гг. Юрий Федорович был удостоен почетного знака “Ректор года”.

За свою трудовую деятельность Ю.Ф. Кирюшин неоднократно отмечался благодарностями, почетными грамотами, дипломами и премиями. В 1997 г. ему присвоено почетное звание “Заслуженный работник АГУ”, в 2004 г. – “Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации”. В 1998 г. Юрий Федорович награжден нагрудным знаком “Почетный работник высшего профессионального образования России”. Ю.Ф. Кирюшин является лауреатом премии Президента Российской Федерации в области образования (2002). В 2003 г. ему присвоено звание “Почетный профессор Алтайского государственного университета”; он награжден знаком “За заслуги в развитии города Барнаула”. В 2004 г. за большой личный вклад в развитие исторической науки фамилия Юрия Федоровича занесена в Книгу Почета Сибири. В 2005 г. Ю.Ф. Кирюшину присвоено звание “Заслуженный деятель Республики Алтай”.

Юрий Федорович Кирюшин полон творческих сил и научных замыслов, он готов активно работать над укреплением позиций Алтайского университета, обеспечивать высокий уровень подготовки специалистов и проведения научно-исследовательских работ.

А.А. Тишкун

ВСЕРОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД “СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ РОССИИ” (23–28 октября 2006 г., Новосибирск)

Институт археологии и этнографии СО РАН при поддержке Президиума СО РАН предлагает возобновить традицию проведения всероссийских археологических съездов, заложенную в XIX в. С 1869 по 1911 г. прошло 15 съездов археологов России, способствовавших развитию отечественной археологической науки. В СССР роль и функции археологических съездов выполняли ежегодные сессии Отделения истории АН СССР и пленумы Института археологии АН СССР, на которых представлялись итоги исследований, обсуждались перспективы развития науки, определялись наиболее актуальные направления.

Сегодня настоятельно ощущается потребность в организации регулярных всероссийских научных форумов, позволяющих выйти за рамки узких проблем регионального плана, рассмотреть вопросы методологического и теоретического характера, вынести на обсуждение темы, являющиеся ключевыми для современной археологии.

Всероссийский археологический съезд состоится 23–28 октября в Новосибирске. Работу съезда

планируется организовать по следующим направлениям:

- формирование и развитие культурных традиций в палеолите Евразии
- взаимодействие первобытной культуры и природной среды
- культурные процессы в неолите Евразии
- проблемы археологии бронзового века Евразии
- культуры и общности скифского мира и античности
- культурное взаимодействие в гунно-сарматское время
- славянское, финское и тюркское население Евразии в средневековье
- археологическое изучение средневекового города
- этногенез народов Евразии
- проблемы изучения первобытного искусства
- мультидисциплинарный подход в археологических исследованиях
- теория, методика, историография археологии России
- компьютерные технологии в археологических исследованиях
- современные методы полевых археологических исследований
- сохранение археологического наследия в России.

Состав оргкомитета Всероссийского археологического съезда

Председатель оргкомитета:

А.П. Деревянко, академик РАН, директор Института археологии и этнографии СО РАН

Заместители председателя оргкомитета:

Н.А. Макаров, член-корреспондент РАН, директор Института археологии РАН

В.И. Молодин, академик РАН, заместитель директора ИАЭт СО РАН

Е.Н. Носов, член-корреспондент РАН, директор Института истории материальной культуры РАН

Члены оргкомитета:

П.Г. Гайдуков, д-р ист. наук, заместитель директора ИА РАН

Н.И. Дроздов, д-р ист. наук, ректор КГПУ, заведующий кафедрой отечественной истории

Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук, ученый секретарь ИА РАН

Ю.Ф. Кирюшин, д-р ист. наук, ректор АГУ, заведующий кафедрой археологии, этнографии и источниковедения

Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, в.н.с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока России

О.И. Новикова, канд. ист. наук, ученый секретарь ИАЭт СО РАН

А.Д. Пряхин, д-р ист. наук, заведующий кафедрой археологии и истории древнего мира Воронежского государственного университета

А.Ф. Шорин, д-р ист. наук, заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН.

М.В. Шуньков, д-р ист. наук, заместитель директора ИАЭт СО РАН

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АО – Археологические открытия

БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН

ГАНИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы

ГИМ – Государственный Исторический музей

ГУП РПО СО РАСХН – Государственное унитарное предприятие “Редакционно-полиграфическое объединение Сибирского отделения Российской академии сельскохозяйственных наук”

ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН

ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР

ИЭОПП СО РАН – Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН

КНИИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории филологии и этнографии

КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН

МАЭ – Музей антропологии и этнографии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

РА – Российская археология

РГО – Русское географическое общество

СА – Советская археология

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

СЭ – Советская этнография

ТНИИЯЛИ – Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

УрО РАН – Уральское отделение РАН

ЦХАФ АК – Центр хранения архивных фондов Алтайского края